

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ВЫПУСКНИКОВ ФАКУЛЬТЕТА
ПСИХОЛОГИИ СПбГУ

ТОМ 4

2016

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Редакционный совет:

Председатель: декан факультета психологии СПбГУ, канд. психол. наук *А.В. Шаболтас*;
Заместитель председателя: доцент кафедры общей психологии СПбГУ,
канд. психол. наук *Ю.Е. Зайцева*

Редакционная коллегия:

доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии СПбГУ,
канд. психол. наук *А.В. Трусова*
доцент кафедры психологии и педагогики личностного и профессионального развития СПбГУ,
канд. психол. наук *Е.В. Зиновьева*
старший преподаватель кафедры психологии развития и дифференциальной психологии СПбГУ,
канд. психол. наук *О.Ю. Стрижицкая*
доцент кафедры психологии поведения и превенции поведенческих аномалий СПбГУ,
канд. социол. наук *Р.В. Скочилов*
доцент кафедры психологического обеспечения профессиональной деятельности СПбГУ,
канд. психол. наук *Р.А. Березовская*
доцент кафедры специальной психологии СПбГУ, канд. психол. наук *И.П. Бучкина*
доцент кафедры политической психологии СПбГУ, канд. психол. наук *И.А. Самуйлова*
старший преподаватель кафедры социальной психологии СПбГУ,
канд. психол. наук *Т.В. Казанцева*

Печатается по постановлению

Ученого совета факультета психологии

Санкт-Петербургского государственного университета

Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. Том 4 / под ред. А. В. Шаболтас. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. — 240 с.

В сборнике представлены статьи, написанные выпускниками факультета психологии на основе своих выпускных квалификационных работ, рекомендованных аттестационными комиссиями к публикации. В работах освещен широкий круг как теоретических, так и прикладных задач.

Материалы сборника будут полезны студентам, магистрантам, аспирантам специальностей психологического профиля.

Д. С. АНТИПИНА, С. В. ГОРБАТОВ

e-mail: dashylevich@gmail.com

Специализация «Клиническое консультирование и коррекционная психология»

СТИЛИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ МАТЕРЕЙ С ДЕТЬМИ, СТРАДАЮЩИМИ НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Для изучения особенностей эмоциональных коммуникаций в семьях наркозависимых, личностных особенностей их матерей и возможных нарушений в получении ими социальной поддержки была обследована 91 семья: 30 семей здоровых лиц и 61 семья больных наркотической зависимостью. У матерей измерялись: выраженность психопатологических симптомов (опросник SCL-90-R в адаптации Н. В. Тарабриной), стили эмоциональных коммуникаций (методика «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой), уровень социальной поддержки (опросник «Социальная поддержка» F-SOZU-22 в адаптации А. Б. Холмогоровой, Н. Г. Гаранян, Г. А. Петровой), уровень тревоги («Шкала самооценки тревоги» Д. Шихана), уровень проявления депрессивных состояний («Шкала самооценки депрессии» В. Зунга), уровень созависимости («Шкала созависимости» Кулакова-Вайсова); у наркозависимых и группы нормативного контроля измерялись: выраженность психопатологических симптомов (опросник SCL-90-R в адаптации Н. В. Тарабриной), стили эмоциональных коммуникаций (методика «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой), уровень аддиктивных установок («Тест аддиктивных установок Мак-Маллина—Гейлхар»). Обработка данных производилась посредством сравнения средних, корреляционного, дискриминантного и кластерного анализов. Результаты: были выделены негативные стили эмоциональных коммуникаций в родительских семьях наркозависимых; обнаружены стили эмоциональных коммуникаций в семьях здоровых лиц. Матери зависимых от ПАВ отличаются от матерей здоровых лиц повышенным уровнем параноидальных черт, высокой враждебностью, тревожностью, подозрительностью, повышенным количеством фобических страхов и навязчивостей; они менее социально интегрированы и не склонны обращаться за эмоциональной и инструментальной поддержкой к другим людям.

Ключевые слова: семейные эмоциональные коммуникации, наркозависимость, детско-родительские отношения.

EMOTIONAL COMMUNICATION STYLES OF MOTHERS WITH CHILDREN SUFFERING FROM DRUG ADDICTION

To study the characteristics of emotional communication in families of drug addicts, personal characteristics of their mothers, and possible violations in receiving social assistance 91 families have been surveyed: 30 families of healthy individuals and 61 families of patients with drug addiction. Mothers were measured: the intensity of psychopathological symptoms (questionnaire SCL-90-R in adaptation of N. V. Tarabrina), emotional communication styles (technique "Family emotional communication" A. B. Kholmogorova), level of social support (questionnaire "Social support" F-SOZU-22 in adaptation of A. B. Kholmogorova, N. G. Garanyan G. A. Petrova), level of anxiety ("Sheehan Clinical Anxiety Rating Scale"), the level of symptoms of depression ("Zung Self-Rating Depression Scale"), the level of co-dependence ("Scale of co-dependency" Kulakov-Vaisov); drug addicts and regulatory control groups were measured: intensity of psychopathological symptoms (questionnaire SCL-90-R in adaptation of A. B. Tarabrina), emotional communication styles (technique "Family emotional communication" A. B. Kholmogorova), addictive level attitudes ("Mc Mullin-Gehlhaar Addiction Attitude Test"). Data processing was done by comparing the average values, of the correlation, cluster and discriminant analysis. Results: negative emotional style of communication in families of drug addicts were emphasized. Also emotional communication styles were found in families of healthy individuals. Mothers of drug addicts are different from mothers of healthy individuals by increased level of paranoid features, high hostility, anxiety, suspiciousness, increased number of phobic fears and obsessions; they are less socially integrated, and are reluctant to seek emotional and instrumental support from others.

Keywords: family emotional communication styles, drug addiction, parent-child relationship.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

В настоящее время наркозависимость населения выступает как одна из самых страшных социальных проблем, угрожающих человечеству, она стоит на пятом месте после бедности, роста преступности, безработицы и загрязнения окружающей среды (Старшенбаум, 2006).

Распространение наркомании в России усугубляется тем, что употребление наркотиков постепенно становится заметным фактором увеличения смертности населения. Только по официальным данным (ФСКН РФ), каждый год в России от наркотических средств погибает не менее 70 тыс. человек, например, в 2013 г. смертность от приема наркотиков составила 82 тыс. человек.

Существуют исследования, доказывающие роль деструктивного семейного влияния на формирование наркотической зависимости (Березин, Лисецкий, 2001; Bates, Bayles, Bennett, 1991). Особое внимание следует уделить семье, поскольку именно она находится на стыке психологической и социальной сфер существования человека и в первую очередь оказывает влияние на формирование и развитие наркотической зависимости. Одним из наиболее значимых факторов риска приобщения человека к алкоголю и наркотикам выступает нарушение взаимоотношений в семье, в том числе эмоциональных взаимодействий, коммуникаций.

Теоретико-методологической основой нашего исследования являлось представление о возникновении и течении аддиктивных расстройств с точки зрения биопсихосоциальной парадигмы (Engel, 1977, 1980), представление о нормально функционирующих и дисфункциональных семьях (Эйдемиллер, Юстицкис, 2008), многоуровневая модель психологического функционирования семьи (Олифинович, Зинкевич-Куземкина, Велента, 2007) и многофакторная психосоциальная модель расстройств аффективного спектра (Холмогорова, 2011).

Объект исследования: детско-родительские отношения.

Предмет исследования: стили эмоциональных коммуникаций.

Цель исследования: изучение особенностей эмоциональных коммуникаций в родительских семьях лиц с наркотической зависимостью.

Общая гипотеза исследования: родительские семьи наркозависимых характеризуются негативными стилями эмоциональных коммуникаций.

Частные гипотезы:

1. Личностные особенности матерей наркозависимых взаимосвязаны с негативными стилями эмоциональных взаимодействий в семье.

2. Негативные семейные эмоциональные коммуникации взаимосвязаны с заострением личностных черт ребенка.

Задачи исследования:

1. Анализ современных теоретических подходов и экспериментальных исследований связи между нарушениями эмоциональных коммуникаций в родительской семье и наличием у ребенка наркозависимости.

2. Изучение особенностей личностного и семейного функционирования матерей лиц, больных наркоманией.

3. Изучение особенностей внутрисемейных эмоциональных взаимоотношений в родительских семьях наркозависимых.

4. Определение на основе данных психодиагностического исследования стилей эмоциональных коммуникаций в семьях наркозависимых.

5. Определение различий в стилях эмоциональных коммуникаций между семьями здоровых лиц и лиц, зависимых от наркотических средств.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Всего в исследовании приняло участие 182 человека: 30 здоровых респондентов и 30 их матерей, 61 респондент с зависимостью от наркотических средств и 61 мать.

Первую группу составили лица с синдромом зависимости второй стадии от опиоидов, в настоящее время воздерживающиеся от употребления психоактивных веществ (ПАВ) и находящиеся в условиях, исключаящих их употребление. Данная группа насчитывала 61 человека: 43 мужчин и 18 женщин в возрасте от 18 до 41 года, средний возраст мужчин — 28 лет, средний возраст женщин — 29 лет.

Вторую, контрольную группу составляли здоровые респонденты без имеющих в анамнезе зависимостей от психоактивных веществ.

Группа нормативного контроля для выборки лиц, зависимых от ПАВ, включала 30 человек: 15 мужчин и 15 женщин в возрасте от 18 до 36 лет, средний возраст мужчин и женщин группы контроля — 27 лет. Все обследованные имели постоянную работу и/или учебу, не страдали аддиктивной патологией, грубыми интеллектуальными нарушениями и психическими расстройствами в актуальном состоянии или в анамнезе.

Среди обследованных лиц с зависимостью от ПАВ около 30% имели высшее образование, 25% не закончили высшие учебные заведения, 20% имели среднее специальное образование и до 10% не закончили

школьное обучение. Зависимые от наркотических средств мужчины и женщины (50 % и 56 % соответственно) являлись холостыми, в то время как состояли в официальном браке 26 % мужчин и 36 % женщин; 43 % мужчин и 39 % женщин — единственные дети в семье. В настоящее время большинство наркозависимых респондентов не работают и находятся на иждивении у супругов или родителей (60 % мужчин и 65 % женщин).

В группе нормативного контроля преобладало число лиц, имеющих высшее образование (63 % женщин и 71 % мужчин), женщины (33 %) чаще по сравнению с мужчинами (19 %) имели незаконченное высшее образование, до 7 % опрошенных женщин и мужчин завершили лишь школьное обучение. В группе здоровых преобладало количество лиц, состоявших в официальном браке (44 % мужчин и 50 % женщин), работающих мужчин насчитывалось 72 %, женщин — 68 %, братьев и/или сестер имело 69 % мужчин и 83 % женщин.

Третью группу респондентов составили матери лиц, страдающих наркотической зависимостью. Всего была обследована 61 мать. На момент проведения исследования их уже взрослые дети находились на отделении психопрофилактики и реабилитации медицинского центра «Бехтерев». Возраст матерей этой группы — от 40 до 63 лет, средний возраст — 54 года.

Четвертую группу, группу нормативного контроля, составили матери здоровых лиц в возрасте от 40 до 63 лет, средний возраст испытуемых — 54 года. В данную группу вошли практически здоровые люди, не имеющие выраженных нарушений социальной адаптации.

Среди обследованных матерей зависимых и здоровых лиц было больше имеющих высшее образование (59 % и 70 % соответственно); матери здоровых лиц чаще одиноки (37 % против 7 %), имели двух и более детей (67 % против 58 %); на постоянной работе — 80 % матерей здоровых лиц и 74 % матерей наркозависимых.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для решения задач исследования использовались следующие психодиагностические методы:

- Опросник SCL-90-R в адаптации Н. В. Тарабриной (Тарабрина, 2001);
- Методика «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой (Холмогорова, Воликова, 2004);
- Опросник «Социальная поддержка» F-SOZU-22 в адаптации А. Б. Холмогоровой, Н. Г. Гаранян, Г. А. Петровой (Холмогорова, Петрова, 2007);
- «Шкала самооценки тревоги» Д. Шихана (Подкорытов, Чайка, 2003);
- «Шкала самооценки депрессии» В. Зунга (Балашова, Рыбакова, 1988);
- «Шкала созависимости» С. А. Кулакова — С. Б. Ваисова (Кулаков, Ваисов, 2002);
- «Тест аддиктивных установок Мак-Маллина — Гейлхар» (Мак-Маллин, 2001).

Обработка данных производилась посредством сравнения средних, корреляционного, дискриминантного и кластерного анализов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для выборки матерей значения теста SCL-90-r по всем шкалам между группой испытуемых, имеющих здоровых детей, и контрольной выборкой показывают отличия в 2–2, 5 раза ($p < 0,005$). Такие же значимые различия показывает и методика Зунга ($p < 0,001$), тестирующая наличие депрессии, средний показатель выше 50 баллов у матерей наркозависимых говорит о незначительном снижении эмоционального фона или легкой депрессии.

Похожие результаты были получены на основании методики «Шкала самооценки тревоги» ($p < 0,001$), что говорит о выраженных признаках тревожности матерей лиц зависимых от психоактивных веществ, так как средний уровень выраженности тревоги по данной методике у них выше 30 баллов.

Исследование внешнесемейного уровня групп матерей выявило, что матери наркозависимых лиц менее склонны к поиску эмоциональной поддержки ($M = 18, 26, SD = 5, 37$ против $M = 33, 7, SD = 6, 71$ у матерей здоровых респондентов, $p < 0,001$) и реже сравнительно с матерями здоровых респондентов обращаются за «инструментальной поддержкой» ($M = 11, 57, SD = 3, 39$ против $M = 16, 87, SD = 2, 76$, $p < 0,001$). Также матери зависимых отмечают свою низкую социальную включенность ($M = 15, 97, SD = 3, 53$ против $M = 23, 77, SD = 4, 2$, $p < 0,001$) и низкую удовлетворенность социальной поддержкой по сравнению с матерями здоровых респондентов ($M = 3, 23, SD = 1, 44$ против $M = 7, 6, SD = 1, 5$, $p < 0,001$). Полученные данные повторно подтверждаются результатами проведенного дискриминантного анализа.

Для исследования степени статистической связи между параметрами социальной поддержки, личностными характеристиками и показателями опросника семейных эмоциональных коммуникаций был проведен корреляционный анализ. Полученные результаты позволяют говорить о том, что усиление чувства тревоги в семье и индуцирование недоверия к людям положительно коррелируют с враждебностью и подозрительностью матерей наркозависимых ($r = 0,33, p \leq 0,01$; $r = 0,32, p \leq 0,05$ и $r = 0,29, p \leq 0,05, r = 0,26, p \leq 0,05$). Кроме того, индуцирование недоверия положительно взаимосвязано с такой чертой матерей наркозависимых, как подозрительность ($r = 0,35, p \leq 0,01$), которая в свою очередь положительно коррелирует с сохранением внешнего благополучного вида семьи ($r = 0,28, p \leq 0,05$).

Сравнение средних по методике СЭК на **подгруппе мужчин** показало, что мужчины, зависимые от ПАВ, достоверно чаще отмечали в своей семье индуцирование тревоги со стороны родителей ($M = 11,67, SD = 2,59$ против $M = 6,13, SD = 3,09, p < 0,001$), их критику в отношении себя ($M = 9,67, SD = 3,21$ против $M = 7,53, SD = 2,47, p < 0,01$), сверхвключенность родителей в их жизнь ($M = 7,77, SD = 2,33$ против $M = 5,07, SD = 2,81, p < 0,001$), а также фиксацию на негативных эмоциях ($M = 6,07, SD = 1,88$ против $M = 4,07, SD = 2,15, p < 0,001$) и одновременный запрет на их выражение ($M = 10,16, SD = 3,26$ против $M = 6,SD = 2,24, p < 0,001$) по сравнению со здоровыми мужчинами. Показатели **выборки женщин**, зависимых от ПАВ, во многом схожи с показателями мужчин и отличаются от них лишь по шкале «элиминирование эмоций» сравнительно с контрольной выборкой ($p < 0,07$). То есть наркозависимые женщины и мужчины по сравнению со здоровыми людьми достоверно чаще отмечали сверхвключенность родителей в их жизнь, сопровождающуюся повышенной критикой по отношению к ним с постоянным ощущением чувства тревоги в семье.

Корреляционный анализ группы «детей» показал, что фиксация на негативных переживаниях (мужчины: $r = 0,3, p \leq 0,05$), запрет на выражение чувств в семье (женщины: $r = 0,57, p \leq 0,05$), стимулирование недоверия к людям (женщины: $r = 0,74, p \leq 0,05$), сохранение «фасада» благополучной семьи (женщины: $r = 0,59, p \leq 0,01$) сочетаются с такой чертой наркозависимых мужчин и женщин, как враждебность.

Нами был проведен также кластерный анализ с целью классификации выделенных на основе методики СЭК **стилей эмоциональных коммуникаций**. Все стили были выделены с учетом данных, полученных на основе ранее проведенного статистического сравнения средних, поскольку представлялось необходимым проверить адекватность полученных стилей. Кроме того, при определении стилей эмоциональных коммуникаций учитывались лишь те шкалы, по которым полученные значения превышали нормативные показатели.

Таким образом, нами были выделены шесть стилей эмоциональных коммуникаций в семьях зависимых и здоровых лиц.

1. *Тревожной заинтересованности*: сочетает в себе высокую сверхвключенность в жизнь ребенка и постоянное индуцирование тревоги в семье.

2. *Неблагоприятной изоляции*: характеризуется фиксацией на негативных эмоциях в семье и индуцированием недоверия к другим людям.

3. *Неблагоприятного контроля*: сопровождается высокой сверхвключенностью и фиксацией на негативных эмоциях в семье.

4. *Безмятежный стиль*: характеризуется очень низкой тревожностью в семейной ситуации.

5. *Включенный, или интересующийся, стиль*: сочетает в себе высокую сверхвключенность в жизнь ребенка, повышенный контроль.

6. *Критикующий стиль*: выражается в постоянной критике по отношению к ребенку, осуждении его действий и поступков.

Для родительских семей наркозависимых лиц характерны такие стили эмоциональных коммуникаций, как критикующий стиль, стиль неблагоприятной изоляции, тревожной заинтересованности, неблагоприятного контроля. Между тем родительские семьи здоровых лиц взаимодействуют посредством безмятежного и включенного стилей эмоциональных коммуникаций.

Включенный, или интересующийся, стиль встречается и в семьях наркозависимых (у матерей), однако стоит отметить, что мы склонны считать этот стиль здоровым, так как согласно кластерному анализу наличие данного стиля подтверждается и во всех группах здоровых респондентов.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Полученные результаты говорят об определенных особенностях и закономерностях взаимоотношений в родительских семьях наркозависимых лиц. Для таких семей характерны воспитание детей с повышенной критикой в их адрес, табуирование свободного выражения чувств в семье, постоянная тревожная семейная обстановка и фиксация на негативных эмоциях. Кроме того, семьи наркозависимых отличаются «закрытостью», что выражается в индуцировании недоверия к чужим людям со стороны родителей. Стоит отметить, что различия по социально-демографическим показателям сравниваемых групп могут выступать в качестве возможного источника ограничения полученных результатов исследования.

Ранее проведенные исследования учитывали особенности течения, возникновения заболевания и нарушения эмоциональных взаимоотношений как в актуальных, так и в родительских семьях больных психическими и невротическими расстройствами (Kumpulainen, Weisman, 2008; Schneider, 2005), также проводилось исследование расстройств аффективного спектра (Холмогорова, 2011).

В большинстве случаев семьи депрессивных и тревожных пациентов придерживаются правила не доверять окружающим людям и скрывать семейные проблемы. Родительским семьям пациентов с депрессией свойственно запрещать открытое выражение чувств в семье и поддерживать перфекционистские установки (Белоколов, Николаев, 2013). Аддикции и семья тесно связаны, поскольку семья, как важнейший институт общества, может оказывать влияние на возникновение и течение аутоагрессивных тенденций, таких как зависимость (Бисалиев, 2009; Амбрумова, 1983).

Семьи наркозависимых лиц являются дисфункциональными, поскольку в них не происходит должного удовлетворения потребностей ее членов в эмоциональной поддержке, понимании, уважении, безопасности и т. д. (Эйдемиллер, Добряков, Никольская, 2003). Недостаток в открытых взаимоотношениях внутри семьи и вне нее, отсутствие теплых отношений между поколениями являются одним из условий формирования зависимого поведения (Хайрутдинова, 2006).

В. В. Бочаровым и А. М. Шишковой (Бочаров, Шишкова, 2014) предпринимались попытки выделить характерные черты матерей и отцов наркозависимых лиц. Результатом данного исследования стало выявление таких характеристик матерей, как деструктивная тревога, тенденции к симбиотическому слиянию и самообвинению, нарушение внешних и внутренних границ собственного «Я».

Материнская тревожность и тенденции к всепоглощающему контролю над своими детьми косвенно подтвердилась в нашем исследовании. Матери наркозависимых лиц обладают такими психопатологическими симптомами, для которых характерны черты тревоги, враждебности, подозрительности и депрессии. Нами было выявлено, что матери наркозависимых менее склонны к поиску эмоциональной и инструментальной поддержки, чем матери здоровых респондентов, они не столь сильно социально интегрированы и удовлетворены поддержкой со стороны ближайшего окружения.

ВЫВОДЫ

1. Родительские семьи наркозависимых являются дисфункциональными, что выражается в невыполнении ими эмоциональной функции семьи, т. е. в отсутствии эмоционального контакта между ее членами, низком уровне эмоциональной поддержки и негативными стилями эмоциональных коммуникаций.

2. Было выявлено, что получение социальной поддержки у матерей наркозависимых лиц нарушено, они не склонны обращаться за помощью и советами к другим людям, разделять свои чувства с ними.

3. Матери наркозависимых характеризуются заострением черт личности. У них значимо выше, чем у матерей здоровых лиц, проявляются личностная тревога, враждебность, депрессивность и подозрительность, больше по сравнению с матерями здоровых лиц фобических страхов и паранойяльных тенденций.

4. Было обнаружено, что заострение личностных черт матерей наркозависимых взаимосвязано с негативными стилями эмоциональных отношений в семье.

5. В родительских семьях больных наркотической зависимостью был выявлен положительный стиль эмоционального взаимодействия — «Интересующийся» (высокая включенность родителей в жизнь ребенка) и 4 стиля негативных эмоциональных коммуникаций:

- «Критикующий» (постоянная критика по отношению к ребенку);
- «Неблагоприятной изоляции» (провоцирование недоверия к другим людям и акцентирование внимания на негативных эмоциях);

- «Тревожной заинтересованности» (высокая родительская тревожность и сверхвключенность);
- «Неблагоприятного контроля» (сверхвключенность родителей в жизнь детей и фиксация на негативных эмоциях).

6. Для семей здоровых лиц характерны два положительных стиля эмоциональных коммуникации: «Интересующийся, или включенный» и «Безмятежный» (низкий уровень тревоги в семье).

7. Было обнаружено, что у наркозависимых мужчин такая личностная черта, как враждебность, взаимосвязана с фиксацией на негативных эмоциях в родительской семье, а в семьях зависимых женщин она коррелирует с индуцированием недоверия к другим людям и запретом на выражение эмоций.

8. Наркозависимые женщины и мужчины по сравнению со здоровыми людьми достоверно чаще отмечали сверхвключенность родителей в их жизнь, сопровождавшуюся повышенной критикой в их адрес, постоянное ощущение чувства тревоги в семье.

9. Мужчины, больные наркоманией, достоверно чаще указывают на запрет выражения негативных эмоций в родительской семье при одновременном их стимулировании по сравнению со здоровыми мужчинами.

10. Женщины, употребляющие ПАВ, отмечали высокие требования по отношению к ним и запрет на открытое выражение негативных эмоций в родительской семье по сравнению с женщинами, не употребляющими ПАВ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбрумова А. Г., Постовалова Л. И. Семейная диагностика в суицидологической практике: методические рекомендации. М., 1983.
2. Балашова Т. Н., Рыбакова Т. Г. Диагностика аффективных расстройств при алкоголизме: методические рекомендации / Научно-исследовательский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева. Л., 1998.
3. Белоколов В. В., Николаев Е. Л. Семейные эмоциональные коммуникации у больных с психическими расстройствами // Вестн. Чувашск. ун-та. 2013. № 4. С. 192–196.
4. Березин С. В. Предупреждение подростковой и юношеской наркомании. М., 2001.
5. Бисалиев Р. В., Дудоко Т. Н., Сараев М. А. Аутоагрессивное поведение в семьях больных опийной наркоманией. Астрахань, 2009.
6. Бочаров В. В., Шишкова А. М. Родители пациентов с героиновой наркоманией: личностное и семейное функционирование // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2014. № 1. URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 10.02.15).
7. Кулаков С. А., Ваисов С. Б. Психообразовательный подход в реабилитации родственников наркозависимых подростков // Психическое здоровье и социально-психологическая поддержка детей и подростков. Кострома. 2002. С. 151–153.
8. МакМаллан Р. Практикум по когнитивной терапии / пер. с англ. СПб., 2001.
9. Олифиревич Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов. СПб., 2007.
10. Старшенбаум Г. В. Аддиктология. Психология и психотерапия зависимостей. М., 2006.
11. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб., 2001.
12. Хайрутдинова А. Ф. Особенности взаимосвязи личности наркозависимых и их родителей: дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2006.
13. Холмогорова А. Б. Интегративная психотерапия расстройств аффективного спектра. М., 2011.
14. Холмогорова А. Б., Петрова Г. А. Методы диагностики социальной поддержки при расстройствах аффективного спектра. Медицинская технология / МНИИ психиатрии Росздрава. М., 2007.
15. Холмогорова А. Б., Воликова С. В. Семейный контекст расстройств аффективного спектра // Социальная и клиническая психиатрия. 2004. № 2. С. 11–20.
16. Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия: учеб. пособие для врачей и психологов. СПб., 2003.
17. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб., 2008.
18. Bates J. E., Bayles K., Bennett D. S. Origins of externalizing behavior problems at eight years of age // The development and treatment of childhood aggression. Hillsdale (NJ), 1991. P. 93–120.
19. Engel G. L. The clinical application of the biopsychosocial model // American Journal of Psychiatry. 1980. Vol. 137. P. 535–544.
20. Engel G. L. The Need for a New Medical Model: A Challenge for Biomedicine // Science. 1977. Vol. 196. P. 129–136.
21. Kytäläinen J. A., Weisman de Mamani A. G. Expressed emotion, communication deviance, and culture in families of patients with schizophrenia: a review of the literature // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2008. Vol. 14, April. P. 85–91.
22. Schneider B. Mothers talk about their children with schizophrenia: a performance autoethnography // Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing. 2005. N 12, June. P. 333–340.

Т. И. АРТЮГИНА, М. В. ДАНИЛОВА

e-mail: TArtyugina@SSCS.onmicrosoft.com; dan_m@mail.ru

Специализация «Психологическое консультирование»

СФОРМИРОВАННОСТЬ ДОВЕРИЯ У ПОДРОСТКОВ В СВЯЗИ С ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ И СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИЕЙ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена проблеме изучения доверия к себе и к другим в подростковом возрасте. Выборку составили 86 подростков в возрасте 14–16 лет, воспитывающиеся в семьях (полных и неполных) и в сиротском учреждении. В исследовании были применены психодиагностические методы: анкета с вопросами о досуговой активности подростков и их понимании доверия; опросник «Оценка доверия к себе» Т. П. Скрипкиной; методика «Шкала межличностного (социального) доверия» Дж. Б. Роттера; тест Р. Кеттелла. Анализ полученных данных показал, что семья играет ведущую роль не только в формировании доверия к себе на ранних этапах развития личности (доверие к себе в семье и с родителями), но и в становлении более поздних его форм, таких как доверие к себе в учебе, интеллектуальной деятельности, в осознании своих потребностей и интересов.

Ключевые слова: подростковый возраст, характеристики личности, доверие к себе, межличностное доверие, социальная ситуация развития.

FORMATION OF TRUST AT TEENAGERS DUE TO THE PERSONAL FEATURES AND THE SOCIAL SITUATION OF DEVELOPMENT

Article is devoted to a problem of studying of trust to itself and to another at teenage age. Selection was made by 86 teenagers at the age of 14–16 years who are brought up in families (full and incomplete) and in orphan establishment. In research psychodiagnostic methods were applied: a questionnaire about leisure activity of adolescents and their understanding of trust; a questionnaire “A trust assessment to itself” T. P. Skripkina; technique “Scale of interpersonal (social) trust” of J. B. Rotter; R. Kettell’s test. The analysis of the data showed that the family plays a leading role not only in shaping confidence in the early stages of personal development (confidence in the family and with the parents), but also in the development of later forms, such as confidence in learning, intellectual activity, and in the awareness of their needs and interests.

Keywords: adolescence, personality characteristics, trust to itself, interpersonal trust, social situation of development.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблема изучения различных аспектов доверия неоднократно поднималась в отечественных и зарубежных психологических, социологических и философских исследованиях (Э. Эриксон, А. Маслоу, С. Джуард, К. Р. Роджерс, Э. Фромм, Ю. П. Степкин, Э. М. Ткачев и др.). Многие современные авторы отмечают, что сегодня, в условиях быстро меняющегося мира, вопросы доверия человека к себе, в семье, между отдельными людьми и различными социальными группами становятся все более актуальными (Э. Аронсон, Д. Майерс, Э. Гидденс, В. П. Зинченко, В. Н. Куницына, Т. П. Скрипкина, А. Б. Купрейченко, И. В. Антоненко, А. Л. Журавлев и др.). При этом, несмотря на значительный объем исследовательской работы, феномен доверия сегодня не имеет общепринятой научной экспликации и решения.

По определению Т. П. Скрипкиной, доверие — это форма веры, представляющая в социально-психологическом плане самостоятельный вид установки-отношения к миру и к себе. «Доверие есть способность человека априори наделять явления и объекты окружающего мира, а также других людей, их возможные будущие действия и собственные предполагаемые действия свойствами безопасности (надежности) и ситуативной полезности (значимости)... Доверие как явление отношения к миру существует во внутреннем субъективном мире личности, а потому оно есть субъективный феномен личности» (Скрипкина, 2000, с. 85–86). В современной науке феномен доверия рассматривается как динамическое образование, которое формируется в раннем возрасте и позже приобретает новые характеристики и включается в различные сферы жизни и деятельности субъекта. По определению Т. П. Скрипкиной, «доверие к себе есть форма ценностного отношения к собственной субъектности в сочетании с ценностным отношением к внешним условиям активности» (Скрипкина, 2000, с. 168–169). Т. П. Скрипкина выделяет также такие параметры доверия человека к себе, как: «во-первых, осознание человеком своих способностей, желаний, интересов и т. п., во-

вторых, осознание своих возможностей и, в-третьих, соотнесение первого и второго с содержанием собственных ценностно-смысловых образований» (Скрипкина, 2000, с. 167–168).

Подростковый возраст — период в жизни человека, когда происходит серьезная перестройка всех уровней жизнедеятельности и функционирования личности, связанная с главной задачей возраста — переходом от детства к взрослости. Идет активное развитие самосознания, происходит ориентировка личности на собственную систему целей, ценностей, оценку своей личности и поведения. Именно в этом возрасте могут актуализироваться все те проблемы и трудности, которые не были разрешены на предыдущих этапах развития ребенка, в том числе и проблемы, связанные с формированием доверия. Согласно Э. Эриксону (Эриксон, 2000), степень развития доверия у ребенка к себе, к другим людям и миру зависит от качества материнской заботы, которую он получает. На основе доверия у него складываются позитивное отношение к себе, уверенность, активность, любознательность, адекватность в оценке своих потребностей и возможностей. На всех этапах развития, и подростковый возраст не исключение, большое значение имеет неравнодушное и искреннее отношение родителей и других близких взрослых. В результате формируется доверие к себе как относительно устойчивое качество личности в таких сферах жизни, как учеба, досуг, взаимодействие со сверстниками и взрослыми. Особым образом формируется и проявляется доверие у детей и подростков, переживших ситуацию материнской депривации и воспитывающихся в сиротском учреждении. Последствия психотравмирующей ситуации выражаются у них в страхах, агрессивности, неуверенности, недоверии и неверии в себя. У воспитанников сиротских учреждений формируются неадекватные социальные ожидания, несформированное отношение к времени собственной жизни и решению непосредственных возрастных задач. Например, к профессиональному выбору они подходят формально, не проявляя активности и не беря на себя ответственности, их жизненные ориентиры незрелы, познавательные интересы слабо выражены и не дифференцированы (Данилова, 2009). В сфере общения и взаимодействия с окружающими этим подросткам сложно разграничить сферы интимно-личностного и функционально-ролевого общения, что приводит к искажению системы требований и ожиданий в межличностных взаимодействиях. В учреждениях для детей, находящихся на государственном обеспечении, наблюдается частая сменяемость взрослых, разноплановость их программ поведения, эмоциональная отстраненность в сочетании с авторитарным подходом к воспитанию, направленность общения в сторону регламентации поведения, обедненный эмоциональный фон общения и преобладание групповой отнесенности (Прихожан, Толстых, 2007). Несомненно, все это деформирует базовые установки личности и ведет к нарушению формирования доверия к себе и другим.

Таким образом, анализ психологических исследований феномена доверия, его формирования и проявления в онтогенезе показал, что, несмотря на активный интерес к проблеме, существует достаточно широкий спектр научных и практических направлений, требующих дальнейших исследовательских изысканий; в частности, это касается изучения доверия в подростковом возрасте в контексте развития и воспитания в семье и в ситуации депривации родительской опеки.

Цель исследования: изучить взаимосвязи параметров доверия к себе и к другим в связи с личностными особенностями и социальной ситуацией развития у подростков.

Задачи исследования:

1. Проанализировать данные анкеты об интересах и предпочтениях подростков в проведении досуга.
2. Изучить сформированность доверия к себе и другим у подростков.
3. Исследовать особенности личностных характеристик участников исследования.
4. Выявить и проанализировать взаимосвязи параметров доверия и личностных характеристик подростков.

Гипотеза исследования: выраженность параметров доверия к себе и другим, а также их включенность в структуру черт личности тесно сопряжены с социальной ситуацией развития подростка. У воспитанников сиротского учреждения страдают как те формы доверия к себе и другим, которые формируются на ранних этапах развития, так и те, которые формируются позже и отражают задачи подросткового возраста.

Объект исследования: сфера характеристик личности и межличностных отношений.

Предмет исследования: параметры доверия к себе и другим у подростков в связи с личностными особенностями и социальной ситуацией развития.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 86 респондентов в возрасте 14–16 лет: 32 подростка, воспитывающихся в полных семьях; 30 подростков, воспитывающихся в неполных семьях; 24 воспитанника СУСО (сиротского учреждения социального обслуживания).

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Психодиагностический аппарат исследования составили:

Анкета с вопросами о досуговых интересах подростков, а также о том, как они понимают «доверие».

Опросник «Оценка доверия к себе» (Т. П. Скрипкина) (Духновский, 2009).

Методика «Шкала межличностного (социального) доверия» Дж. Б. Роттера (адаптированная С. Г. Достоваловым) (Духновский, 2009).

Методика исследования личности Р. Б. Кеттелла (Практикум по возрастной психологии..., 2002).

Статистическая обработка результатов проводилась с помощью программ SPSS.20 с использованием анализа первичных описательных статистик, однофакторного дисперсионного анализа, сравнительного анализа по U-критерию Манна — Уитни, корреляционного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

По результатам частотного анализа интересов и предпочтений (общение с друзьями, чтение книг, занятия спортом, просмотр телепередач, компьютерные игры, социальные сети) оказалось, что общим для всех подростков являлось предпочтение общения с друзьями, а наименьший интерес у них вызывает учеба. Причем воспитанники сиротского учреждения достоверно реже, чем их сверстники из семей, отмечали свою заинтересованность в учебе ($p = 0,049$), они также считают менее значимыми для себя занятия спортом ($p = 0,003$) и чтение книг ($p \leq 0,01$).

На вопрос о понимании понятия «доверие», воспитанники сиротского учреждения в большинстве случаев отмечали, что доверие проявляется в социальных контактах: доверие — это «межличностные взаимоотношения» (60 %) и «близкие люди» (24 %). Были и такие ответы: доверие — это «внутреннее состояние» (9 %), «материальная выгода» (5 %) и «опасное чувство» (2 %). Подростки, воспитывающиеся в семьях (полных и неполных), в основном отмечали, что доверие выражается и как «межличностные взаимоотношения» (55 %), и как «внутреннее состояние человека» (44 %).

Сравнительный анализ по критерию Манна — Уитни выявил следующие различия: воспитанники сиротского учреждения достоверно чаще, чем подростки из семей, отмечают, что доверие проявляется во взаимодействиях с близкими людьми ($p \leq 0,05$), тогда как подростки из семей чаще отмечают доверие в качестве внутреннего состояния человека ($p = 0,007$).

Для исследования сформированности доверия к себе по опроснику Т. П. Скрипкиной «Оценка доверия к себе» диагностируется проявление ожиданий по отношению к себе в учебе, интеллектуальной деятельности, в бытовых вопросах, с друзьями, с младшими школьниками, учителями, малышами, другим полом, в досуге, семье, с родителями. У подростков из семей наиболее выражено доверие к себе в досуге (4,38 балла), в интеллектуальной деятельности (4,26), в отношении членов своей семьи (4,26 балла) и с родителями (4,23 балла). Наименее они доверяют себе в отношениях с другим полом (3,74) и решении бытовых вопросов (3,99). У воспитанников сиротского учреждения наиболее сформировано доверие к себе с друзьями (4,33 балла), с малышами (4,11 балла) и в быту (4,04 балла), при этом они слабо доверяют себе в умении проводить досуг (3,59 балла), в учебе (3,59 балла), интеллектуальной деятельности (3,44 балла) и в отношениях с родителями (3,33 балла). Однофакторный дисперсионный анализ выявил достоверные различия между группами подростков по параметрам доверия к себе в учебе ($p \leq 0,05$), интеллектуальной деятельности ($p \leq 0,01$), с родителями ($p \leq 0,01$) и в досуге ($p \leq 0,01$).

Уровень социального доверия подростков по шкале Дж. Б. Роттера определяется как высокий во всех исследуемых группах (83,92 балла для подростков из полных семей, 86,48 балла для подростков из неполных семей и 83,84 балла для подростков-сирот). Для уточнения сфер межличностного доверия в анкету были включены вопросы о том, кому доверяют подростки. По результатам частотного анализа подростки из семей, как полных, так и неполных, а также воспитанники сиротского учреждения доверяют близким людям (0,83; 0,62 и 0,36) и друзьям (0,75; 0,46 и 0,52). Третье место в группе подростков из полных семей занимают

показатели доверия братьям и сестрам (0,15), а в группе тех, кто воспитывается в неполной семье, — показатели доверия к себе (0,54). У подростков-сирот третье место разделили показатели «я доверяю себе» и «я доверяю всем» (по 0,09), а наиболее низкие показатели — по доверию к воспитателям, взрослым членам семьи, братьям и сестрам (по 0,06). По результатам однофакторного дисперсионного анализа подростки из неполных семей достоверно чаще, чем другие участники исследования, доверяют себе ($p \leq 0,001$), а доверие к близким людям чаще проявляют подростки, воспитывающиеся в полной семье, нежели подростки-сироты ($p = 0,001$).

Анализ данных теста Р.Кеттелла показал соответствие полученных показателей средневозрастным нормативам. Различия выявлены между воспитанниками детского дома и подростками из полных семей по параметру «С» (эмоциональная устойчивость, $p = 0,067$) и между подростками из неполных и полных семей по параметру «О» (тревожность, $p = 0,05$).

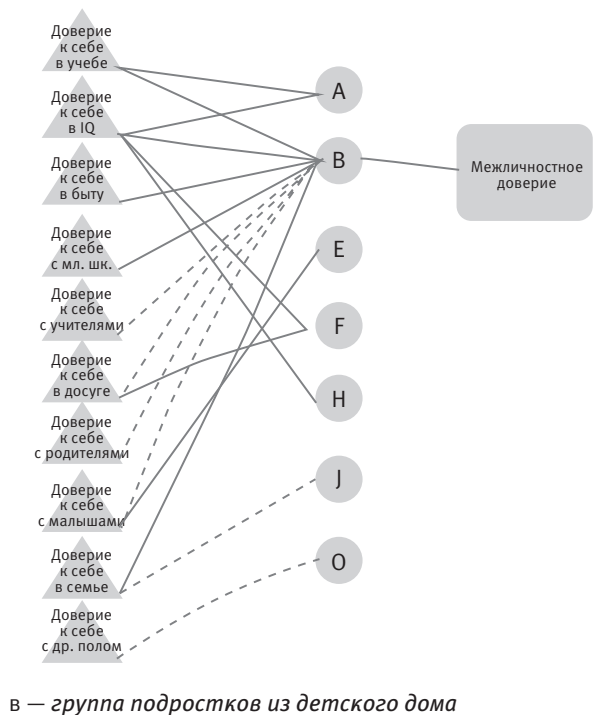
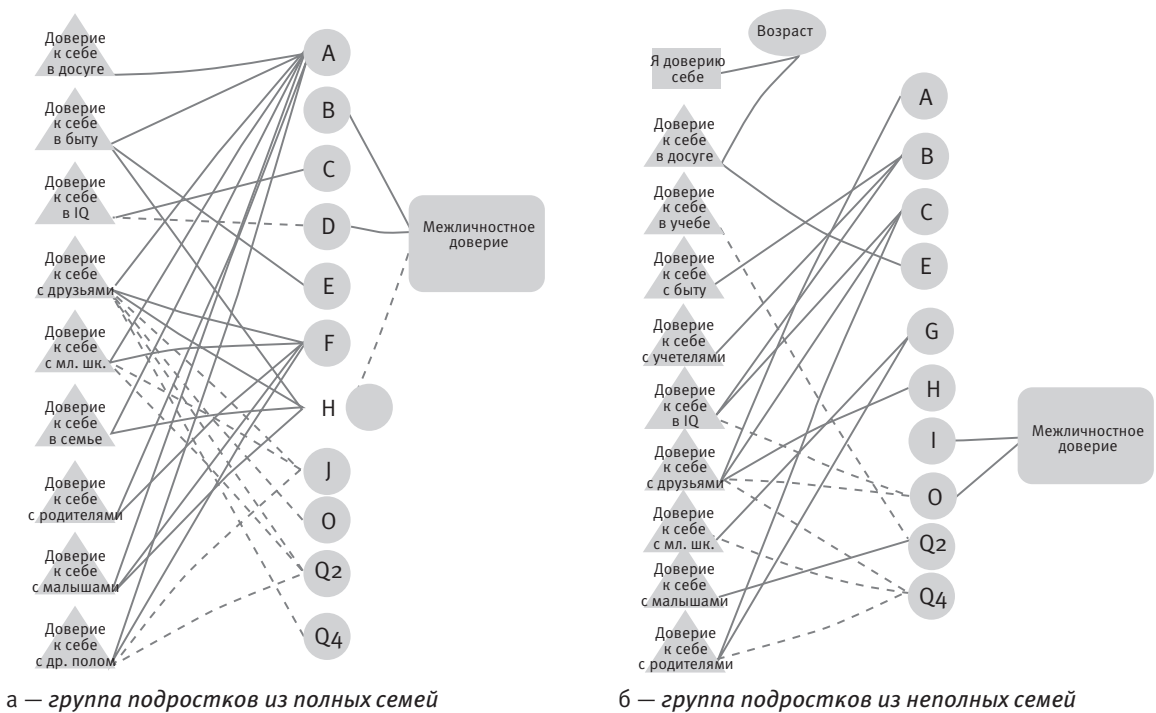
Результаты анализа взаимосвязей ($p < 0,01$) между показателями доверия и личностными характеристиками подростков представлены на рисунке (с. 13).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ предпочтений и интересов подростков показал, что для всех подростков наиболее значимым является общение со сверстниками, что отражает одну из ведущих возрастных характеристик. В качестве проблемной сферы можно отметить отношение подростков к учебе, которая, будучи важнейшей деятельностью в этом возрасте, тем не менее представляет наименьший интерес как для подростков-сирот, так и для подростков, воспитывающихся в семье. Также важным результатом стало то, что воспитанниками сиротского учреждения были не востребованы такие досуговые интересы, способствующие интеллектуальному и физическому развитию, как чтение книг и спорт.

Что касается понимания респондентами категории «доверие», то подростки из семей демонстрируют интеграцию внешних и внутренних характеристик этого понятия, отмечая его социальные и личностные проявления, тогда как подростки-сироты видят доверие в основном как проявление социальных взаимодействий. Более детальное изучение видов и характеристик доверия показало серьезные различия в их сформированности у подростков в связи с семейной ситуацией развития. Подростки из семей проявляют позитивные ожидания в отношении своих сил и возможностей, доверяя себе в вопросах интересного проведения досуга, в умении строить взаимоотношения в целом в семье, с родителями, а также в интеллектуальной сфере. Воспитываясь в семье, ребенок имеет возможность сформировать важнейшую форму доверия к себе в отношениях с родителями и другими близкими людьми, а позже — и в сфере своих способностей и интересов. Невысокое доверие к себе они испытывают в таких областях, как решение бытовых проблем (поддержание порядка, приготовление пищи, ремонт одежды, домашней техники и т. д.), но менее всего они доверяют себе в умении общаться с противоположным полом. Для подростков это серьезная проблема, источник переживаний и комплексов. Видимо, данные сферы — область необходимого профессионального вмешательства с целью повышения доверия к себе, а следовательно, для более успешной возрастной социализации и подготовки к вступлению в следующий возрастной период. У подростков-сирот слабо сформированы как наиболее ранние формы доверия к себе (с родителями), так и те, что формируются позже (в понимании своих досуговых интересов, в учебе и интеллектуальной деятельности). Мы видим, что, несмотря на понимание доверия как взаимодействия с близкими людьми, именно эта сфера у них попадает в разряд несформированных форм доверия к себе. Воспитание в сиротском учреждении, жесткая регламентация распорядка жизни, вероятно, не способствуют формированию самостоятельности в выборе проведения личного свободного времени. Однако, несмотря на многие острые и не всегда позитивные моменты жизни в детском учреждении, видимо, коллектив сверстников и воспитание в соответствии с правилами распорядка и нормами общежития способствуют тому, что эти подростки доверяют себе в вопросах умения строить взаимоотношения с друзьями, с младшими детьми, а также доверяют себе в решении бытовых вопросов.

Изучение доверия к другим показало, что для подросткового возраста в целом характерен высокий уровень социального доверия, независимо от ситуации социального и семейного развития, но обнаружены различия по отдельным параметрам этой формы доверия. Подростки из полных семей доверяют своему ближайшему окружению; подростки из неполных семей склонны в большей степени доверять не другим, а себе; а сироты особо отмечают свое доверие друзьям.

————— прямая корреляционная связь
 - - - - - обратная корреляционная связь

Взаимосвязи между показателями доверия и личностными характеристиками подростков ($p < 0,01$)

На основании данных теста Р.Кеттелла можно говорить, что воспитание в полной семье может способствовать формированию эмоциональной устойчивости, а также спокойствию и веры в себя.

Анализ интеграции параметров доверия в комплекс черт личности подростков в связи с социальной ситуацией развития показал общность и специфику их структуры в каждой из групп. Так, общительность (А) является системообразующим фактором в плеяде взаимосвязей показателей личностных характеристик и параметров доверия в группе подростков, воспитывающихся в полных семьях. Общительность способствует выраженности таких видов доверия к себе, как доверие в досуге, в быту, в общении с друзьями, младшими школьниками, в семье, с родителями и малышами, а также с другим полом. Кроме того, в становлении разных форм доверия помогают подросткам этой группы жизнерадостность (F) и социальная смелость (H). Показатели социального доверия (по шкале Дж.Б. Роттера) также интегрированы и в когнитивную (B), и в эмоциональную (D), и в коммуникативную (A) сферы личности.

У подростков из неполных семей доверие к себе так же, как и у подростков из полных семей, серьезно включено в структуру их личностных характеристик. В то же время доверие к другим связано лишь с чертами эмоциональной сферы личности этих подростков: сензитивностью (I) и тревожностью (O).

Надо отметить, что в группе подростков из семей, как полных, так и неполных, те черты личности, которые взаимосвязаны с показателями доверия к себе с положительным знаком, имеют отрицательные взаимосвязи с показателями доверия к другим, и наоборот. То есть можно говорить о том, что одни и те же личностные характеристики, способствуя становлению одних форм доверия, в то же время препятствуют формированию других.

Особенностью корреляционной плеяды группы воспитанников сиротского учреждения является неоднозначность роли фактора интеллекта. Интеллектуальные подростки детского дома испытывают значительные затруднения в формировании таких форм доверия к себе, как доверие в учебе, доверие к себе в интеллектуальной сфере, доверие к себе в умении выстраивать взаимоотношения с учителями, родителями и малышами, а также в умении интересно проводить досуг. Однако интеллектуальный фактор способствует наличию таких видов доверия к себе, как доверие в бытовых вопросах, доверие выстраивать взаимоотношения с младшими школьниками, а также в умении строить взаимоотношения в семье. Также стоит отметить, что такой фактор, как жизнерадостность и оптимизм (F), способствует проявлению доверия к себе в интеллектуальной сфере и умении интересно проводить досуг.

Во всех трех группах, несмотря на то, что доверие к окружающим было представлено разными параметрами, взаимосвязи с характеристиками личности выявлены только у общего показателя межличностного доверия. В целом можно говорить, что доверие к себе более интегрировано в сферу личности, тогда как доверие к другим, видимо, обуславливается другими факторами.

Сопоставление корреляционных связей между параметрами доверия и личностными характеристиками подростков, находящихся в различных социальных условиях, показало, что одни и те же параметры доверия в разных группах (полная и неполная семья, сиротское учреждение) связаны с разными личностными характеристиками. Наибольшие различия выявлены между группами подростков, воспитывающихся в семьях и подростков-сирот. Наиболее серьезно параметры доверия интегрированы в структуру черт личности в группе подростков из полных семей, а наименьшая их включенность наблюдается у воспитанников сиротского учреждения, что свидетельствует о серьезном значении социальной ситуации развития подростка в проявлении доверия по всему спектру исследованных параметров.

ВЫВОДЫ

1. Среди предпочтений и интересов подростков «общение с другими» занимает первое место во всех трех группах респондентов, независимо от воспитания в семье или вне семьи, что подтверждает значимость общения для подросткового возраста. Надо также отметить серьезную проблему в отношении учебы, которая, будучи важнейшей деятельностью в этом возрасте, оказывается незначимой как для подростков-сирот, так и для подростков, воспитывающихся в родительской семье.

2. В плане своего понимания термина «доверие» воспитанники детского дома чаще, чем подростки из семей, отмечают, что доверие выражается в межличностных взаимоотношениях, тогда как подростки из семей чаще отмечают доверие в качестве внутреннего состояния человека.

3. Анализ доверия к себе показал значение семьи в становлении его параметров. Так, воспитываясь в полной семье, ребенок имеет возможность сформировать важнейшую форму доверия к себе — в умении

взаимодействовать с родителями и другими родственниками, а позже — и в сфере своих способностей, интересов и досуговой деятельности. Подростков-сирот отличает несформированность как базовых форм доверия к себе, так и других, формирующихся на разных этапах социализации.

4. Исследование параметров межличностного доверия показало, что подростки из полных семей чаще проявляют доверие к своему ближайшему окружению, подростки из неполных семей чаще доверяют только себе. Тот факт, что у воспитанников детского дома, несмотря на понимание доверия в основном как взаимоотношений с близкими людьми, именно эта сфера доверия выражена существенно слабее, чем у подростков из семей, говорит о несформированности у них межличностного доверия и особой уязвимости в данной зоне развития личности.

5. На основании исследований личностных характеристик респондентов выявлено, что в целом у респондентов личностный профиль соответствует показателям, средним по возрасту. Однако отмечаются и некоторые особенности. Так, подростков из полных семей отличает эмоциональная устойчивость. Подросткам из неполных семей свойственны тревожность и склонность к чувству вины. Воспитанников детских домов отличают эмоциональная несдержанность и слабая саморегуляция эмоций.

6. Исследование взаимосвязей между показателями доверия и личностными характеристиками показало, что в целом у всех подростков доверие к себе отражается в структуре личностных черт больше, чем межличностное доверие. Сопоставление корреляционных связей между параметрами доверия и личностными характеристиками подростков, находящихся в различных социальных условиях, выявило серьезную роль социальной ситуации развития подростка в становлении доверия по всему спектру исследованных параметров.

7. Специфику структуры взаимосвязей в каждой из исследуемых групп составляет то, что у подростков из полных семей серьезную роль в становлении доверия к себе в досуге, в быту, в общении с друзьями, младшими школьниками, в семье, с родителями и малышами, а также с другим полом играют такие черты, как общительность, оптимизм и «социальная смелость». У подростков из неполных семей доверию к себе с ближайшим окружением способствует такая черта, как эмоциональная устойчивость. У воспитанников детского дома для становления доверия важную, хотя и неоднозначную роль, играет выраженность интеллекта. Интеллектуальные подростки детского дома испытывают значительные затруднения в формировании доверия к себе. Однако интеллектуальный фактор способствует становлению доверия к себе в бытовых вопросах, а также в умении выстроить взаимоотношения в семье. Полученные данные могут помочь при разработке программ и индивидуальных маршрутов психологического сопровождения подростков, находящихся в разных ситуациях семейного и социального развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилова М. В. Профессиональное самоопределение в связи социально-семейной ситуацией развития // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 2 (ч. II). С. 78–86.
2. Духновский С. В. Диагностика межличностных отношений: психологический практикум. СПб., 2009.
3. Практикум по возрастной психологии / ред. Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко. СПб., 2002.
4. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. СПб., 2007.
5. Скрипкина Т. П. Психология доверия: учеб. пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М., 2000.
6. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 2002.

Б. В. БАБУРИН, Е. И. ЛЕБЕДЕВА

e-mail: baburin.b.v@yandex.ru

Специализация «Психология кризисных и экстремальных ситуаций»

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ УЧАСТНИКОВ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ОДАРЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Работа посвящена исследованию формирования идентичности в период подросткового кризиса. Поскольку в личностном становлении человека значительна роль интеллекта, сделано предположение, что процесс формирования идентичности по-разному протекает у подростков с разным уровнем интеллекта. Проверялась гипотеза о том, что кризис подросткового возраста, связанный с формированием идентичности, у подростков с высоким интеллектом протекает более остро. Проводилось сравнение показателей протекания подросткового кризиса и стилей формирования идентичности у группы интеллектуально одаренных подростков и контрольной группы их ровесников со средним уровнем интеллекта. В основную группу исследования вошли 34 участника программы РИОМ — подростки с высоким интеллектом (IQ от 120). Участниками контрольной группы стали 39 учащихся обычных школ. Всего исследованию приняли участие 73 респондента (возраст от 14 до 17 лет).

Были выявлены умеренные различия между группами. У участников основной группы больше выражены общая реакция эмансипации, диффузно-избегающий стиль формирования идентичности и безличная каузальная ориентация; меньше выражены нормативный стиль формирования идентичности, Я-определяющая идентичность, уверенность в будущем как позитивном, удовлетворенность отношениями с друзьями и противоположным полом. В процессе формирования идентичности для подростков с высоким интеллектом менее характерно следование готовым решениям и более свойственно откладывание решений на потом. Они проявляют меньшую уверенность в том, что их поведение приведет к желаемому результату. Идентификация с собственными ценностями у них выражена меньше. Таким образом, результаты исследования подтвердили гипотезу о специфичности протекания подросткового кризиса среди подростков с высоким интеллектом.

Ключевые слова: идентичность, эмансипация, кризис подросткового возраста, подростки с высоким интеллектом.

THE PECULIARITIES OF BUILDING ONE'S IDENTITY WITHIN THE PROGRAM FOR INTELLECTUALLY GIFTED YOUTH

This paper examines the process of identity formation during an adolescent crisis. Since intellect plays a significant role in a personality development, an assumption was made that the process of identity formation proceeds differently in adolescents with a different level of intellect. We verified the hypothesis that the adolescent crisis develops in a more acute way in adolescents with higher level of intellect. We compared the figures of the course of the adolescent crisis and identity formation styles between adolescents with higher and average intellectual capability. The experimental group consists of 34 testees-participants of the program for intellectually gifted youth — teenagers with the high intelligence level (passing IQ score: 120). The control group includes 39 average school students. In total, 73 respondents aged 14 to 17 took part in the research.

Moderate differences between groups were found. The participants of the main group were characterized with more expressive overall reaction of emancipation, diffuse-avoidant identity formation style, impersonal causal orientation. They were also characterized with less expressed normative style of identity formation, self-defining identity, confidence in the positive future, satisfaction with relations with friends of the same and the opposite sex. For intellectually gifted youth following ready solutions and postponing decisions was more common. They exhibit less confidence that their behavior will lead to a desirable result. They show weaker Identification with their own values. Thus, the results support the hypothesis about specificity of adolescent crisis among young people with higher intellect.

Keywords: identity, emancipation, adolescent crisis, adolescents with a high level of intellect.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблемы формирования идентичности одним из первых в психологической науке изучал Э. Эриксон (Эриксон, 1996). Традиционно Э. Эриксоном и Дж. Марсиа идентичность представлялась в качестве статичного феномена, однако со временем подход изменился (Татарко, 2009; Зайцева, 2015). Так, Д. Мак-Адамс говорит об идентичности как об изменяемой со временем субъективной жизненной истории, нарративе (Мак-Адамс, 2008). В свою очередь, М. Берзонски объединил статусный и нарративный подходы, предложив рассматривать идентичность не как достигнутый параметр, а как постоянно достигаемый. При этом

то, как именно человек конструирует свою идентичность, — более постоянная величина, чем то, на какой стадии этот человек сейчас находится. С такой точки зрения идентичность понимается как имплицитная теория «Я», влияющая на интерпретацию и присвоение ценностно значимой информации, определяющей жизненные решения (Зайцева, Разорилова, 2014).

Общим для всех подходов выступает идея от том, что идентичность служит сохранению чувства самоидентичности во временной перспективе и относительно окружающего социума. Также многие авторы сходятся на том, что подростковый возраст занимает центральное место в плане формирования идентичности (Эриксон, 1996; Кон, 1989; Авдулова, Гордеева, 2010; Куликова, 2010). Предположительно именно этот процесс определяет реакцию эмансипации как его внешнее проявление и обретение личностной автономии (Куликова, 2010; Поскребышева, 2010).

Подростковому возрасту присущи следующие психологические особенности: объектное отношение к своему телу и опасения по поводу своей внешности, иногда ведущие к повышенной тревожности и эмоциональности, нередко выраженной в предрасположенности к негативным эмоциям, тревоге и ощущению отчужденности; желание соответствовать норме, зачастую основанной на стереотипах, стремление к группированию и желание ощущать себя причастным к референтной группе сверстников; ведущая потребность в интимно-личностном общении и самораскрытии (Кон, 1989).

Помимо общих проблем данного возраста и соответствующего нормативного кризиса подростки с высоким интеллектом сталкиваются с дополнительными сложностями. Существуют разные точки зрения на соотношение положительных и отрицательных сторон для разных категорий интеллектуально одаренности. С одной стороны, предполагается, что юноши и девушки, одаренные в крайне высокой степени, сталкиваются с большими затруднениями, чем наделенные высоким, но менее выдающимся интеллектом (Богоявленская, Шадриков и др., 2003). С другой стороны, пишут о равной встречаемости дисгармоничного развития в группах подростков с высоким интеллектом, но разной степенью одаренности. В то же время некоторые исследователи склоняются к тому, что интеллектуально одаренным подросткам присуща большая степень социально-психологической адаптации (Белафина, 2008; Ясюкова, 2009). Согласно их исследованиям, такие подростки проявляют большую тягу к общению и коммуникативную компетентность. Также отмечается более высокий уровень самооценки интеллектуально одаренных юношей и девушек. Однако в исследовании самоотношения подростков с высоким интеллектом, напротив, выявлена более низкая самооценка (Рысева, 2008). Следовательно, прослеживается противоречивость взглядов относительно групп риска среди подростков с высоким интеллектом.

При всем вышесказанном большинство авторов сходятся на том, что качества личности и ее развития безусловно важны для развития и реализации интеллектуального таланта (Комкова, 2008; Рысева, 2008; Климонтова, 2009; Якимова, 2009). Таким образом, встает вопрос об отличительных особенностях проявлений кризиса подросткового возраста в группе подростков с высоким интеллектом.

Цель исследования: изучение особенностей проявлений возрастного кризиса идентичности у юношей и девушек с высоким интеллектом.

Задачи исследования:

1. Изучить формы протекания эмансипации у подростков с высоким интеллектом по сравнению с контрольной группой.
2. Выявить различия между основной и контрольной группами в стилях формирования идентичности.
3. Исследовать отношение к будущему у подростков с высоким интеллектом и сравнить с контрольной группой.
4. Сравнить удовлетворенность близкими отношениями (с друзьями и противоположным полом) в основной и контрольной группах.

Гипотеза исследования: кризис подросткового возраста, связанный с процессом эмансипации и обретением идентичности, у юношей и девушек с высоким интеллектом протекает более остро, чем у подростков, не отличающихся высокими показателями интеллектуального развития.

Предмет исследования: взаимосвязь формирования идентичности, особенностей протекания подросткового кризиса и интеллектуальной одаренности.

Объект исследования: процесс формирования идентичности как характерная особенность протекания подросткового кризиса.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 73 человека (31 юноша и 44 девушки) в возрасте от 14 до 17 лет (средний возраст 15,5).

Основную группу составили 34 респондента — подростки с высоким интеллектом, участники программы развития интеллектуально одаренной молодежи в центре тренинга и консультирования 12 Коллегий (из них 13 юношей, 21 девушка). Контрольная группа: 39 человек — со средним интеллектом, учащиеся простых общеобразовательных школ (18 юношей, 21 девушка).

Отбор в программу развития интеллектуально одаренной молодежи проводился сотрудниками центра 12 Коллегий. Основывался отбор на сочетании следующих показателей:

- 38 баллов (эквивалент ≈ 122 IQ) и более в культурно-свободном тесте интеллекта Р.Б.Кеттелла (адаптация В.К.Гайды), четыре субтеста;
- от 10 баллов для учащихся 8-го класса, от 12 баллов — для 9-го в субтесте «умозаключения» из интеллектуального теста Д.П.Фланагана;
- высокий рейтинг показателей универсального теста структуры интеллекта (Н.А.Батурин, И.М.Дашков, Н.А.Курганский, Л.К.Федорова).

В контрольную группу приглашались учащиеся школ № 107 и № 17. Респонденты из этой группы проходили тест структуры интеллекта Р.Амтхауэра (проводился школьным психологом) — среднее 102 IQ ($\sigma = 6,52$). Сопоставление результатов по разным тестам интеллекта возможно благодаря сводным таблицам по шкале IQ (Орел, 2010), однако субтест Фланагана в данном случае не учитывался.

Группы были приблизительно эквивалентны по полу, возрасту и семейному положению. Но поскольку все же существуют погрешности, при анализе данных пол и возраст учитывались как возможные вмешивающиеся переменные. Различие групп по интеллекту подтверждено результатами тестов, предшествовавших данному исследованию.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведенное исследование включало предварительный, основной и завершающий этапы, в рамках которых группа интеллектуально одаренных участников сравнивалась по показателям подросткового кризиса с группой участников среднего интеллектуального уровня.

Предварительный этап включал отбор участников исследования с уточнением показателей их интеллекта для определения их дальнейшей отнесенности к основной или контрольной группе.

Основной этап заключался в сборе данных. Эта процедура занимала от 30 до 45 мин. в зависимости от индивидуальных особенностей и скорости работы подростка. Каждому участнику выдавался бланк с методиками, в котором он самостоятельно прочитывал вопросы и фиксировал ответы. По результатам наблюдения за процессом работы участников, а также по характеру ответов было отсеяно шесть предположительно недобросовестно заполненных бланков в контрольной группе. Эти бланки не вошли в обработку.

На основном этапе исследования были использованы следующие психодиагностические методики:

1. Мини-анкета на удовлетворенность шестью сферами жизни.
2. Опросник «Формирование стилей идентичности» (М.Берзонски; в адаптации Ю.Е.Зайцевой и др.).
3. Опросник «Выраженность реакции эмансипации у подростков» (В.В.Бочаров, С.А.Виндорф).
4. «Опросник каузальных ориентаций» (Э.Деси, Р.Райан; в адаптации О.Е.Дергачевой, Л.Я.Дорфмана, Д.А.Леонтьева (2008)).

5. Опросник «Опыт близких отношений» (К.Бреннан, Р.К.Фрейли; в адаптации Т.В.Казанцевой).

6. Семантический дифференциал (вербальный, модификация В.Ф.Петренко).

Завершающий этап состоял из обработки «сырых» данных и проведения статистических процедур. Математико-статистическая обработка осуществлялась с помощью пакета программ IBM SPSS v.22 for Windows. В соответствии с идеей сравнительного исследования основными методами прикладной статистики выступили: многомерный дисперсионный анализ (MANOVA) и ранговый U-критерий Манна — Уитни. В качестве дополнительных применялись: Альфа Кронбаха, факторный анализ и двухэтапный кластерный анализ. Корректировка уровней значимости производилась по методу Бенджамини — Хохберга.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Предварительный анализ данных

На предварительном этапе анализа данных проверялась их надежность и проводилось снижение размерности. Для оценки надежности был применен критерий Кронбаха. Снижение размерности по анкете и семантическому дифференциалу проводилось с помощью факторного анализа. Также с целью снижения размерности с помощью двухэтапного кластерного анализа были выявлены группы по результатам методик на эмансипацию и стили формирования идентичности. Коэффициент Альфа Кронбаха по шкалам большинства опросников колеблется от 0,63 до 0,86. В целом результаты сбора данных можно признать приемлемыми для дальнейшего анализа.

Обработка результатов семантического дифференциала на понятие «мое будущее» была проведена с помощью эксплораторного факторного анализа по методу максимального правдоподобия с варимакс вращением. Было выделено четыре фактора ($KMO = 0,692$) с общей объясняющей долей дисперсии 57 %. Первый фактор (информативность 18 %) объясняется положительными полюсами шкал: «хороший», «активный», «движущийся», «большой», «упорядоченный». Фактор содержит прилагательные, относящиеся к оценке и динамике, и, следовательно, обозначен как «доверие к изменениям». Второй фактор (18 %) включает положительные полюса шкал: «сильный», «приятный», «устойчивый», «безопасный», «красивый», «светлый». Данный фактор назван как «уверенность в позитивном будущем». Третий фактор (12 %) содержит положительные полюса шкал «таинственный», «возбужденный», «опасный» и «хаотичный» и наименован «чувство неопределенности будущего». Четвертый фактор (9 %) включает положительные нагрузки по шкалам «нежный» и «мягкий» и обозначен как «ощущение будущего как комфортного».

При разведочном применении MANOVA было установлено отсутствие статистически достоверного влияния различий по полу и возрасту (учитывались как ковариаты) на различия между рассматриваемыми группами по изучаемым параметрам ($p_1 = 0,44$; $p_2 = 0,08$).

Сравнение групп по изучаемым параметрам

С помощью упомянутого выше многомерного дисперсионного анализа MANOVA были установлены статистически достоверные различия между основной и контрольной группами ($p = 0,0001$). Однако показатель уровня значимости по критерию Дж. Бокса ($p = 0,002$) ограничивает возможности интерпретации данных, в связи с чем искомые различия проверялись блоками. В приведенных ниже результатах показатели по критериям сопутствующих дисперсионному анализу тестов Бокса, Бартлетта и Левена соответствуют необходимым значениям.

С помощью первого в серии MANOVA были проанализированы различия по проявлениям формирования идентичности и реакции эмансипации между основной и контрольной группами. Выявлены умеренные, статистически достоверные различия ($p = 0,05$) по нормативному и диффузно-избегающему стилям формирования идентичности, Я-определяющей идентичности, а также общей выраженности реакции эмансипации и протесту против правил и социальных норм. При следующем MANOVA в серии проверялись различия по каузальным ориентациям и отношению к близости ($p = 0,024$). По результатам анализа выявлены умеренные, статистически достоверные различия между основной и контрольной группами по безличной каузальной ориентации и избеганию близости. Также в MANOVA были проанализированы различия между группами по отношению к будущему. В связи с выраженным неравенством дисперсий и, следовательно, нарушением по критерию Бокса в данном случае целесообразно применение рангового U-критерия Манна — Уитни. Таким образом были выявлены умеренные различия между основной и контрольной группой по фактору уверенности в позитивном будущем ($p = 0,024$) (рис. 1).

Для сравнительного анализа результатов анкеты также был применен MANOVA. Выявлены умеренные статистически достоверные различия между группами по фактору удовлетворенности собой ($p = 0,035$) и на уровне статистической тенденции по фактору удовлетворенности отношениями со сверстниками ($p = 0,06$). Однако полученные различия по фактору удовлетворенности собой пришлось отклонить в связи с превышением допустимой вероятности статистической ошибки после поправки уровня значимости ($p = 0,08$). Кроме того, можно отметить умеренные различия ($p = 0,04$) по обобщающему фактору «удовлетворенность отношениями со сверстниками», а также по удовлетворенности отношениями со сверстниками и противоположным полом, оцениваемой отдельно для настоящего и будущего (рис. 2).

Рис. 1. Результаты сравнения средних по эмансипации, стилям формирования идентичности, казуальным ориентациям и отношению к будущему

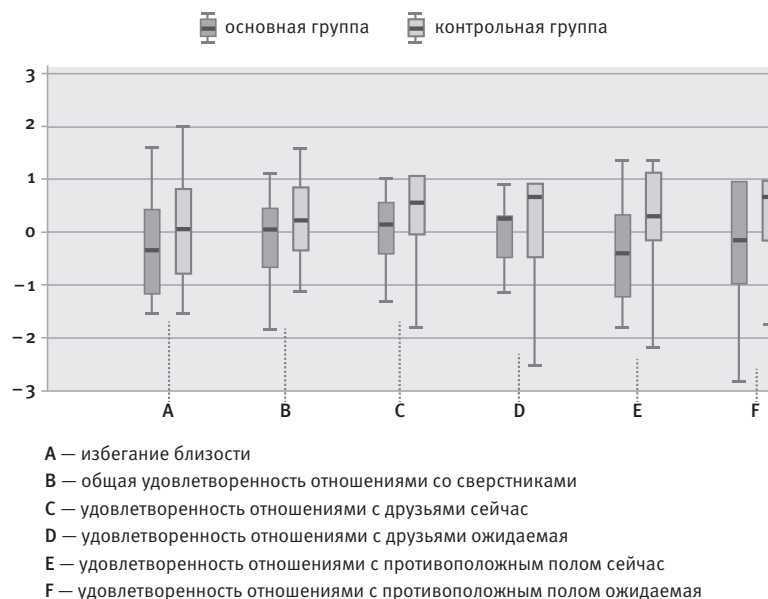

Рис. 2. Различающиеся по анкете показатели удовлетворенности собой и личными отношениями

Двухэтапный кластерный анализ позволил увидеть, что выборка делится относительно стилей формирования идентичности (шкалы опросника М. Берзонски) на две сопоставимые части — кластеры. Первый кластер включает 60 % выборки (44 человека) и определяется высокой сформированностью Я-определяющей идентичности и низкими показателями по диффузно-избегающему стилю формирования идентичности. Второй кластер (40 % выборки, 29 респондентов) включает низкие показатели по Я-определяющей идентичности и сформированности и средние по диффузно-избегающему стилю формирования идентичности. По результатам измерения выраженности реакции эмансипации на основании пяти исходных шкал также выделяются два кластера: первый (59 % выборки, 43 опрошенных) характеризуется низкой выраженностью эмансипации, низкими показателями девиантного поведения и конфронтации с родителями. Второй кластер (41 % выборки, 30 человек) определяется высокой выраженностью эмансипации, показателями девиантного поведения и средней конфронтацией с родителями.

Выявление кластеров открыло возможность включить сопоставление результатов по стилю формирования идентичности и эмансипации с результатами по остальным методикам. Обнаружены различия между кластерами на основе эмансипации (MANOVA, $p = 0,002$) по фактору удовлетворенности отношениями с родственниками. С помощью U-критерия Манна — Уитни выявлены статистически достоверные различия между кластерами подростков с высоким и низким уровнем эмансипации относительно фактора чувства комфортности будущего ($p = 0,009$), а также на уровне статистической тенденции (после поправок) по факторам ощущения неопределенности будущего ($p = 0,057$) и уверенности в позитивном будущем ($p = 0,055$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

По результатам исследования выявлены умеренные отличия основной группы в сторону большей выраженности подростковой реакции эмансипации, диффузно-избегающего стиля формирования идентичности и безличной каузальной ориентации. В основной группе меньше выражены нормативный стиль формирования идентичности, Я-определяющая идентичность, показатели избегания близости; ниже уверенность в позитивном будущем, удовлетворенность отношениями с друзьями и противоположным полом.

Поскольку подросткам с высоким интеллектом свойственна меньшая степень конформизма (Рысева, 2008), представляется вполне естественным наличие различий по степени протеста против норм. Вероятно, это же свойство отражается при конструировании идентичности, в несколько меньшей степени принимающей общепринятые ценности. Большая выраженность диффузно-избегающего стиля может объясняться характерной для интеллектуально одаренных подростков толерантностью к противоречиям (Богоявленская, Шадриков и др., 2003). Однако в контексте относительно более высокой степени подростковой реакции эмансипации и сниженной Я-определяющей идентичности в целом можно предположить что меньшая нормативность и большая ценностная неопределенность также возникают как проявления подросткового кризиса.

Более высокие показатели по безличной каузальной ориентации могут говорить о том, что для юношей и девушек с более высоким интеллектом характерна несколько меньшая уверенность в том, что поведение приведет к желаемому результату, и соответственно относительно меньшая степень внутренней автономии. Также по общей совокупности показателей более выраженного диффузно-избегающего стиля и безличной каузальной ориентации при меньшей выраженности Я-определяющей идентичности и уверенности в позитивной стороне будущего можно предполагать, что интеллектуальный ресурс позволят им видеть множество вариантов развития событий и адаптироваться к изменчивости жизни с помощью более изменчивой идентичности.

Из всех параметров удовлетворенности отношениями со сверстниками наиболее проблемной сферой для всех подростков оказались отношения с противоположным полом. Обращает на себя внимание то, что интеллектуальный ресурс может приводить к большей открытости, что соответствует данным предыдущих исследований (Климонтова, 2009), однако не ведет к большей удовлетворенности отношениями с противоположным полом. Возможно, высокий интеллект, увеличивая открытость, не способствует удовлетворению потребности в интимно-личностном самораскрытии. Известно, что реализация этой потребности в подростковом возрасте важна для формирования личностной идентичности, например, посредством рефлексии (Кон, 1989).

Также следует отметить, что по результатам сопоставления выявленных кластеров не обнаружено показанной в исследовании постановки «индивидуальной» задачи, личностно значимой цели (Зайцева, Разорилова, 2014), взаимосвязи между нормативным стилем формирования идентичности и безличной каузальной ориентацией в основной группе, что также предполагает мысль об иной концепции будущего у подростков с высоким интеллектом.

При сравнении основной и контрольной групп с учетом результатов кластеризации по эмансипации и стилям формирования идентичности выявлено, что подростки с высоким интеллектом наименее удовлетворены отношениями с родственниками в том случае, если им присуща выраженная эмансипация и более устойчивая идентичность. В контрольной же группе наименьшая удовлетворенность отношениями с родителями присуща подросткам с выраженной эмансипацией и более изменчивой идентичностью.

Таким образом, подростки из основной группы демонстрируют более высокий уровень эмансипации и протеста против норм и правил. С этим согласуется то, что у них ниже показатели нормативного стиля формирования идентичности. Что касается стилей формирования идентичности, то отмеченные в основ-

ной группе более высокий показатель по диффузно-избегающему стилю, проявляющийся в откладывании на потом ценностно значимых решений, и более низкий — по Я-определяющей идентичности, подразумевающий меньшую идентификацию с текущими собственными ценностями, затрагивают тему неуверенности в будущем. Также, вероятнее всего, это сочетается с более высоким показателем по безличной каузальной ориентации, указывающим на неуверенность в результативности своих действий относительно жизни в целом, что, соответственно, находит отражение в более низком показателе уверенности в позитивной стороне будущего.

По общей совокупности измеренных показателей, учитывая данные по их средней выраженности относительно выборок стандартизации используемых методик, данную группу подростков с высоким интеллектом можно рассматривать в рамках нормы. Однако благодаря соотношению их с подростками из контрольной группы выявлен ряд особенностей протекания подросткового кризиса идентичности, среди них — большая напряженность по сравнению с контрольной группой.

ВЫВОДЫ

1. Процесс эмансипации у подростков с высоким интеллектом (участников РИОМ) отличается от контрольной группы большей выраженностью общей реакции эмансипации и протеста против норм и правил.

2. Идентификация с собственными ценностями у подростков с высоким интеллектом выражена меньше, чем у их ровесников из контрольной группы. В процессе формирования идентичности для подростков с высоким интеллектом менее характерно следование готовым решениям, для них более свойственно откладывание ценностно значимых решений на потом. Также они проявляют меньшую уверенность в том, что их поведение приведет к желаемому результату.

3. Для подростков с высоким интеллектом характерна меньшая степень уверенности в позитивном будущем. Предположительно в силу способности видеть большее количество вариантов развития событий они проявляют большую неопределенность в идентичности.

4. Отличаясь большей открытостью, подростки с высоким интеллектом отмечают меньшую удовлетворенность отношениями со сверстниками в целом, а также с друзьями и противоположным полом в частности. Возможно, это проявляется в силу больших притязаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдулова Т. П., Гордеева О. А. Кризисные явления в развитии подростков // Психологические исследования. 2010. № 5(13). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.05.2015).
2. Белавина О. В. Особенности социализации подростков с различным типом интеллекта // Учен. зап. С.-Петербург. ин-та психологии и социальной работы. СПб., 2008. Т. 10, № 2. С. 17–21.
3. Зайцева Ю. Е. Конструирование личной идентичности в ситуации жизненного выбора: к методологии исследования. // Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. Вып. 1. С. 5–18.
4. Зайцева Ю. Е., Разорилова П. В. Постановка «индивидуальной» задачи в процессе обучения как механизм реализации автономной каузальной ориентации // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ / под ред. А. В. Шаболтас. СПб., 2014. С. 229–240.
5. Климонтова Т. А. Внутренний мир одаренного подростка как психическая открытая система // Вестн. Челябинского гос. пед. ун-та. 2009. № 11–1. С. 46–55.
6. Комкова Е. И. Когнитивно-личностное развитие ребенка в процессе его социализации // Современные проблемы психологии личности: теория и практика. Психологический институт РАО, 2008 г. URL: <http://psyjournals.ru/bozhovich/issue/index.shtml> (дата обращения: 04.05.2015).
7. Кон И. С. Психология ранней юности. М., 1989.
8. Куликова С. А. Реакция эмансипации у подростков с наркозависимостью: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010.
9. Мак-Адамс Д. [McAdams D.] Психология жизненных историй // Методология и история психологии, 2008. № 3. С. 135–166.
10. Орел Е. А. Универсальный интеллектуальный тест. Модернизированный, УИТ СПЧ-М // Ежегодник профессиональных рецензий и обзоров. Методики психологической диагностики и измерения. Санкт-Петербург — Челябинск / под общ. ред. Н. Батурина, Е. Эйдман. Т. 1. Челябинск, 2010. С. 209–224.
11. Поскребышева Н. Н. Социальная ситуация развития как условие становления личностной автономии подростка: дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
12. Рабочая концепция одаренности. 2-е изд., расш. и перераб. / под ред. Д. Б. Богоявленской, В. Д. Шадрикова. М., 2003.

13. Рысева А. А. Особенности и развитие самоотношения интеллектуально одаренных подростков. дис. ... канд. псих. наук. Иркутск, 2008.
14. Татарко С. А. Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсии // Психологическая диагностика. 2009. № 1, январь–февраль. С. 62–100.
15. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М., 1996.
16. Якимова Т. В. Феномен познавательной аддикции в развитии интеллектуально одаренных подростков // Другое детство: сб. тезисов участников II Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития / под ред. Л. Ф. Обухова, И. А. Корепанова. М., 2009. С. 26–28.
17. Ясюкова Л. А. Особенности социализации одаренной молодежи // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. Вып. 2, часть 1. С. 164–175.

Е. В. БОБЫЛЕВА, М. В. САЛИТОВА

e-mail: len-bobyleva@yandex.ru

Специализация «Онтопсихология»

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

В исследовании изучалась взаимосвязь эмоциональной сферы и субъективного благополучия пожилых людей. В исследовании приняли участие 52 человека из Санкт-Петербурга и Ленинградской области в возрасте от 55 до 80 лет. Мы использовали следующие методы: авторская анкета; Гериатрическая шкала депрессии; шкалы психологического благополучия К. Рифф; Шкала дифференциальных эмоций К. Изарда; Методика М. Гинзбурга «Привлекательность прошлого, настоящего и будущего»; Методика оценки качества жизни «SF-36 health status survey». В ходе работы были получены следующие результаты: не было обнаружено связи между субъективным благополучием и тем, живет ли человек в семье или один. У более благополучной группы выраженность эмоции «интерес» значимо выше, чем в группе с более низкими показателями благополучия. Корреляционный анализ субъективного благополучия и эмоций человека в пожилом возрасте показал отрицательную взаимосвязь с уровнем депрессии, негативным отношением к своему настоящему и будущему, а также с таким чувством, как презрение. Были выявлены положительные связи субъективного благополучия с позитивным отношением к своему прошлому, настоящему и будущему, положительная связь с общим показателем самочувствия и его отдельными эмоциями, такими как радость и интерес, и связь почти со всеми показателями методики SF-36. В ходе корреляционного анализа не была обнаружена статистически значимая связь между субъективным благополучием и удовлетворенностью качеством и количеством своих контактов в общении. В результате обработки полученных данных с помощью регрессионного анализа среди множества исследованных психологических характеристик были обнаружены следующие предикторы субъективного благополучия: самооценка психического здоровья, эмоция интереса, эмоция страха, нейтральное отношение к настоящему и будущему, социальное функционирование.

Ключевые слова: геронтология, эмоциональная сфера пожилых людей, психологическое благополучие.

THE EMOTIONAL SPHERE AND SUBJECTIVE WELL-BEING OF OLDER PEOPLE

In our research we attempted to explore the emotional sphere and subjective well-being of older persons, to find and analyze the correlations between these indicators and some psychological characteristics. Our respondents were 52 people from St. Petersburg and the Leningrad region, who were divided into two groups according to the level of subjective well-being with the help of cluster analysis. The group age — 55 years old. We used the following methods: Geriatric Depression Scale, author's profile, Ryff's Scales of Psychological Well-being, scale differential emotions K. Izard; technique M. Ginzburg "The attractiveness of the past, present and future"; "SF-36 health status survey". We obtained following results: There was no correlations between indicators of a person lives in a family or alone and subjective well-being. We have hypothesized that the low level of depression correlates with high level of subjective well-being. We found the result that the more subjective well-being group have high averages of emotions such as interest. We had got through correlation analysis of subjective well-being and emotions of people in adulthood. Subjective well-being in a sample group is negative associated with depression, the negative attitude towards their present and future, and with such a sense as a despite. Also during the counting of correlations were found positive associations subjective well-being with a positive attitude to the past, the present and the future, a positive relationship with the overall index of well-being and its individual emotions such as joy and interest, and communication with almost all the indicators of methodology SF-36. In the correlation of regressive evaluation it wasn't found statistically significant attachment between subjective well-being and satisfaction of the quality and quantity of their contacts in relationships. The result of the processing by regression evaluation among a lot of psychological characteristics was finding six predictors of subjective well-being — self-assessment of mental health, describes the mood, emotion of interest and fear, a neutral attitude to the present and future social functioning.

Keywords: gerontology, emotional sphere of older persons, psychological well-being.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Большой интерес к социально-геронтологическим проблемам в настоящее время можно объяснить увеличением доли пожилых людей в обществе. Актуальность проблемы определяется ориентацией современного мира на молодость, активный образ жизни, силу, энергичность, это касается и нашей страны. Пожилые люди чувствуют свою ненужность, брошенность, отсутствие помощи и просто сопереживания и сочувствия со стороны младших членов общества. У молодежи наблюдается страх неизбежной старости, часто молодые люди не имеют ясного представления о жизни старшего поколения, драматизируют ее, тем

самым порождая предрассудки и стереотипы, что в свою очередь проецируется на взаимоотношения между поколениями. Как следствие — представления общества о реальных трудностях пожилых людей часто имеют неопределенный характер, и на решение проблемы социальной помощи геронтологической группе значительное влияние оказывают существующие стереотипы.

Анализ литературы показал, что сегодня накоплена определенная база исследований по теме старости. Но при всем многообразии исследований социально-геронтологических проблем все-таки остаются некоторые недостаточно разработанные аспекты. Более разработаны биологические аспекты старения. Также существует несколько исследований, посвященных анализу отношения к старости и негативных стереотипов ее восприятия молодыми людьми. В конце XX в. активно исследовались проблемы сохранения в позднем возрасте физической активности и здоровья, вопросы норм и организации труда для граждан старшего поколения, а также социального положения пенсионеров. М. Д. Александрова стала автором концепции социальной геронтологии. Она и многие другие отечественные психологи (Н. Н. Сачук, Е. И. Стеженская и др.) внесли огромный вклад в развитие социальной геронтологии, доказав необходимость комплексного подхода к проблемам старения, смены биологической акцентуации на парадигму совмещения биологического и социального подходов (Александрова, 1974).

В наше время уже произошли переход к парадигме успешного старения и отказ от биомедицинской парадигмы, которая понимает старение как болезнь. Увеличивается количество исследований, в которых изучаются условия и факторы, повышающие потенциал людей старшего возраста. Парадигма успешного старения обращает внимание не только на наличие физических заболеваний и недугов у человека, но и на его психические и физические компенсаторные ресурсы в позднем возрасте. Здоровье в пожилом возрасте в некоторых моделях успешного старения рассматривается как процесс балансировки различных ее компонентов, а не как статическое состояние. Первая модель успешного старения Кана (R. L. Kahn) и Роуе (J. W. Rowe) выделила несколько элементов. Впоследствии эти компоненты дифференцировались и дополнялись в других моделях успешного старения, что привело к появлению целостной биопсихосоциальной модели. Также появились модели, уделяющие внимание личностным и эмоциональным факторам успешного старения (Мелехин, 2014).

Если говорить о проблеме субъективного благополучия, то в последние время данная тема все чаще становится предметом специального исследования. Это связано с тем, что для психологии важно определить, что оказывает влияние на эффективное и гармоничное состояние личности, особенно значимое для людей пожилого возраста. Активно операционализируются и уточняются термин и понятия психологического благополучия; исследуется связь термина с различными социальными характеристиками и особенностями личности; создаются надежные и валидные инструменты, позволяющие измерить психологическое благополучие личности, исследуется также влияние на него разнообразных объективных и субъективных факторов. Многочисленные зарубежные и отечественные исследования говорят о том, что субъективное благополучие больше зависит от эмоционального состояния и индивидуально-личностных особенностей человека и в меньшей степени — от объективных переменных (Яремчук, 2013).

Цель исследования: изучение особенностей субъективного благополучия и эмоциональной сферы пожилых людей.

Задачи исследования:

1. Проанализировать особенности субъективного благополучия, эмоциональной сферы пожилых людей.
2. Проинтерпретировать взаимосвязи между эмоциональной сферой, различными психологическими факторами и субъективным благополучии пожилых людей.

Основные гипотезы исследования:

1. У пожилых людей с более высоким уровнем субъективного благополучия в эмоциональной сфере будут преобладать положительные эмоции, а у людей менее благополучных — отрицательные.
2. У пожилых людей, которые ведут более активный образ жизни, субъективное благополучие выше, чем у тех, которые ведут пассивный образ жизни.
3. Представления о старости и отношение к своей старости влияют на субъективное благополучие пожилого человека.

Объект исследования: субъективное благополучие и эмоциональная сфера пожилых людей.

Предмет исследования: особенности и взаимосвязи субъективного благополучия и эмоциональной сферы пожилых людей.

Мы можем предполагать, что в случае продолжения данного исследования будет возможно внести некоторые коррективы в систему оказания психологической помощи при решении конфликтов между поколениями, создать программы социальной политики государства в направлении минимизации масштабов проявления негативных стереотипов в отношении пожилых людей и таким образом помочь при психотерапевтической работе со страхами старости и смерти у молодых людей, содействовать адаптации к старости старших поколений.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 52 человека из Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Возраст испытуемых — от 55 до 80 лет, средний возраст — 67 лет. Уровень образования: среднее, неполное высшее, высшее.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось индивидуально с каждым респондентом. Респондентам были предложены 6 методик, которые они последовательно заполнили. Ограничений по времени на заполнение методик не устанавливалось. После этого с испытуемыми проводился дебрифинг (им предоставлялась информация о целях исследования, методиках и результатах). Выбор психодиагностического инструментария осуществлялся в соответствии с поставленными задачами исследования и требованиями валидности, надежности, стандартизации и адаптации используемых методик.

В исследовании были использованы следующие методики: авторская анкета; Гериатрическая шкала депрессии (GDS); Шкалы психологического благополучия К. Рифф (в адаптации Л. В. Жуковской, Е. Г. Трошкиной); Шкала дифференциальных эмоций (ШДЭ) К. Изарда; Методика «Привлекательность прошлого, настоящего и будущего» М. Гинзбурга; Методика оценки качества жизни «SF-36 health status survey».

Исходя из поставленных целей и задач, была разработана анкета, направленная на выявление биографических сведений, образа жизни человека, основных представлений человека о старости, выходе на пенсию.

Методами обработки полученных эмпирических результатов стали: контент-анализ и математические методы обработки. Контент-анализ использовался для обработки ответов, полученных на открытые вопросы.

Математические методы анализа: статистический анализ, частотный анализ, сравнение средних значений, корреляционный анализ, регрессионный анализ, кластерный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исходя из целей и задач исследования, мы использовали кластерный анализ, разделив нашу выборку на группы по выраженности субъективного благополучия. В результате кластеризации ($F = 0,039$, $p = 0,001$) были выявлены две четко выделившиеся группы: с более высоким уровнем субъективного благополучия (группа 1) и с более низкими значениями по шкале общего благополучия (группа 2). В группе 1 насчитывался 31 человек, в среднем 64 лет, в группе 2 — 21 человек, в среднем 67 лет. Соотношение мужчин и женщин в группах было практически одинаковым.

В нашем исследовании для изучения феномена старости была разработана авторская анкета. Мы провели контент-анализ открытых ответов на вопросы этой анкеты. Все ответы были проанализированы и выделены группы наиболее часто встречающихся ответов.

На вопрос «Старость — это...» в группе менее благополучных пожилых людей наблюдался большой разброс в ответах, чем в группе 1. Мы получили любопытный результат: самым распространенным в группе 1 был такой ответ: старость — это «печаль, грусть» (28,7%). Вместе с тем группа более благополучных пожилых людей видела в старости «новый этап жизни» (17,86%). В группе 2 также распространены эти типы ответов (13,6%), но чаще встречается восприятие старости как возраста «мудрости» (22,27%) и «болезни» (18,2%). В целом можно сказать, что обе группы выделяют и положительные, и отрицательные аспекты старения (см. рис. 1).

Еще одним вопросом анкеты был вопрос о том, с чем ассоциируется старость. В ответах на него нагляднее, чем в предыдущих, выявилось, что менее благополучная группа 2 чаще имеет отрицательные ассоциа-

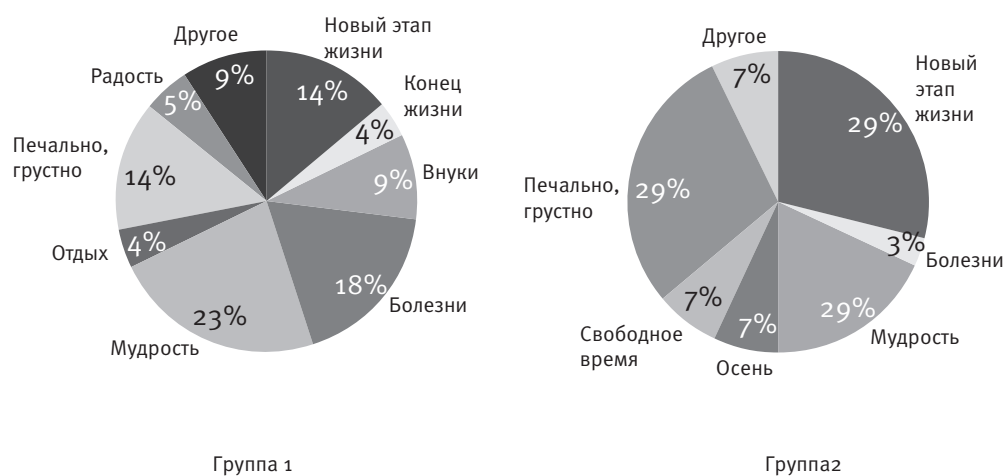

Рис. 1. Категории ответов «Старость — это ...» в группе 1 (справа) с высоким уровнем благополучия и в группе 2 (слева) с низким уровнем благополучия

ции, связанные с понятием старости, а более благополучная — позитивные. Наиболее распространенным ответом в более благополучной группе 1 был «покой», в менее благополучной — «болезни» и «потеря молодости».

Мы также спрашивали у респондентов, какие «плюсы» и «минусы» старости они выделяют. В результате обработки данных оказалось, что в группе 1 наиболее часто выделяли такие положительные стороны старости, как «свободное время» (23,1%), «мудрость» (19,2%), «опыт» (15,4%), реже — наличие внуков (3,8%), самостоятельности, свободы (7,7%). Но большая часть оппонентов вообще не видела положительных сторон старости (30,8%). В группе 2 отмечались такие положительные стороны старости, как «внуки» (21,7%), «свободное время» (17,4%), «покой» (8,7%), «уважение» (8,7%), «мудрость» (8,7%), «опыт» (15,4%), «самостоятельность, свобода» (4,3%). Также большая часть пожилых людей говорила о том, что не видит положительных сторон старости (26,2%).

В анкете с помощью прямого вопроса мы спрашивали о субъективной оценке респондентами их образа жизни, в результате выделились две группы: более активных и менее активных. У менее активных пожилых людей было выше среднее значение по показателю депрессии ($M = 5,52$). У более активной группы — выше показатели по физическому и социальному функционированию ($M = 71,80$, $M = 74,52$), общему состоянию здоровья ($M = 60,88$), позитивному отношению к своему будущему ($M = 6,48$). В целом были обнаружены отличия групп и влияние эмоционального состояния на ролевое функционирование, самооценку психического здоровья, характеризующего настроение, с общим коэффициентом самочувствия и такой эмоцией, как радость. Все эти показатели выше у людей, положительно относящихся к старости, чуть меньше — у тех, кто относится к ней нейтрально, и самый низкий — у относящихся к старости отрицательно. По всем показателям методики «SF-36 качество жизни» средние значения выше в более благополучной, первой группе пожилых людей.

Наиболее важными для нашей работы были результаты исследования эмоций. На рис. 2 можно видеть, что в более благополучной группе 1 средние значения выше по таким эмоциям, как интерес, радость и удивление. В менее благополучной группе 2 выше показатели отрицательных эмоций, таких как горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд и вина. Статистически значимые различия были выявлены только по двум эмоциям — интереса и презрения. У группы с более высоким уровнем благополучия выше уровень эмоции интереса (7,43) в отличие от менее благополучных пожилых людей (5,87), ($p = 0,007$). Что касается эмоции презрения, то здесь, наоборот, низкий уровень у первой группы (3,04), а высокий — у группы с низким уровнем благополучия (3,93), ($p = 0,006$).

В результате проведенного корреляционного анализа было обнаружено много взаимосвязей между исследуемыми показателями. На рис. 3 представлены корреляционные связи уровня субъективного благополучия человека в пожилом возрасте. Субъективное благополучие отрицательно коррелирует с такими характеристиками, как депрессия ($r = -0,475$, $p \leq 0,01$), негативное отношение к своему настоящему ($r = -0,535$, $p \leq 0,01$) и будущему ($r = -0,603$, $p \leq 0,01$), а также с таким чувством, как презрение ($r = -0,443$, $p \leq 0,01$).

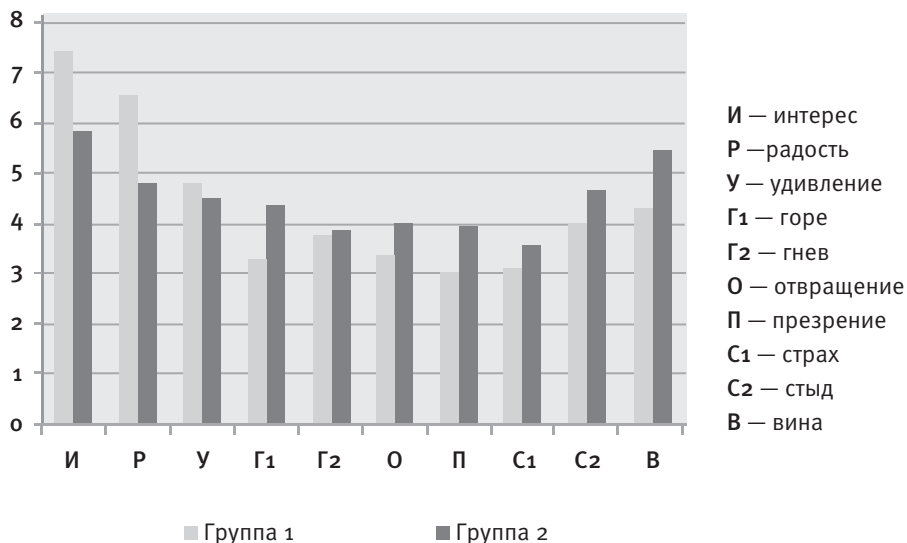

Рис. 2. Средние значения по показателю эмоции в группе с высоким уровнем благополучия (группа 1) и в группе с низким уровнем благополучия (группа 2) (статистическая значимость различий по эмоции интереса — 0,007, по эмоции презрения — 0,006)

Рис. 3. Корреляционные связи субъективного благополучия с психологическими характеристиками

Также в ходе подсчета корреляций были выявлены положительные статистически значимые связи субъективного благополучия с позитивным отношением к своему прошлому ($r = 0,565, p \leq 0,01$), настоящему ($r = 0,532, p \leq 0,01$) и будущему ($r = 0,515, p \leq 0,01$), положительная связь с общим показателем самочувствия ($r = 0,479, p \leq 0,01$) и его отдельными эмоциями, такими как радость ($r = 0,446, p \leq 0,01$) и интерес ($r = 0,513, p \leq 0,01$), и, кроме того, связь почти со всеми показателями методики SF-36.

Еще один важный в нашей работе показатель — это коэффициент эмоционального самочувствия по К. Изарду. Коэффициент эмоционального самочувствия по Изарду в выборке не имеет отрицательных корреляций, а только положительные, с такими исследуемыми показателями, как позитивное отношение к на-

стоящему ($r = 0,437, p \leq 0,01$) и будущему ($r = 0,438, p \leq 0,01$), а также с общим состоянием здоровья (GH) ($r = 0,562, p \leq 0,01$), социальным функционированием (SF) ($r = 0,503, p \leq 0,01$), физическим функционированием (PF) ($r = 0,415, p \leq 0,01$), самооценкой психического здоровья (MH) ($r = 0,501, p \leq 0,01$), общим субъективным благополучием ($r = 0,479, p \leq 0,01$) и его компонентом — цели в жизни ($r = 0,450, p \leq 0,01$).

В ходе работы нам было важно понять, что может выступать в качестве возможных предикторов субъективного благополучия, для этой цели нами был проведен регрессионный анализ. В нашем случае зависимой переменной является субъективное благополучие. В результате обработки данных методик среди множества исследованных нами психологических характеристик были обнаружены 6 предикторов субъективного благополучия: 1) самооценка психического состояния (MH), 2) социальное функционирование (SF), 3) нейтральное отношение к настоящему, 4) нейтральное отношение к будущему, 5) эмоция страха, 6) эмоция интереса. Другими словами, можно сделать предварительный вывод о том, что в исследуемой выборке пожилых людей нейтральное отношение к своему настоящему и будущему, высокий уровень психического состояния и социального функционирования, высокий уровень интереса и низкий уровень страха выступают предикторами субъективно благополучия. Следует уточнить, что нами были получены только предварительные данные регрессионного анализа, которые требуют дальнейшей доработки на более объемной выборке.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборка была разделена на две группы на основании образа жизни: «менее активных» и «более активных» пожилых людей. В ходе исследования мы выявили отличие групп по таким показателям, как образ жизни, отношение к старости с другими психологическими характеристиками пожилого человека. Были обнаружены статистически значимые отличия между группами: по показателям депрессии, физического и социального функционирования, общего состояния здоровья, позитивного отношения к будущему. У активных пожилых людей более высокие средние значения по этим показателям, а по показателю депрессии низкие. Мы предположили, что у людей, живущих в семье, субъективное благополучие будет выше, чем у людей, которые живут одни. В ходе исследования не было обнаружено статистически значимых различий между группами по этим показателям. Были обнаружены статистически значимые отличия групп, разделенных на основании отношения к старости (позитивное, нейтральное, негативное), с влиянием эмоционального состояния на ролевое функционирование, с самооценкой психического здоровья, характеризующего настроение, с общим коэффициентом самочувствия и такой эмоцией, как радость. Все эти показатели выше у людей, которые положительно относятся к старости, чуть меньше у тех, кто относится к ней нейтрально, и самый низкий — у пожилых людей, отрицательно относящихся к старости.

Практически по всем показателям методики «SF-36 качество жизни» средние значения выше в более благополучной группе, также они выше по показателю «Позитивное отношение к прошлому, настоящему и будущему», при этом в группе менее благополучной выше показатели негативного отношения к своему прошлому и будущему.

Примечательным оказался результат, показывающий, что в более благополучной группе 1 средние значения выше по такой эмоции, как интерес, но при этом в группе 2 высокий показатель по эмоции презрения. С другими эмоциями статистически значимых различий больше выявлено не было.

Нами был проведен корреляционный анализ субъективного благополучия и эмоций человека в пожилом возрасте, центральных показателей для нашего исследования, и различных психологических характеристик наиболее сильных отрицательных взаимосвязей субъективного благополучия в пожилом возрасте, негативного отношения к своему настоящему и будущему. Также стоит упомянуть сильную связь субъективного благополучия с показателями методики «SF-36». Это можно объяснить тем, что сам этот опросник отражает субъективную оценку благополучия респондентов и их удовлетворенность условиями жизни. Поэтому неудивительна сильная корреляция между показателями благополучия по Рифф и показателями методики «SF-36».

Что касается отрицательной связи субъективного благополучия с депрессией, то можно утверждать, что депрессия сопровождается неудовлетворенностью жизнью, ощущением неконтролируемости жизни, отсутствием стремления к развитию, апатией и т.п., все перечисленные характеристики не ведут к жизненному благополучию. Джозеф и Льюис (Joseph & Lewis, 1998) разработали Общую шкалу депрессии-счастья (General Depression-Happiness scale) и обнаружили, что она коррелирует с Оксфордским опросником

счастья (ОШ) и с Опросником депрессии Бека (BDI). Они утверждали, что существует единое измерение счастья, имеющее сильную отрицательную корреляцию с депрессией (Аргайл, 2003).

Была обнаружена также статистически значимая положительная связь с общим показателем самочувствия и его отдельными эмоциями, такими как радость и интерес. По Изарду, интерес и радость мобилизуют жизненные силы организма, активизируют их. Радость тесно связана со счастьем: счастливые люди чаще радуются, более уверены в себе, более оптимистичны и более успешны в жизни, чем несчастливые. Интерес — наиболее часто испытываемая положительная эмоция. У людей, испытывающих эмоцию интереса, существует желание исследовать свою среду, расширить свой опыт.

Мы предположили в одной из наших частных гипотез, что субъективное благополучие может быть связано с удовлетворенностью качеством и количеством контактов в общении, так как в обществе бытует мнение, что круг общения в старости значительно сужается, а физическая слабость приводит к изоляции. В ходе корреляционного анализа не была обнаружена статистически значимая связь между субъективным благополучием и этими показателями, и самой важной для нас из этих связей является связь коэффициента эмоционального самочувствия и субъективного благополучия. Связь коэффициента эмоционального самочувствия с таким компонентом общего показателя благополучия, как цель в жизни, можно объяснить по В. Франклу, который утверждал, что «нормальное ощущение счастья не выступает в качестве цели, к которой человек стремится, а представляет собой скорее сопутствующее явление, сопровождающее процесс достижения цели и смысла жизни» (Франкл, 1990). Л. В. Куликов отмечал, что благополучие зависит от наличия ясных целей, успешности реализации планов деятельности и поведения, наличия ресурсов и условий для достижения целей (Куликов, 1997).

Таким образом, на разных связях показателей, измеряющих эмоциональное состояние человека, рассмотренных выше, и субъективного благополучия мы подтвердили гипотезу о связи субъективного благополучия и его компонентов с эмоциональным состоянием человека, его психическим здоровьем (МН). Можно предположить, что если человек находится в положительном эмоциональном фоне, то у него выше чувство субъективного благополучия. Также верна обратная связь. И наоборот, если человек находится в негативном эмоциональном состоянии, то его уровень субъективного благополучия будет ниже.

В ходе работы было важно понять, что может выступать в качестве возможных предикторов субъективного благополучия в пожилом возрасте, для этой цели нами был проведен регрессионный анализ. В данном случае зависимой переменной является субъективное благополучие, а независимыми переменными — эмоции человека. В результате обработки среди множества исследованных психологических характеристик были обнаружены 6 предикторов субъективного благополучия: самооценка психического состояния (МН), социальное функционирование (SF), нейтральное отношение к настоящему и будущему, эмоции страха и интереса.

ВЫВОДЫ

В нашем исследовании мы получили следующие результаты.

1. У более благополучной группы пожилых людей выше средние значения по такой эмоции, как интерес, и ниже по эмоции презрения. С другими эмоциями статистически значимых отличий между группами установлено не было. Субъективное благополучие в выборке отрицательно связано с таким чувством, как презрение, и положительно — с радостью и интересом.

2. В группе с высоким уровнем благополучия более высокие показатели позитивного отношения к прошлому, настоящему и будущему. Субъективное благополучие в выборке отрицательно связано с негативным отношением к своему настоящему и будущему и положительно — с позитивным отношением к своему прошлому, настоящему и будущему.

3. Была обнаружена статистически значимая отрицательная связь уровня депрессии с субъективным благополучием.

4. В ходе корреляционного анализа не было обнаружено статистически значимых связей между субъективным благополучием и удовлетворенностью количеством своих контактов в общении, но была выявлена положительная связь между удовлетворенностью количеством и качеством общения. В регрессионном анализе мы получили один из предикторов субъективного благополучия — социальное функционирование.

5. У активных пожилых людей более высокие средние значения по показателям физического и социального функционирования, общего состояния здоровья, позитивного отношения к будущему, чем у менее

активных пожилых людей. Связи субъективного благополучия и эмоциями пожилого человека с образом жизни, который он ведет, обнаружено не было.

6. Были установлены статистически значимые отличия групп, разделенных на основании отношения к старости, с влиянием эмоционального состояния на ролевое функционирование, самооценкой психического здоровья, характеризующего настроение, с общим коэффициентом самочувствия и такой эмоцией, как радость. Все эти показатели выше у пожилых людей, которые положительно относятся к старости, меньше у тех, кто относится к ней нейтрально, и самый низкий уровень — у пожилых людей, относящихся к старости отрицательно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова М. Д. Социальная и психологическая геронтология. Л., 1974.
2. Аргайл М. Психология счастья. СПб., 2003.
3. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб., 1999.
4. Куликов Л. В. Психология настроения. СПб., 1997.
5. Мелехин А. И. Психологические модели успешного старения (обзор зарубежных исследований) // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна» (Dubna Psychological Journal). 2014. № 2. С. 44–61.
6. Созонтов А. Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического благополучия // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 105–114.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
8. Яремчук С. В. Субъективное благополучие как компонент ценностно-смысловой сферы личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 5. С. 85–95.

Я. В. БОГАТУШИНА, Ю. Л. КОВАЛЕВА

e-mail: yana_bogatu@mail.ru

Программа профессиональной переподготовки «Психология»

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СВЯЗИ С СУБЪЕКТИВНЫМ ЗАПРОСОМ И ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ

В статье представлены результаты исследования связи между спецификой субъективного запроса, личностными особенностями и представлениями о психологическом консультировании мужчин и женщин. Исследование направлено на выявление и изучение связи между спецификой субъективного запроса потенциальных клиентов, их личностными особенностями и представлениями о процессе психологической помощи. Эмпирическую базу исследования составили результаты опроса 146 мужчин и женщин. Изучались: представления о психологической помощи (опросник представлений Ю. Л. Ковалевой); компоненты структуры и системы отношений личности (Гиссенский личностный тест, шкалы доброжелательности (Д. Кэмпбелл), доверия (М. Розенберг), принятия других (В. Фей), враждебности (В. Кук, Д. Медлей); выраженность внутреннего конфликта (Методика незаконченных предложений Д. М. Сакса, С. Леви). Установлено, что характеристики субъективного запроса и ожидания положительно связаны с терпением, уступчивостью, способностью к рефлексии, самокритичностью (длительность консультирования); враждебностью, подавлению негативных эмоций, импульсивностью, желанием настоять на своем, неприятием других (количество запросов). Большинство респондентов выбирают краткосрочное консультирование с психологом своего пола и возраста (или старше), направленное на разрешение конкретных проблем. Респонденты, декларирующие большее количество запросов, не имеют предпочтений относительно пола психолога и выбирают длительное консультирование, направленное на личностные изменения; из них мужчины характеризуются пониженным настроением и низкой самооценкой, женщины — потребностью в любви, самокритичностью, открытостью, доверчивостью, откровенностью. У мужчин и женщин выявлены значимые различия запросов в сфере отношения к себе и самореализации. На основании полученных данных можно выстраивать типологию потенциальных клиентов и ориентироваться в их субъективных запросах и ожиданиях.

Ключевые слова: представления о психологическом консультировании, субъективный запрос, личностные особенности.

PERCEPTION OF PSYCHOLOGICAL AID AS A RESULT OF SUBJECTIVE REQUEST AND INDIVIDUAL PECULIARITIES OF A PERSON

This article depicts perception of psychological aid as a result of subjective request and individual peculiarities of a person. Psychologists are in need of information regarding expectations and requests of individuals with different personalities who turn to psychological support. Empirical research base includes questioning results of 146 male and female participants. Within this research the following phenomena have been studied: psychological aid perception (perception questionnaire by Y. L. Kovaleva); structure and relationships system components of an individual (Giessen personality test); goodwill scale (G. Cambell); "faith in people" scale (M. Rosenberg); acceptance of others scale (V. Faye); hostility scale (V. Cook, D. Medley); expressiveness of inner conflict ("unfinished sentences" method by J. M. Sachs, S. Levy).

It was found that characteristics of subjective request and expectations are positively related to tolerance, compliancy, self-reflection, self-criticism (counseling duration), hostility, suppression of negative emotions, impulsivity, insistency, non-acceptance of others (number of requests). Most respondents choose a short-term counseling conducted by a psychologist of the same gender and age (or older) and they aim at solving a particular problem. Those who declare a larger number of requests have no preferences on psychologist's gender and tend to choose a long-term counseling aiming at personal changes. Male respondents of the latter group exhibit low mood and low self-esteem but female respondents show need for love, self-esteem, openness, trust and sincerity. There have been revealed significant differences between male and female participants in the field of self-attitude and personal fulfillment.

Acquired data may help us to build a typology of potential clients and navigate among their subjective requests and expectations.

Keywords: perceptions of psychological counseling, a subjective inquiry, personal features.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

«Цель психологического консультирования — помочь клиентам понять происходящее в их жизненном пространстве и осмысленно достичь поставленной цели на основе осознанного выбора при разрешении проблем эмоционального и межличностного характера» (Кочюнас, 1999). Особенности личности психолога — консультанта и клиента, характер взаимоотношений между ними играют одну из решающих ролей в процессе решения проблем последнего (Калмыкова, Кэхеле, 2000). Влияние личности клиента изучено недостаточно. В литературе по данной тематике встречаются упоминания о противопоказаниях к психотерапии в различных психологических школах. Психоаналитические концепции говорят о преимущественном использовании пациентом механизмов проекции и отрицания, явной депрессии как о неблагоприятных факторах, влияющих на психотерапию (Карвасарский, 2000). Экзистенциально ориентированные психологи упоминают низкий интеллект как негативный фактор для процесса консультирования. Когнитивно-бихевиоральные теории говорят о слишком высоком интеллекте как личностной особенности, затрудняющей общее направление оказания психологической помощи. Ш. Роут отмечает влияние пола консультанта на успешность психологической помощи для разных клиентов (Роут, 2002).

В научных кругах преобладает высокий уровень заинтересованности в развитии психологического консультирования в России, что свидетельствует о наличии неразрешенных вопросов и возможных перспективах их решения. Одним из таких вопросов является измерение эффективности психологического консультирования. Эффективность работы психолога-консультанта будет зависеть в том числе от того, насколько хорошо он ориентируется в ожиданиях и потенциальных запросах клиентов, обладающих различными психологическими особенностями. Таким образом, представляется необходимым проведение исследований, направленных на создание типологий потенциальных запросов клиентов в связи с их личностными особенностями.

Цель исследования: выявление взаимосвязи между личностными особенностями, субъективным запросом и представлениями о психологической помощи у мужчин и женщин среднего возраста.

Для реализации поставленной цели нами были сформулированы следующие **задачи:**

1. Выявление личностных особенностей мужчин и женщин среднего возраста.
2. Исследование представлений о психологической помощи и специфики декларируемого субъективного запроса мужчин и женщин среднего возраста.
3. Выявление и анализ различий в представлениях о психологическом консультировании и личностных особенностях мужчин и женщин среднего возраста, декларирующих различные запросы.

Гипотезы исследования:

1. Субъективный запрос взаимосвязан с особенностями личности и будет различаться у мужчин и женщин.
2. Представления о психологической помощи взаимосвязаны с субъективным запросом, личностными особенностями и будут различаться у мужчин и женщин.

Объект исследования: личностные особенности, субъективный запрос, представления о психологической помощи.

Предмет исследования: различия и взаимосвязи личностных особенностей и представлений о психологическом консультировании у мужчин и женщин среднего возраста, декларирующих различные запросы.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

На добровольной основе в исследовании приняли участие 146 респондентов, имеющих высшее образование, состоящих в браке, из них 73 женщины и 73 мужчины. Средний возраст участников по выборке составил 34,5 лет (при стандартном отклонении 4,9). На основании количества предъявленных потенциальных запросов о психологической помощи, респонденты были разделены на две группы.

Группа 1: респонденты, декларирующие от 1 до 6 потенциальных запросов (107 человек, из них 58 мужчин (средний возраст 35,5 лет, стандартное отклонение 5,6) и 49 женщин (средний возраст 33,7 лет, стандартное отклонение 4,0)).

Группа 2: респонденты, декларирующие 7 и более запросов (39 человек, из них 15 мужчин (средний возраст 34,8 лет, стандартное отклонение 6,2) и 24 женщины (средний возраст 33,3 года, стандартное отклонение 3,7)).

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования представлений респондентов о психологической помощи использовался авторский Опросник о психологической помощи (ОПП) Ю. Л. Ковалевой, доработанный Я. В. Богатушиной.

Компоненты структуры и системы отношений личности исследовались при помощи Гиссенского личностного теста (Л. И. Вассерман, О. Ю. Щелкова, Шкалы доброжелательности (Д. Кэмпбелл), доверия (М. Розенберг), принятия других (В. Фей), враждебности (В. Кук, Д. Медлей) (В. А. Лабунская, Ю. А. Менджерицкая, Е. Д. Бреус, 2001).

Исследование наличия внутреннего эмоционального конфликта и степени его выраженности проводилось при помощи Методики незаконченных предложений Д. М. Сакса, С. Леви (Г. Г. Румянцев, 1965).

Для анализа данных, полученных в ходе исследования, использовались следующие математико-статистические методы обработки данных:

1. Первичный анализ (среднее арифметическое, стандартное отклонение, стандартная ошибка среднего).
2. Сравнительный анализ с использованием метода Хи-квадрата Пирсона для номинативных данных.
3. Сравнительный анализ с использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок.
4. Дисперсионный анализ ANOVA.

Для вычисления математико-статистических показателей использовались программа Excel и программный пакет SPSS 12.0.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ниже приведены результаты сравнительного анализа выраженности исследуемых показателей для двух групп респондентов, выделенных по критерию «количество субъективных запросов».

- По переменной **«Доминантность»** среднее значение для респондентов группы 1 составило 50,15, для респондентов группы 2 — 42,13 ($p = 0,00003$).
- По переменной **«Преобладающее настроение»** среднее значение для респондентов группы 1 составило 47,28, для респондентов группы 2 — 53,56 ($p = 0,002$).
- По переменной **«Искренность ответов»** среднее значение для респондентов группы 1 составило 7,7, для респондентов группы 2 — 5,44 ($p = 0,05$). При этом среднее по выборке на территории РФ составляет 6,6.
- По переменной **«Принятие»** среднее значение для респондентов группы 1 составило 53,62, для респондентов группы 2 — 52,38 ($p = 0,06$).
- По переменной **«Враждебность»** среднее значение для респондентов группы 1 составило 16,73, для респондентов группы 2 — 19,31 ($p = 0,00002$).
- По переменной **«Выраженность эмоционального конфликта»** среднее значение для респондентов группы 1 составило 0,57, для респондентов группы 2 — 0,92 ($p = 0,012$).

Таким образом, в сравнении с респондентами группы 1 респонденты группы 2 более склонны к нетерпению, желанию настоять на своем; они характеризуют себя как людей более импульсивных и в большей степени склонных притязать на первенство. В то же время респонденты этой группы демонстрируют меньшую степень интенсивности отношений принятия других людей, а также статистически значимо более высокую по сравнению с группой 1 степень интенсивности отношений враждебности.

В свою очередь респонденты группы 2 характеризуют себя как людей, в целом более склонных к рефлексии и самокритичности. По-видимому, этим обусловлена большая искренность их ответов и более высокая степень заинтересованности в самоанализе.

В совокупности перечисленные значимые различия между группами обуславливают в том числе и более высокий показатель наличия эмоциональных конфликтов по отношению к самим себе, собственной семье и реализации возможностей, характерный для группы 2.

Все указанные выше факторы могут приводить к увеличению количества потенциальных субъективных запросов на получение психологической помощи.

Результаты сравнительного анализа выраженности исследуемых личностных характеристик респондентов женского и мужского пола по группе, респонденты которой декларировали не более 6 субъективных запросов, представлены в табл. 1.

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа показателей эмпирического исследования личностных характеристик респондентов разного пола (группа 1)

ПЕРЕМЕННЫЕ	ГРУППА 1		ЗНАЧИМОСТЬ (ДВУСТОРОННЯЯ)
	ЖЕНЩИНЫ (N = 49)	МУЖЧИНЫ (N = 58)	
Преобладающее настроение	50,40	44,63	0,003*
Замкнутость	49,39	53,36	0,023**
Принятие	54,94	52,50	0,022**
Цинизм	47,43	50,86	0,031**
Агрессия	28,86	31,83	0,003*

* Статистически достоверные различия при уровне значимости $p \leq 0,05$.

**Различия на уровне статистической тенденции ($p \leq 0,1$).

По сравнению с мужчинами женщины группы 1 характеризуют себя как более склонных к рефлексии, самокритичных и часто находящихся в подавленном состоянии. В то же время они более доверчивы и открыты в отношении других людей; им свойственна большая по сравнению с мужчинами откровенность и потребность в любви. Женщин этой группы характеризуют более высокий уровень принятия в отношении других людей, а также более низкий по сравнению с мужчинами уровень цинизма и агрессии в отношении других.

Результаты сравнительного анализа выраженности исследуемых личностных характеристик респондентов женского и мужского пола по группе 2 представлены в табл. 2.

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа показателей эмпирического исследования личностных характеристик респондентов разного пола (группа 2)

ПЕРЕМЕННЫЕ	ГРУППА 2		ЗНАЧИМОСТЬ (ДВУСТОРОННЯЯ)
	ЖЕНЩИНЫ (N = 24)	МУЖЧИНЫ (N = 15)	
Замкнутость	44,64	58,19	0,001*
Принятие	54,75	48,60	0,004*
Доверие	1,92	0,93	0,004*
Доброжелательность	5,88	4,60	0,049**
Выраженность эмоционального конфликта	0,71	1,27	0,063**

*Статистически достоверные различия при уровне значимости $p \leq 0,05$.

**Различия на уровне статистической тенденции ($p \leq 0,1$).

Таким образом, женщинам из группы, декларирующей большее количество субъективных запросов, свойственны большая по сравнению с мужчинами открытость, доверчивость и откровенность. Они более принимающие и доверяющие, а также более доброжелательные в отношениях с другими людьми.

Мужчины из группы 2 демонстрируют более высокую выраженность внутреннего эмоционального конфликта, что является косвенной характеристикой наличия реальной проблематики в системе отношений личности.

Результаты сравнительного анализа выраженности исследуемых личностных характеристик респондентов мужского пола по группам представлены в табл. 3.

Мужчины, относящиеся к группе, выбравшей большее количество потенциальных запросов для обращения за психологической помощью (группа 2), склонны характеризовать себя как людей более нетерпеливых, импульсивных, неуступчивых, в большей степени стремящихся притязать на первенство. Вместе с тем для мужчин этой группы в большей степени характерно пониженное настроение, тенденция к подавлению собственных негативных эмоций, высокая самокритичность, склонность к рефлексии и в целом более низкая оценка себя. В свою очередь, выраженность внутреннего эмоционального конфликта, которая в нашем исследовании является косвенной характеристикой существующей проблематики в системе отношений личности респондентов, для мужчин группы 2 оказалась значимо выше аналогичного показателя для мужчин группы 1.

Таблица 3. Результаты сравнительного анализа средних значений характеристик структуры личности респондентов мужского пола (по группам)

ПЕРЕМЕННЫЕ	МУЖЧИНЫ		ЗНАЧИМОСТЬ (ДВУСТОРОННЯЯ)
	ГРУППА 1 (N = 58)	ГРУППА 2 (N = 15)	
Доминантность	49,42	41,50	0,001*
Преобладающее настроение	44,63	50,94	0,023*
Принятие	52,50	48,60	0,027*
Доверие	1,45	0,93	0,064**
Доброжелательность	5,53	4,6	0,079**
Враждебность	17,17	20,33	0,001*
Выраженность эмоционального конфликта	0,52	1,27	0,039*

*Статистически достоверные различия при уровне значимости $p \leq 0,05$.

**Различия на уровне статистической тенденции ($p \leq 0,1$).

Таблица 4. Результаты сравнительного анализа средних значений характеристик структуры личности респондентов женского пола (по группам)

ПЕРЕМЕННЫЕ	ЖЕНЩИНЫ		ЗНАЧИМОСТЬ (ДВУСТОРОННЯЯ)
	ГРУППА 1 (N = 49)	ГРУППА 2 (N = 24)	
Доминантность	51,02	42,52	0,004**
Преобладающее настроение	50,40	55,19	0,038**
Замкнутость	49,39	44,64	0,034**
Установочность, неискренность ответов (6,6 по выборке РФ)	7,63	4,88	0,043**

** Статистически достоверные различия при уровне значимости $p \leq 0,05$.

Результаты сравнительного анализа исследуемых показателей респондентов женского пола по группам представлены в табл. 4.

Женщины, относящиеся к группе, декларирующей большее количество запросов на помощь психолога (группа 2), характеризуют себя как людей более нетерпеливых, неуступчивых, импульсивных и притязавших на первенство. Им в большей степени свойственны рефлексия, подавленность, высокая самокритичность. Женщины из группы 2 характеризуют себя как людей более открытых, доверяющих, обладающих большой потребностью в любви и способностью к откровенности. Женщины этой группы продемонстрировали более высокую искренность в своих ответах на вопросы в рамках исследования. Вместе с тем внутренний личностный конфликт как характеристика нарушения системы отношений личности у женщин экспериментальной группы незначительно превосходит аналогичный показатель для женщин контрольной группы.

Относительно ответов на Опросник о психологической помощи можно констатировать следующие результаты проведенного исследования:

1. Вне зависимости от количества декларируемых субъективных запросов респонденты обоих полов (100 % по каждой группе) предпочли бы получить помощь от психолога в возрасте не моложе себя.

2. Анализ предпочтений относительно пола психолога выявил, что респонденты группы 1 предпочли бы работать с психологом своего пола (60,3 % мужчин и 70,4 % женщин, $p = 0,012$), в то время как респонденты другой группы не имеют выраженных предпочтений относительно пола психолога-консультанта (53,3 % мужчин и 50 % женщин, $p = 0,839$).

3. Выявлены статистически значимые различия внутри каждой группы по полу респондентов, обращавшихся или не обращавшихся за психологической помощью. Так, в контрольной группе опыт обращения к психологу имеют 18 мужчин (31 %) и 25 женщин (51 %) ($p = 0,036$), в то время как среди респондентов экспериментальной группы за психологической помощью обращались 4 мужчин (26,7 %) и 16 женщин (66,7 %) ($p = 0,014$). Среди респондентов обеих групп опыт обращения к психологу статистически значимо в большей степени имеют женщины.

4. Статистически значимых различий между респондентами двух групп по вопросу общего уровня верия психологам не выявлено; при этом группа респондентов, полагающих, что психологическое консультирование никогда не помогает клиентам, оказалась самой малочисленной (11,2 % общего числа респондентов группы 1; 5,1 % общего числа респондентов группы 2).

5. Относительно предпочтений в длительности психологического консультирования было выявлено, что для респондентов обеих групп наиболее предпочтительным является непродолжительное консультирование (5–10 встреч), направленное на разрешение конкретной ситуации или проблемы (52,3 % общего числа респондентов группы 1; 38,4 % общего числа респондентов группы 2. При этом число респондентов группы 2, предпочитающих длительную работу с психологом, направленную на достижение глубинных внутриличностных изменений (20,5 %), значительно превышает аналогичный показатель по контрольной группе (5,6 %), $p = 0,007$.

6. Для обеих групп, вне зависимости от количества декларируемых запросов, респонденты мужского пола в значительно большей степени по сравнению с женщинами склонны отказываться от какой-либо помощи психолога (39,7 % мужчин и 4,1 % женщин по группе 1, $p = 0,01$; 26,7 % мужчин и 4,2 % женщин по группе 2, $p = 0,01$).

7. Были выявлены значимые различия в специфике субъективного запроса у мужчин и женщин по выборке в целом. Так, в направлении «Непонимание себя» количество выборов для женщин составило 1,08, для мужчин — 1,52 ($p = 0,004$). В направлении «Самореализация» количество выборов для женщин составило 1,26, для мужчин — 1,37 ($p = 0,0001$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализируя значимые различия между мужчинами и женщинами разных групп, можно сделать предположение о том, что в зависимости от пола респондента предъявление субъективных запросов на получение психологической помощи имеет в своей основе различные предпосылки. Так, мужчины группы 2, респонденты которой декларируют большее количество запросов, характеризуются как более замкнутые, враждебные, агрессивные и не доверяющие другим (по сравнению с мужчинами группы 1). Женщины из группы респондентов, декларирующей большее количество потенциальных запросов, наоборот, более открытые, доверяющие и способные к откровенности (по сравнению с женщинами группы 1). При этом как мужчин, так и женщин группы 2 значительно отличает высокая способность к рефлексии по сравнению с респондентами другой группы.

Таким образом, принимая во внимание наличие значимого различия в выраженности внутреннего эмоционального конфликта между мужчинами разных групп и отсутствие значимости такого различия между женщинами разных групп, можно предположить, что количество декларируемых субъективных запросов у мужчин может быть соотнесено с субъективной оценкой их собственного психологического благополучия. Для женщин количество предъявляемых запросов скорее соотносится с восприятием психологической помощи как ресурса для разрешения возникающих затруднений и возможности глубинных внутриличностных изменений. Это предположение согласуется с результатами анализа ответов на вопрос о предпочтительных для респондентов продолжительности и глобальной цели консультирования, которые наглядно демонстрируют, что мужчины в значительно большей степени по сравнению с женщинами склонны отказываться от какой-либо помощи психолога.

ВЫВОДЫ

Выявлено, что субъективный запрос взаимосвязан с такими особенностями личности, как враждебность, нетерпение, неуступчивость, желание настоять на своем, склонность к рефлексии, самокритичность, склонность к подавлению собственных негативных эмоций. При этом установлены значимые различия между мужчинами и женщинами в специфике декларируемых субъективных запросов (по направлению «Непонимание себя» и «Самореализация»).

Представления о психологическом консультировании различаются у респондентов, разделенных на группы по критерию «количество субъективных запросов». Респонденты, декларирующие большее количество запросов, не имеют предпочтений относительно пола психолога и выбирают длительное консультирование, направленное на глубинные личностные изменения.

Представления о психологической помощи взаимосвязаны с такими личностными особенностями, как терпение, уступчивость, склонность к рефлексии, самокритике и стремлением скрывать свои негативные эмоции. При этом опыт обращения к психологу статистически значимо в большей степени имеют женщины. Респонденты мужского пола в значительно большей степени по сравнению с женщинами склонны отказываться от какой-либо помощи психолога.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вассерман Л. И., Щелкова О. Ю.* Медицинская психодиагностика: теория, практика и обучение. М., 2003.
2. *Калмыкова Е. С., Кэхеле Х.* Изучение психотерапии за рубежом: история, современное состояние // Журнал практической психологии и психоанализа. 2000. № 1. С. 3–8.
3. *Кочюнас Р.* Основы психологического консультирования. М., 1999.
4. *Лабунская В. А., Менджерницкая Ю. А., Бреус Е. Д.* Психология затрудненного общения. М., 2001.
5. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб., 2000.
6. *Роут Ш.* Пол и личность терапевта: все ли терапевты одинаковы? // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. № 1. С. 6.

М. М. БОРИСОВА, С. Д. ГУРИЕВА, Т. Г. ЯНИЧЕВА

e-mail: shmatmaria@gmail.com

Магистерская программа «Общая психология и психология личности»

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОВЕРИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Для изучения социальных представлений о доверии в молодежной среде было обследовано 189 человек. На первом этапе, участниками которого стали 60 человек из городов Соединенных Штатов Америки и 60 человек из городов России, исследовались кросс-культурные и половые различия в представлениях о доверии. Респонденты отвечали на вопрос «Что такое доверие?». Контент-анализ полученных ответов показал существование различий в представлениях мужчин и женщин из разных культурных групп.

Во втором этапе исследования приняли участие 69 человек. Нами были использованы анкета, авторская модификация теста «Незаконченные предложения» Сакса-Леви, проективная методика «Доверительная ситуация», методика оценки доверия/недоверия личности другим людям А. Б. Купрейченко. Обработка данных была проведена с помощью контент-анализа полученных ответов, корреляционного и факторного анализа.

В результате исследования были выделены особенности социальных представлений о доверчивости, объекте и предмете доверия. Обнаружены связи между представлениями о доверии и самооценкой доверчивости. Выделены факторы социальных представлений о доверии и выявлены типы людей, особым образом воспринимающие доверие как феномен.

Ключевые слова: доверие, кросс-культурная психология, социальные представления.

THE SOCIAL REPRESENTATIONS ABOUT TRUST IN YOUTH

For the study of the social representations about trust in youth were interviewed 189 people. On the first phase, 60 people from the cities of the United States and 60 peoples from the cities of Russia participated the study of cross-cultural and gender differences in the perception of trust. Respondents were asked: "What do you think what is trust?". The content analysis of the responses showed that there are differences in the views of men and women from different cultural groups.

On the second phase of the study 69 people participated. In this study we used a questionnaire, an authoring modification test "incomplete sentences" of Sachs-Levy, a projective technique "situation of trust", assessment methodology of trust / distrust to other people Kupreychenko A. B. The data processing was carried out using a content analysis of the received responses, the correlation analysis and factor analysis.

Results: was found a set of social representations of credulity and trust vector. We found a link between the concepts of trust and self-esteem credulity. Were studied the factors of social representations about trust and were identified the types of people, who have different ways of the trust perception.

Keywords: trust, cross-cultural psychology, social presentation.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Впервые термин «доверие» упоминается Фалесом: «Пусть молва не ссорит тебя с теми, кто пользуется твоим доверием» — и по настоящее время привлекает внимание мыслителей и исследователей, в работах которых продолжается глубокий анализ данного понятия. Доверие как феномен междисциплинарной области научного знания является предметом изучения во многих науках: философии, религии, социологии, психологии, экономики, политологии, истории, юриспруденции. Однако, как это часто бывает в случаях исследования таких популярных терминов, возникают трудности в принятии одного определения. Так, например, одни авторы сравнивают доверие с надеждой на оправдание некоторых ожиданий (Шо, 2000; Атватер, Даффи, 2003); другие подразумевают под этим понятием положительное отношение субъекта к объекту (Антоненко, 2006). Изучаемый нами феномен представляет собой фундаментальное психологическое понятие и является предметной областью изучения в работах А. Б. Купрейченко (2008), Т. П. Скрипкиной (2003), Sztompka P. (1999), Е. П. Ильина (2013) и др. И. В. Антоненко проанализировал множество определений и выделил несколько основных моментов, упомянутых в изученных им исследованиях. Во многих определениях прямо или косвенно указывается субъект доверия — испытывающий его индивид, описываются свойства субъекта доверия. Кроме того, указывается лицо, по отношению к которому испытывается доверие (это могут быть как человек, так и система, обстоятельство) — объект доверия. Соответственно выделяются характеристики и свойства объекта, являющиеся основаниями испытываемого доверия. В дополнение ко все-

му вышесказанному доверию противопоставляется недоверие, изучаются их специфическое отличие, причины и механизмы, лежащие в основе этих явлений (Антоненко, 2006, с. 172–174). А. Б. Купрейченко (2008) подходила к изучению доверия как психологическому отношению, в структуре которого можно выделить когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющую. Эмоциональный компонент включает эмоциональные оценки процесса доверительного взаимодействия, общий эмоциональный фон, эмоции по отношению к объекту и ситуации. Когнитивный компонент состоит из представлений об объекте и ситуации, оценки опыта подобного взаимодействия и ожиданий относительно результата взаимодействия. Конативный компонент проявляется в готовности к восприятию полученной от партнера информации как правдивой, способность разделить ответственность, степень самораскрытия.

По словам Сасаки Масамиси, «то, что считается доверием в одной стране, не может считаться таковым в другой» (цит. по: Фукуяма, 2008). Сасаки Масамиси занимался кросс-культурным изучением особенностей представлений о разрушении доверия, о предательстве и его формировании в детстве. Ф. Фукуяма (2008) считает основным компонентом социального капитала доверие: оно рассматривается как «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием относиться к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами». В феномене доверия заложены фундаментальные общественные ценности: понимание Бога и справедливости, профессиональные стандарты организационного поведения — корпоративные кодексы чести.

Цель исследования: изучение особенностей социальных представлений о доверии в молодежной среде.

Предмет исследования: социально-психологический феномен доверия и социальные представления о нем в обыденном сознании современной молодежи.

Основная гипотеза исследования: в основе социальных представлений о доверии лежит набор определенных факторов, определяющих содержательные характеристики доверия, уровень и направленность доверия, степень открытости и уровень самооценки. На содержание социальных представлений о доверии оказывает влияние национально-культурная принадлежность, регион проживания, социодемографические особенности.

Для подтверждения или опровержения основной гипотезы необходимо проверить следующие **частные гипотезы:**

1. Существуют половые и кросс-культурные различия в содержании социальных представлений о доверии (на примере американской и русской выборок).
2. Возможно выделение устойчивых представлений направленности и условиях возникновения доверия.
3. Существуют социальные представления о доверчивости как о позитивном качестве.
4. Существует взаимосвязь между критериями доверия и недоверия человека к другим людям, самооценкой доверчивости, отношением к доверию.
5. Возможно выделение факторов формирования социальных представлений о доверии.

Для достижения цели исследования необходимо выполнение следующих **исследовательских задач:**

1. Подобрать методический инструментарий для измерения переменных, уровень которых может оказывать влияние на социальные представления о доверии и недоверии.
2. Разработать и проверить методический инструментарий для изучения социальных представлений о доверии.
3. Провести пилотажное исследование для апробирования разработанного плана работы
4. Разработать функциональную модель изучения социальных представлений о доверии, в которой представлены структурные, содержательные и динамические составляющие.
5. Изучить универсальные и специфические особенности в социальных представлениях о доверии в различных группах опрошенных респондентов.
6. Разработать практические рекомендации по использованию результатов данного исследования.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в несколько этапов. На кросс-культурном этапе исследования, который проходил в 2014 г., приняли участие 120 человек (по 30 мужчин и 30 женщин из РФ и США) в возрасте от 20 до 27 лет, жители крупных городов, различного семейного и профессионального статуса. Средний возраст — 23,61 года. На основном этапе исследования социальных представлений о доверии в молодежной

среде в нем приняли участие 69 человек в возрасте от 20 до 30 лет (средний возраст 23, 78 года). Общий объем выборки составил 189 человек.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Авторская анкета.
2. Авторская модификация теста «Незаконченные предложения» Сакса–Леви. Нами были добавлены следующие предложения: «Доверие — это...» (позволяющее судить о представлении о доверии), «Доверчивый человек...» (выявляющее отношение человека к этому качеству), «Я доверяю тому, кто...» (направленное на изучение условий возникновения доверия).
3. Методика оценки доверия/недоверия личности другим людям А.Б.Купрейченко использовалась для изучения особенностей представлений об объекте доверия и недоверия. С ее помощью можно исследовать основные критерии доверия / недоверия (надежность, единство, знание), склонность к замене доверия верой или расчетом.
4. Прямая самооценка уровня доверчивости. Респондентам предлагалось оценить себя по шкале доверчивости, найти «свое место» на шкале от «самого недоверчивого человека к самому доверчивому».
5. Авторская проективная методика «Описание доверительной ситуации», разработанная для того, чтобы с помощью контент-анализа выявить значимые сферы доверия.
6. Количественные методы (анализ средних величин, корреляционный анализ, факторный анализ), которые использовались для решения поставленных в исследовании конкретных задач. В рамках статистической обработки данных мы использовали программу SPSS 21.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты контент-анализа представлений о доверии среди респондентов из Америки и России приведены в табл. 1.

Таблица 1. Представления о доверии в России и США (в %)

КОМПОНЕНТ	ЖЕНЩИНЫ, РФ	МУЖЧИНЫ, РФ	ЖЕНЩИНЫ, США	МУЖЧИНЫ, США
Эмоциональный	28,57	39,13	40,00	46,15
Когнитивный	28,57	43,47	28,88	17,94
Поведенческий	42,86	17,39	31,11	35,89

В эмоциональный компонент доверия были включены ответы, касающиеся чувств, ощущений и эмоций, адресованных объекту доверия, вызванных доверительной ситуацией и характеризующих состояние субъекта в момент доверия. Когнитивную сторону доверия отражают ожидания от потенциального и реального поведения другого человека и представление о характере отношений. Когда респонденты выделяют возможность поделить ответственность, открыться перед объектом доверия, устанавливаются конкретные действия, которые готов совершить и совершает человек, и мы сталкиваемся с поведенческим аспектом доверия.

Были выявлены статистически значимые различия в представлениях о доверии между культурными и половыми группами. В представлениях о доверии женщин из России чаще встречается упоминание эмоциональных переживаний, в то время как женщины из США чаще выделяют описание поведения, свойственное при возникновении доверия. Ответы мужчин из России характеризуются большим акцентом на умозрительных суждениях об объекте и ситуации доверия, а представления о доверии у мужчин из США — описанием поведения в данных случаях.

В процессе анализа результатов мы также обратили внимание на особенность соотношения между представлениями о доверии между мужчинами и женщинами в российской и американской выборках. Соотношение частот упоминаний трех компонент доверительной установки в ответах мужчин и женщин из США практически одинаков. При этом мы видим кардинальные отличия представлений о доверии у мужчин и женщин из российских городов.

Контент-анализ результатов незаконченных предложений позволяет изучить **условия возникновения доверия** (рис. 1).

Рис. 1. *Распределение представлений об объекте доверия*

Наибольшее количество респондентов (46%) опираются в своем решении на знание о поступках объекта, в 13% случаях респонденты описывали конкретные качества объекта, необходимые им для доверия; таким образом, 59% респондентов обладают набором требований к объекту доверия, содержащих представления об определенном поведении и его качествах. Часть опрошенных (13%) ориентируется на *статус отношений*. Всего 9% респондентов отдают предпочтение своим *чувствам и эмоциям*. При исследовании представлений об объекте доверия 4% респондентов сказали, что предпочитают никому не доверять, и 15% не определились с решением.

По результатам изучения **объекта доверия** выявлены три, наиболее часто упоминаемые группы. Наиболее часто респонденты вспоминали ситуации неопределенности и выбора уровня доверия во взаимодействии с знакомыми, приятелями, коллегами по работе и друзьями (46,7%). Несколько реже встречается описание доверия к незнакомым или малознакомым людям (30%). В 23,3% ответов содержалось описание отношений с близкими людьми и членами семьи (родители, дети, супружеские отношения).

Результаты методики «Описание доверительной ситуации» позволяют определить наиболее значимый **предмет доверия** (рис. 2).

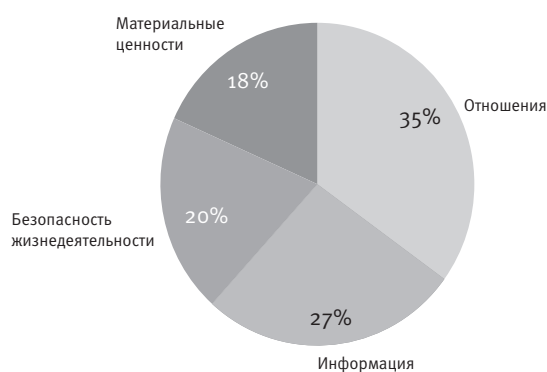

Рис. 2. *Соотношение частоты указания предмета доверия*

Были выделены типичные предметы доверия: *отношения, информация, безопасность жизнедеятельности, материальные ценности*. Мы изучили связь представлений о предмете и объекте доверия, встречающихся в описании доверительных ситуаций с помощью критерия Хи-квадрат Пирсона и обнаружили, что данные категории не связаны между собой ($p > 0,05$). Данные результаты доказывают *универсальность выделенных предметов для всех типов объекта доверия*. Анализ представлений о доверчивости см. в табл. 2.

Таблица 2. Контент-анализ завершения предложения «Доверчивый человек...» (в %)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	ЖЕНЩИНЫ	МУЖЧИНЫ	ИТОГО
Отрицательное качество	26,47	17,65	22,06
Положительное качество	8,82	17,65	13,23
Нейтрально	23,52	29,41	26,47
Негативные последствия	38,23	32,35	35,29
Позитивные последствия	2,94	2,94	2,94

Социальный срез установок в современном обществе по отношению к проявлению доверчивости показывает, что с доверием связан набор опасений и негативных ожиданий, данное качество не является желаемым для представителей выборки. Выявлены различия в представлениях о доверчивом человеке между мужчинами и женщинами.

Представления о доверчивости у женщин чаще носят негативный характер, а мужчины отмечают и положительные, и отрицательные его стороны.

Корреляционный анализ взаимосвязей между критериями доверия (по Купрейченко), отношением к доверию и другим сферам жизни (по методике «Незаконченные предложения» Сакса-Леви) и самооценкой доверчивости показали наличие отрицательной корреляции самооценки доверчивости с шкалой «Недостатки у человека, которому доверяют больше всего» ($r = -359$ при $p \leq 0,01$). Выявлена положительная связь самооценки доверчивости с отношением к доверию ($r = 271$ при $p \leq 0,05$).

В целях изучения причинно-следственных связей формирования самооценки доверчивости был проведен множественный регрессионный анализ. Коэффициент множественной регрессии отражает связь зависимой переменной «Самооценка доверчивости» с совокупностью независимых переменных и равен 0,423. 17,9% дисперсии переменной «Самооценка доверчивости» обусловлены влиянием следующих предикторов: «Отношение к доверию» и шкала «Недостатки у человека, которому доверяют больше всего». Стандартные коэффициенты регрессии являются статистически достоверными и позволяют интерпретировать относительную степень влияния каждого предиктора на самооценку доверчивости. Таким образом, можно сделать вывод о том, что *самооценка доверия может формироваться под влиянием отношения к доверию и представлениями о недостатках объекта доверия*.

Отношение к доверию отрицательно связано с отношением к чувству вины ($r = -254$ при $p \leq 0,05$). Чем негативнее эмоциональный фон, связанный с собственными ошибками, тем лучше человек относится к доверию другим.

Для выявления факторов и определения факторных нагрузок по различным переменным мы использовали факторный анализ, включающий в себя метод главных компонент. Количество необходимых факторов определялось с использованием критерия Кайзера, а интерпретация выявленных факторов проводилась с использованием метода вращения.

График собственных значений позволил предположить, что достаточно выявления 4 факторов для исчерпывающего описания изменения 23 переменных, обозначающих оценки отношения к доверию и другим показателям, критерии доверия, самооценку доверчивости. Матрица факторных нагрузок повернутых компонент позволила определить переменные, наиболее тесно связанные с каждым из факторов и соответственно значимые при его интерпретации, к которой мы приступили после выполнения математического анализа.

Уровень статистической значимости при использовании десятифакторной модели составил $p = 0,68$, что позволяет говорить о том, что данное количество факторов является достаточным для описания имеющихся переменных. На этапе интерпретации мы выделили переменные, имеющие наибольшие нагрузки по каждому фактору и назвали фактор с опорой на них. Таким образом, было выделено четыре фактора формирования социальных представлений о доверии:

- **Первый фактор** характеризует степень выраженности положительного отношения к проявлению доверия, и он был назван «*Положительный опыт доверительных ситуаций*». Высокие оценки этого фактора предполагают большую направленность на позитивное восприятие ситуации и отрицание негативного опыта.
- **Второй фактор**, получивший название «*Негативный опыт доверительных ситуаций*», характеризует степень выраженности отрицательного отношения к проявлению доверия и означает фиксацию на воспоминаниях разочарования в доверии, поиска недостатков того, кому человек доверяет.

- **Третий фактор** — «Прагматический анализ» — характеризует степень выраженности прагматизма, расчетливости к проявлению доверия и подразумевает комплексную оценку знаний, представлений и опыта, позволяющую определить уровень доверия.
- **Четвертый фактор** характеризует степень выраженности толерантного отношения к возможности предательства, отрицательного отношения к проявлению и сохранению доверия. Данный фактор мы назвали «Слепота к доверию». Отношение к доверию скорее негативное, и самооценка доверчивости низкая при высокой толерантности к предательству, чувству вины и страха.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

По результатам исследования выявлена сложная система различий представлений о доверии. Различия не столько носят кросс-культурный характер, сколько наиболее ярко обнаруживаются при учете гендерных различий. Очевидно, необходимо проводить комплексные исследования факторов, влияющих на формирование представлений о социальных феноменах. Также мы видим достоверные различия в представлениях о доверии мужчин и женщин в российской выборке.

Рассмотрим подробно причины выделения перечисленных выше факторов и остановимся на четвертом факторе. Не испытывая страха перед предательством, оправдывая его, человек снижает значимость доверия к другим, для него не важно быть уверенным в другом человеке, если он принимает возможность того, что объект может не оправдать его ожиданий. Не переживая болезненно чувство вины за свои ошибки, человек не нуждается в доверии к себе. Не испытывая страхов, умея их преодолевать, можно не иметь высокого доверия к миру. При низкой необходимости в доверии качество доверчивости не является желаемым, и отношение к данному феномену не отличается оптимистичностью.

Таким образом, нетерпимость к непредсказуемости, чувству вины, страха связана с ощущением необходимости и важности доверия и доверчивости, а толерантность, напротив, заменяет в некоторой степени потребности в доверительных отношениях с другими, собой и миром.

Обобщая полученные результаты по факторному анализу, можно сформулировать следующие положения: в каждой группе, представленной по фактору отношения к доверию, присутствуют люди, которые могут быть охарактеризованы как имеющие положительный опыт к проявлению доверия; имеющие негативный опыт к проявлению доверия; относящиеся к доверию с прагматической, рациональной точки зрения; не исключающие жизненных ситуаций, в которых необходимо толерантное отношение к предательству, а не потребность в сохранении доверия.

ВЫВОДЫ

1. Аналитический обзор научной литературы показал актуальность и востребованность изучения феномена доверия в различных научных дисциплинах, чем подтверждаются междисциплинарный статус самого понятия, сложность и вариабельность в его интерпретации. Существуют противоречивые подходы к определению самого термина «доверие», рассогласования определений, когда доверие понимается как вера, уверенность, надежда. Доверие обладает широким синонимичным рядом, но имеет и отличительные особенности, представляя собой более узкое понятие, чем уверенность, более широкое, чем вера, и более направленное, чем надежда.

2. В структуре доверия выделяют когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие. Эмоциональный и когнитивный компоненты согласованы между собой, включают эмоциональные оценки процесса доверительного взаимодействия, общий эмоциональный фон и представления об объекте и ситуации. Конативный компонент является наиболее сложным образованием, проявляется в готовности к восприятию полученной от партнера информации и последующим действиям.

3. Существуют кросс-культурные и половые различия в представлениях о доверии. Различий в представлениях о нем у мужчин и женщин из России больше, чем у мужчин и женщин из США. В представлениях о доверии российских женщин чаще встречается упоминание эмоциональных переживаний, в то время как женщины из США чаще выделяют описание поведения, свойственное при возникновении доверия. Ответы мужчин из России характеризуются большим акцентом на умозрительных суждениях об объекте и ситуации доверия, а представления о доверии у мужчин из США — описанием поведения в данных случаях.

4. Существует определенный набор представлений о возможном объекте доверия, его качествах и характеристиках, степени знакомства с ним и статусе взаимоотношений между объектом и субъектом. Также существует универсальный набор социальных представлений о предмете доверия: субъект может доверить материальные ценности, вопросы отношений с объектом доверия, некоторую информацию или поверить информации, исходящей от объекта доверия, довериться в вопросе сохранения безопасности своей жизнедеятельности.

5. Гипотеза о существовании социальных представлений о доверчивости как о положительном качестве не подтвердилась. В рамках социальных представлений доверчивость не является желаемой для представителей выборки, с доверием связан набор опасений и негативных ожиданий.

6. Гипотеза о существовании взаимосвязи между критериями доверия и недоверия человека к другим людям, самооценкой доверчивости, отношением к доверию была частично подтверждена: обнаружена положительная связь между отношением к изучаемому феномену и самооценкой доверчивости, при этом самооценка доверчивости отрицательно коррелирует с критерием «Недостатки человека, которому доверяю больше всего». Также была показана и описана отрицательная связь отношения к доверию с отношением к вине.

7. В данной работе нами были выделены и описаны четыре группы факторов, которые образовали систему внутренних связей по отношению к доверию: положительный опыт доверительных ситуаций; негативный опыт доверительных ситуаций; прагматический анализ ситуации; слепота к доверию.

8. Соответственно выявлены типы людей, по-разному воспринимающих доверие как феномен, доверительные ситуации, объект доверия: фиксирующихся на положительном опыте, фиксирующихся на негативном опыте, людей прагматико-анализирующего типа и людей, отрицающих доверие.

9. Описан феномен «слепота к доверию»: показана связь необходимости в доверии, потребности в нем и интолерантности к непредсказуемости, чувству вины, страха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоненко И. В. Социально-психологическая концепция доверия. М., 2006.
2. Атватер И., Даффи К. Психология для жизни. Упорядочение образа мыслей, развитие и поведение человека наших дней: учеб. пособие / пер. с англ. под ред. Е. А. Климова. М., 2003.
3. Зинченко В. П. Психология доверия. Самара, 2001.
4. Ильин Е. П. Психология доверия. СПб., 2013.
5. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008.
6. Скрипкина Т. П. Доверие как социально-психологическое явление: дис. ... докт. психол. наук. М., 2003.
7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М., 2008.
8. Шо Р. Б. Ключи к доверию в организации. Результативность, порядочность, проявление заботы. М., 2000.
9. Sztompka P. Trust: a Sociological Theory. Cambridge, 1999.

А. Д. БУЗУНОВА, Е. А. БУРИНА

e-mail: alexandrabuzunova@mail.ru

Специальность «Клиническая и коррекционная психология»

ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ И СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ СЕМЬИ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Выполнено исследование особенностей совладающего поведения и субъективного восприятия семейных отношений у младших подростков из двух поведенческих групп: девиантного и нормативного поведения. Установлено, что младшие подростки с девиантным поведением характеризуются более высоким уровнем тревожности, меньшей степенью социальной адаптации, использованием неэффективных стратегий совладания. Выявлено, что дети с девиантным поведением проявляют дистанцирование, а также тревогу по отношению к родителям, что коррелирует с использованием неэффективных копинг-стратегий.

Ключевые слова: девиантное поведение, младшие подростки, совладающее поведение, субъективное восприятие семейных отношений.

FEATURES OF COPING STRATEGIES AND FAMILY RELATIONSHIP SUBJECTIVE PERCEPTION IN YOUNG ADOLESCENTS WITH DEVIANT BEHAVIOUR

Research of coping behavior features and family relations perception at young teenagers was performed. Children from two behavioral groups (normal and deviant) took part in the research. Results of the conducted research show that young teenagers with deviant behavior are characterized by higher level of anxiety, smaller extent of social adaptation, use of inefficient coping behavior strategies. It is revealed that children with deviant behavior show distance and anxiety in relation to parents that correlates with the use of inefficient coping-strategies.

Keywords: deviant behavior, young teenagers, coping strategies, family relations perception.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Человеческая жизнь полна событий как различного рода значимости, так и разной степени эмоциональной окрашенности. И все они в большей или меньшей степени повергают наш организм в стрессовое состояние. Для преодоления легких повседневных неприятностей нам требуются минуты, критических или травматических событий — месяцы, а на совладание с хроническими стрессорами могут потребоваться и годы (Абабков, Перре, Шеби, 2007). Именно в ситуациях стресса нам на помощь приходят механизмы психологической защиты и совладающие (копинг) реакции.

Описывая защитные механизмы, А. Фрейд выделяет их как особые явления, действующие без участия сознания, — автоматизмы (Фрейд А., 1993). Различают первичные и вторичные автоматизмы. Первые представляют собой никогда не осознававшиеся автоматические действия, вторые — автоматизированные действия, или навыки, которые перестали осознаваться посредством своего регулярного повторения (Гиппенрейтер, 1996). Оба вида защитных автоматизмов развиваются по мере взросления ребенка и способствуют его адаптации в трудных ситуациях. Преодолевая возникающие сложности, ребенок вырабатывает способы защиты, представляющие собой пути переживания эмоционального потрясения и совладания с ним, что помогает ему избежать дальнейших трудностей (Losoya, Eisenberg, Fabes, 1998).

Формирование защитных автоматизмов, как правило, связывают с невозможностью удовлетворения базовых психологических потребностей ребенка, основная из которых — потребность в безопасности (Сokolova, 1989). Соответственно и первые защитные процессы основаны на проявлении двигательных реакций, позволяющих преобразовать внешнюю среду или призвать взрослых к себе на помощь. С постепенным развитием психических функций ребенок приобретает способность не только трансформировать проблемную окружающую среду, но и изменить свое отношение к ней (Рубинштейн, 2000).

Изучая детские способы совладающего поведения, современные исследователи И. М. Никольская и Р. М. Грановская отмечают комплексность защитных процессов детей. Совместная работа защитных механизмов определяет общую реакцию на ситуацию и служит более эффективной психологической адаптации.

При встрече с трудностями дети в большей мере, чем взрослые, склонны к эмоциональному реагированию. В то же время недостаточно развитое абстрактно-логическое мышление снижает способность ребенка использовать интеллектуальные стратегии реагирования. Именно поэтому способы защиты у детей проявляются преимущественно в *поведении* (смена деятельности или изменение ее формы), *эмоциях* (реакции раздражения, протеста, плача, злости или подчеркнутого оптимизма) и *познавательной деятельности* (интеллектуальная переработка информации) (Никольская, Грановская, 2006).

Кроме того, И. М. Никольская и Р. М. Грановская в своих исследованиях разделяют используемые детьми копинг-стратегии по степени эффективности:

- *Особо эффективные*: «сплю», «рисую, пишу, читаю», «прошу прощения, говорю правду» и т. д.
- *Средней меры эффективности*: «говорю сам с собой», «старюсь забыть», «ем или пью» и т. д.
- *Неэффективные*: «плачу, грущу», «бью, ломаю, швыряю», «дразню кого-нибудь», «борюсь, дерусь», «воплю, кричу».

Анализируя развитие ребенка как процесс его социальной адаптации, А. Фрейд отмечает, что возможности ребенка вырасти в здоровую личность зависят во многом от того, насколько он способен преодолеть неудовлетворенность своих потребностей и самостоятельно принимать решения (Исаев, Каган, 1988).

Индивидуальный набор способов совладания зависит от тех событий, с которыми ребенок встречается на своем жизненном пути, в том числе и от взаимоотношений ребенка с родителями, внутрисемейной ситуации, от демонстрируемых старшими способами защитного реагирования (Эйдемиллер, Добряков, Никольская, 2003).

Авторы, исследующие данную проблему, выделяют два взаимодополняющих фактора воздействия детско-родительских отношений на формирование у ребенка способов совладания:

- усвоение демонстрируемых родителями образцов защитного поведения;
- негативное воздействие со стороны родителей.

В первом варианте имеется в виду механизм научения, подготавливающий ребенка к жизни в социуме, во втором — нарушение работы данного механизма, приводящее к изменениям в способах продуктивной адаптации ребенка и влекущее за собой нарушения поведения (Тарабрина, 2000).

К. Хорни, перечисляя виды родительского поведения, нарушающие безопасность ребенка и вызывающие у него необходимость преодоления чувства изоляции и беспомощности, выделяет: доминирование, безразличие, недостаток уважения к потребностям ребенка, недостаток реального руководства, слишком большое восхищение или его полное отсутствие, враждебную атмосферу и пр. (Холл, Линдсей, 1997).

Несмотря на большое количество исследований по данной теме, в настоящий момент вопрос формирования эффективных способов реагирования в сложных ситуациях остается открытым. При работе с детьми практические психологи сталкиваются с уже существующей проблемой неэффективного использования копинг-стратегий, приводящего к социальной дезадаптации. Своевременное проведение превентивных мероприятий помогает это предотвратить, а изучение процессов формирования копинга и причин, влияющих на данное явление, представляется актуальным.

Цель исследования: изучение особенностей совладающего поведения и субъективного восприятия семейных отношений младшими подростками из двух поведенческих групп: девиантного и нормативного поведения. Под девиантным поведением в данном исследовании понимаются действия, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в обществе морально-правовым нормам, приводящие нарушителя к изоляции.

Задачи исследования:

1. Изучить уровень тревожности у младших подростков в разных поведенческих группах.
2. Исследовать степень социальной адаптации у младших подростков из различных поведенческих групп.
3. Исследовать типы реагирования и направленности реакций младших подростков, относящихся к разным поведенческим группам.
4. Изучить стратегии совладающего поведения, используемого детьми из разных поведенческих групп.
5. Исследовать ситуации, в которых дети из разных поведенческих групп испытывают негативные переживания.
6. Исследовать отношение младших подростков из разных поведенческих групп к членам семьи.
7. Изучить взаимосвязь особенностей совладающего поведения и отношения к членам семьи у младших подростков из разных поведенческих групп.

В ходе исследования проверялись следующие **гипотезы**:

1. Младшие подростки с девиантным поведением в отличие от младших подростков с нормативным поведением используют неэффективные копинг-стратегии.

2. Субъективное восприятие членов семьи взаимосвязано с формированием копинг-стратегий.

Объект исследования: младшие подростки в возрасте 11 лет, состоящие и не состоящие на учете в подразделении по делам несовершеннолетних (ПНД) и органах социальной опеки.

Предмет исследования: уровень тревожности, степень социальной адаптации, типы реагирования и направленности реакций, стратегии совладающего поведения и субъективное восприятие членов семьи.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 65 детей в возрасте 11 лет из двух поведенческих групп: девиантного и нормативного поведения, проживающие в городе Санкт-Петербурге и обучающиеся в общеобразовательных школах.

Группа детей с девиантным поведением была представлена 34 детьми, состоящими на учете в подразделении по делам несовершеннолетних (ПНД) и органах социальной опеки: 18 девочек, 16 мальчиков, в том числе 23 ребенка из полных и 11 детей из неполных семей.

Группа детей с нормативным поведением была представлена 31 ребенком, не состоящим на учете в подразделении по делам несовершеннолетних (ПНД) и органах социальной опеки: 18 девочек, 13 мальчиков, в том числе 24 ребенка из полных и 7 детей из неполных семей.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

При проведении исследования в группах детям предлагалось заполнить тестовые опросники, а проективные рисуночные методики выполнялись и обсуждались с каждым ребенком индивидуально.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы:

1. Эмпирические — тест школьной тревожности Б. Филлипса (Альманах психологических тестов, 1996), тест фрустрационных реакций С. Розенцвейга, детский вариант (Табарина, 2002), опросник копинг-стратегий для детей школьного возраста (Никольская, Грановская, 2006).

2. Качественные методы — семейная социограмма (Эйдемиллер, Добряков, Никольская, 2003) и рисунок семьи (Лосева, 1995).

3. Математические методы (корреляционный анализ).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Согласно результатами исследования **уровня тревожности** у младших подростков с девиантным поведением преобладают повышенный (53 %, $n = 18$) и высокий (18 %, $n = 6$) уровни, наиболее выраженные в таких сферах, как страх самовыражения, страх ситуации проверки знаний, страх не соответствовать ожиданиям окружающих. У детей с нормативным поведением преобладает нормальный уровень тревожности (87 %, $n = 27$), вместе с тем они также показали наиболее выраженную тревожность в таких сферах, как страх самовыражения, страх ситуации проверки знаний, страх не соответствовать ожиданиям окружающих.

При исследовании **степени социальной адаптации** получены данные, указывающие на то, что большая часть детей (71 %, $n = 24$) с девиантным поведением социально не адаптирована, в то время как младшие подростки с нормативным поведением демонстрируют обратную ситуацию: высокий показатель степени социальной адаптации (74 %, $n = 23$) преобладает над низким (26 %, $n = 8$). При этом в обеих группах девочки более адаптивны, чем мальчики.

Результаты исследования **направленности фрустрационных реакций** — свидетельствуют о том, что причину своих неудач дети из обеих групп видят в факторах внешней среды. В большей степени это выражено у детей с девиантным поведением (50 %, $n = 17$), чем у младших подростков с нормативным поведением (39 %, $n = 12$). Такая направленность реагирования преобладает у мальчиков в обеих группах.

Результаты исследования **типа фрустрационных реакций** выявили, что при встрече с проблемой дети из обеих групп акцентируют свое внимание на самозащите, у детей с девиантным поведением этот показа-

тель также выше (79 %, $n = 27$), чем среди младших подростков с нормативным поведением (52 %, $n = 16$). При этом в большей степени к такому типу реагирования склонны мальчики.

При исследовании способов **совладания** выяснено, что дети с девиантным поведением используют эффективные и неэффективные способы реагирования в сложных ситуациях. Среди эффективных копинг-стратегий чаще всего используются: «обнимаю или прижимаю к себе кого-то» (56 %, $n = 19$); «смотрю телевизор, слушаю музыку» (44 %, $n = 15$). Из неэффективных способов совладания: «плачу и грущу» (21 %, $n = 7$); борюсь или дерусь с кем-нибудь (18 %, $n = 6$); бью, ломаю или швыряю вещи (18 %, $n = 6$).

Младшие подростки с нормативным поведением используют эффективные копинг-стратегии: «смотрю телевизор», «слушаю музыку» (58 %, $n = 18$); «рисую», «пишу или читаю что-нибудь» (55 %, $n = 17$); «стараясь расслабиться, оставаться спокойным» (55 %, $n = 17$); «обнимаю или прижимаю к себе кого-то» (45 %, $n = 14$); «мечтаю, представляю себе что-нибудь» (39 %, $n = 12$). Неэффективные копинг-стратегии в данной исследованной группе детей не выявлены.

Результаты анализа **рисунков, изображающих сложные ситуации**, с которыми сталкиваются ребята из различных групп, показывают, что у детей с девиантным поведением на первый план выходит изображение трудностей во взаимоотношениях с родителями и проблем в семье (38 %, $n = 13$), тогда как среди детей, демонстрирующих нормативное поведение, наиболее распространенным изображением неприятной ситуации является изображение неудачи в учебе (39 %, $n = 12$), смерти или утраты животного (26 %, $n = 8$) и ссоры с другом (23 %, $n = 7$).

Результаты, полученные при изучении **субъективного восприятия семейных** отношений у ребят с девиантным поведением, показывают, что большая часть из них считает отца самым значимым (55 %, $n = 19$), властным (50 %, $n = 17$), умным (47 %, $n = 16$), могущественным (56 %, $n = 19$), уверенным в себе (47 %, $n = 16$). Однако он же воспринимается и самым далеким (29 %, $n = 10$) из членов семьи. Самым близким человеком (32 %, $n = 11$) из членов семьи дети воспринимают мать, но она же вызывает тревогу (29 %, $n = 15$) и изображается агрессивной (35 %, $n = 12$). Братьев и сестер дети из группы девиантного поведения считают безвластными (47 %, $n = 16$), а себя изображают тревожными (44 %, $n = 15$).

У младших подростков с нормативным поведением самым значимым (64 %, $n = 20$), властным (35 %, $n = 11$), умным (71 %, $n = 22$), могущественным (41 %, $n = 13$) и уверенным в себе (68 %, $n = 21$) воспринимается отец. Самым близким (41 %, $n = 13$) и самым беспокоящим (35 %, $n = 11$) из членов семьи — мать. Агрессивными (22 %, $n = 7$) и вызывающими тревогу (29 %, $n = 9$) такие дети считают братьев и сестер, а себя большая часть воспринимает послушными (26 %, $n = 8$).

В исследовании **взаимосвязей** между **субъективным восприятием членов семьи** и используемыми **стратегиями совладания** выяснено, что у детей с девиантным поведением использование эффективных копинг-стратегий имеет отрицательную взаимосвязь с восприятием отца как вызывающего тревогу персонажа ($R = -0,369$, $P = 0,032$). А использование неэффективных стратегий поведения имеет положительную взаимосвязь с восприятием матери как агрессивным ($R = 0,366$, $P = 0,033$) и вызывающим тревогу ($R = 0,355$, $P = 0,04$) персонажем. У младших подростков с нормативным поведением использование эффективных стратегий совладания имеет положительную взаимосвязь с восприятием родителей как значимых ($R = 0,695$, $P = 0,001$), умных ($R = 0,361$, $P = 0,046$), близких ($R = 0,408$, $P = 0,023$) и могущественных ($R = 0,476$, $P = 0,008$) членов семьи.

Изучение взаимосвязей между **восприятием семьи и тревожностью** среди детей с девиантным поведением показало, что школьная тревожность взаимосвязана с восприятием отца как умного ($R = 0,394$, $P = 0,021$), могущественного ($R = 0,394$, $P = 0,021$) и далекого ($R = 0,394$, $P = 0,021$). Страх не соответствовать ожиданиям имеет связь с восприятием матери как властной ($R = 0,532$, $P = 0,001$) и вызывающей тревогу ($R = 0,370$, $P = 0,031$). Страх и проблемы в отношении с учителем связаны с восприятием матери как самого властного персонажа ($R = 0,428$, $P = 0,012$), а отца — как умного ($R = 0,439$, $P = 0,009$) и далекого ($R = 0,439$, $P = 0,009$).

У младших подростков с нормативным поведением школьная тревожность и низкая физиологическая сопротивляемость стрессу взаимосвязаны с восприятием отца или матери как вызывающими тревогу ($R = 0,474$, $P = 0,007$). Проблемы и страхи в отношениях с учителями имеют связь с восприятием отца как вызывающего тревогу ($R = 0,558$, $P = 0,001$). Страх самовыражения связан с восприятием значимости ($R = 0,386$, $P = 0,032$) и ума ($R = 0,452$, $P = 0,011$) матери, а страх несоответствия ожиданиям со значимостью отца ($R = 0,519$, $P = 0,003$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ результатов проведенного исследования позволяет сформировать представление об особенностях использования стратегий совладания и субъективного восприятия семейных отношений младшими школьниками в различных поведенческих группах.

Уровень тревожности у детей из группы с девиантным поведением значительно выше, чем у детей с нормативным поведением. Испытывая страх самовыражения, дети сталкиваются с негативными эмоциональными переживаниями в ситуациях, связанных с необходимостью раскрыться, предъявить себя другим, продемонстрировать свои возможности. С этим может быть связан и страх ситуации проверки знаний, обычно он обусловлен тревогой и негативным отношением к проверкам достижений, возможностей, особенно на публичном уровне. Страх не соответствовать ожиданиям окружающих указывает на присутствие тревоги, связанной с оценкой, даваемой им окружающими, результатов совершенных ими действий, поступков, мыслей.

Результаты исследования **степени социальной адаптации** говорят о том, что младшие подростки с девиантным поведением часто подвергаются конфликтным ситуациям и недостаточно адаптированы к своему социальному окружению.

Фрустрационные реакции ребят с девиантным и нормативным поведением направлены на живое или неживое окружение в форме подчеркивания степени своего разочарования, осуждения внешних причин своих неудач или ожидания активного участия других людей в разрешении сложившихся ситуаций. Главную роль в ответе на неприятную ситуацию играет у них защита своего «Я». Это может быть выражено в стремлении найти виновного в ситуации или в сложившемся убеждении, что никто не может отвечать за произошедшее, так или иначе обезопасив себя.

Отсутствие неэффективных **стратегий совладания** помогает младшим подросткам с нормативным поведением легче переключиться с травмирующей ситуации на что-то приятное, успокоиться и прийти в себя. Но младшие подростки с девиантным поведением затрачивают больше времени и энергии на переживания травмирующих ситуаций и сложнее находят способы выхода из них, чем их сверстники с нормативным поведением.

Данные, полученные при **анализе рисунков**, позволяют говорить о том, что у младших подростков с девиантным поведением наблюдаются нарушение межличностных связей, страх в отношениях с родителями и невозможность установления теплого контакта. Результаты анализа рисунков указывают на восприятие детьми семейных отношений как неблагоприятных, что проявляется в дистанцированности, недостаточности любви, ласки, заботы и потребности ребенка в них. В то же время младшие подростки с нормативным поведением отмечают благополучную семейную обстановку и теплые отношения с родителями.

При изучении **взаимосвязей** между **субъективным восприятием членов семьи** и используемыми **стратегиями совладания**, можно говорить о том, что дети, воспринимающие своих родителей как положительных персонажей и имеющие с ними близкие отношения, хорошо справляются со сложностями. Ощущение тревожности по отношению к отцам мешает эффективному совладанию с трудностями. А оценка матерей как агрессивных и вызывающих тревогу взаимосвязана с использованием неэффективных копинг-стратегии и затрудняет выход из сложных ситуаций.

По результатам изучения взаимосвязей между **восприятием семьи** и **тревожностью** можно предположить, что младшие подростки с девиантным поведением испытывают негативные переживания в ситуациях, предполагающих проверку их способностей, опасаясь возможных неудач, из-за стремления добиться более близких отношений с родителями и страха наказания за свои неудачи. А дети с нормативным поведением стремятся радовать родителей своими успехами, оправдывать их надежды, быть похожими на них и испытывают негативные переживания, если им это не удается.

ВЫВОДЫ

1. Дети с девиантным поведением имеют значительно более высокий уровень тревожности. При этом обе группы детей демонстрируют тревожность в сферах, связанных со страхом самовыражения, ситуации проверки знаний, несоответствием ожиданиям окружающих.

2. Дети с нормативным поведением имеют более высокий уровень социальной адаптации и реже подвергаются конфликтным ситуациям, нежели дети с девиантным поведением.

3. Дети с девиантными и нормативными формами поведения склонны в своих неудачах винить внешние причины и окружение или же списывать произошедшее на факторы, не поддающиеся их влиянию, а попадая в сложную ситуацию, пытаются оправдать себя и защититься от возможных последствий происходящего.

4. Дети с девиантным поведением используют как эффективные, так и неэффективные копинг-стратегии. Дети с нормативным поведением отличаются наиболее частым использованием эффективных стратегий совладания и отсутствием неэффективных.

5. Актуальные трудности детей с девиантным поведением связаны с неблагополучием семейных отношений, а для детей с нормативным поведением значимые трудности связаны с ситуацией неуспеха в учебной деятельности и ситуацией потери близкого животного.

6. Дети с девиантным поведением отмечают дистанцированность отношений с родителями и неудовлетворенную потребность в ласке и заботе, в то время как дети с нормативным поведением оценивают семейную обстановку как благополучную, а отношения с родителями как теплые.

7. Дети, воспринимающие родителей значимыми, умными, близкими членами семьи чаще используют эффективные стратегии совладания. При этом дети, воспринимающие мать как агрессивного и вызывающего угрозу персонажа, чаще используют неэффективные стратегии совладания.

8. Дети с нормативным поведением испытывают тревожность в ситуациях неспособности соответствовать внешним требованиям в связи с высокой значимостью для них отношений с родителями. Дети с девиантным поведением испытывают тревожность в ситуациях неспособности соответствовать внешним требованиям в связи со стремлением улучшить отношения с родителями и страхом наказания.

Таким образом, субъективное восприятие семейных отношений как неблагоприятных уменьшает способность ребенка справляться с трудностями и способствует повышенному уровню тревожности, поскольку со стороны родителей ребенок получает недостаточно поддержки.

Учитывая, что совладающее поведение у младших подростков еще до конца не сформировано, практической значимостью данного исследования является рекомендация проведения групповых и индивидуальных занятий с психологом с целью снижения уровня тревожности и приобретения навыков преодоления трудных жизненных ситуаций детьми с девиантным поведением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абабков В. А., Перре М., Шеби Д. Личностные характеристики родителей и копинг семейного стресса // Обзорные психиатрии и медицинской психологии. 2007. № 3. 4–8.
2. Альманах психологических тестов. М., 1996.
3. Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию. М., 1996.
4. Исаев Д. Н., Каган В. Е. Половое воспитание и психогигиена пола у детей. Л., 1988.
5. Лосева В. К. Рисуем семью: диагностика семейных отношений. М., 1995.
6. Никольская И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. СПб., 2006.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2000.
8. Соколова Е. Т. Самооценка и самосознание при аномалиях личности. М., 1989.
9. Тарабрина Н. В. Клиническая психология: хрестоматия. СПб., 2000.
10. Тарабрина Н. В. Тест Розенцвейга. Методика рисуночной фрустрации // Диагностика эмоционально-нравственного развития. СПб., 2002. 150–172.
11. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. М., 1993.
12. Холл С. К., Линдсей Г. Теории личности. М., 1997.
13. Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия: учеб. пособие для врачей и психологов. СПб., 2003.
14. Losoya S., Eisenberg N., Fabes R. A. Developmental issues in the study of coping // International Journal of Behavioural Development. 1998. 22 (2). P. 231–237.

А. В. ДЕНЮШИНА, С. С. САВЕНЬШЕВА

e-mail: alenka-2705@yandex.ru

Бакалавриат

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ДОШКОЛЬНИКА В СВЯЗИ С ХАРАКТЕРИСТИКАМИ СЕМЬИ И ЛИЧНОСТИ МАТЕРИ

Для изучения личностных особенностей дошкольников в связи с характеристиками семьи и личностью матери было обследовано 40 детей дошкольного возраста, проживающих в Великом Новгороде и Санкт-Петербурге. Исследовались личностные особенности детей (тест «Дом-дерево-человек», тест «Уровень агрессивности ребенка» и методика «Наблюдение общительности по параметрам»), личностные характеристики матерей (тест Кеттелла, форма С), особенности семейного воспитания (методика «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г.Эйдемиллера и В.В.Юстицкиса), а также структура семьи, социальный статус и биографические данные матери (Анкета для матерей). Для обработки данных использовался анализ средних, сравнительный и корреляционный анализы. Проведенное исследование позволило определить, что в стилевых особенностях воспитания и личностных характеристиках матерей есть различия по факторам пола и количества детей в семье. Было обнаружено, что матери строже в своих наказаниях к девочкам, чем к мальчикам. В семьях с двумя детьми чаще встречаются такие отклонения в сфере воспитания, как расширение сферы родительских чувств, предпочтение детских, женских и мужских качеств. Корреляционный анализ позволил сделать выводы о том, что характеристики семьи, особенности воспитания и личностные характеристики матерей по-разному влияют на личностные особенности мальчиков и девочек дошкольного возраста.

Ключевые слова: личность дошкольника, характеристики семьи, детско-родительские отношения, особенности личности матери.

PRECHOOLER'S PERSONALITY TRAITS IN RELATION TO THE CHARACTERISTICS OF THE FAMILY AND MOTHER'S PERSONALITY

To study personality characteristics of preschoolers in relation to the family's and mother's characteristics were examined 40 children living in Novgorod and St. Petersburg. It was investigated the personal features of children (the test "House-tree-man", "Level of aggressiveness of the child" and the method of "Observation of sociability in the parameters"), the mother's personality characteristics (Cattell test, Form C), parenting styles (method of "Analysis of family relationships" by Eidemiller, Yustitskis), as well as the family structure and status, biographical characteristics of the mother (Questionnaire for mothers). For data analysis was used medium, comparative and correlation analysis. The research allowed to determinate that parenting styles and mother's personality characteristics depend on child's gender and the number of children in the family. It was found that mothers are stricter in their punishments for girls than for boys. There are more deviations in the parenting styles in families with two children, such as the expansion of parental feelings, preference for children, male and female qualities. Correlation analysis led to the conclusion that family's characteristics, parenting styles and mother's personality characteristics have different effects on personal traits of boys and girls of preschool age.

Keywords: preschooler's personality traits, family characteristics, parent-child relationship, mother's personality.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Личность человека формируется на протяжении всей его жизни, но ее основы закладываются в детстве. Именно в дошкольном возрасте происходит первичное становление личности, в особенности это касается таких характеристик, как направленность личности, зачатки самосознания, в это время закладываются основы характера человека (Выготский, 1984; Зеньковский, 1995).

На развитие личности дошкольника влияют, с одной стороны, врожденные характеристики, такие, например, как наследственность и темперамент, с другой стороны, оказывает воздействие среда, в которой он растет (Берк, 2006). Самой значимой сферой в этом возрасте является семья, поэтому ее роль в жизни ребенка изучается многими исследователями (Мудрик, 2000; Овчарова, 2006; Соколова 2002). Большое внимание уделяется стилям воспитания, при этом обычно рассматривают такие отклонения в воспитании, как гиперопека и эмоциональное отвержение (Шнейдер, 2005; Овчарова, 2006), другие типы изучаются в меньшей степени. Изучают также структуру семьи: ее полноту, количество детей в семье и др. (Целуйко, 2004; Хоментаскас, 1989). Психологи больше внимания уделяют проблемам, с которыми сталкиваются дети в неполных семьях. Особенности детей, проживающих в семьях с разным количеством детей, тоже изучены не полностью, в основном акцент делается на различиях в когнитивной сфере.

Влияние личности матери на ребенка рассматривают в основном через ее отношение к ребенку и стили воспитания, а воздействие ее черт и личностных качеств изучается в меньшей степени. Так, влияние я-концепции матери изучалось О. Г. Хайбуллиной (Хайбуллина, 2010), а воздействие социальной направленности — Л. Берк (Берк, 2006), Е. М. Листик, Г. П. Степановой (Листик, Степанова, 2012).

Цель исследования: выявление взаимосвязи характеристик семьи и особенностей личности матери с личностными характеристиками дошкольников.

Задачи исследования:

1. Исследовать показатели личностных характеристик (тревожность, агрессивность, общительность, конфликтность и т. д.) у дошкольников с учетом фактора пола и количества детей в семье.
2. Проанализировать особенности родительского отношения и воспитания матерей с учетом фактора пола и количества детей в семье.
3. Исследовать взаимосвязи между особенностями семейного воспитания, личностными характеристиками матери с личностью дошкольника с учетом фактора пола.
4. Изучить влияние таких характеристик, как возраст ребенка и матери, а также статусных характеристик матерей на личностные качества детей и особенности воспитания матерей

Гипотеза исследования: особенности семейного воспитания и личностных характеристик матерей по-разному влияют на формирование личностных особенностей мальчиков и девочек дошкольного возраста.

Объект исследования: личностные особенности детей и характеристики семьи.

Предмет исследования: особенности и взаимосвязь личностных характеристик детей, их матерей и стилей семейного воспитания.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборку составили 80 человек: 40 родителей (матери) и 40 дошкольников, 20 девочек и 20 мальчиков. Участники исследования были набраны в двух городах: 16 детей из Великого Новгорода (ДООУ № 19) и 24 ребенка из Санкт-Петербурга (ГБДОУ № 31 Калининского района). Средний возраст мальчиков в выборке — 5,4 (min — 4 года, max — 6 лет 10 месяцев), девочек — 4,7 (min — 4 года, max — 6 лет 11 месяцев). Средний возраст матерей мальчиков составлял 32,2 (min — 24 года, max — 40 лет), девочек — 33,3 года (min — 27, max — 43).

Большинство женщин имели высшее образование (65%), 17,5% — среднее специальное, 7,5% — среднее образование, и по 2 человека (5%) в выборке с неполным высшим образованием и ученой степенью. У 28 (70%) матерей была работа с полной занятостью, 7 (17,5%) женщин имели неполную занятость или свободный график, остальные не работали (12,5%).

Среди всех семей начитывалось 85% полных и 15% неполных (в результате развода или невступления в брак). Почти половину детей составили единственные в семье дети (45%), в остальных семьях было двое детей (47,5%) и более (7,5%).

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В нашем исследовании были использованы следующие методики:

1. Анкета для матерей, выявляющая характеристики семьи (полнота семьи, возраст ребенка и матери, образование матери), а также время, которое проводит ребенок с родителями, количество членов семьи, участвующих в воспитании.
2. В изучении личностных особенностей детей — тесты «Дом-дерево-человек» (Велиева, 2005), «Уровень агрессивности ребенка» (Реан, 2003); методика «Наблюдение общительности детей» (Гамезо, Петрова, Орлова, 2003).
3. В изучении личностных характеристик матери — тест Р. Кеттелла (форма С).
4. В изучении стилей воспитания — методика «Анализ семейных взаимоотношений» (Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование **личностных особенностей мальчиков и девочек дошкольного возраста** показало, что данная выборка характеризуется низкими показателями незащищенности, недоверия к себе, неполноценности, конфликтности и депрессивности, а более высокие показатели имеют характеристики враждебности, тревожности и трудностей общения. Анализ половых различий не выявил статистически достоверных различий, но при этом можно отметить, что в среднем девочки чувствуют себя более защищенными по сравнению с мальчиками, они общительнее, у девочек выше показатели способности к сочувствию. Мальчики в среднем более враждебны и агрессивны по сравнению с девочками.

Было выявлено, что **в семьях с двумя детьми** дошкольники имеют более высокие показатели тревожности (различия недостоверны, $p = 0,11$), при этом их коммуникативные навыки развиты лучше, в особенности использование средств общения ($p < 0,01$) (см. табл. 1).

Таблица 1. Личностные особенности дошкольников в семьях с одним и двумя детьми

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ МЕТОДИКА	ХАРАКТЕРИСТИКА	ДВОЕ ДЕТЕЙ	ОДИН РЕБЕНОК	СТ. ОТКЛ.	СТ. ОТКЛ.	Z	P
ДДЧ	Тревожность	2,711	1,889	1,636	1,079	1,595	0,111
Наблюдение общительности по параметрам	Потребность в общении	22,737	22,667	4,408	3,646	0,258	0,796
	Контактность	21,526	21,167	4,115	3,839	0,425	0,671
	Способность к сочувствию	19,211	19,722	2,760	3,064	-0,714	0,475
	Использование средств общения	22,053	19,167	2,838	3,167	2,598	0,009
	Общительность как черта	85,526	83,056	10,085	9,783	0,714	0,475

Изучение **стилевых особенностей воспитания матерей** показало, что им в большей степени свойственны такие отклонения в воспитании, как гиперопека, недостаточность требований-обязанностей и запретов, предъявляемых к ребенку. Анализ стилиевых особенностей воспитания матерей с учетом фактора пола ребенка выявил, что к девочкам со стороны матерей предъявляется больше санкций ($M = 2,25$), чем

Таблица 2. Особенности стилей материнского воспитания в семьях дошкольников (по методике АСВ)

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ	ДВОЕ ДЕТЕЙ	ОДИН РЕБЕНОК	СТ. ОТКЛ.	СТ. ОТКЛ.	Z	P
Г+ (гиперопека)	4,211	4,389	2,070	1,787	-0,4710	0,6376
Г- (гипоопека)	2,947	2,333	1,649	1,534	1,0635	0,2875
У+ (потворствование)	3,158	3,556	1,772	2,064	-0,5166	0,6055
У- (игнорирование потребностей)	0,579	0,833	0,692	0,786	-0,9268	0,3540
Т+ (чрезмерность требований)	1,316	0,944	1,003	0,539	0,9876	0,3234
Т- (недостаточность требований)	2,316	1,889	1,108	1,451	0,9116	0,3620
З+ (чрезмерность запретов)	1,684	1,556	1,204	1,381	0,3646	0,7154
З- (недостаточность запретов)	1,842	1,778	1,015	0,808	0,1823	0,8553
С+ (чрезмерность санкций)	2,000	1,278	1,528	1,018	1,1699	0,2420
С- (недостаточность санкций)	2,474	2,500	1,219	1,339	-0,0912	0,9274
Н (неустойчивость стиля воспитания)	2,000	1,722	1,333	1,364	0,5622	0,5740
РРЧ (расширение сферы родительских чувств)	2,632	1,278	1,606	0,958	2,5373*	0,0112
ПДК (предпочтение детских качеств)	2,158	0,500	1,537	0,985	3,1602	0,0016
ВН (воспитательная неуверенность)	2,842	2,278	1,214	1,127	1,3826	0,1668
ФУ (фобия утраты)	1,211	0,833	1,357	1,043	0,8053	0,4207
НРЧ (неразвитость родительских чувств)	1,684	1,333	1,529	1,328	0,8053	0,4207
ПНК (проекция нежелательных качеств)	1,368	1,056	1,342	0,998	0,5318	0,5949
ВК (вынесение конфликтов в воспитание)	0,474	0,333	0,905	0,485	-0,0912	0,9274
ПЖК (предпочтение женских качеств)	2,211	1,000	1,084	1,372	2,9627	0,0030
ПМК (предпочтение мужских качеств)	0,789	0,222	0,787	0,732	2,3246	0,0201

* Шрифтом выделены достоверные различия.

к мальчикам ($M = 1,1, p < 0,01$), что подтверждает шкала минимальности санкций, где средний показатель у мальчиков равен 3, а у девочек 2,1 ($p < 0,05$).

Частотный анализ отклонений в воспитании также показал, что матерям девочек в большей степени свойственны отклоняющиеся типы воспитания.

При исследовании **особенностей воспитания в семьях с одним и двумя детьми** было выявлено, что в семьях с двумя детьми чаще встречаются нарушения в воспитании, чем в тех, где только один ребенок. Для матерей причинами отклонения в воспитании являются их личностные проблемы, решаемые за счет ребенка. К отклонениям относятся расширение сферы родительских чувств ($p < 0,05$), предпочтение в ребенке детских ($p < 0,01$), мужских ($p < 0,05$) и женских качеств ($p < 0,01$) (см. табл. 2).

Обратимся к **связям между личностными особенностями дошкольников и стилями воспитания матерей**. Корреляционный анализ показал, что фобия утраты ребенка (ФУ) вне зависимости от пола повышает враждебность и агрессивность детей ($p < 0,01$), а неразвитость родительских чувств (НРЧ) положительно связана ($p < 0,05$) с чувством неполноценности у мальчиков и агрессивностью у девочек ($p < 0,05$) и отрицательно — с трудностями в общении ($p < 0,05$). Предпочтение детских качеств отрицательно коррелирует ($p < 0,05$) у мальчиков с конфликтностью, а у девочек — с чувством неполноценности. При этом особенности общения у мальчиков имеют положительные связи с отклонениями в воспитании (см. рис. 1), у девочек эти связи отрицательны (см. рис. 2).

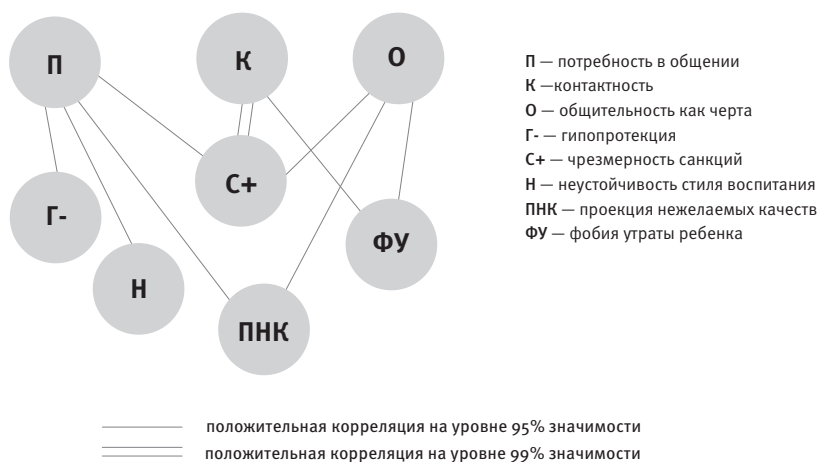

Рис. 1. Взаимосвязь особенностей общения мальчиков (по методике «Наблюдение особенностей общительности детей») со стилями воспитания матери

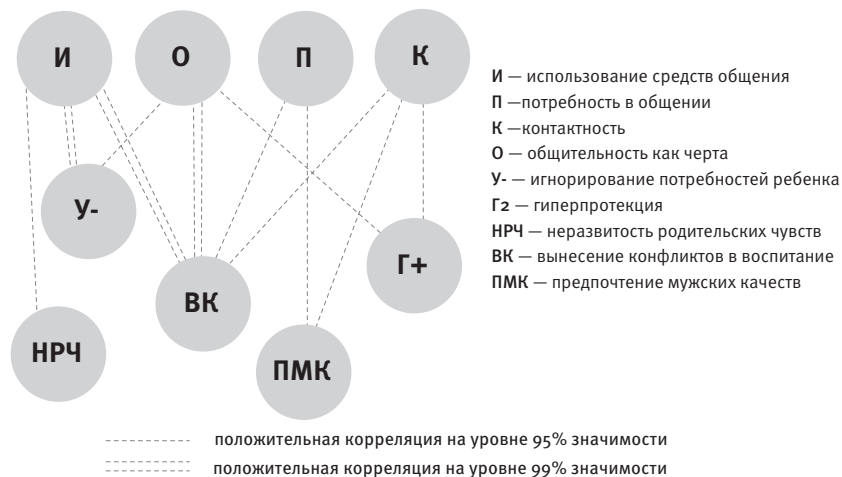

Рис. 2. Взаимосвязь коммуникативных особенностей девочек (по методике «Наблюдение особенностей общительности детей») с отклонениями в воспитании матери

Анализ взаимосвязи **личностных особенностей матерей с личностными характеристиками мальчиков и девочек дошкольников** показало, что личностные особенности матерей связаны с разными характеристиками мальчиков и девочек. Так, например, общительность матери отрицательно коррелирует с чувством неполноценности мальчиков ($p < 0,05$) и положительно — со способностью к сочувствию у девочек ($p < 0,01$), а экспрессивность положительно связана с контактностью мальчиков ($p < 0,05$) и способностью к сочувствию девочек ($p < 0,05$).

Особенности социального окружения в большей степени воздействуют на коммуникативные навыки дошкольников. Так, например, параметр «количество человек, участвующих в воспитании» положительно взаимосвязан с общим показателем общительности ($p < 0,05$) как у мальчиков, так и у девочек.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования было обнаружено, что факторы пола и количества детей в семье в большей степени оказывают воздействие на коммуникативные особенности детей, а в литературе в большей степени рассматриваются различия по другим параметрам, таким, например, как тревожность или агрессивность.

Полученные результаты позволяют также говорить о том, что матерям девочек в большей степени свойственны отклоняющиеся типы воспитания, особенно это касается количества санкций по отношению к ним. При этом было бы важно изучить особенности воспитания отцов и проследить наличие или отсутствие связи между отклонениями в воспитании и полом родителей и детей.

Предположение о том, что на мальчиков и девочек характеристики семьи и личность матери влияют по-разному, в целом подтвердилось, поскольку были выявлены различные реакции дошкольников на неблагоприятную атмосферу в семье: мальчики становятся более активными в сфере общения, а девочки, наоборот, замыкаются. Другими словами, для мальчиков общение выступает скорее в качестве компенсаторного механизма, а девочкам для развития своих навыков общения необходима благоприятная атмосфера в семье.

Кроме того, внутрисемейное окружение на мальчиков оказывает более сильное воздействие, нежели на девочек.

ВЫВОДЫ

1. Исследование личностных особенностей дошкольников выявило низкие показатели недоверия к себе, неполноценности, конфликтности и депрессивности. Средние значения были получены по шкале незащищенности, а более высокие показатели имеют характеристики враждебности, тревожности и трудности общения. Было обнаружено, что девочки общительнее мальчиков и в большей степени склонны к сочувствию, также они чувствуют себя более защищенными.

В семьях, где ребенок является единственным, у детей наблюдаются более низкие показатели тревожности по сравнению с детьми, имеющими сиблингов. В семьях с двумя детьми у дошкольников лучше развиты коммуникативные навыки, в особенности умение пользоваться средствами общения.

2. Изучая стилевые особенности матерей детей дошкольного возраста, было обнаружено, что им более свойственны такие отклонения в воспитании, как гиперопека, недостаточность требований-обязанностей и запретов, предъявляемых к ребенку. В своих наказаниях они строже относятся к девочкам, чем к мальчикам. У матерей девочек чаще встречаются отклонения в воспитании, чем у матерей мальчиков.

Исследование стилевых особенностей воспитания в семьях дошкольников с разным количеством детей выявило, что в семьях с двумя и более детьми наблюдается большая склонность к отклонениям в воспитании, таким как расширение сферы родительских чувств, предпочтение в ребенке детских качеств и предпочтение мужских и женских качеств.

3. Корреляционный анализ личностных характеристик детей со стилевыми особенностями воспитания показал, что такое отклонение, как фобия утраты ребенка связана с враждебностью, агрессивностью детей и не зависит от пола. Незрелость родительских чувств отрицательно сказывается на развитии личности мальчиков и девочек дошкольного возраста. Негативным стилем воспитания также является вынесение конфликтов в сферу воспитания матерями мальчиков, а матерями девочек — расширение сферы родительских чувств, предпочтение в ребенке женских качеств и недостаточность требований-обязанностей. При изучении особенностей общения мальчиков и девочек в связи со стилями воспитания обнаружилось,

что при неблагоприятной атмосфере в семье мальчики начинают активнее общаться вне круга своей семьи, а девочки, наоборот, замыкаются.

4. При анализе взаимосвязей личностных особенностей дошкольников с личностными характеристиками их матерей были получены данные, свидетельствующие о том, что одни те же личностные характеристики мальчиков и девочек связаны с разными личностными особенностями матерей. Так, общительность девочек дошкольного возраста в большей степени связана с коммуникативными особенностями их матерей: их общительностью, экспрессивностью, социальной смелостью, а также с консерватизмом, тогда как у мальчиков общительность связана с напряженностью и чувствительностью матери.

5. Изучение связей между биографическими характеристиками матери и ребенка, особенностями его социального окружения и личностными особенностями дошкольников выявило, что количество родственников, участвующих в воспитании ребенка, положительно сказывается на общительности и контактности детей, вне зависимости от пола, но при этом характеристики социального окружения влияют больше на личностные особенности мальчиков, чем девочек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берк Л. Развитие ребенка. СПб., 2006.
2. Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. Том 4, часть 2. Проблема возраста. М., 1984.
3. Гамезо М. В., Петрова Е. А., Орлова Л. М. Возрастная и педагогическая психология. М., 2003.
4. Диагностика психических состояний детей дошкольного возраста: учебно-методическое пособие / сост. С. В. Велюева. СПб., 2005.
5. Зеньковский В. В. Психология детства. Екатеринбург, 1995.
6. Лидерс А. Г. Психологическое обследование семьи. М., 2007.
7. Листик Е. М., Степанова Г. П. Взаимосвязь ценностных ориентаций матери с развитием личности ребенка старшего дошкольного возраста // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33). С. 83–85.
8. Мудрик А. В. Социальная педагогика. М., 2000.
9. Овчарова Р. В. Родительство как психологический феномен. М., 2006.
10. Психология детства. Практикум. Тесты, методики для психологов, педагогов, родителей / под ред. А. А. Реана. СПб., 2003.
11. Соколова М. В. Особенности родительского отношения на разных возрастных этапах развития ребенка. М., 2002.
12. Хайбуллина О. Г. Роль позитивной Я-концепции матери в личностном развитии дошкольника // Образование и наука. 2010. № 2 (70). С. 78–85.
13. Хоментausкас Г. Т. Семья глазами ребенка. М., 1989.
14. Целуйко В. М. Вы и ваши дети. Психология семьи. Ростов н/Д., 2004.
15. Шнейдер Л. Б. Основы семейной психологии. М.; Воронеж, 2005.

А. И. ДОЛГИХ, С. И. РОЗУМ

e-mail: dooolgaya@yandex.ru

Магистерская программа «Общая психология и психология личности»

ВЗАИМОСВЯЗЬ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И САООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Исследовалась взаимосвязь автобиографической памяти и самоотношения личности в рамках влияния работы с автобиографическими воспоминаниями в условиях когнитивного диссонанса на самоотношение личности. В исследовании приняли участие 60 человек. Измерялись: личностные особенности участников (пятифакторный опросник в адаптации А. Б. Хромова), «Самоотношение личности» (методика исследования самоотношения С. Р. Пантлеева), «Самооценка личностных особенностей» (биполярная шкала), характеристики работы с автобиографическими воспоминаниями (латентное время вспоминания воспроизведения, объем воспоминаний). Обработка данных: описательный статистический, дисперсионный, корреляционный анализы, контент-анализ. Было выявлено, что более открытые личности, а также личности с более высоким уровнем самопринятия и с более низким уровнем самоуверенности в большей степени способны изменять отношение к себе. Самоотношение личности после работы с автобиографическими воспоминаниями в случае когнитивного диссонанса изменяется больше, чем в случае работы с автобиографическими воспоминаниями без когнитивного диссонанса. Изменения направлены на увеличение самоуважения и аутосимпатии и снижение внутренней неустойчивости. Личности, ориентирующиеся на воспоминания с позитивной и смешанной оценкой себя, значительно больше меняют свои представления о себе, чем те, кто ориентируется на воспоминания с негативной окраской. Таким образом, гипотеза о влиянии работы с автобиографическими воспоминаниями в условиях когнитивного диссонанса, направленного на самоотношение личности, подтвердилась. Гипотеза о взаимном влиянии автобиографической памяти и самоотношения личности не подтвердилась.

Ключевые слова: автобиографическая память, самоотношение личности.

THE CORRELATION OF AUTOBIOGRAPHICAL MEMORY AND SELF-IDENTITY

Relationship autobiographical memory and self-identity was investigated within influence of working with autobiographical memories in terms of cognitive dissonance (with respect to personal characteristics) on the self-identity. We measured: personal characteristics of participants (five-factor personality questionnaire adapted by A. B. Khromov), the self-identity and its change (self-study method developed by S. R. Pantileev), subjective self-assessment of personality characteristics (bipolar scale), the quantitative characteristics with autobiographical memories (latent time recall autobiographical memories, memories volume reproduced). Data processing: descriptive statistics, correlation analysis, analysis of the medium, ANOVA, content analysis. It was found that a more open person, the person with a higher level of self-acceptance, and with lower levels of self-confidence are better able to change the attitude. Self-identity after working with autobiographical memories in a situation of cognitive dissonance accidental changes more than random, and more than in the case of normal operation with autobiographical memories. The direction of the changes can be described as an increase in self-esteem, self-sympathy and reducing internal instability. Person oriented memories with positive and mixed reviews themselves much more to change their self-image than those who are guided by the memories with negative connotation. The hypothesis about the impact of work with autobiographical memories in terms of cognitive dissonance, aimed at the self-identity was confirmed. The hypothesis of the mutual influence of autobiographical memory and self-identity has not been confirmed.

Keywords: autobiographical memory, self-identity.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Долгое время исследования в таких областях, как психология жизненного пути личности, психология индивидуальной истории и механизмов работы памяти, не были интегрированы. Искажениям и ошибкам памяти, в частности и автобиографической, чаще всего придавалось отрицательное значение. Они рассматривались как факт ограниченности ресурсов нашего сознания, несовершенства системы кодировки-декодировки ассоциативных связей, результат интерференции или же просто как недостаточная тренированность памяти. История изучения автобиографической памяти наглядно показывает, как менялись

взгляды на автобиографическую память — от понимания ее как одной из разновидностей памяти человека до понимания как элемента в структуре личности, оказывающего огромное влияние на ее развитие (Нуркова, 2004).

Зарубежные и отечественные ученые проводили исследования, направленные на изучение жизненного пути и жизнедеятельности личности, природы человека и закономерностей его развития (Абульханова, Березина, 2001).

Проблеме самоотношения посвящен целый ряд теоретических и экспериментальных исследований отечественных и зарубежных психологов (Пантिलеев, 1991; Столин, 1983; Роджерс, 1994). Все они отмечают ведущую роль самоотношения в нормальном функционировании личности. Однако анализ современного состояния проблемы показывает, что до сих пор в науке остается дискуссионным вопрос о систематизации отдельных проявлений отношения к себе и их представлении в виде структуры самоотношения (Сапожникова, 1998). Кроме того, к сегодняшнему времени был проведен ряд исследований, изучающих когнитивный диссонанс в области я-концепции и самоотношения личности. Наличие противоречивой информации о себе интерпретируется как «угроза Я», изучаются условия ее возникновения, индивидуальные различия при работе с ней, различные способы ее устранения, а также последствия влияния когнитивного диссонанса на я-концепцию личности (Дерябин, 1991).

Актуальность исследования определяется существующими разногласиями относительно эффектов работы с автобиографической памятью: с одной стороны, работа с автобиографической памятью (рефлексия, переработка полученного опыта) является ресурсом для достижения личностных изменений (Нуркова, Василенко, 2013), с другой стороны, автобиографическая память тесно связана с представлениями личности о себе и является своего рода «фактологической базой», подтверждающей их (Нуркова, 2005). Исходя из этого, важно ответить на вопросы о том, как разные личности работают с автобиографической памятью, какие последствия это имеет, как и при каких условиях формируется благополучное, здоровое самоотношение.

Цель исследования: экспериментальное изучение возможностей работы с автобиографическими воспоминаниями для достижения качественных изменений самооценки личностных особенностей на примере метода автобиографического интервью в условиях когнитивного диссонанса, связанного с наличием противоречивой информации о себе.

Задачи исследования:

1. Выявить индивидуальные различия в работе с автобиографической памятью, индивидуальные особенности изменчивости представлений о себе.
2. Оценить самоотношение человека до и после работы с автобиографическими воспоминаниями в ситуации когнитивного диссонанса.
3. Изучить субъективную оценку собственных свойств личности, проявившихся в прошлых конкретных ситуациях и отразившихся в воспоминании.
4. Оценить динамику ситуативной самооценки и ее связь со степенью изменения самоотношения личности.
5. Выявить, заметили ли испытуемые изменения ответов при повторном заполнении опросника «Методика исследования самоотношения С. Р. Пантилеева»; дополнительно изучить ожидания участников относительно исследования, отношение к различиям в субъективной самооценке и оценке на основе результатов опросника.

На основе теоретического обзора были выдвинуты **теоретические гипотезы:**

1. Автобиографическая память и самоотношение личности тесно взаимосвязаны. Представления личности о себе оказывают влияние на выбор и оценку личного опыта, как работа с автобиографическими воспоминаниями влияет на самоотношение личности.
2. В условиях наличия когнитивного диссонанса относительно своих личностных особенностей (при отсутствии возможности его игнорировать) должна проводиться работа с автобиографическими воспоминаниями, направленная на изменение самоотношения.

В соответствии с поставленными задачами были выдвинуты **практические гипотезы:**

1. В условиях отсутствия противоречивой информации о своих личностных особенностях активная работа с автобиографическими воспоминаниями не приводит к изменению самоотношения личности.
2. В условиях наличия противоречивой информации о своих личностных особенностях осуществляется активная работа с автобиографическими воспоминаниями, которая приводит к изменению самоотношения.

Предмет исследования: автобиографические воспоминания.

Объект исследования: автобиографическая память личности.

Новизна исследования заключается в изучении работы с автобиографическими воспоминаниями в условиях когнитивного диссонанса. Испытуемые поставлены в условия, когда самооценка личностных особенностей подвергается сомнению. Учитывая, что автобиографический репертуар во многом обусловлен и ограничен нашими представлениями о себе, гипотетически это может привести к переоценке личного опыта, а также задействованию того опыта, который ранее не был осмыслен, был отвергнут или забыт.

Практическая значимость исследования заключается в изучении и создании рекомендаций по работе с автобиографическими воспоминаниями как ресурсами, которые могут помочь в достижении не просто позитивного, но и осознанного и обоснованного отношения к себе.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 60 человек в возрасте от 17 до 25, среди них 45 женщин и 15 мужчин. Средний возраст участников исследования составлял примерно 21 год ($M = 21, 4$).

Был проведен статистический анализ личностных особенностей и особенностей самоотношения данной выборки. Исследуемая выборка отвечала показателю репрезентативности.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В проведенном исследовании использовались:

1. Эксперимент — искусственное создание условий для возникновения когнитивного диссонанса и условий для работы с автобиографическими воспоминаниями.

2. Интервью — разработана авторская схема структурированного интервью для работы с автобиографическими воспоминаниями. Чтобы изучить особенности работы с воспоминаниями была разработана также процедура интервью, которая позволила получить данные о латентном времени воспоминаний, объеме описываемых событий, а также классифицировать воспроизведенные испытуемыми воспоминания по выраженному в них отношению к себе.

1. Опросный метод — процедура исследования, включившая предварительную и заключительную диагностику личностных особенностей и особенностей самоотношения.

2. Метод ложной обратной связи — испытуемым давалась противоположная реально полученной обратная связь по результатам пятифакторного опросника, поскольку для экспериментального моделирования состояния когнитивного диссонанса необходима высокая степень расхождения информации из разных источников. По окончании исследования участникам, получившим ложную обратную связь, давалась по опросникам адекватная обратная связь.

3. Статистические методы обработки информации — описательный, сравнительный, корреляционный и контент-анализы.

В результате исследования были получены данные о личностных особенностях и особенностях самоотношения испытуемых, количественные показатели работы с автобиографическими воспоминаниями, данные об изменениях представлений о себе (выразившиеся в изменении ответов при повторном заполнении опросника МИС С. Р. Панталева).

Также был разработан дизайн исследования, который позволял варьировать 2 фактора: наличие и отсутствие когнитивного диссонанса, наличие и отсутствие работы с автобиографическими воспоминаниями.

Участники были разделены на 3 группы:

1. Тех, с кем в условиях искусственно созданного когнитивного диссонанса проводилось интервью относительно их личностных особенностей (рабочее название группы — «Когнитивный диссонанс»).

2. Тех, с кем проводилось интервью без создания когнитивного диссонанса (рабочее название группы — «Интервью»).

3. Тех, кто дважды прошел испытание по психодиагностическим методикам (рабочее название группы — «Контрольная»).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ изменений качественных характеристик самооотношения личности.

Для изучения влияния работы с автобиографическими воспоминаниями в условиях когнитивного диссонанса был разработан специальный дизайн исследования, позволяющий сравнить степень изменения самооотношения личности при различных условиях. При этом использовались методики исследования самооотношения С. Р. Панталева.

Были получены данные участников 3 экспериментальных групп:

1. Группы без целенаправленной работы с автобиографическими воспоминаниями (результаты МИС, полученные участниками «Контрольной группы»).

2. Группы с целенаправленной работой с автобиографическими воспоминаниями (результаты МИС, полученные участниками группы «Интервью»).

3. Группы, работавшей с автобиографическими воспоминаниями в условиях когнитивного диссонанса (результаты МИС, полученные участниками группы «Когнитивный диссонанс»).

В среднем испытуемые в группе «Когнитивный диссонанс» изменили 18,0% ответов, в группе «Интервью» — на 13,8% больше, в «Контрольной группе» изменили свои ответы 10,5%. При сравнении групп «Когнитивный диссонанс» и «Интервью» были получены статистически достоверные различия ($\chi^2 = 6,013$, $p = 0,014$). Статистически достоверные различия выявило и сравнение групп «Интервью» и «Контрольная» ($\chi^2 = 27,211$, $p < 0,001$), «Когнитивный диссонанс» и «Контрольная» ($\chi^2 = 60,115$, $p < 0,001$) (см. рис. 1).

Рис. 1. Сравнение распределений повторов/изменений ответов в разных группах

Для более подробного анализа изменений качественных характеристик самооотношения результаты МИС в группе «Когнитивный диссонанс» были статистически обработаны до и после экспериментального воздействия. Под качественными характеристиками самооотношения личности были приняты компоненты самооотношения, выделенные С. Р. Панталевым и измеряемые в виде соответствующих шкал методики исследования самооотношения. Было обнаружено статистически достоверное увеличение показателей по шкале «Самоуверенность» ($t = -2,502$, $p = 0,022$) и по фактору «Самоуважение» ($t = -2,233$, $p = 0,038$) (см. рис. 2).

Чтобы оценить направленность экспериментального воздействия, были подсчитаны полученные баллы по 3 факторам, выделенным Р. С. Панталевым: «Самоуважение», «Аутосимпатия», «Внутренняя неустойчивость». Результаты были подсчитаны путем суммирования набранных баллов по шкалам, входящим в фактор. На рис. 3 представлено частное количество набранных баллов из максимально возможных по данному фактору. В целом направление изменений можно охарактеризовать как повышение самоуважения, повышение аутосимпатии, снижение внутренней неустойчивости.

Анализ показателей латентного времени вспоминания события. Для проверки наличия или отсутствия связи между временем вспоминания и степенью изменений был использован критерий r -Спирмана. Для этого распределение среднего количества времени, затраченного на вспоминание (выбор) автобиографического события, у испытуемых обеих групп («Интервью» и «Когнитивный диссонанс») было преобразовано в ранги. Была обнаружена тенденция к связи между степенью изменений и временем вспоминания

Рис. 2. Компоненты самооценки до и после интервью

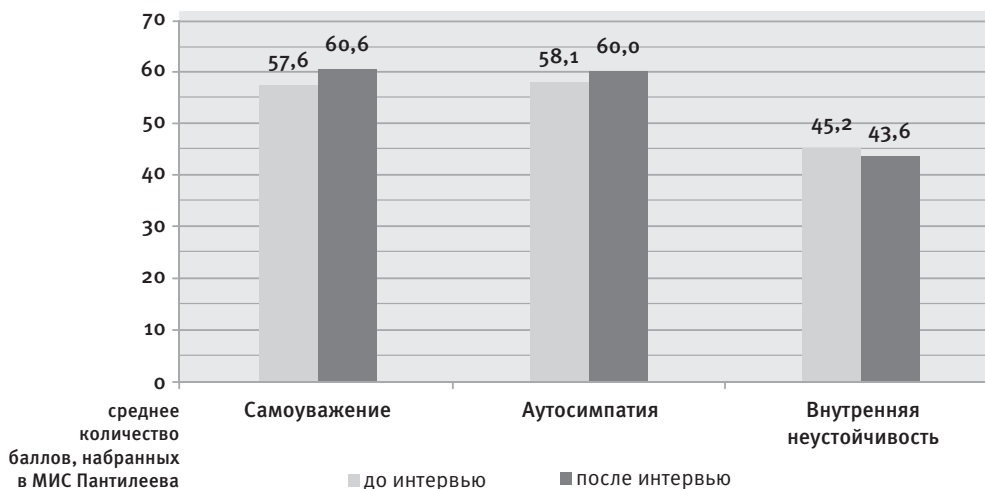

Рис. 3. Сравнение результатов испытуемых до и после интервью по факторам самооценки

($r = 0,348$, $p = 0,06$). При анализе взаимосвязи времени вспоминания и степени изменений внутри каждой группы были обнаружены сильные положительные корреляции: в группе «Когнитивный диссонанс» ($r = 0,740$, при $p = 0,002$) и в группе «Интервью» ($r = 0,677$, $p = 0,006$).

Качественный анализ текстов воспоминаний. Выборка из полученных текстов (нарративов) воспоминаний испытуемых обеих групп также подверглась анализу. Для это была разработана специальная классификация воспоминаний относительно субъективного эмоционального отношения к себе, выраженного напрямую в воспоминании (оценка себя явно присутствует в тексте) или же «окрашивающего» в целом описываемое событие (оценка себя неявно или косвенно присутствует в тексте)

В классификацию вошли следующие категории:

1. Воспоминания с позитивным отношением к себе.
2. Воспоминания с негативным отношением к себе.

3. Воспоминания нейтрального характера, без выраженного отношения к себе или «отстраненные» рассказы о себе.

Каждый испытуемый вспоминал 5 автобиографических событий, на основании этого испытуемые были подразделены на 3 группы:

1. «Позитивно оценивающие» — те, кто чаще оценивал себя в воспоминаниях позитивно (4–5 воспоминаний из 5); всего 15 испытуемых.

2. «Негативно оценивающие» — те, кто чаще оценивал себя в воспоминаниях негативно (4–5 воспоминаний из 5); всего 18 испытуемых.

3. «Смешанно оценивающие» — те, кто оценивал себя и позитивно, и негативно (присутствуют и позитивные (2–3), и негативные (2–3) воспоминания из 5); всего 7 испытуемых.

Затем было подсчитано среднее количество изменений самооотношения у участников этих подгрупп (при повторном заполнении МИС). В среднем «Позитивно оценивающие» изменили 16,7% ответов, «Негативно оценивающие» — 10,9% ответов, «Смешанно оценивающие» — 16,4% ответов. Распределения количеств изменений ответов в выделенных подгруппах были попарно сравнены при помощи критерия *t*-Стьюдента для независимых выборок. Были обнаружены статистически достоверные различия между подгруппой «Негативно оценивающие» и «Смешанно оценивающие» ($t = -2,446$, $p = 0,05$). По остальным парным сравнениям статистически достоверных различий обнаружено не было.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Были получены статистически достоверные взаимосвязи личностных особенностей и особенностей самооотношения, что позволяет утверждать, что некоторые личностные особенности и некоторые особенности нашего самооотношения взаимосвязаны со способностью изменять представления о себе. В данном исследовании было выявлено, что более доверяющие (более открытые) личности в большей степени способны изменять отношение к себе. Также было установлено, что личности с более высоким уровнем самоприятия и с более низким уровнем самоуверенности в большей степени склонны изменять свои представления о себе.

В принципе вопрос о том, какие личностные качества препятствуют, а какие — способствуют возможности менять свои представления о себе (что может стать предпосылкой для личностного роста), довольно интересный. Однако до сих пор данная тема не была достаточно изучена и требует более подробного исследования.

При сравнительном анализе изменений самооотношения в разных группах были получены статистически достоверные различия между группой «Интервью» и «Контрольной группой». Таким образом, гипотеза об отсутствии влияния работы с автобиографическими воспоминаниями в ситуации без когнитивного диссонанса на самооотношение личности (гипотеза о взаимной связи автобиографической памяти и самооотношения личности) не подтвердилась.

На данном этапе сложно ответить однозначно, с чем конкретно это было связано. Предположительно, некоторые условия проведения исследования могли отличаться от «натуральных». Например, присутствие интервьюера могло оказывать в какой-то степени «терапевтический эффект». То есть разговор с интервьюером либо сам факт участия в психологическом исследовании многие участники расценивали как предрасполагающие к каким-либо изменениям, соответственно изменения имели место. Возможно, если бы испытуемые занимались работой со своими воспоминаниями самостоятельно, а не в присутствии другого человека, были бы получены другие результаты.

При сравнительном анализе изменений самооотношения в разных группах было статистически достоверно установлено, что в группе «Когнитивный диссонанс» наблюдалось больше изменений, чем в группе «Интервью». Гипотеза о влиянии работы с автобиографическими воспоминаниями в условиях когнитивного диссонанса на самооотношение личности подтвердилась. При более подробном анализе было обнаружено статистически достоверное увеличение усредненных показателей по фактору «Самоуважение» и по шкале «Самоуверенность», что позволяет прийти к выводу о влиянии работы с автобиографическими воспоминаниями именно на эти компоненты самооотношения. Данные показатели выражают оценку собственного «Я» испытуемого по отношению к социально-нормативным критериям: моральности, успешности, волевым качествам, целеустремленности, социальному одобрению, а также представления о себе как самостоятельном, энергичном, надежном человеке, которому есть за что себя уважать. Следовательно, повышение данных показателей можно в целом охарактеризовать как позитивное, направленное на развитие личности, раскрытие имеющихся у нее ресурсов.

Интересно, что при корреляционном анализе взаимосвязей качественных характеристик самооотношения и степени изменчивости самооотношения было установлено, что личности с меньшей «Самоуверенно-

стью» в большей степени склонны к изменчивости самоотношения. Это может говорить о том, что, возможно, именно личности с меньшей самоуверенностью нуждались в таком воздействии.

Была установлена связь между тем, как участники работали с автобиографическими воспоминаниями, и степенью изменения их представлений о себе. Также было выявлено, что в ситуации когнитивного диссонанса и без нее проводимая работа с автобиографическими воспоминаниями имела различия. Испытуемые в группе «Когнитивный Диссонанс» вспоминали события из жизни дольше, воспроизводили (по объему) больше, чем в группе «Интервью». Кроме того, автоматический контент-анализ текстов показал некоторые отличия текстов воспоминаний людей в ситуации когнитивного диссонанса и без нее. Полученные тексты воспоминаний удалось классифицировать по выраженному в них отношению к себе, в результате было замечено, что личности, ориентирующиеся на воспоминания с позитивной и смешанной оценкой себя, после интервью значительно больше меняли представления о себе, нежели те, кто больше вспоминал события, в которых оценивал себя негативно.

Полученные результаты позволяют предложить некоторые рекомендации по работе с воспоминаниями, в частности:

1. Иногда новая информация о себе, существенно отличающаяся от изначальных представлений, может восприниматься как ошибочная или несущественная (или могут быть другие рациональные объяснения). При желании найти ресурсы для личностного роста иногда следует обратить внимание как раз на наиболее спорные моменты.

2. Воспоминания обеспечивают необходимую фактологическую базу для существующих представлений о себе. Для наиболее продуктивной работы над самоотношением не следует заострять внимание только на негативных или, наоборот, позитивных событиях, гораздо важнее опираться на те воспоминания, в которых чувствуется большая уверенность (описываемые события наиболее реалистично характеризуют личность). В таком случае можно достичь устойчивого, реалистичного и внутренне непротиворечивого отношения к себе, даже если часть описываемых событий выражает негативное отношение к себе.

ВЫВОДЫ

1. Было выявлено, что более доверяющие (более открытые) личности в большей степени способны изменять отношение к себе. Личности с более высоким уровнем самопринятия и с более низким уровнем самоуверенности в большей степени склонны изменять свои представления о себе.

2. Было установлено, что в ситуации когнитивного диссонанса и без нее проводимая работа с автобиографическими воспоминаниями была различной. В среднем испытуемые в группе «Когнитивный Диссонанс» вспоминали события из жизни дольше, воспроизводили по объему больше событий, чем в группе «Интервью». Кроме того, автоматический контент-анализ текстов показал некоторые отличия воспоминаний людей в ситуации когнитивного диссонанса и без нее. Также было установлено, что личности, ориентирующиеся на воспоминания с позитивной и смешанной оценкой себя, значительно больше меняют свои представления о себе после интервью, нежели те, кто ориентируется на воспоминания с негативной окраской.

3. Самоотношение человека после работы с автобиографическими воспоминаниями в ситуации когнитивного диссонанса изменяется чаще случайного и больше, чем в ситуации обычной работы с автобиографическими воспоминаниями. В наибольшей степени увеличиваются показатели по фактору «Самоуважение» и по шкале «Самоуверенность».

4. Анализ динамики ситуативной самооценки личностных особенностей не выявил статистически значимых результатов. Не было получено никаких различий ситуативной самооценки личностных особенностей ни в разных группах, ни при сравнении самооценки до и после интервью. Возможно, работа над изменениями представлений о себе проходила на другом уровне, и сознательная оценка личностных особенностей в данном исследовании не играла никакой роли.

5. Большинство участников отметили, что факт различий в субъективной самооценке и оценке на основе результатов опросника вызывает у них удивление. Все участники искали этому факту рациональное объяснение. Это косвенно может говорить о возникновении когнитивного диссонанса. Было замечено, что некоторые участники заметили изменения собственных ответов, большинство ответивших утвердительно недооценивали степень изменений ответов. Это может говорить о том, что некоторые изменения ответов

были сделаны сознательно. Вместе с тем большинство утвердительно ответивших участников недооценивали количество изменений. Возможно, часть изменений не была ими осознана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова, К. А., Березина Т. Н. *Время личности и время жизни*. СПб., 2001.
2. Дерябин А. А. *Я-концепция и теория когнитивного диссонанса: обзор зарубежной литературы*. Новосибирск, 1991.
3. Нуркова В. В. *Культурно-исторический подход к проблеме автобиографической памяти: автореф. ... дис. канд. психол. наук*. М., 2005.
4. Нуркова В. В. *Общая психология. Память. Т. 7 / под ред. Б. С. Братуся*. М., 2004.
5. Нуркова В. В., Василенко Д. А. *Формирование вариативного репертуара личности*. М., 2013.
6. Пантилеев С. Р. *Самоотношение как эмоционально-оценочная система*. М., 1991.
7. Роджерс К. *Взгляд на психотерапию. Становление человека*. М., 1994.
8. Сапожникова Р. Б. *Психологические факторы формирования самооотношения личности*. Новосибирск, 1998.
9. Столин В. В. *Самосознание личности*. М., 1983.

С. В. ДРОБЫШЕВА, Н. Л. МОСКВИЧЕВА

e-mail: sv.drobysh@mail.ru

Магистерская программа «Общая психология и психология личности»

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ С РАЗНОЙ ЦЕННОСТНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ

В работе изучалась взаимосвязь ценностных ориентаций с временной перспективой личности на выборке 78 студентов 4-го курса СПбГУ разных специальностей. Измерялись: ценностная направленность (методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, модификация Леонтьева, и «Морфологический тест жизненных ценностей» В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной) и характеристики временной перспективы личности («Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо; методика многофакторного отношения к настоящему и будущему Ван Калстена, адаптация Л. И. Вассермана). Обработка данных: кластерный, сравнительный, дисперсионный, корреляционный анализы. Выявлены позитивные связи ориентации на гедонистическое настоящее и позитивное прошлое со значимостью ценностей духовно-нравственной направленности, с ценностями индивидуализма и достижений. У студентов с высокой значимостью духовно-нравственных ценностей значимо сильнее ориентация на будущее, более высокие оценки характеристик активности, осязаемости, структурированности будущего и менее высокие — общего эмоционального отношения. Выявлена разорванность системы ценностей и отношение к настоящему как более насыщенному и близкому у студентов с несформированной системой ценностей; ориентация на фаталистическое настоящее, восприятие будущего как менее светлого у студентов с конфликтной системой ценностей.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, ценностные ориентации студентов, временная перспектива личности.

PECULIARITIES OF PERSONALITY TIME PERSPECTIVE IN STUDENTS WITH DIFFERENT DIRECTION OF LIFE VALUES

To study the interrelations between value orientations and personality time perspective 78 4th year students were examined with Rokeach Value Survey (Leontiev modification); Morphological test of life values by Sopov, Karpushina; Zimbardo Time Perspective Inventory, Van Kulsten Time Attitude Scale, adapt. L. I. Vasserman. Data processing: cluster, comparative, correlation, ANOVA analysis. Past-Positive and Present-Hedonistic orientations positively correlated with preference of moral values, and values of individualism and achievement. Students with high importance of moral values significantly stronger focus on Future, higher appreciate the activity, tangibility, and structure of Future, but give a less general emotional appreciation to Future. Values' isolation and attitudes to Present as more saturated and close in students with an unformed values' system; and focus on Fatalistic Present and attitudes to Future as less bright in students with conflicting value system were revealed.

Keywords: moral values, values of students, personality time perspective.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Важность изучения ценностей личности и взаимосвязь ценностных предпочтений с динамическими процессами в обществе, особенно у студентов, подчеркивались многими исследователями (Олпорт, 2002; Bilsky, Schwartz, 1992, и др.). Отечественные и зарубежные исследователи отмечают сегодня значительные изменения в ценностной сфере у молодежи, прагматичность суждений о таких категориях, как добро и зло, смещение предпочитаемых ценностей от ценностей гуманистических к прагматическим и индивидуалистическим (Журавлев, Юревич, 2010; Куницына, 2010; Castiglione et al., 2014), что делает актуальным выявление взаимосвязей предпочтения ценностей у молодежи с другими личностными характеристиками.

В современной психологии личность рассматривается как динамическая система, по мере непрерывного развития которой все большее значение приобретают внутренние мотивы и убеждения, позволяющие личности самой определять свои цели и задачи. Регуляторным механизмом такого развития выступает система ценностных ориентаций личности. Она отвечает и за выбор намеченной цели, и за способ ее достижения, и за каждый уровень, которого достигает личность в своем развитии, создает новые предпосылки для дальнейшего развития ценностной системы.

В нашей работе рассматривается один из аспектов направленности — ценностная направленность личности, под которой мы понимаем предпочтение личностью ценностей определенной группы в ряду дру-

гих ценностей, рассматриваемых как жизненные цели. Так, Ш. Шварц (S. H. Schwartz) и У. Билски (W. Bilsky) (1994) выделяют ценности сохранения, противостоящие ценностям изменения, и ценности самоопределения, противостоящие ценностям самовозвышения; Д. Леонтьев (1992), модифицируя подход М. Рокича (1973), выделяет среди терминальных противостоящие друг другу индивидуальные ценности и ценности межличностных отношений; профессиональной самореализации и личной жизни; конкретные и абстрактные; а среди инструментальных — индивидуалистические, конформистские, альтруистические, этические ценности и др. По А. Маслоу (1999), различаются ценности бытия — высшие, присущие самоактуализирующимся людям (истина, добро, красота, целостность, уникальность, совершенство и др.), и дефицитные ценности — низшие, ориентированные на удовлетворение какой-то фрустрированной потребности (мир, покой, безопасность и т. д.).

В современной научной литературе представлены описания направленности личности, основанной на предпочтении определенных ценностей. В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина (2002), рассматривая индивидуальную систему жизненных ценностей человека, выделяют два вида ценностной направленности личности: духовно-нравственное и эгоистически-престижное. В. Н. Куницына (2010) на основе множественных исследований ценностных ориентаций студентов выделяет ценностно-нормативные типы студентов: про-социальный, активный тип, пассивно-созерцательный ценностный тип, отличающийся пониженной ответственностью, размытостью жизненных целей и ценностей, и асоциальный личностный тип, которому свойственны безответственность, высокая значимость гедонистических ценностей, ценностей безопасности и самовозвышения. Во всех рассмотренных подходах важнейшее значение в системе ценностных ориентаций придается *духовно-нравственным ценностям*. По мнению С. Н. Братуся (1994), духовность человека, как совокупность присущих личности духовно-нравственных ценностей, играет особую, смыслообразующую роль в развитии личности и выступает основой в формировании приоритетности ценностей.

Активное развитие системы ценностных ориентаций «вширь» — вписывание себя в различные сферы общественной жизни — и «вглубь» — расширение временной перспективы, построение жизненных планов, определение смыслов собственной жизни — происходит в юношеском возрасте (Кон, 1989). Таким образом, формирование системы ценностных ориентаций идет в тесном взаимодействии с формированием временной перспективы личности и на ее основе. Временная перспектива личности представляет собой динамический взгляд индивида на его прошлое, настоящее и будущее, формирующийся в едином процессе развития личности и самосознания, и может быть рассмотрена как субъективная локализация себя во времени (Головаха, Кроник, 1984; Зимбардо, Бойд, 2010), включающая ощущение протяженности жизненных планов, их структурированности, эмоциональную оценку и др. (Nuttin, 1985 и др.). Можно предположить, что особенности временной перспективы выступают предпосылкой и условием формирования системы ценностных ориентаций, связаны с планируемыми достижениями возможных целей и являются благоприятным или негативным фактором развития личности и ее жизненного пути.

В то же время система ценностных ориентаций охватывает содержательную сторону становления личности, ее направленность на те или иные жизненные цели и предпочитаемые средства. Хотя становление обеих этих систем идет одновременно, взаимосвязи между ними практически не были предметом научного исследования, что не позволяло представить содержание системы ценностных ориентаций студентов во взаимосвязи с ее динамическими временными характеристиками.

Цель исследования: исследовать особенности временной перспективы личности у студентов с разной ценностной направленностью.

Задачи исследования:

1. На основе анализа литературы определить понятия ценностных ориентаций и временной перспективы личности и описать результаты их исследований у студентов.
2. Подобрать адекватный поставленным гипотезам и задачам методический инструментарий.
3. Исследовать систему ценностных ориентаций личности студентов; определить положение духовно-нравственных ценностей в системе ценностных ориентаций и типы ценностной направленности студентов.
4. Описать выраженность факторов временной перспективы и качественные характеристики временной перспективы личности у студентов.
5. Провести корреляционный анализ взаимосвязей ценностных ориентаций личности и характеристик временной перспективы.
6. Провести сравнительный анализ характеристик временной перспективы личности у студентов с различной ценностной направленностью.

Гипотезы исследования:

1. У студентов, ориентированных на духовно-нравственные ценности, временная перспектива отличается преимущественной ориентацией на позитивное прошлое и будущее и низкой ориентацией на гедонистическое настоящее, а также имеет высокие оценки настоящего и будущего по параметрам активности, структурированности, ценности и позитивной эмоциональной окрашенности.

2. Для студентов с преимущественной ориентацией на прошлое характерна несформированность системы ценностных ориентаций.

Предмет исследования: характеристики временной перспективы личности, ценностные ориентации личности у студентов и их взаимосвязи.

Объект исследования: динамические (временные) и содержательные характеристики ценностно-ориентационной системы личности у студентов.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборку составили 78 студентов 4-го курса СПбГУ разных специальностей (37 студентов специальности «Прикладная математика», 15 студентов специальности «Философия», 26 студентов специальности «Культурология»). Средний возраст — 21,6 год, 73 % — девушки, 27 % — юноши.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании применялись:

1. Для изучения ценностной направленности студентов — анкета для выявления ценностных представлений студентов; методика «Ценностные ориентации» М. Рокича в модификации Д. Леонтьева; «Морфологический тест жизненных ценностей» (МТЖЦ) В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной.

2. Для изучения временной перспективы личности студентов — «Опросник временной перспективы личности» Ф. Зимбардо; «Методика исследования многофакторного отношения к настоящему и будущему» Ван Калстена (в адаптации Л. И. Вассермана).

3. Математические методы анализа — описательная статистика, кластерный анализ, сравнительный анализ (критерий U — Манна — Уитни), корреляционный анализ (Спирмена).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Пилотажное анкетирование подтвердило несформированность представлений студентов о духовно-нравственных ценностях, но вместе с тем озабоченность состоянием духовно-нравственной атмосферы в обществе и важность этих ценностей лично для них. Так, лишь 14 % студентов смогли назвать достаточно полный перечень духовно-нравственных ценностей; 57 % студентов отметили важность роли духовно-нравственных ценностей в их жизни, 16 % студентов — небольшую, незначительную их роль, остальные затруднились ответить; 72 % студентов отметили, что духовно-нравственные ценности в обществе «отошли на второй план», 10 % — что в целом в обществе они играют неважную, но в окружении студента первостепенную роль; 40 % студентов отмечали острую необходимость изменений в этом направлении.

Во временной перспективе личности студентов в целом по выборке наиболее выражена ориентация на гедонистическое настоящее (средний балл $3,93 \pm 0,51$), менее выражены ориентации на позитивное прошлое ($3,73 \pm 0,79$) и будущее ($3,72 \pm 0,48$) и менее всего выражены негативное прошлое ($3,124 \pm 0,68$) и «фаталистическое» настоящее ($2,36 \pm 0,51$). Сравнение временной перспективы личности у студентов разных специализаций, представленное на рис. 1, с критерием Манна — Уитни выявило, что у студентов специальности «Прикладная математика» значимо выше ориентация на будущее, что отличает эту группу как от философов, так и от культурологов ($p = 0,004$ и $p = 0,031$ соответственно), а философы и культурологи значимо больше математиков ориентированы на гедонистическое настоящее ($p = 0,021$ и $p = 0,029$ соответственно). Студенты-философы значимо отличались от математиков и культурологов более выраженной ориентацией на негативное прошлое ($p = 0,018$ и $p = 0,010$ соответственно).

Исследование по методике Ван Калстена показало, что понятие «настоящее» студенты в среднем характеризуют как стремительное, плотное (фактор активности; средняя оценка 3,61), яркое, цветное (общая позитивная эмоциональная окраска; средняя оценка 3,46), объемное (фактор величины; средняя оценка

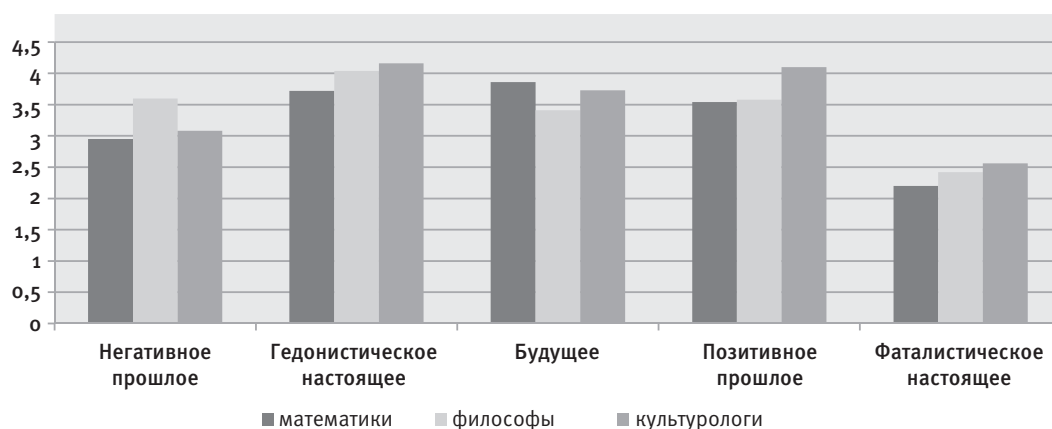

Рис. 1. Выраженность факторов временной перспективы личности у студентов разных специализаций

3,17), реальное (фактор ощущаемости; средняя оценка 2,67), упорядоченное (фактор структурированности; средняя оценка 2,76). Понятие «будущее» характеризуется прежде всего как длительное, большое, глубокое (фактор величины; средняя оценка 6,38), активное (активность; средняя оценка 4,32), позитивное (общая эмоциональная окраска; средняя оценка 5,89), но далекое (низкая ощущаемость; средняя оценка 1,67).

Приоритетные места в системе терминальных ценностей студентов 4-го курса занимали ценности саморазвития, межличностного общения и развлечений. Так, лидировали терминальные ценности (в порядке убывания значимости — чем ниже ранг, тем более значима ценность): уверенность в себе (средний ранг $5,58 \pm 4,03$), любовь ($5,94 \pm 4,58$), наличие хороших и верных друзей ($6,26 \pm 3,96$); несколько менее значимы здоровье ($6,84 \pm 3,8$), развитие ($7,2 \pm 3,6$) и развлечения ($7,21 \pm 3,6$). Средний интервал занимают свобода ($8,36 \pm 4,46$), познание ($8,63 \pm 3,37$), счастливая семейная жизнь ($9,1 \pm 6,24$), интересная работа ($9,21 \pm 3,8$), жизненная мудрость ($9,4 \pm 5,5$), продуктивная жизнь ($9,78 \pm 5,17$); неактуализированные и отвергаемые: активная деятельная жизнь ($10,05 \pm 4,4$), материально обеспеченная жизнь ($10,42 \pm 4,92$), творчество ($10,74 \pm 4,43$), красота природы ($11,89 \pm 5,27$), общественное признание ($13,35 \pm 4,44$), счастье других ($13,68 \pm 4,59$). Среди инструментальных ценностей первыми по приоритетности располагались ценности: образованность (средний ранг $6,11 \pm 4,12$), самоконтроль ($7,21 \pm 4,49$), жизнерадостность ($7,42 \pm 5,4$), смелость ($7,63 \pm 4,82$), широта взглядов ($7,79 \pm 4,72$), ответственность ($7,79 \pm 3,83$). Средняя группа ценностей: твердая воля ($8,16 \pm 4,14$), честность ($8,21 \pm 5,91$) и независимость ($8,37 \pm 4,82$), воспитанность ($9,58 \pm 4,35$), терпимость ($9,78 \pm 4,82$), рациональное мышление ($9,89 \pm 5,04$), чуткость ($9,95 \pm 6,49$); неактуализированные и отвергаемые: эффективность ($10,16 \pm 4,04$), исполнительность ($11,63 \pm 4,87$), аккуратность ($12,11 \pm 4,37$), высокие запросы ($13,42 \pm 4,1$), непримиримость ($15,89 \pm 3,17$).

Сравнение значимости различных ценностей по жизненным сферам (методика МТЖЦ) выявило, что духовно-нравственные ценности (средняя оценка $7,49 \pm 1,35$) и ценности престижно-эгоистической направленности ($7,46 \pm 1,79$) практически одинаково значимы во всех сферах жизни студентов. Однако большой разброс оценок подтверждает значительные индивидуальные различия в системах ценностей студентов.

Корреляционный анализ (рис. 2) иллюстрирует позитивные взаимосвязи ориентации на позитивное прошлое со значимостью ценностей духовно-нравственной направленности ($p = 0,042$) и достижений ($p = 0,012$); ориентации на гедонистическое настоящее (ощущение полноты жизни в настоящем) со значимостью ценностей духовно-нравственной направленности ($p = 0,032$) и с ценностями индивидуализма ($p = 0,02$).

Сравнительный анализ показал, что студенты с высокой значимостью духовно-нравственных ценностей по сравнению со студентами со средней их значимостью (неопределившийся тип) более ориентированы на будущее ($p = 0,005$) (табл. 1). Студенты с высоким и студенты с низким уровнем ориентации на духовно-нравственные ценности (т.е. с высокой ориентацией на ценности достижения и материального достатка) больше ориентированы на позитивное прошлое, чем группа со средним уровнем духовно-нравственных ценностей (неопределившаяся) ($p = 0,023$ и $p = 0,052$).

Выявлены значимые различия качественных характеристик временной перспективы: у группы с высокой духовно-нравственной направленностью настоящее более близкое ($p = 0,017$), структурированное ($p = 0,049$) и беспроблемное ($0,032$); а будущее менее скучное ($p = 0,041$), но и менее светлое ($p = 0,008$) (табл. 2).

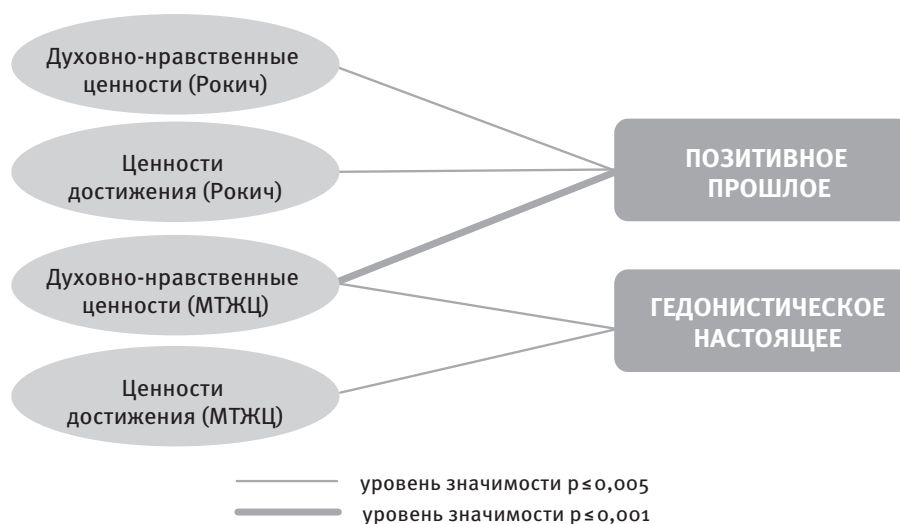

Рис. 2. Значимые связи между группами ценностных ориентаций студентов и временной перспективой личности (по опроснику Зимбардо)

Таблица 1. Значимые различия во временной перспективе личности у групп студентов с разным уровнем духовно-нравственной ценностной направленности

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА	УРОВЕНЬ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ	СРЕДНЕЕ	СТД ОТКЛОНЕНИЕ	U МАННА – УИТНИ	P
Будущее	средний	47,14	5,60	66,500	0,005
	высокий	51,36	6,13		
Позитивное прошлое	низкий	33,09	6,04	29,50	0,023
	высокий	35,82	6,50		
Позитивное прошлое	средний	31,96	6,66	88,00	0,052 тенд
	высокий	35,82	6,50		

Таблица 2. Значимые различия в отношении к настоящему и будущему у студентов с высоким и низким уровнем духовно-нравственных ценностей

КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ	СРЕДНЯЯ ОЦЕНКА В ГРУППАХ		УРОВЕНЬ ЗНАЧИМОСТИ (МАННА – УИТНИ)
	НИЗКИЙ УРОВЕНЬ	ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ	
ОТНОШЕНИЕ К НАСТОЯЩЕМУ			
Близкое	1,00	2,50	0,017
Структурированное	1,33	3,33	0,049
Беспроблемное	2,33	4,33	0,032
ОТНОШЕНИЕ К БУДУЩЕМУ			
Скучное	6,00	5,00	0,041
Светлое	4,00	1,33	0,008

Студенты с конфликтной системой ценностных ориентаций (высокие баллы ценностей всех групп по методике МТЖЦ) показали отношение к будущему как менее «светлому» ($p = 0,034$) и большую ориентацию на «фаталистическое» настоящее ($p = 0,002$), чем студенты с несформированной системой ценностных ориентаций (низкие баллы ценностей всех групп по методике МТЖЦ), относящиеся к настоящему как более «насыщенному» ($p = 0,026$), близкому ($p = 0,038$). Возможно, студенты с несформированной системой ЦО чувствуют себя комфортно в настоящем и еще не готовы к осознанию и построению жизненных пла-

нов. Корреляционный анализ взаимосвязей ценностных ориентаций в этой группе выявил две основные системообразующие плеяды, образованные ценностями разной направленности: нравственной и эгоистически-престижной.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты подтвердили предположение о взаимосвязи ценностных ориентаций и временной перспективы личности с особенностями временной перспективы и восприятием ее качественных характеристик. Так, подтвердилась гипотеза о большей ориентации на будущее и позитивное прошлое студентов с высокой значимостью духовно-нравственных ценностей. Вместе с тем ориентации на позитивное прошлое (опора на позитивный опыт) позитивно коррелируют не только со значимостью ценностей духовно-нравственной направленности, но и с индивидуалистическими ценностями и ценностями достижений, выступая, вероятно, основой для осознания важности гуманистических ценностей, с одной стороны, и постановки целей саморазвития и достижений — с другой.

Выявленные различия в ориентации студентов на будущее требуют дополнительного исследования на более крупных выборках в разное время; возможно, они связаны с конкретными экономическими и социальными условиями и их изменением.

Проведенное исследование позволяет уточнить имеющиеся в психологии представления о ценностных ориентациях студентов и вкладе временной перспективы личности в формирование ценностей личности, а полученные результаты могут быть использованы для психолого-педагогического сопровождения личностного становления студентов.

ВЫВОДЫ

1. Во временной перспективе личности студентов наиболее выражена ориентация на гедонистическое настоящее, менее выражены ориентации на позитивное прошлое и будущее, среди последних — менее всего на негативное прошлое и «фаталистическое» настоящее. Понятие «настоящее» у студентов получило наиболее высокие оценки по факторам активности, общей позитивной эмоциональной окраски, величины, ощущаемости, понятие «будущее» — по факторам величины, активности, низкие оценки по фактору ощущаемости.

2. Приоритетные места в системе терминальных ценностей студентов 4-го курса занимали ценности саморазвития, межличностного общения и развлечений, среди инструментальных ценностей — образованность, самоконтроль, жизнерадостность, смелость, широта взглядов, ответственность. Духовно-нравственные ценности и ценности престижно-эгоистической направленности практически одинаково значимы во всех сферах жизни студентов.

3. Ориентации на гедонистическое настоящее (ощущение полноты жизни в настоящем) и позитивное прошлое (опора на позитивный опыт) позитивно коррелируют как со значимостью ценностей духовно-нравственной направленности, так и с ценностями индивидуалистическими и ценностями достижений, выступая как основа для осознания важности гуманистических ценностей, с одной стороны, и постановки целей саморазвития и достижений — с другой.

4. Студенты с высокой значимостью духовно-нравственных ценностей по сравнению со студентами со средней их значимостью (неопределившийся тип) значимо более ориентированы на будущее и позитивное прошлое, воспринимают настоящее как более позитивно окрашенное (привлекательное), а будущее как более активное («исходящее от меня», «планируемое мной»), более ощущаемое (близкое, немедленное), более структурированное (определенное), но менее позитивно эмоционально окрашенное (менее светлое и привлекательное).

5. У студентов с несформированной системой ценностных ориентаций выявлены отношение к настоящему как более насыщенному, близкому и менее позитивное отношение к будущему (менее светлое); гипотеза о преобладающей ориентации на прошлое не получила достаточного статистического подтверждения.

6. У студентов с конфликтной системой ценностей выявлены ориентация на «фаталистическое» настоящее и восприятие будущего как менее светлого.

7. Выявлены значимые различия во временной перспективе студентов разных специальностей: в нашей выборке студенты-математики больше других ориентированы на будущее, философы больше других

ориентированы на негативное прошлое, философы и культурологи больше математиков ориентированы на гедонистическое настоящее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братусь Б. С. Психология. Нравственность. Культура. М., 1994.
2. Журавлев А. А., Юревич А. В. Психология нравственности. М., 2010.
3. Зимбардо Ф., Бойд Д. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. М., 2010.
4. Кон И. С. Психология ранней юности. М., 1989.
5. Кроник А. А., Головаха Е. И. Психологический возраст личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2000. С. 246–255.
6. Куницына В. Н. Методы изучения семейных ценностей и взаимодействия внутри семьи (ЦО-36, ПиН) // Семья в современном мире / сост. и науч. ред. В. Н. Куницына. СПб., 2010. С. 42–53.
7. Леонтьев Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций. М., 1992.
8. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.
9. Сопов В. Ф., Карпушина И. В. Морфологический тест жизненных ценностей. Руководство по применению: методич. пособие. Самара, 2002.
10. Олпорт Г. Становление личности. Избранные труды / пер. с англ. Л. В. Трубицкой и Д. А. Леонтьева; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. М., 2002.
11. Bilsky W., Schwartz S. H. Values and Personality // European Journal of Personality. 1994. P. 163–181.
12. Rockeach M. The Nature of Human Values. New York, 1973.
13. Castiglione C., Rampullo A., Licciardello O. High School Students' Value System. Procedia // Social and Behavioral Sciences. 2014. 141. P. 1330–1334.
14. Nuttin J., Lens W. Future time perspective and motivation: Theory and research method. Hillsdale (NJ), 1985.

Ю. А. ДУЖАК, С. А. МАНИЧЕВ

e-mail: Djuliduzhak@yandex.ru

Специализация «Организационная психология и психология менеджмента»

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ ЛИДЕРСТВА У СТУДЕНТОВ

В работе рассматриваются биографические предикторы лидерства в студенческой среде. В исследовании приняли участие 145 студентов 1–4-го курсов дневного отделения технических специальностей Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. В качестве индикатора лидерства выступил социометрический индекс (метод сокращенной социометрии Я. Морено), также были изучены предикторы лидерства: биографические (самостоятельно разработанный биографический опросник) и личностные (Big5 Р. Мак Крэй и П. Коста, «Мотивация достижений и избегания неудач» А. Мехрабиана, «Эмоциональный интеллект» Д. В. Люсина, «Психологический капитал» А. Бэккера). Обработка данных: корреляционный, факторный и множественный регрессионный анализ, метод моделирования структурными уравнениями. По результатам исследования нами были выявлены различия между подгруппами лидеров и нелидеров по биографическим данным, в частности по показателям контекстных факторов (родительские отношения, социально-экономические условия); по показателям достижений (академическим, общественным), а также по личностным характеристикам (шкалам BIG5: контроль и привязанность). Сформирована иерархическая модель предикторов лидерства, в которой личностные качества являются основой для формирования личностных ресурсов (психологический капитал, самооценка лидерского опыта), определяющих, в свою очередь, непосредственные предикторы лидерства. Разработанный опросник был проверен на надежность и валидность.

Ключевые слова: лидерство, биографические и личностные предикторы, биографический метод.

BIOGRAPHICAL PREDICTORS OF LEADERSHIP IN STUDENTS

This degree work is dedicated to research biographical predictors of leadership. The study involved 145 full-time students 1–4 course technical specialties of St. Petersburg State Polytechnical University. Sociometry method of Jacob L. Moreno has identified the sociometric index — the leadership indicator. Author's survey form has revealed certain biographical leadership predictors, while psychodiagnostic methods (Big5 P. Costa, & R. McCrae, "Achievement motivation" A. Mehrabian, "Emotional intelligence" D. V. Lyusin, "Psychological capital" A. Bekker) have indicated personal leadership predictors. Data analysis is presented by correlation, factor and multiple regression analysis, the method of structural equation modeling.

The results of this research have identified differences between leaders and nonleaders subgroups for biographical data, in particular for contextual factors: parental relations, socio-economic conditions; and indicators of achievement (academic, social), and for personal characteristics — BIG5 scales: conscientiousness, agreeableness. The model of biographical predictors was formed in this research: the personal characteristics are base for the personal resources (psychological capital, leadership experience self-assessment) which define directly leadership predictors. Author's survey was tested for reliability and validity.

Keywords: leadership, biodata and personal predictors, biographical method.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Существующие модели лидерства рассматривают данный феномен по-разному: как совокупность черт или поведенческих проявлений, через особенность групповой динамики или характеристики последователей, как наследственную предрасположенность или особенность мозговых процессов и т. д. В ответ на неполноту описания появились интегративные теории лидерства, учитывающие сразу несколько факторов, в частности интегральная теория развития Уильяма Оуэнса (Owens, 1979). Она учитывает ситуационные, организационные, мотивационные и личностные переменные и предполагает биографические методы исследования, объясняя процесс развития лидерства за счет событий прошлого — биографических предикторов лидерства.

Биографический метод на настоящий момент является ведущим инструментарием в сфере HR-технологий: в отличие от стандартных психодиагностических методик данный метод обладает большей валидностью, а по сравнению с ассессмент-центром он менее затратен (Chau, 2009). При этом биографические данные позволяют спрогнозировать не только результаты работы и критерии, связанные с ней, но и личностные конструкты (Stokes, Cooper, 2001).

Однако в отечественной психологии исследования биографических предикторов лидерства представлены лишь несколькими работами: С. А. Маничева (Никифоров, 2000), Н. И. Конюхова, С. А. Добрякова (Логинова, 2006) А. Ф. Кармолин, Е. В. Макушева, С. Молл, Л. А. Сухорская (Дмитриева, 2011). За рубежом количество научных работ по теме значительно больше, однако во многом это объясняется особенностями

английского языка, в котором такие значения слова *leader*, как «лидер», «управленец», часто используются в качестве синонимов, соответственно большая часть работ направлена на изучение биографических предикторов успешности менеджеров.

Потребность работодателей в отборе не просто хороших управленцев, но и лидеров, требует создания специального опросника на основе выделенных биографических предикторов. Таким образом, недостаточная изученность данной темы в России, преобладающее количество работ, посвященных менеджменту, а не лидерству за рубежом, отсутствие точных критериев для дифференцирования лидеров и нелидеров, проблема воспитания и развития лидерства говорят об актуальности нашей работы как в теоретическом, так и в практическом смыслах.

Цель исследования: выявление биографических предикторов лидерского статуса у студентов.

Задачи исследования:

1. Разработать биографический опросник и проверить его надежность и валидность.
2. Проанализировать взаимосвязи социометрического индекса как показателя лидерства с биографическими данными.
3. Проанализировать взаимосвязи социометрического индекса как показателя лидерства с психодиагностическими данными.
4. Проанализировать взаимосвязи биографических предикторов с личностными чертами.
5. Составить модель биографических и личностных предикторов лидерства.

Гипотезы исследования:

1. Студенты с высоким показателем социометрического индекса имеют следующие биографические особенности: более удовлетворительные отношения с родителями; более высокие академические достижения; больший опыт работы и большая физическая подготовка, более высокий уровень социально-экономических условий; они чаще студентов с низким показателем социометрического индекса используют лидерские модели поведения.

2. Студенты с высоким показателем социометрического индекса обладают такими личностными характеристиками, как мотивация достижения; более высокими значениями по шкалам «экстраверсия», «нейротизм»; более высокими значениями по показателям эмоционального интеллекта и психологического капитала, чем у студентов с низким значением социометрического индекса.

Предмет исследования: биографические данные и психологические характеристики человека, влияющие на лидерский потенциал.

Объект исследования: учащиеся высших учебных заведений.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборка составила 145 человек — студентов 1–4-го курсов технических специальностей Санкт-Петербургского государственного университета; из них — 59 женщин и 86 мужчин. Возраст испытуемых варьировался от 17 до 25 лет. Испытуемые были полностью проинформированы о целях и задачах данного исследования и принимали в нем участие добровольно.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Процедура нашего исследования представлена двумя этапами:

1. Отбор контрастных групп испытуемых с низким и высоким социометрическим индексом. Для этого применялся метод социально-психологической диагностики — сокращенная социометрия Я. Морено, направленная на оценку выраженности делового и эмоционального лидерства. В этой части исследования участвовало 538 человек, задание выполнялось студентами в их учебных группах. Для каждого испытуемого был подсчитан социометрический индекс, для группы построена гистограмма распределения частот, вычислены стандартные отклонения. Испытуемые, значения которых находились выше или ниже сигмы от среднего, попадали в контрастные группы. Количество отобранных составило 247 человек.

2. Проведение психодиагностических методик с испытуемыми, отобранными по социометрическому индексу:

- Биографическая анкета, составленная на основе литературного обзора исследований по теме биографических предикторов лидерства и биографического опросника Мак-Элрэф (McElreath, 1999).

Для проверки шкал опросника было проведено пилотажное исследование, в котором участвовало 28 человек. Опросник состоит из 130 пунктов, определяющих «жизненные события» в сферах: школа, университет, семья, интересы и хобби, профессиональная деятельность. Также в опроснике содержится шкала лидерства: вопросы 18, 19, 64, 66, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 80, 127, 128.

- Пятифакторный личностный опросник «Big Five» П. Коста и Р. Мак-Крэй, анализирующий пять факторов структуры личности: нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, согласие и сознательность (Хромов, 2000).
- Методика «Эмоциональный интеллект» Д. В. Люсина, включающая такие показатели, как понимание собственных эмоций, понимание чужих эмоций, управление собственными, управление чужими эмоциями (Люсин, 2006).
- Методика «Мотивация достижений и избегания неудач» А. Мехрабиана, предназначенная для измерения двух устойчивых мотивов личности — мотива стремления к успеху и мотива избегания неудач (Васильев, Магомед-Эминов, 1991).
- Методика «Психологический капитал» Ф. Лютанса в доработке А. Бэккера (адаптация проведена на кафедре эргономики и инженерной психологии), определяющая 4 показателя психологического капитала — самооценка, стойкость, оптимизм, самоэффективность (Маничев, 2014).

Эмпирические результаты обрабатывались с помощью следующих методов математической статистики: критерий U Манна — Уитни для независимых выборок при сравнении групп, коэффициент ранговой корреляции Спирмена для анализа статистически значимых взаимосвязей измеренных показателей; факторный анализ с использованием метода главных компонент для изучения внутренней структуры биографического опросника; коэффициент Альфа Кронбаха для проверки согласованности шкал опросника; двухэтапный кластерный анализ для группировки измеренных показателей социометрического индекса; множественный регрессионный анализ для изучения степени обусловленности биографическими и психодиагностическими данными изменения «уровня выраженности лидерского статуса»; моделирование структурными уравнениями (SEM) для проверки теоретической модели предикторов лидерства. При обработке данных применялась компьютерная программа IBM SPSS Statistics 21 AMOS.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты проверки опросника на надежность и валидность. В составленном нами опроснике содержалась шкала лидерства, которая была проверена на внутреннюю согласованность критерием Альфа Кронбаха, принимающем допустимые значения ($\alpha = 0,66$). Данная шкала включает в себя 11 пунктов, касающихся организаторских способностей, занимаемых позиций в школе, стиля поведения в команде и самооценки.

При анализе внутренней структуры опросника с помощью факторного анализа нами были выделены 4 фактора, которые были проверены на внутреннюю согласованность и в дальнейшем участвовали в исследовании как отдельные переменные, — «Социальная лидерская активность» ($\alpha = 0,715$), «Академическая активность и достижения» ($\alpha = 0,807$), «Профессиональная деятельность» ($\alpha = 0,719$), «Родительские отношения» ($\alpha = 0,757$).

Для проверки валидности мы использовали такой внешний показатель лидерства, как социометрический индекс, он стал показателем критериальной валидности.

Различия групп лидеров и нелидеров. С помощью двухэтапного кластерного анализа нами было выделены 2 контрастные группы численностью 98 лидеров и 47 нелидеров. Для выявления различий между группами использовался непараметрический критерий U Манна — Уитни. Для удобства предоставления результатов мы сгруппировали пункты опросника по смысловым блокам и представили только часть результатов.

Для лидеров в большей степени характерны следующие особенности ($p < 0,05$): высокие академические достижения (средний балл диплома, любовь к школе, участие в олимпиадах, раннее определение с профессиональным выбором, усилия к поступлению, учебная основа, рейтинг вуза, время, затраченное на академическую деятельность, посещение лекций); активная организаторская деятельность (роль в команде, частые походы на мероприятия, большое количество друзей в социальных сетях); теплые родительские отношения (адекватная реакция родителей на проблемы в школе, отпуск с родителями, возможность поделиться переживаниями с родителями). У нелидеров преобладают ($p < 0,05$): неудовлетворительные показатели академической деятельности (пропуск школьных занятий, замечания в дневнике, вызовы в школу) и социально-экономические факторы (увеличенный средний доход на человека, большие траты в месяц).

Различия между группами выявлены и в шкалах, полученных факторным анализом: академические достижения и родительские отношения ($p < 0,0001$), а также шкала лидерства, включенная в опросник ($p < 0,001$). По шкалам «Социальная лидерская активность» и «Профессиональная деятельность» значимых различий найдено не было.

Лидеры предпочитают естественнонаучный профиль школьной программы ($\chi^2 = 0,001$), больше предпочитают активные виды спорта ($\chi^2 = 0,011$), изучение языков ($\chi^2 = 0,12$) и рукоделие ($\chi^2 = 0,32$); нелидеры более склонны к предпринимательской деятельности ($\chi^2 = 0,038$), также им более свойственно бросать учебу ($\chi^2 = 0,001$). Однако репрезентативность данных результатов остается под вопросом, так как в обоих случаях количество человек не превышало 10% выборки.

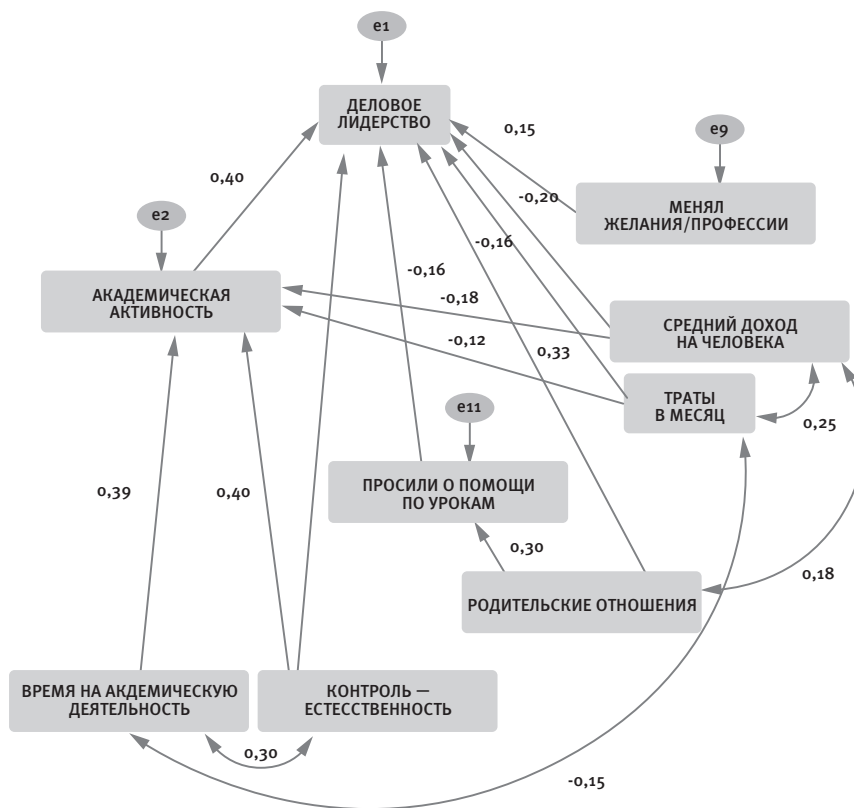
По личностным характеристикам различия были обнаружены только по показателям пятифакторного личностного опросника «Big Five»: привязанность — обособленность ($p = 0,007$) и контроль — естественность ($p = 0,001$).

Регрессионные уравнения делового и эмоционального лидерства. На основе межгрупповых различий лидеров и нелидеров нами были построены регрессионные уравнения делового и эмоционального лидерства методом шагового отбора:

Деловое лидерство = $0,576 + 0,504$ (академическая активность) + $0,267$ (родительские отношения) - $0,125$ (средний доход на человека) - $0,215$ (смена желаний кем-то стать).

Данный набор переменных объясняет 46,6% дисперсии признака. Стандартные коэффициенты регрессии являются статистически достоверными ($p \leq 0,01$).

Эмоциональное лидерство = $0,120 + 0,253$ (родительские отношения) + $0,268$ (социальная лидерская активность) + $0,214$ (объемы финансовой поддержки со стороны родителей) + $0,163$ (академическая активность) - $0,218$ (частота обращения за помощью по урокам к родителям) - $0,304$ (траты в месяц).

Chisquare = 17,011 (20df)
p = 0,652

rmsea = 0,000

Рис. 1. Структурная модель предикторов делового лидерства (модель путей)

Данный набор переменных объясняет 29,8% дисперсии признака. Все показатели имеют значимость $p \leq 0,01$.

Модель предикторов делового лидерства. Для построения модели предикторов лидерства мы использовали метод моделирования структурными уравнениями AMOS (рис. 1).

Связи, представленные на рис. 1 стрелками и числовыми значениями регрессионных коэффициентов, отражают влияния одних переменных на другие, двусторонние стрелки обозначают ковариации. Основные критерии модели принимают следующие значения: $\chi^2 = 17,011$; $p = 0,652$; $RMSEA = 0,000$ меньше 0,05; они лежат в допустимых пределах и статистически достоверны, следовательно, данная модель доступна для интерпретации.

На основе построенной модели можно сказать, что наибольший вклад в показатель делового лидерства вносят непосредственно академическая активность ($\beta = 0,40$) и родительские отношения ($\beta = 0,33$). Редкая смена желаний кем-то стать (профессия) ($\beta = 0,15$) и редкие обращения о помощи по урокам ($\beta = -0,16$) являются предикторами делового лидерства. Также важны и средовые социально-экономические показатели: средний доход в семье на человека ($\beta = -0,20$) и траты человека в месяц ($\beta = -0,16$); низкие значения по данным пунктам способствуют развитию лидерства. Также на деловое лидерство непосредственно влияет личностный фактор — шкала Big5 контроль — естественность ($\beta = -0,13$).

Далее представлена модель биографических предикторов академической активности и достижений — главного предиктора делового лидерства (рис. 2).

Модель, представленная на рис. 2, показывает, что в качестве предикторов академической активности выступают как биографические данные, так и личностные характеристики. Наиболее важными являются показатели «Время на академическую деятельность» ($\beta = 0,33$) и показатель контроля, которые в свою оче-

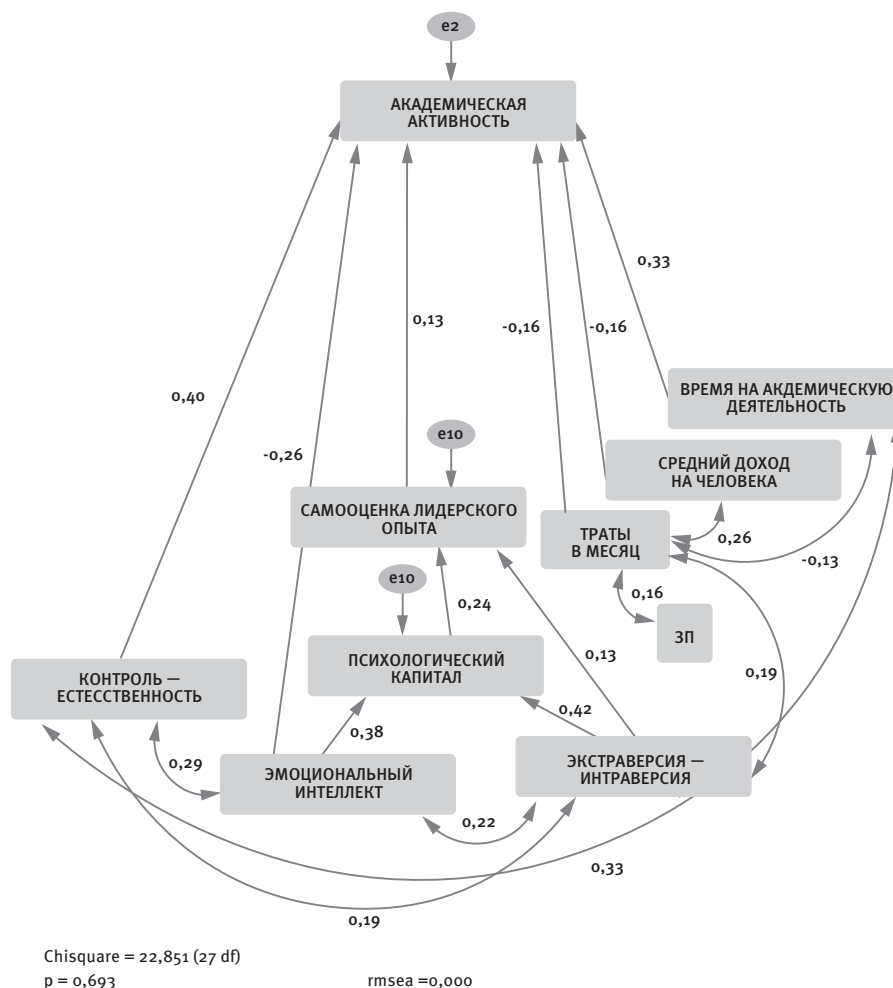

Рис. 2. Структурная модель предикторов академической активности (модель путей)

редь взаимосвязаны ($\beta = 0,48$). Также мы опять наблюдаем отрицательные связи с социально-экономическими показателями. Показатель «Самооценка лидерского опыта», обозначающий то, насколько человек рассматривает свой лидерский опыт в качестве успешного, непосредственно влияет на академическую активность. На самооценку лидерского опыта влияют такие личностные характеристики, как «Психологический капитал» ($\beta = 0,24$) и экстраверсия ($\beta = 0,13$). Все личностные характеристики — контроль, эмоциональный интеллект и экстраверсия — имеют ковариации.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате проведенного нами исследования были выделены предикторы лидерства: главным предиктором лидерства выступает фактор «Академические достижения и активность». Аналогичные данные получены и другими авторами (Репина, 1988; Mumford, Owens, 1987; McElreath, 1999; Sulloway, 1999; Reiter-Palmon, Roni, 2003; Brodersen, 2008). Учеба для студента является ключевым видом деятельности, поэтому наличие экспертных знаний, широта социальных контактов и академические достижения могут способствовать появлению у человека статуса лидера в студенческой группе.

Нами были обнаружены различия лидеров и нелидеров в предпочтении школьной программы. Так, студенты-лидеры технических специальностей предпочитали естественнонаучный профиль и в школе. Возможно, это говорит о том, что предиктором лидерства является не столько академическая успешность, сколько успешность в ведущей деятельности. Этим фактом, вероятно, можно объяснить, почему лидеры в одной ситуации могут не быть лидерами в другой.

Следующим важным предиктором является фактор «Родительские отношения»: это количество времени, проведенное с родителями, отдых вместе, заинтересованность родителей в жизни ребенка, их поддержка. Эти средовые влияния непосредственно участвуют в процессе развития личности ребенка, обуславливают его характерологические особенности, мотивационную структуру, ценностные ориентации, поведенческие паттерны (Bowlby, 1969, Schafer, Toy, 1999). Богатство и насыщенность среды определяют темпы и уровень развития задатков; родительская любовь, внимание к ребенку, адекватный стиль воспитания обеспечивают формирование его самооценки, самостоятельности, стиля реагирования на проблемы, мотивацию. При этом стоит подчеркнуть, что такая специфика семьи, как полная/неполная, не оказывает влияния на степень развития лидерства.

Еще один значимый показатель среды — это социально-экономические условия роста (траты в месяц, средний доход на человека). Предиктором лидерства являются ограниченные денежные ресурсы: малый средний доход на человека в семье и низкие траты в месяц способствуют раннему проявлению самостоятельности, более ранней подработке, умению экономить и откладывать деньги, что в свою очередь развивает самостоятельность и волю. Также меньшее количество карманных денег способствует проведению большего количества времени за учебой, и наоборот.

Были найдены также различия в личностных характеристиках: по шкалам Big5 — привязанность и контроль. В ряде зарубежных исследований были получены аналогичные результаты (O'Connor, Jackson, 2010; Ramchandran, 2011). Первое качество говорит о выраженной потребности в окружении, стремлении к активному участию в коллективных мероприятиях и выраженном чувстве ответственности за работу группы; второе качество говорит о развитой волевой регуляции поведения, добросовестности и ответственности. Такие биографические данные, как частота изменений желания кем-то стать, количество времени, уделяемое учебе, также являются индикаторами воли. Наличие нескольких показателей одного и того же психологического конструкта свидетельствует о его важности для лидерства. Именно личностные качества, по данным моделирования, составляют основу формирования личностных ресурсов (психологический капитал, самооценка лидерского опыта), которые в свою очередь определяют биографические предикторы лидерства.

На основе анализа биографических анкет можно утверждать, что люди, оценивающие себя как лидера, еще в школе начинают занимать лидерские позиции или общественные должности, предполагающие работу с группой и зоны ответственности за нее. Таким образом, лучшим предиктором лидерского поведения в будущем является лидерское поведение в прошлом (Satchel, Frank Richard, 2002; Arvey, Zhang, Avolio, Krueger 2007). Полученные нами биографические предикторы подтверждают данные зарубежных исследований, ниже представлена таблица, это демонстрирующая.

**Сравнение биографических предикторов, полученных
в ходе зарубежных исследований и данной работы**

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	ДАННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
Семья	+
Академические достижения	+
Лидерский опыт (модель поведения)	+
Средовые ресурсы	+
Физическая подготовка	–
Опыт работы	–
Контроль (Big5)	+
Привязанность (Big5)	+
Экстраверсия (Big5)	–
Открытость (Big5)	–
Нейротизм (Big5)	–
Оптимизм	–
Эмоциональный интеллект	–
Мотивация достижений	–
Порядок рождения	–

Интересными представляются результаты корреляционного анализа, в котором деловое и эмоциональное лидерство имеют значимую положительную связь, что говорит о неортогональности данных понятий. Регрессионный анализ выявил, что у двух этих конструкторов одинаковые составляющие: фактор академической активности и фактор семейных отношений. Также стоит отметить, что обе модели содержат показатели социально-экономического статуса: в случае с деловым лидерством — средний доход на человека в семье, в случае с эмоциональным лидерством — финансовая поддержка родителей и траты в месяц.

По результатам исследования нам не удалось выявить различий по уровню выраженности лидерства у мальчиков и девочек, это подтверждает результаты исследований, согласно которым лидерство гендерно не опосредовано (Sachkova, Timoshina, 2013).

ВЫВОДЫ

1. Студенты-лидеры по сравнению со студентами-нелидерами имеют такие биографические особенности, как более удовлетворительные родительские отношения, более высокие показатели академической активности; их социально-экономические условия более ограничены (меньший средний доход на человека и размер трат в месяц), и они чаще применяют лидерскую модель поведения.

2. Выявлены различия между студентами-лидерами и студентами-нелидерами по их личностным характеристикам: значения по шкалам Big5 контроль (сознательность) и привязанность (согласие) у лидеров выше, чем у нелидеров.

3. Были выявлены взаимосвязи биографических данных с личностными характеристиками: личностные черты составляют основу формирования личностных ресурсов, которые в свою очередь являются предикторами биографических данных.

4. На основе корреляционного и регрессионного анализа была построена структурная модель предикторов лидерства, выделяющая прежде всего академическую активность, социально-экономические условия, показатель самостоятельности (малое количество просьб о помощи по урокам), показатель стабильности профессионального выбора и удовлетворительные родительские отношения. Следующий уровень предикторов лидерства — личностные характеристики: самооценка лидерского опыта, показатели контроля, экстраверсии, психологического капитала и эмоционального интеллекта. Важно отметить, что построенная модель, отражающая основные результаты исследования, нуждается хотя бы в кратком описании, что составляет тему отдельной статьи.

Необходимо проведение дальнейших исследований для проверки гипотезы о связи биографических предикторов с уровнем лидерства, не ограниченных выборкой студентов технических специальностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева В. А. Психологические особенности лидерства и возможности его развития // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2011. № 2 (11). Апрель — июнь. С. 46–53.
2. Логинова Н. А. Некоторые итоги развития биографического метода психологии в XX веке // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 2. С. 67–81.
3. Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22. URL: <http://www.gurutestov.ru/test/436/> (дата обращения: 25. 01. 2014).
4. Магомед-Эминов М. Ш. Мотивация и контроль за действием / М. Ш. Магомед-Эминов, И. А. Васильев. М., 1991.
5. Маничев С. А., Маничева Л. Г. Изменения в работе (job crafting) как средство профессионального развития // Пестербургский психологический журнал. 2014. № 7. С. 1–23.
6. Психология менеджмента: учебник / под ред. проф. Г. С. Никифорова. СПб., 2000. Гл. 9.
7. Репина Т. А. Отношения между сверстниками в группе детского сада. М., 1988.
8. Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности: учеб.- методич. пособие. Курган, 2000.
9. Arvey R. D., Zhang Z., Avolio B. J., Krueger R. F. Developmental and genetic determinants of leadership role occupancy among women // Journal of Applied Psychology. 2007. N 92. P. 693–706.
10. Bowlby J. Attachment and loss. Vol. 1. Attachment. New York, 1969.
11. Brodersen D. Predictors of peer leader success as strengths counselors in a first-year seminar // Dissertation Abstracts International. 2008. 69 (03A). P. 890–1131 (UMI no. AAT3308536).
12. Owens William A., Schoenfeldt Lyle F. Toward a classification of persons // Journal of Applied Psychology. 1979. Vol. 64(5). October. P. 569–607. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/0021-9010.64.5.569> (дата обращения: 10.04.2014).
13. Chau M. Fairness perceptions of hiring managers and new hires of biodata questions in different job scenarios, 2009. (Order no. 3374764). Available from ProQuest Dissertations & Theses Global (305169282). URL: <http://search.proquest.com/docview/305169282?accountid=28393> (дата обращения: 16. 04. 2014).
14. McElreath J. M. Development of a biodata measure of leadership skills, 1999 (Order no. 9954212). Available from ProQuest Dissertations & Theses Global. (304534088). URL: <http://search.proquest.com/docview/304534088?accountid=28393> (дата обращения: 16. 04. 2014).
15. Mumford M. D., Owens W. A. Methodology review: principles, procedures, and findings in the application of background data measures // Applied Psychological Measurement. 1987. N 11. P. 1–31.
16. O'Connor P, Jackson C. Applying a psychobiological model of personality to the study of leadership // Journal of Individual Differences. 2010. N 31(4). P. 185–197.
17. Reiter-Palmon Roni. Predicting Leadership Activities: The Role of Flexibility // Psychology Faculty Publications. 2003. Paper 13. URL: <http://digitalcommons.unomaha.edu/psychfacpub/13> (дата обращения: 23.02.2014).
18. Ramchandran K. The neuropsychological correlates of leadership effectiveness, 2011 (Order no. 3461222). Available from ProQuest Dissertations & Theses Global (879629190). URL: <http://search.proquest.com/docview/879629190?accountid=28393> (дата обращения: 16.04.2014).
19. Sachkova M. E., Timoshina I. N. Features of the teenagers representations of themselves and of school class leader: a gender aspect // Psychological Science and Education psyedu.ru, 2013. N 2. URL: http://psyjournals.ru/en/psyedu_ej/2013/n2/62827.shtml (дата обращения: 09. 11. 2014).
20. Satchel Frank Richard Jr. The relationship between the biodata of elected and appointed school district superintendents and their perceptions of their own transformational leadership styles, 2002 (Order no. 3069484). Nova Southeastern University (Order no. 3374764). Available from ProQuest Dissertations & Theses Global (305169282). URL: <http://search.proquest.com/docview/305471225?accountid=28393>. (305471225) (дата обращения: 23.01.2014)
21. Schafer W., Toy D. Managers are dealing with stress and thriving (local government managers) // Public Management. 1999. N 81(6). P. 29–34.
22. Stokes G. S., Cooper L. A. Content/construct approaches in developing life history measures for selection // International Journal of Selection and Assessment, 2001. N 9. P. 1–14.

С. А. ЗАХАРОВА, С. Н. КОСТРОМИНА

e-mail: tasenchik1@mail.ru

Магистерская программа «Общая психология и психология личности»

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАСПОЗНАВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ИНТОНАЦИЙ СТАРШИМИ ПОДРОСТКАМИ

Исследование посвящено изучению роли личностных особенностей в процессах распознавания эмоциональных интонаций. Для исследования личностных детерминант распознавания эмоциональных интонаций старшими подростками было обследовано 96 учащихся 8–9-х классов ГБОУ гимназии № 631. Измерялись: уровень личностной тревожности («Личностная шкала тревожности» Дж. Тейлора, вариант В. Г. Норакидзе), рефлексивность (методика изучения рефлексивности А. В. Карпова), уровень развития эмоционального интеллекта (методика «ЭмИн» Д. В. Люсина и методика MSCEIT 2.0.), доминирующие акцентуированные черты характера (личный опросник Г. Шмишека), доминирующие черты личности (пятифакторный личностный опросник Р. Мак-Крае–П. Коста «Большая пятерка») и успешность распознавания эмоциональных интонаций (стимульный аудиоматериал авторской разработки). Обработка данных включала корреляционный, дисперсионный, факторный и регрессионный анализы. По результатам исследования получены данные о комплексном влиянии личностных черт на процессы распознавания эмоциональных интонаций, которые, объединились в три основных фактора: конформность, нормативность (превентивность), широкий опыт социального взаимодействия (социальный опыт). Выявлено, что условием формирования способностей распознавания эмоциональных интонаций является наличие большого опыта социального взаимодействия, а причиной низкого уровня развития способностей к успешному распознаванию эмоциональных интонаций у слабосоциализированных подростков — действие адаптационных механизмов.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмоциональные интонации, черты личности, личностные детерминанты, старшие подростки.

THE ROLE OF PERSONAL DETERMINANTS IN RECOGNITION OF EMOTIONAL INTONATIONS BY OLDER TEENAGERS

Research is devoted to analyzing a role of personal determinants in processes of recognition of emotional intonations by older teenagers. For research personal determinants in recognition of emotional intonations 96 pupils of 8–9 classes of SEI of a gymnasium No. 631 were examined.

Were measured: level of personal uneasiness (Personal scale of uneasiness of J. Taylor (var. V. G. Norakidze)), reflexivity (Technique of studying of reflexivity of Karpov A. V.), development of emotional intelligence (“EmIn” of D. V. Lyusin and MSCEIT 2.0.), the dominating traits of character (A personal questionnaire of Shmishek), the dominating lines of the personality (the Five-factorial personal questionnaire of R. Makkrae — P. Costa (“The big five”)) and success of recognition of emotional intonations (audio test material of author’s development). Data processing included correlation, dispersive, factorial and regression analyses. By results of this research personal lines influence on processes of recognition of emotional intonations as a complex, it is possible to allocate three major factors: conformality, commitment to regulations (preventiveness), broad experience of social interaction (social experience). It is revealed that the wide experience of social interaction is a condition of formation abilities of right recognition emotional intonations. And operation of adaptable mechanisms is the reason of formation low level of abilities to successful recognition of emotional intonations at the poorly socialized teenagers.

Keywords: emotional intelligence, emotional tone, emotional intonations, personality traits, personal determinants, older teenagers.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Актуальность данной работы обусловлена отсутствием исследований по соответствующей тематике в современной отечественной психологии. Самые последние исследования процессов распознавания эмоций на слух были описаны в психологических журналах в 1989 г. К тому же дизайн нашего исследования принципиально отличается от проводимых в Советском Союзе, так как наш вектор внимания направлен на личность аудиантов, а не на особенности предъявляемого материала, что больше волновало исследователей XX века.

Анализ современного состояния исследований показал, что в последние двадцать пять лет отечественных психологов слабо интересовали проблемы детекции эмоций на слух. Последние отечественные исследования были опубликованы в психологических журналах в 1989 г. (Бажин, Корнева, Эткинд, 1989;

Борисова, 1989). Ранее проводимые исследования (Бажин, Галунов, Горский, Манеров, Тонконогий, 1975; Сазонтьев, 1975) были связаны с влиянием различных характеристик предъявляемого материала на процессы его успешного распознавания. Среди таких характеристик можно выделить голос диктора, интонацию, интенсивность предъявляемого материала и пр. Вектор интереса зарубежных исследователей (Kiefer, 2007; Grose-Fifer, 2012; Chainay, 2013; Woloszyn, 2012), судя по публикациям последних пяти лет, смещен на изучение особенностей эмоциональной памяти.

Отсутствие исследований по изучению психологических оснований эффективности распознавания эмоциональных интонаций в современной отечественной психологии сформировали особое проблемное поле, где вопросы причинной обусловленности реакций человека на эмоциональный контекст в ситуации общения до сих пор остаются без ответа.

Мы предположили, что основная причина успешного/неуспешного распознавания эмоциональных интонаций — это конкретные особенности личностной структуры аудиантов (воспринимающих эти интонации). Иными словами, определенные личностные особенности (по нашим предположениям основные среди них — тревожность, акцентуированные черты характера и ключевая пятерка личностных черт) блокируют адекватность интерпретаций, а некоторые способствуют правильному распознаванию и идентификации эмоций.

Цель исследования: определение личностных детерминант распознавания эмоциональных интонаций в старшем подростковом возрасте.

Задачи исследования: для эмпирической части исследования в качестве основных задач, позволяющих подтвердить/опровергнуть выдвинутые гипотезы, выступили

Практические задачи

- разработка стимульного материала;
- оценка уровня развития способностей эмоционального интеллекта у испытуемых;
- выявление испытуемых со средним и высоким уровнем развития эмоционального интеллекта как условия, способного повлиять на общий уровень интерпретаций эмоционального контекста в ситуации общения;
- определение уровня тревожности испытуемых;
- определение степени выраженности акцентуированных черт характера испытуемых;
- определение уровня развития способностей к рефлексии у испытуемых как показателя способности к осознанию происходящего в ситуации общения;
- определение доминирующих личностных черт у каждого испытуемого;
- оценка успешности распознавания испытуемыми эмоциональных интонаций;
- сравнение степени успешности распознавания эмоциональных интонаций у групп испытуемых, различных по социально-экономическим и социально демографическим характеристикам;
- сравнение степени успешности распознавания эмоциональных интонаций у групп испытуемых, различных по полу.

Исследовательские задачи

- определение наличия взаимосвязи личностных особенностей с успешностью распознавания эмоциональных интонаций;
- выявление посредством математико-статистического анализа отдельных личностных особенностей в факторы, оказывающие комплексное влияние на успешность распознавания эмоциональных интонаций;
- оценка вклада каждой переменной, выявление личностных особенностей, оказывающих большее влияние на успешность распознавания эмоциональных интонаций старшими подростками.

Гипотезы исследования: в начале исследования были сформулированы гипотезы о наличии взаимосвязи между личностными характеристиками аудиантов и процессами распознавания эмоциональных интонаций:

1. Имеется устойчивая связь распознавания эмоциональных интонаций с личностными особенностями старших подростков.
2. Личностные особенности влияют на успешность распознавания эмоциональных интонаций комплексно, т. е. объединяются в факторы по определенному психологическому основанию.

Основные гипотезы исследования были дополнены гипотезами о комплексном влиянии личностных черт на успешность распознавания:

1. Уровень личностной тревожности влияет на успешность распознавания эмоциональных интонаций.
2. Рефлексивность оказывает влияние на процессы распознавания эмоциональных интонаций.
3. Успешность процессов распознавания эмоциональных интонаций зависит от доминирующего типа акцентуированной черты характера.
4. Успешность процессов распознавания эмоциональных интонаций зависит от выраженности основных черт личности: экстраверсии, нейротизма, открытости опыту, обособленности и эмоциональной устойчивости.

Предмет исследования: влияние таких личностных особенностей, как тревожность, рефлексивность, акцентуации, экстраверсия/интроверсия, привязанность/автономность, контроль/естественность, эмоциональность/сдержанность, открытость опыту/практичность, на процессы распознавания эмоциональных интонаций.

Объект исследования: юноши и девушки старшего подросткового возраста (13–15 лет).

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом исследования выступили старшие подростки, учащиеся 8–9-х классов ГБОУ гимназии № 631 Приморского района Санкт-Петербурга. Всего было опрошено 96 респондентов, средний возраст — 14,5 лет (6,3% — 13 лет; 34,4% — 14 лет; 31,3% — 15 лет; 13,5% — 16 лет), примерно поровну мальчиков (47,9%) и девочек (52,7%).

Посредством анкетирования выборка была охарактеризована с точки зрения социально-экономических и социально-демографических параметров, поскольку предполагалось их возможное влияние на процессы распознавания эмоциональных интонаций. Большинство респондентов имеют братьев или сестер: 43,3% выборки имеют одного брата или сестру, 19,4% выборки — двух сиблингов, а 31,3% не имеют сиблингов. 56,3% подростков оценивают круг своих социальных связей как «широкий», 6,3% считают свой круг общения «узким», 7,3% — «средним». 30,2% воздержались от оценок. 53,3% подростков из выборки, описывая круг своих знакомых, выделяют друзей в количестве до пяти человек, большинство имеет троих хороших друзей (16,7%). 74% опрошенных никогда не меняли учебного заведения, и только 6,3% респондентов имели опыт обучения за границей. Самыми распространенными хобби являются спорт (18,8%), иностранные языки (11,5%) и музыка (12,5%).

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в несколько этапов: подготовительный этап — этап разработки стимульного материала, первый этап — диагностика личностных особенностей респондентов, и третий этап — диагностика успешности распознавания эмоциональных интонаций.

Подготовительный этап — разработка стимульного материала: составление квазиконструкций (слов, предложений и текстов) с их последующей записью. Примеры квазиконструкций: 1) *Йорм*; 2) *Кув аьш ма дол лыва ку*; 3) *Рабл ко вар те сой. Ну тум цыр га да нэ. Во сум но хыц дур ку*. Используемые квазиконструкции были отобраны экспертами-психологами, лингвистами (европейские и восточные языки) и специалистами технических специальностей, целью отбора было формирование набора выражений, не содержащих лексического смысла, специфических терминов или общепринятых научных сокращений или «слов», похожих на иностранную речь. В результате был сформирован набор из 55 элементов: квазислова, предложения и тексты.

В подготовке аудиоматериала принимали участие актеры ФГБОУ ВПО «СПбГЭУ» Школы русской драмы им. И. О. Горбачева, которые проговаривали текстовые элементы с определенной, заданной экспериментатором интонацией. В записи материала использовались интонации, соответствующие базовым человеческим эмоциям (Экман, 2011): радости, печали, страху, удивлению, гневу и отвращению (презрению). В результате было сделано более 100 аудиозаписей; из них посредством двухэтапной экспертной оценки (вербальной и невербальной — с помощью цветовых ассоциаций), в которой приняли участие музыканты, психологи, другие работники и народный артист РФ, было отобрано 55 аудиозаписей: 7 слов, 11 предложений и 12 текстов, озвученных женским голосом (всего 30), и 7 слов, 11 предложений и 7 текстов — мужским (всего 25).

На первом этапе проводилась диагностика психологических особенностей подростков посредством следующих психодиагностических методик:

1. MSCEIT 2.0 (Mayer, Salovey, 2002; Сергиенко, Ветрова, 2009).
2. Личностная шкала тревожности Дж. Тейлора (вар. В. Г. Норакидзе) (Дерманова, 2002).
3. Личностный опросник Г. Шмишека (акцентуации характера) (Батаршев, 2006).
4. Методика изучения рефлексивности А. В. Карпова (Карпов, 2003).
5. Опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» (Д. В. Люсин) (Люсин, 2006)
6. Пятифакторный личностный опросник «Big five» (Хромов, 2000).

На втором этапе проводилась оценка успешности распознавания эмоциональных интонаций старшими подростками. Аудиофрагменты предъявлялись испытуемым последовательно: сначала — слова-предложения-тексты, озвученные мужским голосом, затем — женским. Школьникам предлагалось выбрать из списка шести базовых эмоций ту, которая, по их мнению, соответствует интонации в услышанном фрагменте. Таким образом происходила оценка способности вербального распознавания эмоциональных интонаций. Также проводилась оценка способности к невербальному распознаванию интонаций при помощи карточек из набора цветового теста М. Люшера. Основанием для этой процедуры послужило описанное в «Психологическом журнале» за 1989 г. «Исследование образного уровня восприятия эмоции (на примере аудиовизуального соответствия)» Е. Ф. Бажина, Т. В. Корнева, А. М. Эткинда (Ильин, 2007). Испытуемым предлагалось выбрать из набора тот цвет, который ассоциировался с эмоцией в предъявленном аудиофрагменте.

В результате были получены: описание профиля интересующих нас личностных черт по каждому испытуемому, а также показатели способности к вербальному и невербальному распознаванию эмоциональных интонаций.

Обработка данных производилась при помощи широкого спектра методов математической статистики. Дисперсионный и корреляционный анализы применялись для выявления достоверных различий в успешности распознавания эмоциональных интонаций между группами мальчиков и девочек или между группами с различным социально-экономическим и социально-демографическим статусом. Поскольку распределение по некоторым переменным существенно отличалось от нормального для вычисления корреляций был использован критерий r -Спирмена, а для выявления связей между качественными и количественными переменными использовался ANOVA для независимых выборок.

Так как основной гипотезой исследования является предположение о комплексном влиянии личностных черт на процессы распознавания эмоциональных интонаций, для ее проверки был использован факторный анализ. На первом этапе факторного анализа был использован метод главных компонент, в результате было выявлено ориентировочное число факторов. На втором этапе факторного анализа был использован метод максимального правдоподобия и варимакс-вращения с нормализацией Г. Кайзера (распределение некоторых переменных отличалось от нормального).

Регрессионный анализ (метод исключений) использовался для выявления «удельного веса» каждой переменной и определения личностных характеристик, оказывающих наибольшее влияние на процессы распознавания эмоциональных интонаций и построения регрессионного уравнения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

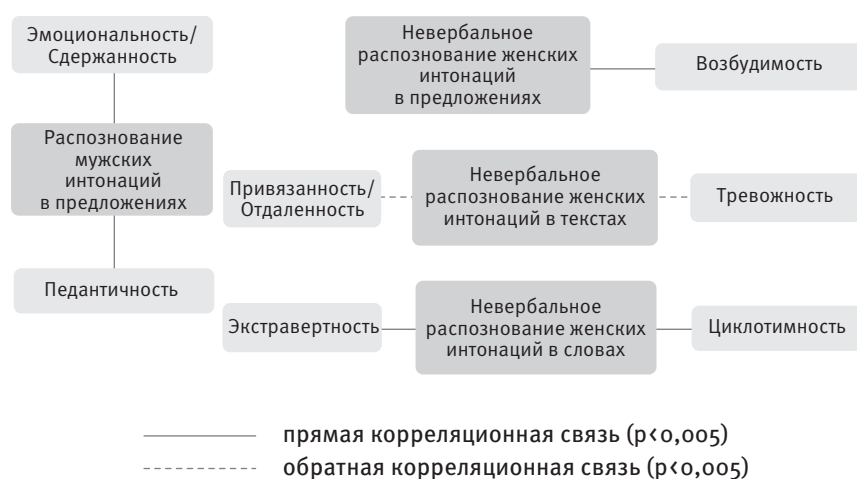
Дисперсионный и корреляционный анализы не выявили достоверных различий в успешности распознавания эмоциональных интонаций между группами мальчиков и девочек или между группами с различным социально-экономическим и социально-демографическим статусом, что позволило нам исключить влияние этих параметров.

Также были обнаружены связи с показателями объективных оценок развития эмоционального интеллекта у испытуемых (MSCEIT 2.0).

Следует заметить, что все испытуемые продемонстрировали уровень развития ЭИ и его компонентов на высоком (>110) и выше среднего уровнях (100–109). Таким образом, мы можем исключить фактор эмоционального интеллекта из последующего анализа как не имеющий существенного значения для проверки гипотезы о роли личностных характеристик в успешности распознавания подростками эмоциональных интонаций.

Анализ корреляций личностных черт с показателями успешности распознавания эмоциональных интонаций показал наличие единичных связей (см. рис.). По результатам корреляционного анализа личностные

черты в большей степени влияют на невербальное распознавание интонаций, т.е. собственно их понимание, а не называние. При этом обнаружено больше связей с показателями понимания женских интонаций, нежели мужских, уровень значимости — $p < 0,05$.

Взаимосвязь успешности распознавания эмоциональных интонаций и личностных особенностей аудидантов

Факторный анализ (метод максимального правдоподобия) выявил 10 факторов, объясняющих 100 % всей дисперсии. Однако большую часть дисперсии объясняют первые три фактора (табл. 1). Так как после вращения каждая переменная имеет большую нагрузку только по одному фактору, мы можем интерпретировать фактор 1 по переменным «Привязанность» и «Эмоциональность», фактор 2 — по переменным «Педантичность» и «Тревожность», фактор 3 — по переменной «Экстраверсивность». Таким образом, среди факторов, влияющих на успешность распознавания эмоциональных интонаций старшими подростками, можно выделить «Конформность» (17,4 % дисперсии), «Нормативность» (14,2 % дисперсии) и «Широкий опыт социального взаимодействия» (13,8 % дисперсии).

Таблица 1. Матрица перевернутых факторов успешности распознавания эмоциональных состояний: эксплораторный факторный анализ*

	ФАКТОР		
	1	2	3
Рефлексивность	0,310		-0,185
Педантичность	0,147	0,656	
Возбудимость	-0,134	0,600	0,149
Гипертичность			0,402
Тревожность НОР	0,152	0,698	-0,191
Ф1 (экстраверсия / интроверсия)	0,280		0,959
Ф2 (привязанность / отдаленность)	0,778		0,131
Ф3 (контролирование / естественность)	0,515		
Ф4 (эмоциональность / сдержанность)	0,661	0,350	-0,174
Ф5 (открытость опыту / практичность)	0,433		0,378

Метод выделения: максимальное правдоподобие.
Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

*Вращение сошлось за 5 итераций.

Регрессионный анализ (метод исключений) показал, что наибольшее влияние на процессы распознавания эмоциональных интонаций оказывает открытость опыту (β -коэффициент = 0,228, знч. 0,042). На уровне статистической тенденции также обнаружены обратные влияния «застревания» (β -коэффициент = -0,177,

знч. 0,087) и отделенности (β -коэффициент = $-0,199$, знч. 0,075) на процессы распознавания подростками эмоций в интонациях (табл. 2).

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа успешности распознавания эмоциональных состояний

КОЭФФИЦИЕНТЫ						
МОДЕЛЬ		НЕСТАНДАРТИЗОВАННЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ		СТАНДАРТИЗОВАННЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ	Т	ЗНЧ
		В	СТАНДАРТНАЯ ОШИБКА	БЕТА		
...	(Константа)
15	(Константа)	29,977	4,003		7,489	0,000
	«Застревание»	-0,238	0,138	-0,177	-1,731	0,087
	Φ_2	-0,125	0,069	-0,199	-1,803	0,075
	Φ_5	0,137	0,067	0,228	2,058	0,042
а. Зависимая переменная: ИТОГО						

Опираясь на данные математического анализа, мы можем построить уравнение регрессии для предсказания значений зависимой переменной (S):

$$S = 29,977 + 0,137*(\text{открытость опыту}) - 0,125*(\text{обособленность}) - 0,238*(\text{«застревание»}).$$

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы изначально предполагали существенное влияние уровня развития эмоционального интеллекта на процессы распознавания эмоциональных интонаций, что подтвердилось корреляционным анализом: обнаружено множество корреляций самооценок развития различных аспектов эмоционального интеллекта (методика «ЭМИн» Д. В. Люсина) с успешностью распознавания эмоциональных интонаций. Данные результаты позволили нивелировать значимость уровня развития эмоционального интеллекта в дальнейшем анализе.

Большее влияние личностных черт на невербальное распознавание мужских интонаций, нежели женских, т. е. собственно их понимание, а не название, предположительно может быть вызвано тем, что у мужчин уже диапазон интонационных проявлений эмоций, т. е. в мужском интонировании выделяется меньше «оттенков», чем в женском. В связи с этим облегчаются их идентификация и классификация, и процесс «называния» мужских интонаций упрощается. У женщин диапазон эмоциональных интонаций шире, одна и та же эмоция может быть проявлена различными вокализациями. Подросткам удается определить общий эмоциональный фон, однако правильно назвать услышанную эмоцию затруднительно. Поэтому мы наблюдаем преобладание невербального распознавания женских интонаций и вербального — мужских.

Поскольку регрессионный анализ показал наибольший вклад открытости опыту в успешность распознавания эмоциональных интонаций, мы можем сделать вывод о том, что наиболее успешными в распознавании эмоциональных интонаций являются эмоциональные, экспрессивные люди, любопытные, интересующиеся различными сторонами жизни. Они доверяют своим чувствам и интуиции, легко относятся к жизни, что позволяет им избежать лишних рационализаций и «застревания».

ВЫВОДЫ

1. Опираясь на результаты проведенного исследования, мы можем сделать выводы о подтверждении гипотез о комплексном влиянии личностных черт на процессы распознавания эмоциональных интонаций. Личностные черты сгруппировались в факторы, влияющие на успешность распознавания: факторы конформности, нормативности и широты опыта социального взаимодействия.

2. В наибольшей степени на процессы распознавания эмоциональных интонаций влияет открытость опыту как устойчивая личностная черта.

3. Результаты проведенного исследования позволили сформулировать дополнительные выводы, не предполагавшиеся в гипотезах на начальном этапе исследования и справедливые для данной выборки: социально-демографические и социально-экономические факторы не оказывают влияния на процессы распознавания эмоциональных интонаций; подростки более успешно распознают мужские интонации, нежели женские.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажин Е. Ф., Галунов В. Н., Горский Г. Д., Манеров В. Х., Тонконогий И. М. Аудиторская оценка эмоционального состояния по речевому сигналу // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга / под ред. А. А. Бодалева. Краснодар, 1975. С. 276–278.
2. Бажин Е. Ф., Корнева Т. В., Эткинц А. М. Исследование образного уровня восприятия эмоции (на примере аудио-визуального соответствия) // Психологический журнал. 1989. № 4. С. 81–84.
3. Батаршев, А. В. Диагностика черт личности и акцентуаций. Практическое руководство. М., 2006.
4. Борисова А. А. Восприятие эмоционального состояния человека по интонационному рисунку речи // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 117–121.
5. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб., 2007.
6. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методики ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 5. С. 45–57.
7. Личностная шкала проявлений тревоги (Дж. Тейлор, адаптация Т. А. Немчина) // Диагностика эмоционально-нравственного развития / ред. и сост. И. Б. Дерманова. СПб., 2002. С. 126–128.
8. Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
9. Сергиенко Е. А., Ветрова И. И. Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Мэйера—Сэловея—Карузо (MSCEIT V2.0) // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. № 6 (8). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 24.10. 2013).
10. Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности: учеб.-методич. пособие. Курган, 2000.
11. Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб., 2011.
12. Chainay Hanna, Michael George A., Vert-pré Mélissa, Landré Lionel, Plasson Amandine. Emotional enhancement of immediate memory: positive pictorial stimuli are better recognized than neutral or negative pictorial stimuli // Advances in Cognitive Psychology. 2012. Vol. 8(3). P. 255–266.
13. Grose-Fifer Jillian, Rodrigues Andrea, Hoover Steven, Zottoli Tina. Attentional capture by emotional faces in adolescence // Advances in Cognitive Psychology, 2013. Vol. 9(2). P. 81–91.
14. Kiefer Markus, Schuch Stefanie, Schenck Wolfram, Fiedler Klaus. Emotion and memory: event-related potential indices predictive for subsequent successful memory depend on the emotional mood state // Advances in Cognitive Psychology. 2007. Vol. 3 (N 3). P. 363–376.
15. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R. Mayer—Salovey—Caruso Emotional Intelligence Test (MSCEIT) user's manual. Toronto, 2002.
16. Michael R. Woloszyn and Laura Ewert, Memory for facial expression is influenced by the background music playing during study // Advances in Cognitive Psychology. 2012. Vol. 8(3). P. 226–233.

А. О. КАЗАКОВА, Г. Л. ИСУРИНА

e-mail: alenkazakova@mail.ru

Специализация «Психология личностного роста и развития»

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЮМОРА С ЛИЧНОСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

Для изучения связей юмора с личностными характеристиками и предпочтений в стилях юмора было обследовано 40 человек в возрасте от 18 до 35 лет: лица, профессионально занимающиеся юмористической авторской деятельностью, и лица, не занимающиеся юмористической авторской деятельностью. Изучались личностные характеристики (Гиссенский личностный опросник, методика BIG 5), система отношений участников каждой группы (методика «Семантический дифференциал»), частота переживаемых эмоций (методика «Список чувств»), предпочтения в стилях юмора (опросник на стили юмора Р.Мартина). Обработка данных: дисперсионный, корреляционный и факторный анализы. Лица, профессионально занимающиеся авторской юмористической деятельностью, характеризуются значительной выраженностью показателей личностных ресурсов и социальных способностей, с большей частотой и активностью используют все стили юмора. Предпочитаемым стилем юмора в обеих группах является самоподдерживающий стиль. Анализ системы отношений свидетельствует о том, что у лиц, профессионально занимающихся авторской юмористической деятельностью, наиболее значимое понятие — «отношения с другими», а у лиц, не занимающихся авторской деятельностью, — «психологическое благополучие». Корреляционный и факторный анализ свидетельствуют о том, что affiliативный, агрессивный и самоподдерживающий стили юмора связаны с личностными характеристиками доминантности и личностных ресурсов. Предпочтения в использовании самоуничижительного стиля юмора снижаются с возрастом и ростом уровня самосознания личности.

Ключевые слова: affiliативный, агрессивный, самоподдерживающий, самоуничижительный стили юмора, личностные характеристики.

INTERRELATION BETWEEN HUMOR AND PERSONAL CHARACTERISTICS

To study the relations of humor with personal characteristics and preferences in humor styles were examined 40 people from 18 to 35 years old: people professionally engaged in the activities of the author's humorous and people not engaged in the activities of the author's humorous. We studied the personal characteristics (Giessen personality questionnaire, BIG 5), the system of relations of participants in each group (technique of semantic differential), the frequency of emotions experienced by each group (method list of feelings), preferences in styles of humor (humor style questionnaire on R. Martin). Processing of data: variance, correlation and factor analysis. The findings suggest that a people professionally engaged in the author's humorous activities are characterized by a significant expression of indicators of personal resources and social skills, with greater intensity using all styles of humor. The preferred style of humor in both groups is self-enhancing style humor. Professionally involved in the activities of the author's humorous the most important concept is the "relationship with others", individuals are not engaged in the activities of the author — "the psychological well-being". Correlation and factor analysis indicate that affiliativ, aggressive and self-enhancing styles of humor are related to personal characteristics of dominance and personal resources. Most preferred to use –self-enhancing humor style. Age less used a self-defeating style.

Keywords: affiliative, aggressive, self-enhancing, and self-defeating humor styles, personality characteristics.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Юмор — это всем известная веселая и приятная форма поведения, актуальная в процессе установления межличностных отношений, и многие склонны думать, что понимают юмор и он не нуждается в исследованиях для своего объяснения. Однако результаты последних исследований (Berlyne, 1972; Koestler, 1964; Apter, 2001; Freud, 1991; Fredrickson, 1998, 2001; Gruner 1997; Ruch, 1998) свидетельствуют о том, что юмор, несмотря на свою несерьезную, игровую форму выражения, выполняет вполне серьезные социальные, эмоциональные и когнитивные функции; используется с целью регулирования собственного психологического состояния как механизм совладания, механизм регуляции отношений и иерархии в социальной группе (Coser, 1960); он выступает также способом межличностной коммуникации, рассматривается как показатель социальной компетентности. Очевидно, что юмор выполняет самые разнообразные функции.

Как утверждает Р.Мартин, «Чапман и Фут, а также Гольдштейн и Макги заложили фундамент для исследований юмора в 1970-х и 1980-х гг.» (Мартин, 2001). Фрейд описывал юмор и остроумие в условиях жестких нравственных и социальных рамок. Вместе с тем изменение социальных норм, существенное

снижение нравственных критериев в общении и коммуникации привело к тому, что юмор стал использоваться смелее и свободнее сравнительно, например, с XX в. и, возможно, поэтому стал более «заметным» для психологов. К началу XXI в. тема юмора выделяется в самостоятельный предмет изучения, которая стала наиболее интересной для американских психологов и психотерапевтов, о чем свидетельствует создание Американской ассоциации по изучению юмора. Создано также Международное общество изучения юмора. Обе ассоциации публикуют собственные журналы с результатами эмпирических исследований и теоретических изысканий.

В отечественной науке вопрос исследования юмора обстоит иначе. Среди авторов, занимающихся исследованием психологии юмора, можно назвать С. Н. Ениколопова, Е. М. Иванову, О. В. Митину, которые участвовали в адаптации опросника Р. Мартина к стилям юмора в России. Вышеуказанные авторы рассматривают юмор в качестве диагностического критерия в психотерапевтической работе, исследуя нарушения чувства юмора у пациентов с различными психическими расстройствами, такими как шизофрения, аффективные, депрессивные расстройства и т. д. Вместе с тем юмор в контексте здоровой личности в отечественной науке исследовался в значительно меньшей степени. Лишь при адаптации опросника Р. Мартина использовались опросники, направленные на выявление когнитивных компонент враждебности, агрессии, субъективной оценки качества жизни и способов копинга, которые едва ли можно считать относящимися к методикам исследования черт личности и их соотношению с юмором в различных стилях его проявления.

Актуальность проблемы обусловлена динамичным распространением юмора в обществе, его востребованностью, в частности в России. Подтверждением являются статистические данные о его распространении в СМИ, на телевидении. По данным агентства «Бренд Медиа», юмористические передачи занимают около 43 % телеэфира. Вместе с тем именно в России, несмотря на очевидный «спрос» на юмор, он крайне редко выступает объектом психологических исследований в отличие, например, от стран Запада. Незнание граней юмора может приводить к нежелательным и вредным последствиям, хотя изначально он несет в себе позитивное содержание. Более того, от юмористических проявлений не застрахованы и участники психотерапии. Здесь юмор должен стать одним из элементов фокуса внимания психотерапевта, так как может принести как вред, так и пользу клиенту или самому процессу психотерапии. Юмор в психотерапии может использоваться в терапевтических целях или не использоваться психотерапевтом вообще — в целях обеспечения атмосферы безопасности для клиента, но поскольку клиент также является потенциальным субъектом генерации юмора, психотерапевту полезно знать, каким образом он может интерпретировать юмор в подобных ситуациях.

Таким образом, изучение взаимосвязи юмора с личностными характеристиками представляет интерес как академического, так и прикладного характера.

Цель исследования: сравнительное изучение предпочтений стилей юмора у лиц, профессионально занимающихся и не занимающихся авторской юмористической деятельностью.

Задачи исследования:

1. Сравнительное изучение выраженности стилей юмора, используемого занимающимися и не занимающимися авторской юмористической деятельностью.
2. Сравнительное изучение личностных характеристик, занимающихся и не занимающихся авторской юмористической деятельностью.
3. Сравнительное изучение системы отношений лиц, занимающихся и не занимающихся профессиональной авторской юмористической деятельностью.
4. Изучение влияния профессиональной авторской деятельности на частоту и активность выраженности юмора.
5. Изучение влияния профессиональной авторской деятельности на выбор определенного стиля юмора, используемого в коммуникации.
6. Изучение взаимосвязи между характеристиками личности и стилями юмора.

Гипотеза исследования: лица, занимающиеся профессиональной авторской юмористической деятельностью, с большей частотой и активностью используют юмор сравнительно с лицами, не занимающимися профессиональной авторской юмористической деятельностью. Стили юмора взаимосвязаны с личностными характеристиками личных ресурсов, социальных способностей, доминантностью.

Предмет исследования: предпочитаемые стили юмора, личностные особенности, система отношений, частота переживания различных эмоций.

Объект исследования: предпочитаемые стили юмора у лиц, профессионально занимающихся и не занимающихся авторской юмористической деятельностью, и их взаимосвязь с личностными характеристиками.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняло участие 40 человек, 18 мужчин и 22 женщины в возрасте от 18 до 35 лет, которые составили две группы: 1) лица, занимающиеся профессиональной юмористической деятельностью (действующие участники официальных лиг КВН АМИК — международного проекта, в рамках которого его участники не только презентуют юмористический материал зрителям, но также научаются техникам и механизмам генерации юмора); 2) лица, не занимающиеся профессиональной юмористической деятельностью.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для решения поставленных задач использованы следующие методики:

1. Гиссенский личностный опросник.
2. Методика BIG5.
3. Методика «Семантический дифференциал»; в настоящей работе измерялись такие понятия, как «я реальный», «я идеальный», «успех», «юмор», «психологическое благополучие», «юмор», «интеллект», «отношения с другими».

4. Методика «Список чувств».

5. Опросник на стили юмора Р.Мартина 2001 г., валидизированный в 2013 г. Данная методика направлена на исследование выраженности юмора определенного стиля: аффилиативный юмор — доброжелательный, направленный на установление межличностных отношений с окружающими; агрессивный — направленный на межличностный контакт, но в агрессивной форме; самоподдерживающий — направленный на регуляцию собственного психологического состояния; самоуничижительный — направленный на снискание расположения у других посредством самоунижения.

Для статистической обработки данных осуществлялись дисперсионный, корреляционный анализы с применением коэффициента корреляции Пирсона и факторный анализ ANOVA.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты сравнительного исследования предпочтений в стилях юмора в группе лиц, профессионально занимающихся юмором (далее — «профессионалы»), и лиц, не занимающихся юмористической деятельностью профессионально («непрофессионалы»), представлены в табл. 1.

Таблица 1. Показатели различных стилей юмора в группах лиц, профессионально занимающихся и не занимающихся авторской юмористической деятельностью (средние значения по опроснику Р. Мартина)

СТИЛИ ЮМОРА	ПРОФЕССИОНАЛЫ (M ± Σ)	НЕПРОФЕССИОНАЛЫ (M ± Σ)	ДОСТОВЕРНОСТЬ РАЗЛИЧИЙ
Аффилиативный	37,33 ± 6,800	30,60 ± 4,581	p = 0,001
Самоподдерживающий	42,17 ± 11,299	34,35 ± 8,544	p = 0,022
Агрессивный	35,50 ± 9,147	26,85 ± 10,179	p = 0,009
Самоуничижительный	32,33 ± 10,215	22,90 ± 8,873	p = 0,004

Анализ средних значений показателей говорит о том, что самоподдерживающий стиль юмора предпочтительнее в обеих группах участников исследования. Далее в порядке убывания предпочтений следуют аффилиативный, агрессивный, самоуничижительный стили. Вместе с тем профессионалы юмора по каждому стилю юмора демонстрируют показатели выше среднего. Непрофессионалы юмора обнаруживают средние значения по показателю «самоподдерживающий стиль юмора», по остальным показателям значения находятся в диапазоне «ниже среднего».

Результаты сравнительного исследования личностных характеристик в группе лиц, профессионально занимающихся юмором и не занимающихся им, представлены в табл. 2, 3.

Таблица 2. Показатели личностных характеристик в двух обследованных группах (средние значения, методика BIG5)

ШКАЛЫ	ПРОФЕССИОНАЛЫ (M ± Σ)	НЕПРОФЕССИОНАЛЫ (M ± Σ)	ДОСТОВЕРНОСТЬ РАЗЛИЧИЙ
Экстраверсия	29,11 ± 5,086	25,45 ± 4,893	значимых нет
Самоосознанность	28,39 ± 7,293	32,10 ± 6,927	значимых нет
Готовность к сотрудничеству	33,72 ± 3,997	33,20 ± 4,948	значимых нет
Эмоциональная стабильность	24,61 ± 7,014	25,95 ± 6,428	значимых нет
Личностные ресурсы	34,44 ± 3,601	30,50 ± 5,558	p = 0,015

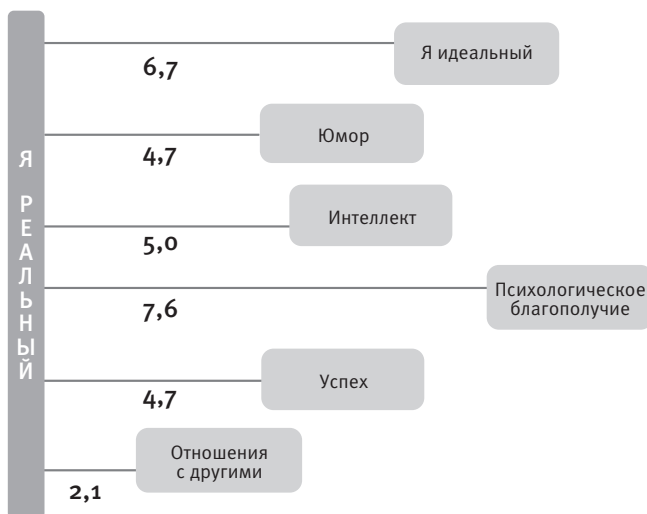
Таблица 3. Показатели личностных характеристик в двух обследованных группах (средние значения, Гиссенский личностный опросник)

ФАКТОР	ПРОФЕССИОНАЛЫ	НЕПРОФЕССИОНАЛЫ
Экстраверсия	средние значения	ниже среднего
Осознанность, организованность	ниже среднего	средние значения
Готовность к сотрудничеству	средние значения	средние значения
Эмоциональная стабильность	ниже среднего	ниже среднего
Личностные ресурсы	выше среднего	средние

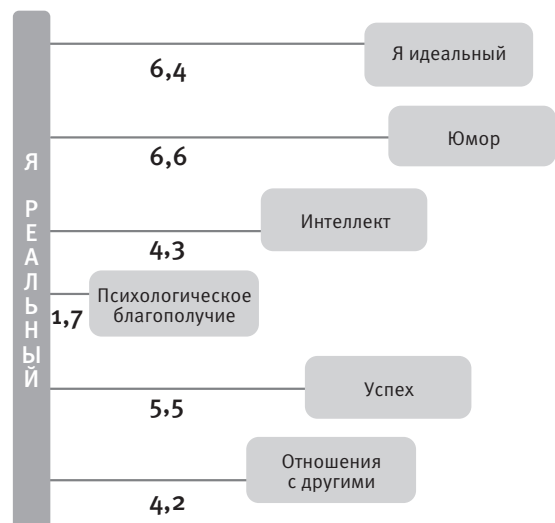
Анализ средних значений выявил, что достоверные различия между группами обнаружены только по показателям: личностных ресурсов — в группе профессионалов юмора этот показатель достоверно выше (p = 0,015); социальных способностей — в группе профессионалов юмора этот показатель достоверно ниже (p = 0,003).

Результаты исследования семантического пространства респондентов выборки представлены на схеме:

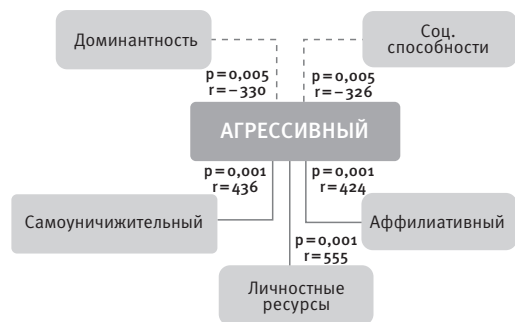
Семантические пространства группы лиц, занимающихся и не занимающихся профессиональной авторской юмористической деятельностью

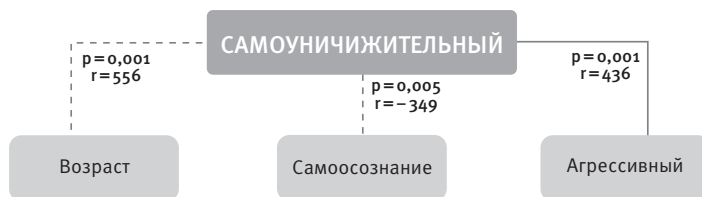
Группа лиц, профессионально занимающихся авторской юмористической деятельностью

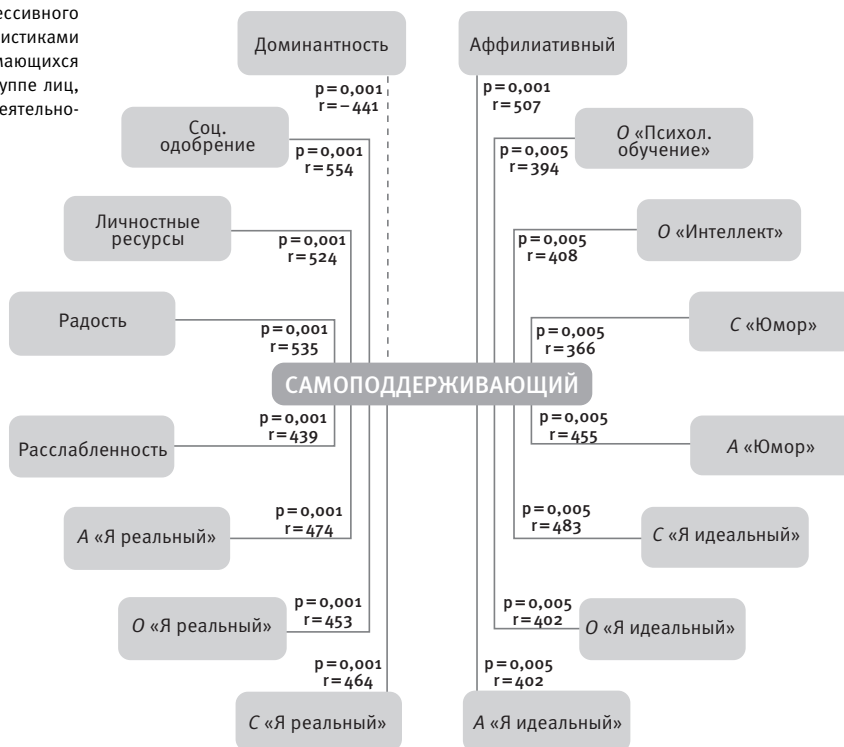
Группа лиц, профессионально не занимающихся авторской юмористической деятельностью

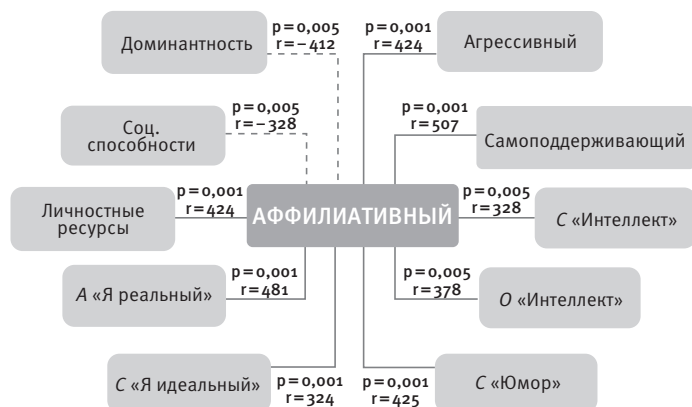
1. Корреляционные связи показателя агрессивного стиля юмора с другими исследованными характеристиками личности в группе лиц, профессионально занимающихся авторской юмористической деятельностью, и в группе лиц, не занимающихся профессиональной авторской деятельностью.

2. Корреляционные связи показателя самоподдерживающего стиля юмора с другими исследованными характеристиками личности в группе лиц, профессионально занимающихся авторской юмористической деятельностью, и в группе лиц, не занимающихся профессиональной авторской деятельностью.

3. Корреляционные связи показателя аффилиативного стиля юмора с другими исследованными характеристиками личности в группе лиц, профессионально занимающихся авторской юмористической деятельностью, и в группе лиц, не занимающихся профессиональной авторской деятельностью.

4. Корреляционные связи показателя самоподдерживающего стиля юмора с другими исследованными характеристиками личности в группе лиц, профессионально занимающихся авторской юмористической деятельностью, и в группе лиц, не занимающихся профессиональной авторской деятельностью.

Корреляционные связи показателей стилей юмора с другими исследованными характеристиками личности в группах лиц, профессионально занимающихся авторской юмористической деятельностью и не занимающихся ею (А, О, С — шкалы «Активность», «Отношение», «Сила» методики «Семантический дифференциал»)

Анализ данных, представленных на схеме, свидетельствует о том, что в аффективном пространстве профессионалов юмора наиболее личностно значимое понятие — «отношения с другими»; следующими по расстоянию (4,7 балла от понятия «я реальный») являются понятия «юмор» и «успех»; понятие «интеллект» располагается на расстоянии 5 баллов от понятия «я реальный»; понятие «я идеальный» — на расстоянии 6,7 балла; понятие «психологическое благополучие» — на расстоянии 7,6 балла, что свидетельствует о его самой незначительной личностной значимости среди всех перечисленных понятий; в аффективном пространстве непрофессионалов юмора наиболее личностно значимым понятием является «психологическое благополучие». Понятия «интеллект» и «отношения с другими» — следующие по расположению с разницей в 0,1 балла от понятия «я реальный». Понятие «успех» располагается на расстоянии 5,5 балла; понятие «я идеальный» — на расстоянии 6,4 балла от понятия «я реальный». Понятие «юмор», располагающееся на расстоянии 6,6 балла от понятия «я реальный», является самым незначимым из всех приведенных понятий.

Результаты сравнительного исследования частоты переживаемых эмоций достоверных различий между группами не демонстрируют.

Результаты корреляционного анализа приведены на рисунке.

Результаты корреляционного исследования свидетельствуют о том, что показатели аффилиативного, самоподдерживающего и агрессивного стилей юмора идентично и значимо коррелируют с показателями «Личностные ресурсы», «Доминантность» и «Социальные способности». Самоподдерживающий юмор — единственный стиль юмора, обнаруживший связь с чувствами. Показатель самоуничижительного стиля юмора обнаруживает отрицательные значимые корреляции с возрастом и уровнем осознанности и организованности, с агрессивным юмором.

Результаты факторного анализа позволяют выделить основные факторы:

- **фактор 1** занимает 14,715 % дисперсии и создает нагрузку переменным: сожаление (0,874), печаль (0,814), тревога (0,807), раздражение (0,787), депрессия (0,733), расстройство (0,667), чувство вины (0,652), озабоченность (0,633), злость (0,574), эмоциональная стабильность (-0,802) и гипоманиакальность / депрессивность (0,569) по положительному полюсу;
- **фактор 2** занимает ~ 9 % дисперсии и создает нагрузку переменным: личностные ресурсы (0,606), агрессивный юмор (0,592), сила понятия «я реальный» (0,569), самоподдерживающий юмор (0,557); аффилиативный юмор (0,539) — на положительном полюсе компонента и доминантность (-0,717) — на отрицательном полюсе компонента;
- **фактор 3** занимает ~7 % дисперсии и создает нагрузку переменным: возраст (0,672), социальные способности (0,648), самосознание, самоорганизованность (0,617); контроль (0,503) — на положительном полюсе компонента и самоуничижительный юмор (-0,621) — на отрицательном полюсе компонента.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Согласно результатам дисперсионного анализа показателей методики Р. Мартина, профессионалы юмора предпочитают самоподдерживающий стиль юмора, равно как и непрофессионалы. Вместе с тем в группе профессионалов юмора все стили юмора находятся в зоне значений выше среднего. В совокупности с выраженностью факторов «Активность» и «Сила» в понятии «юмор» в семантическом пространстве профессионалов юмора можно предположить, что именно профессиональная авторская деятельность влияет на активность и частоту использования юмора, что в итоге выражается в показателях предпочтений всех стилей юмора, расположенных в зоне значений выше среднего. Более того, фактор личностных ресурсов статистически значимо взаимосвязан с аффилиативным, самоподдерживающим и агрессивным стилями юмора, что свидетельствует о том, что для генерации юмора необходимы большой творческий ресурс и воображение. Выпадение из этой взаимосвязи самоуничижительного стиля юмора можно объяснить тем, что при его использовании субъект передает инициативу генерации юмора другим.

Достоверно профессионалы и непрофессионалы юмора отличаются показателем социальных способностей, который у профессионалов статистически значимо выше, что свидетельствует об их большей социальной активности, общительности и непринужденности в межличностных отношениях сравнительно с лицами, не занимающимися юмором. Социальные способности статистически значимо коррелируют с аффилиативным и агрессивным стилями юмора, но с отрицательным значением. Аффилиативный и агрессивный стили юмора направлены на других, на установление межличностного контакта, тогда как сильные социальные способности исключают потребность личности в их использовании.

Таким образом, самоподдерживающий и самоуничижительный стили юмора выпадают из этой связи по параметрам направленности на себя. Других достоверных различий между группами выявлено не было.

Исходя из расположения предложенных понятий в семантическом пространстве профессионалов юмора, правомерно сделать вывод о том, что для профессионалов юмора важно формирование собственной конгруэнтности через установление благоприятных межличностных отношений, что явствует из значимости понятия «отношения с другими», для чего так активно используется юмор. Можно предположить наличие внешнего локуса контроля у респондентов данной группы. Схема семантического пространства непрофессионалов юмора свидетельствует о том, что собственная конгруэнтность достигается равномерным, поступательным развитием собственных ресурсов, способностей, социального положения, которое предпочтительно должно сопровождаться значимым интрапсихическим комфортом. Понятие «юмор» в данной группе оценивается респондентами высоко, но слабо выражается в факторах «силы» и «активности». Таким образом, лица, не занимающиеся юмором, редко используют юмор, но ценят его высоко.

Самоуничижительный юмор имеет отрицательную статистически значимую взаимосвязь со шкалой «Самосознание» и возрастом. Возраст вместе с тем имеет положительную взаимосвязь со шкалой «Самосознание». Фактор 3 создает нагрузку переменными возраста, «Самосознание», «Самоуничижительный юмор», «Контроль», «Социальные способности». Корреляционные взаимосвязи, с учетом факторной нагрузки, свидетельствуют о том, что с возрастом увеличивается уровень самосознания, укрепляется представление о самом себе, устанавливаются рамки допустимого и недопустимого поведения, и самоуничижительный юмор с его заискивающим характером становится неприемлемым.

Агрессивный и affiliативный стили юмора обнаруживают положительную статистически значимую взаимосвязь. По результатам проведенного корреляционного анализа при валидации опросника Р. Мартина (далее — Опросник) в 2013 г., все стили юмора оказались связаны между собой, кроме affiliативного и агрессивного юмора. Однако в настоящем исследовании статистически значимая связь агрессивного и affiliативного юмора установлена. Представляется, что результаты исследований во многом определены гипотезой и инструментами ее проверки. Сам Р. Мартин, равно как и авторы русскоязычного Опросника Е. М. Иванова, О. В. Митина, А. С. Зайцева, Е. А. Стефаненко, С. Н. Еникопов рассматривали юмор в качестве механизма совладания со стрессом и проверяли эффективность и неэффективность, адаптивность и дезадаптивность каждого из стилей юмора (использовались методики: шкала Кука — Медли, опросник диагностики агрессии Басса — Перри в модификации Н. П. Цибульского, опросник способов копинга Р. Лазаруса и С. Фолькмана в адаптации коллектива исследователей под руководством Л. И. Вассермана (НИП-НИ им. Бехтерева), Шкала субъективной оценки качества жизни К. Рифф в адаптации А. М. Абдраязковой). Самыми эффективными в совладании со стрессом оказались affiliативный, самоподдерживающий стили юмора, тогда как агрессивный показал свою неэффективность в качестве копинг-механизма и оказался связан с агрессией и раздражительностью и в качестве переменной вошел в один фактор с самоуничижительным юмором. В настоящем исследовании юмор выступает в качестве одного из компонентов общего конструкта личности, на изучение взаимосвязей которых направлено исследование, и по его результатам агрессивный юмор не имеет связей со шкалами «Раздражительность», «Злость», «Тревога». По результатам факторного анализа самоуничижительный и агрессивный стили юмора входят в разные факторы, при этом агрессивный юмор составляет один фактор с affiliативным юмором, связь которых отрицалась. Среди параметров, входящих в общий для агрессивного и affiliативного стилей юмора фактор, — «Личностные ресурсы» и «Доминантность», которые, судя по всему, и объединяют эти стили.

Высокий коэффициент корреляционной связи самоподдерживающего юмора со шкалой социального одобрения по полюсу высоких значений свидетельствует о том, что лица, уверенные в своей положительной социальной репутации, привлекательности, популярности, уважении и положительной оценке других людей, с большей интенсивностью и активностью используют самоподдерживающий юмор, предположительно с интрапсихической целью поддержания внутренней убежденности в успехе взаимодействия с окружением и реализации социальной роли, так как самоподдерживающий юмор характеризуется позитивным, направленным на себя воздействием. Положительная корреляционная взаимосвязь самоподдерживающего юмора с понятиями «я реальный» и «я идеальный» может говорить о том, что, самоподдерживающий юмор является как актуальным самоподдерживающим интрапсихическим механизмом (исходя из связи с понятием «я реальный»), так и механизмом, поддерживающим адекватную самооценку (исходя из связи с понятием «я идеальный»). Данное положение подтверждается также положительной корреляционной связью самоподдерживающего юмора со шкалой «Психологическое благополучие», из чего следует, что

самоподдерживающий юмор может обеспечить интрапсихический комфорт, комфорт во взаимоотношениях с другими и снизить уровень тревожности, может выступать желаемым (оценка «психологическое благополучие») компонентом, сопровождающим развитие личности в целом.

Положительная корреляционная связь самоподдерживающего юмора со шкалами радости и расслабленности подтверждает предположение о том, что самоподдерживающий юмор может снизить уровень тревоги и обеспечить личность интрапсихическим комфортом.

Семантическая картина участников исследования в части понятий «юмор» и «интеллект» положительно коррелирует только с аффилиативным и самоподдерживающим стилями юмора (т. е. со стилями без агрессивного компонента), из чего следует, что участники исследования только позитивный и поддерживающий характер юмора ассоциируют с интеллектом — его активностью и силой, формируя соответствующее отношение к лицу, использующему позитивный, поддерживающий юмор, как к лицу, обладающему сильным, активным интеллектом.

ВЫВОДЫ

1. Профессиональная авторская юмористическая деятельность влияет на активность и частоту использования юмора.

2. Лица, профессионально занимающиеся авторской юмористической деятельностью, сравнительно с лицами, не занимающимися подобной деятельностью профессионально, характеризуются достоверно большей выраженностью характеристик «личностные ресурсы» и «социальные способности».

3. В системе отношений лиц, профессионально занимающихся юмористической деятельностью, наиболее высоко оцениваемыми из предложенных понятий являются «я идеальный», «интеллект» и «психологическое благополучие», а наиболее значимыми — «отношения с другими», «юмор» и «успех». В системе отношений лиц, не занимающихся профессиональной авторской юмористической деятельностью, наиболее высоко оцениваемыми из предложенных понятий являются «я идеальный», «отношения с другими» и «юмор», а наиболее значимыми — «психологическое благополучие», «интеллект» и «отношения с другими».

5. Показатели аффилиативного, самоподдерживающего и агрессивного стилей юмора обнаруживают сходные значимые корреляционные связи с такими личностными характеристиками, как личностные ресурсы (положительные), доминантность и социальные способности (отрицательные). Показатель самоуничижительного стиля юмора обнаруживает отрицательные значимые корреляции с возрастом и уровнем осознанности и организованности.

6. Результаты факторного анализа подтвердили связи аффилиативного, агрессивного, самоподдерживающего стилей юмора с такими характеристиками, как «личностные ресурсы», «доминантность», фактор силы понятия «я реальный», и связи самоуничижительного стиля юмора с характеристиками возраста, самосознания, социальных способностей и контроля, которые были получены в корреляционном анализе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Е. М., Митина О. В., Зайцева А. С., Стефаненко Е. А., Ениколопов С. Н. Русскоязычная адаптация опросника стилей юмора Р. Мартина // Теоретическая и экспериментальная психология / ФГБУ «Научный центр психического здоровья» РАМН, Московский психолого-педагогический университет, МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2013. С. 71–85.
2. Мартин Р. Психология юмора. СПб., 2008.
3. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному // «Я» и «Оно». Тбилиси, 1991.
4. Berlyne D. E. Humor and its kin // The psychology of humor: Theoretical perspectives and empirical issues / eds. J. H. Goldstein, P. E. McGhee. New York, 1972. P. 43–60.
5. Coser R. L. Laughter among colleagues: A study of the functions of humor among the staff of a mental hospital. *Psychiatry*, 1960. P. 81–95.
6. Fredrickson B. L. The role of positive emotions in positive psychology: The broaden-and-build theory of positive emotions // *American Psychologist*. 2001. 55(3). P. 218–226.
7. Fredrickson B. L. What good are positive emotions? // *Review of General Psychology*. 1998. 2(3). P. 300–319.
8. The psychology of humor: theoretical perspectives and empirical issues / eds. J. H. Goldstein, P. E. McGhee. Oxford (England), 1972.
9. Gruner C. R. Understanding laughter: The workings of wit and humor. Chicago, 1978.
10. Gruner C. R. The game of humor: a comprehensive theory of why we laugh. New Brunswick (NJ), 1997.
11. Koestler A. The act of creation. London, 1964.
12. Motivational styles in everyday life: A guide to reversal theory / ed. by M. Apter. Washington (DC), 2001.
13. Ruch W. The sense of humor: Explorations of a personality characteristic. Berlin, 1998.

А. Н. КОЛОБОВА, Е. Е. ЭНГЕЛЬГАРДТ

e-mail: anyutka7679@gmail.com

Бакалавриат

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СЕМЕЙНО-ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ У ВЗРОСЛЫХ С РАЗНЫМ БРАЧНЫМ СТАТУСОМ

Работа посвящена изучению личностных характеристик и семейно-ценностных установок у мужчин и женщин с разным брачным статусом. В исследовании приняли участие 52 человека — женщины и мужчины в возрасте от 18 до 27 лет, состоящие в фактическом или официально зарегистрированном браке.

Измерялись: ожидания и притязания в браке (методика А. Н. Волкова), уровень удовлетворенности браком (методика Е. Ю. Алешиной), ответственность как самопожертвование (методика И. А. Кочарян), уровень любви и симпатии (методика З. Рубина), эмпатийные способности (методика В. В. Бойко), ценностные ориентации (С. С. Бубнова), самооценка и оценка реального партнера (Т. Лири). Обработка данных: качественный анализ, корреляционный анализ и анализ средних показателей.

Результат: подтвердилась гипотеза о различии личностных характеристик и семейно-ценностных установок у мужчин и женщин с разным статусом брака. Предполагаемая выраженность характеристик не подтвердилась.

Ключевые слова: брак, гражданский брак, сожительство, фактический брак.

PERSONAL CHARACTERISTICS AND FAMILY VALUES OF ADULTS WITH DIFFERENT MARITAL

This work is devoted to the study of personal characteristics and family values in men and women with different status of marriage. The study was conducted on a sample of 52 people, including women and men aged 18 to 27 years old who are in de facto marriage or legally registered.

Was measured: expectations and ambitions in the marriage (method of A. N. Volkova), the level of satisfaction with the marriage (method E. Y. Alyosha), responsibility as a sacrifice (methodology I. A. Kocharyan), the level of love and sympathy (method Z. Rubin), empathic abilities (the method of V. V. Boyko), value orientation (S. S. Bubnova) and interpersonal relationships (Leary). Data processing: quality, average, correlation analyses.

The result: the hypothesis of the difference between personal characteristics and the family-value attitudes of men and women with different status of marriage confirmed. Imply performance has not been confirmed.

Keywords: marriage, civil marriage, cohabitation, the actual marriage.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Существует большое количество исследований, относящихся к семье и брачным отношениям. За рубежом работы, посвященные изучению этой проблемы, можно найти у таких авторов, как Р. Зидер, Д. Дэлси, П. Шварц, У. Харли, П. Блюмштейн, Д. Попеное, В. Оппенхаймер, Дж. Ларсон, В. Уайтхед, Р. Ричардсон и др. В нашей стране проблему исследовали Т. В. Андреева, А. Г. Харчев, А. И. Кравченко, Л. П. Богданова, А. И. Антонов, С. С. Фролов. Результатом их работы стало описание мотивов вступления в брак и циклов, которые семья проходит в своих отношениях, факторов, влияющих на качество брака и психологическую готовность к вступлению в брак. Однако работ о связи личностных характеристик партнеров с выбором типа брака, фактического или зарегистрированного, мало.

Социолог С. И. Голод отметил: «...Исследователи, начиная со второй половины 80-х годов, стали констатировать либерализацию общественного мнения по поводу сожительства» (Голод, 1998, с. 201–202). Т. В. Андреева в своей работе (Реан, Андреева, 2009) отмечала важность изучения фактического брака как отдельного социального феномена, тем более что такая форма брачных отношений приобретает популярность.

В данной работе исследуются партнеры, находящиеся в брачных отношениях в их функциональном понимании, но имеющие разный статус брака. Изучена наиболее популярная альтернатива официальному браку — сожительство. В качестве сверхзадачи исследования мы хотели получить ответы на следующие вопросы: почему одни пары регистрируют свои отношения, а другие проживают на одной территории длительное время, ведут общее хозяйство, имеют общий бюджет, рожают детей вне брака, но при этом не решаются узаконить свои отношения? Различаются ли они по своим личностным характеристикам и уста-

новкам к браку? Что может отталкивать пары от официальной регистрации их отношений и чем для них привлекателен фактический брак?

Брачная установка — это позиция индивида в отношении брака и семьи, которая формируется на основе опыта и определяет степень готовности к браку и поведение человека в брачно-семейной сфере.

Нерешенным для исследователей остается вопрос, деградирует ли сам институт брака, или же в обществе меняется к нему отношение (Хачатрян, 2011). Данная работа направлена на поиск и описание причин, способствующих выбору конкретного типа брачных отношений. Предполагается, что те, кто состоят в официальных отношениях, имеют более высокие показатели по комплексу характеристик, способствующих психологической готовности к официальной регистрации брака. Это такие характеристики, как высокая выраженность установок на интимно-сексуальную, хозяйственно-бытовую и родительско-воспитательную сферы, преобладание любви над симпатией, высокий уровень ответственности, эмпатичность, высокая степень дружелюбности и альтруистичности. Ведущие ценности — любовь и помощь, милосердие к другим людям.

Цель исследования: изучение характеристик личности и семейно-ценностных установок в группах с разным брачным статусом.

Задачи исследования:

1. Выявить специфику характеристик личности и ценностно-мотивационные ориентации на брак у мужчин и женщин.
2. Выявить специфики характеристик личности и ценностно-мотивационные ориентации на брак у лиц, состоящих в зарегистрированных и фактических брачных отношениях.
3. Выявить и описать взаимосвязи между личностными характеристиками и семейно-ценностными установками у мужчин и женщин с разным статусом брака.

Предмет исследования: личностные характеристики и семейно-ценностные установки к браку мужчин и женщин, находящихся в брачных союзах с разным статусом.

Объект исследования: взаимосвязь личностных характеристик и семейно-ценностных установок у мужчин и женщин, находящихся в брачных союзах с разным статусом.

Гипотезы исследования: форма брачных отношений во многом определяется спецификой личностных характеристик и семейно-ценностных установок. Высокий уровень сформированности установок к интимной, родительской и хозяйственно-бытовым сферам, высокий уровень ответственности, преобладание любви над симпатией, высокий уровень эмпатических способностей, дружелюбность и альтруистичность предполагают оформление партнерами официально зарегистрированных брачных отношений.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 52 человека, 31 женщина и 21 мужчина в возрасте от 18 до 27 лет. Респонденты проживали в таких городах, как Санкт-Петербург, Москва, Нижний Новгород и Выкса, имели различный уровень образования, сферу деятельности. Все испытуемые состояли в брачных отношениях, 20 человек — в официально зарегистрированных, 32 — в фактическом браке. Стаж супружества — от года до 7 лет. Для исследования были отобраны пары, не имеющие детей.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Авторская анкета, включавшая в себя биографические вопросы, которые позволяли собрать информацию о поле, возрасте, городе проживания, месте проживания, уровне образования, сфере деятельности, составе родительской семьи, стаже брачных отношений, виде брачных отношений, определить инициатора регистрации брака, отношение к официальной регистрации брака, предполагаемый возраст вступления в брак, наличие детей, состав семейного бюджета, сравнение с браком родителей. Также анкета содержала 4 оценочных суждения, направленных на выяснение того, нравятся ли супругам отношения между родителями, счастливы ли они в браке, насколько им нравится выполнять роль супруга и то, как партнер справляется со своей ролью.

2. Опросник «Рольевые ожидания и притязания в браке» А. Н. Волковой, Т. М. Трапезниковой (Балин, Гайда, Горбачевский и др., 2000) был использован для выявления значимых сфер брачных отношений и готовности проявлять активность в их реализации, а также ожиданий, связанных с поведением брачного партнера.

3. Опросник «шкала любви и симпатии» З. Рубина в модификации Л. Я. Гозмана, Ю. Е. Алешиной (Олифирович, Зинкевич-Куземкина, Велента, 2006) использовался для выявления выраженности чувства любви и симпатии.

4. Тест на удовлетворенность браком Е. Ю. Алешиной (Андреева, 2006) позволил исследовать степень эмоциональной удовлетворенности брачными отношениями.

5. Опросник диагностики личностного симптомокомплекса ответственности (ОДЛСО) И. А. Кочарян, шкала «самопожертвование как тип ответственности» (Кочарян, Смахтина, Фролова, 2006) использовались для выявления выраженности ответственности.

6. Методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко. (Райгородский, 2001) применялась для оценки умения сопереживать, понимать и чувствовать партнера.

7. Методика «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С. С. Бубновой (Бубнова, 2002) была использована для изучения направленности и сформированности ценностных ориентаций.

8. Методика «Диагностика межличностных отношений» ДМО Т. Лири в модификации Л. Н. Собчика (Собчик, 1990) применялась для изучения самооценки и оценки реального партнера.

Полученные данные обрабатывались в программе IBM SPSS 17.

Методы математической обработки данных: качественный анализ; сравнение групп с применением t-критерия Стьюдента; корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции r-Пирсона.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе анализа данных были получены результаты, соответствующие задачам, поставленным в исследовании.

1. Выявлена специфика характеристик личности и ценностно-мотивационной ориентации на брак у мужчин и женщин, состоящих в брачных отношениях. По параметру **«личностные характеристики»** получены следующие результаты:

Мужчины набрали высокие значения по шкалам «Авторитарность» ($M = 8,29$) и «Эгоистичность» ($M = 8,19$), т. е. считают себя упорными, настойчивыми, уверенными в себе; в делах и общении в большей степени ориентируются на себя, склонны к соперничеству.

Женщины отмечают в себе выраженность независимости. Они считают, что они не склонны рассчитывать на помощь других, для них не характерна излишняя доверчивость (низкий показатель «зависимости», $M = 3,94$).

Независимо от пола данная выборка характеризуется высоким уровнем ответственности (при максимальном 12, минимальном 0) (у женщин $M = 8,87$, у мужчин $M = 8,10$). Статистически достоверных различий не выявлено.

Что касается способности к эмпатии, здесь также независимо от пола ведущими показателями являются «Общие установки, способствующие эмпатии» (у женщин $M = 5,71$, у мужчин $M = 5,05$). То есть и мужчинам, и женщинам одинаково легко понять и почувствовать своего партнера по общению. При этом следует отметить выраженность способности эмпатии: у мужчин — рациональной ($M = 4,86$), у женщин — эмоциональной ($M = 5,55$).

Была выявлена иерархия ценностей, характерная для двух групп.

Ведущей ценностью у мужчин и у женщин является «признание другими людьми», т. е. для них главное чувствовать уважение со стороны общества, а также иметь возможность влиять на окружающих (у мужчин $M = 5,52$, у женщин $M = 5,39$). Ценностная ориентация на «помощь и милосердие» у женщин ($M = 5,39$) также стоит на первом месте, у мужчин она по значимости на втором месте ($M = 5,48$). Можно предположить, что и женщинам, и мужчинам в нашей выборке свойственно жертвовать собой в отношении других людей, проявлять великодушие. Третье место в обеих группах занимает ценность «приятного времяпрепровождения» (у мужчин $M = 4,90$, у женщин $M = 5,03$). Для них важно иметь возможность тратить время и средства на удовлетворение собственных желаний, получение удовольствия и отдыха.

По результатам методики РОПб, для обеих групп первостепенную значимость имела сфера «социальной активности», т. е. внесемейные интересы обладали важным значением для мужчин ($M = 6,98$) и женщин ($M = 7,13$). На втором месте по значимости для мужчин была «родительско-воспитательная» сфера ($M = 6,86$), что указывает на ценность для них выполнения родительской функции. Вторая по значимости для

женщин и третья для мужчин — «эмоционально-психотерапевтическая» сфера (у мужчин $M = 6,83$, у женщин $M = 6,90$). Можно предположить, что мужчины и женщины ориентированы на брак как среднюю, способствующую психологической разрядке и стабилизации. Третьей по значимости для женщин стала сфера «личностная идентификация с супругом» ($M = 6,84$), что говорит о значимости совместного времяпрепровождения и важности наличия общих интересов.

В группе мужчин и женщин шкала любви преобладает над шкалой симпатии, что может указывать на ценности привязанности, заботы, интимности отношений наших респондентов. При этом и любовь, и симпатия имеют высокую выраженность (шкала любви: у мужчин $M = 24,95$, у женщин $M = 24,75$) (шкала симпатии: у мужчин $M = 23,52$, у женщин $M = 22,61$).

Были получены и описаны особенности мотивационной ориентации на брак.

Ведущим мотивом у мужчин и женщин является «социальная активность» (у мужчин $M = 7,57$, у женщин $M = 7,58$), что указывает на значимость удовлетворения собственных профессиональных потребностей и карьерного роста. На втором месте для мужчин желание проявить себя в роли отца ($M = 6,95$), для женщин — поддерживать свой внешний вид ($M = 6,74$). На третьем месте, независимо от пола, — «эмоционально-психотерапевтический» показатель, свидетельствующий о желании и мужчин ($M = 6,43$), и женщин ($M = 6,26$) оказывать эмоциональную поддержку партнеру, проявлять заботу.

Ведущим мотивом выбора партнера и для мужчин, и для женщин является ориентация на то, что брачный партнер возьмет на себя роль эмоционального лидера в семье и будет поддерживать положительный психологический климат, проявлять внимание и заботу (у мужчин $M = 7,24$, у женщин $M = 7,55$). На втором месте при выборе партнера для мужчины стоит привлекательность женщины ($M = 7,19$), а для женщин — сформированность навыков отцовства у партнера ($M = 7,26$). На третьем месте для мужчин — ожидание проявления активной родительской позиции брачного партнера ($M = 6,76$), для женщин — внешний облик мужчины ($M = 6,90$), его соответствие стандартам современной моды.

Мужчины и женщины нашей выборки имеют показатели удовлетворенности браком, близкие к высоким (у мужчин $M = 37,71$, у женщин $M = 37,87$). Статистически достоверных различий между группами не выявлено.

2. Выявлены особенности личностных характеристик и ценностно-мотивационной ориентации на брак у лиц, состоящих в зарегистрированных и фактических брачных отношениях.

Для мужчин, проживающих в фактическом браке, значимость роли родителя выше, чем для женатых мужчин (показатель сформированности «родительско-воспитательной сферы» у мужчин, состоящих в официальном браке, — $M = 5,92$, в неофициальном — $M = 7,23$, уровень достоверности $p = 0,039$).

У женщин, состоящих в официальном браке, значимость взаимной эмоциональной поддержки в семье и желание самой поддерживать положительный психологический климат в отношениях более выражены, чем у женщин, состоящих в фактическом браке (показатель сформированности «эмоционально-психотерапевтической сферы» у женщин в официальном браке — $M = 7,67$, в неофициальном — $M = 6,59$, уровень достоверности $p = 0,013$).

Женщинам, состоящим в зарегистрированном браке легче, чем женщинам, находящимся в фактическом браке, расположить партнера к душевному разговору, создав для этого благоприятную атмосферу, чтобы лучше понять состояние друг друга (показатель сформированности «проникающей способности к эмпатии» у женщин в зарегистрированном браке — $M = 5,67$, в незарегистрированном — $M = 4,68$, уровень достоверности $p = 0,017$).

Значимые различия в «интимно-сексуальной сфере» обнаружены только среди групп мужчин. Для женатых мужчин сексуальные отношения в браке оказались менее значимыми ($M = 3,33$), чем для мужчин в фактическом браке ($M = 5,47$), уровень достоверности $p = 0,034$.

Вне зависимости от брачного статуса у мужчин и женщин чувство любви преобладает над симпатией.

Общение как ценность более значима для замужних женщин и мужчин в фактическом браке.

У женщин, состоящих в официальном браке, «альтруистичность» выражена значительно сильнее ($M = 8,11$), чем у женщин в фактическом браке ($M = 4,91$), уровень достоверности $p = 0,015$.

Мужчины, состоящие в зарегистрированных отношениях, считают себя более «подчиняемыми» ($M = 7,67$) сравнительно с мужчинами, состоящими в фактическом браке ($M = 4,33$), уровень достоверности $p = 0,027$.

3. Выявлены взаимосвязи личностных характеристик и семейно-ценностных установок у мужчин и женщин с разным статусом брака.

Все группы показали положительную взаимосвязь личностных характеристик дружелюбности и альтруистичности. Выявлена также прямая связь хозяйственно-бытовой и родительско-воспитательной сфер во всех группах.

Ввиду многочисленности полученных данных представим лишь «эмоционально-психотерапевтическую» сферу, поскольку это единственная характеристика, по которой обнаружены значимые различия в группах мужчин и женщин, также с этой сферой получено наибольшее число корреляций.

Показатель «эмоционально-психотерапевтическая сфера» у мужчин, состоящих в официальном браке, положительно связан с возрастом ($p < 0,01$), а также с оценкой и удовлетворенностью собственным браком ($p < 0,01$) и браком родителей ($p < 0,01$). Другими словами, чем старше мужчина, тем большую ценность для него имеет эмоциональная составляющая брачных отношений. Выявлена обратная связь с личностной характеристикой «подозрительность» ($p < 0,01$), т.е. можно сказать, что женатые мужчины склонны к доверию.

У мужчин, состоящих в фактическом браке, «эмоционально-психотерапевтическая сфера» продемонстрировала положительные связи с такими показателями, как проникающая способность в эмпатии ($p < 0,01$), ценность «здоровья» ($p < 0,01$) и «милосердия» ($p < 0,01$), сферы «личностной идентификации с партнером» ($p < 0,01$) и «социальной активности» ($p < 0,01$), притязания в выполнении «хозяйственно-бытовой» функции ($p < 0,01$). Также выявлена прямая связь с оценкой выполнения супружеской роли партнером ($p < 0,05$).

Показатель «эмоционально-психотерапевтическая сфера» у замужних женщин показал прямую корреляцию со стажем брачных отношений ($p < 0,01$), оценкой себя как «авторитарной» личности ($p < 0,01$). Обратная связь была выявлена с характеристикой «подчиняемость», которую женщины в официальном браке отмечали в описании супруга ($p < 0,01$).

У женщин, состоящих в фактическом браке, получена обратная корреляция «эмоционально-психотерапевтической сферы» с ценностью «высокого социального статуса» ($p < 0,05$). Иначе говоря, чем важнее для женщины в фактическом браке эмоциональный компонент в отношениях, тем меньше ее интересует социальное положение в обществе.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Выполнив все поставленные перед нами задачи, мы лишь частично подтвердили гипотезу о том, что форму брачных отношений определяют личностные характеристики и семейно-ценностные установки.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о наличии особенностей в личностных характеристиках и семейно-ценностных установках между группами мужчин и женщин, состоящих в официальном и фактическом браках. Но, как оказалось, предположение о выраженности интересующих нас характеристик было неверным.

Психологический портрет женщин, состоящих в неофициальном браке, выявил, что они более нацелены на семью и семейные ценности и более готовы к роли родителей, чем женщины, находящиеся в официальном браке. Для замужних женщин приоритетными выступают карьера и социальный статус в обществе. Следует заметить, что полученные данные показали результат, противоположный выдвинутой гипотезе. Это можно объяснить тем, что для женщин, состоящих в незарегистрированном браке, первостепенным является создание семьи и лишь после регистрации брака ведущую роль приобретают внесемейные ценности.

Мужчинам, состоящим в фактическом браке, присуща высокая значимость интимной связи в отношениях, они проявляют готовность оказывать моральную и эмоциональную поддержку гражданской супруге. Также у них выше удовлетворенность отношениями, чем у женатых мужчин. Состоящие в официальном браке стремятся к познанию нового, себя они оценивают как подчиняемых и недоверчивых. В группе мужчин, как и в группе женщин, выраженность характеристик в фактическом и официальном браках полностью противоположна предполагавшимся изначально.

ВЫВОДЫ

1. Были обнаружены следующие особенности характеристик личности и ценностно-мотивационной ориентации на брак у мужчин и женщин: средний возраст предполагаемой готовности зарегистрировать отношения у мужчин выше, чем у женщин; для женщин высокое значение имеет возможность хорошо вы-

глядеть, соответствовать модным тенденциям и нравится партнеру; для мужчин это менее важно. Женщины более эмоционально отзывчивы, чем мужчины, они лучше понимают состояние партнера, готовы к сопереживанию. У мужчин ценность высокого социального статуса в обществе более выражена, чем у женщин. Мужчинам присуще считать себя авторитарными и эгоистичными личностями, женщины реже приписывают себе эти качества. В оценке партнера мужчины описывают женщин как зависимых, дружелюбных и альтруистичных.

2. Особенности личностных характеристик и ценностно-мотивационной ориентации на брак у лиц, состоящих в зарегистрированных и фактических брачных отношениях, заключаются в следующем: понять состояние, проблемы и поведение партнера легче тем, кто проживает в фактическом браке. Для них большую значимость имеют уважение к себе и признание со стороны общества. У тех, кто состоит в зарегистрированных отношениях, выше ценность помощи и милосердия по отношению к ближним. Также мужчины и женщины, состоящие в официальном браке, считают себя более зависимыми.

3. Все группы показали положительную взаимосвязь личностных характеристик дружелюбности и альтруистичности. Выявлена прямая связь хозяйственно-бытовой и родительско-воспитательной сфер во всех группах.

Эмоционально-психотерапевтическая сфера, независимо от пола и статуса брака, чаще всего прямо коррелирует с возрастом, длительностью отношений, удовлетворенностью браком родителей и собственными отношениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Т. В. Психология современной семьи. СПб., 2006.
2. Балин В. Д., Гайда В. К., Горбачевский В. К. и др. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии. СПб., 2000.
3. Бубнова С. С. Социально-психологическая диагностика развития личности. М., 2002.
4. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
5. Кочарян А. С., Смахтина Н. А., Фролова Е. В. Психометрическая оценка методики диагностики зависимости Б. Уайнхолда // Вісник Харківського національного університету. Сер. Психологія. 2006. № 718. С. 47–51.
6. Олифиревич Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов. СПб., 2006.
7. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие. Самара, 2001.
8. Реан А. А., Андреева Т. В. Психологические проблемы гражданского брака // Вестн. Российского гос. ун-та им. И. Канта. 2009. Вып. 5. С. 36–45.
9. Собчик Л. Н. Метод диагностики межличностных отношений (адаптированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири). М., 1990.
10. Хачатрян Л. А. Современный брак — результат эволюции семейно-брачных отношений // Вестн. Пермск. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2011. № 1. С. 79–98.

Д. И. КОСТИНА, В. М. АЛЛАХВЕРДОВ

e-mail: gonerain@yandex.ru

Магистерская программа «Общая психология и психология личности»

ВЛИЯНИЕ ОСОЗНАНИЯ РАНЕЕ НЕ ОСОЗНАННОГО НА ПОСЛЕДЕЙСТВИЕ НЕГАТИВНОГО ВЫБОРА*

Последействие негативного выбора проявляется в тенденции повторно не осознавать ранее не осознанное, что может выражаться, например, в повторении ошибок пропуска. Исследовалось влияние осознания ранее не осознанного в одной задаче на тенденцию к повторению ошибок в другой. Повторные ошибки фиксировались в задаче различения анаграмм и псевдоанаграмм. Для предъявления информации без осознания использовались случайно-точечные автостереограммы. В условиях, в которых изначально тенденция к повторению ошибок была выражена слабо, наблюдалось ее усиление после осознания ранее не осознанного, в случае же изначально высокой выраженности — ослабление. Также исследовалась вероятность повторения ошибки пропуска после однократного воспроизведения ранее пропущенного стимула для испытуемых с разной общей эффективностью воспроизведения.

Ключевые слова: последействие негативного выбора, негативный прайминг, ошибки.

THE EFFECT OF BECOMING AWARE OF PREVIOUSLY MISSED STIMULUS ON THE NEGATIVE CHOICE AFTEREFFECT

The negative choice aftereffect manifests itself in a tendency not to be aware of a previously missed stimulus. This effect can be evidenced, for example, in repeated errors. We investigated an effect of becoming aware of something previously missed in one task on repeated errors tendency in another task. Repeated errors were recorded in a task of discrimination between anagrams and pseudoanagrams. We used random-dot autostereograms for presenting information without awareness. The becoming aware of previously missed information increased the repeated errors tendency in those experimental conditions in which this tendency was initially weak. In those conditions in which this tendency was initially distinct, we observed, on the contrary, its weakening. We also studied the probability of an error repeat after a single reproduction of a previously missed stimulus for subjects with different general efficiency.

Keywords: negative choice aftereffect, negative priming, errors.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Понятие неосознанного негативного выбора было предложено для объяснения большого числа обнаруживаемых в экспериментах феноменов. Последействие негативного выбора (ПНВ) проявляется в тенденции повторно не осознавать ранее не осознанный стимул в той же задаче и с большей вероятностью осознавать его при изменении задачи (Аллахвердов, 1974; 1993). ПНВ может проявляться, например, в совершении повторных ошибок пропуска или замедлении реакции на стимул, связанный с неосознанным значением двойственного изображения (Филиппова, 2006). Тенденция к повторению ошибок была обнаружена в самых различных экспериментальных условиях: в мнемических задачах, задаче опознания тахистоскопически предъявляющихся стимулов (Аллахвердов, 1993), при сравнении длин отрезков (Владыкина, 2008), в задаче на сенсомоторное научение (Иванова, 2006) и др. Схожие феномены рассматриваются в западных исследованиях негативного прайминг-эффекта (см., напр.: Tipper, 1985; Milliken et al., 1998; Frings et al., 2011), заключающегося в замедлении реакции на целевой стимул в зависимости от предъявленного ранее прайма. Негативный прайминг-эффект наблюдается тогда, когда прайм (идентичный целевому стимулу или связанный с ним) требуется игнорировать, а также в некоторых экспериментальных процедурах при предъявлении праймов на неосознаваемом уровне без инструкции игнорирования. Например, Б. Милликен (B. Milliken) и др. (1998) предъявляли испытуемым слово-прайм на 33 мс с маскировкой, после чего предъявлялось целевое слово в сопровождении дистрактора, и целевое слово нужно было прочесть как можно быстрее. Испытуемые отвечали дольше, если целевое слово совпадало с праймом¹.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФГФ № 13-06-00535а.

¹ В ряде экспериментов была показана связь между негативным праймингом и неосознанностью прайма. Например, в эксперименте S. P. Tipper (Tipper, 1985) сразу после того, как цель и дистрактор (выступавший праймом) переставали предъявляться, испытуемые не могли ответить, что представлял собой дистрактор. В исследовании C. Frings и D. Wentura (2005)

ПНВ понижает вероятность либо увеличивает время опознания негативно выбранного стимула, но не делает такое опознание невозможным. Что происходит с ПНВ после того, как один из ранее негативно выбранных стимулов осознается? В исследованиях как повторных ошибок, так и негативного прайминга этот вопрос остается недостаточно изученным.

В рамках данной проблемы можно выделить два более частных вопроса, требующих эмпирического изучения. Во-первых, можно ли сказать, что однократное осознание ранее негативно выбранного снимает ПНВ и возвращает вероятность последующего осознания к исходному значению? В эксперименте S. P. Tirrer и др. (1991) исследовалось влияние дополнительной пробы, предъявленной между прайм-пробой и контрольной пробой, на выраженность негативного прайминга². Если дистрактор из прайм-пробы служил целью в промежуточной пробе, негативный прайминг, измеряемый в контрольной пробе, пропал, т. е. осознание (называние) подавленного дистрактора снимало эффект торможения. Мог ли негативный прайминг частично сохраниться, если бы в промежуточной пробе дистрактор просто появлялся на экране не в контексте какой-либо задачи? Рассмотрим ошибки пропуска в мнемических задачах. Не воспроизведенный стимул осознается испытуемым, когда повторно предъявляется для запоминания, тем не менее после этого повторно не воспроизводится. Таким образом, мы можем предположить, что осознание негативно выбранного стимула в условиях, когда вероятность такого осознания очень высока, «снимает» негативный выбор не полностью. В мнемической задаче в качестве вероятности осознания можно рассматривать общую эффективность воспроизведения.

Второй вопрос касается того, как влияет осознание ранее не осознанного на ПНВ для других стимулов. В эксперименте М. Г. Филипповой (2006) испытуемые решали различные когнитивные задачи; при этом в качестве праймов предъявлялись изображения, часть из которых имела два значения. Перед выполнением каждого блока задач изображение-прайм нужно было опознать, а в процессе выполнения — следить за его изменениями. Двойственные изображения постепенно менялись в сторону однозначных с ранее не замеченным значением. После обнаружения второго значения все задачи решались быстрее. М. Г. Филиппова объясняет данный результат исчезновением препятствующего сознательной деятельности внутреннего напряжения, вызванного наличием негативно выбранных значений. В качестве альтернативного объяснения можно предположить, что осознание ранее негативно выбранного значения снижало выраженность ПНВ и для других стимулов, за счет чего и ускорялось решение всех задач.

В нашем эксперименте изучалось влияние осознания ранее не осознанного на ПНВ в другой задаче (Костина, 2015). ПНВ измерялось в задаче запоминания букв. Испытуемым предъявлялись для запоминания 10 матриц (3×3) с буквами. Каждая матрица появлялась на экране на 800 мс, после чего требовалось воспроизвести запомненные буквы в любом порядке. На первом и на третьем этапах эксперимента предъявлялось по пять матриц. Часть букв в матрицах повторялась, что позволяло измерять тенденцию к совершению повторных ошибок пропуска. ПНВ операционализировалось как разность процента повторных ошибочных ответов и ошибочных ответов в целом. На втором этапе осуществлялось экспериментальное воздействие: предъявление информации без осознания и ее последующий перевод на осознаваемый уровень. Испытуемым предъявлялись буквы, разбросанные на фоне разноцветных точек либо случайно-точечной автостереограммы, содержащей скрытое слово. Как показывают исследования (Карпинская, Шелепин, 2010), скрытое в автостереограмме изображение может быть воспринято даже не будучи осознанным. Далее всех испытуемых просили описать фон, на котором предъявлялись буквы, после чего предъявлялась для решения анаграмма. В экспериментальной группе это была анаграмма того же слова, которое содержалось в автостереограмме. Таким образом, в экспериментальной группе, решая анаграмму, испытуемые осознавали слово, до этого воспринятое неосознанно. Ожидалось, что такое воздействие будет снижать выраженность ПНВ. Такие результаты не были получены. Однако было обнаружено значимое взаимодействие факторов группы

негативный прайминг (при предъявлении праймов на короткое время с маскировкой) наблюдался только у тех испытуемых, которые не были способны различать праймы с вероятностью, превышающей случайное угадывание. В исследовании E. Van den Bussche и др. (2010), напротив, негативный прайминг наблюдался для надпороговых праймов в условии отвлечения внимания, но не для подпороговых праймов. Различимость праймов, как правило, тестируется после эксперимента, т. е. смешиваются два фактора: потенциальная доступность праймов для осознания и их осознание в конкретной пробе. В случае когда осознанность праймов тестируется после каждой пробы, оказывается, что только незамеченные праймы вызывают негативный прайминг-эффект (Frings et al., 2011). Таким образом, ПНВ может рассматриваться в качестве возможного объяснения негативного прайминга.

² В подобных экспериментах испытуемому предъявляются целевые стимулы с дистракторами. Негативный прайминг наблюдается тогда, когда дистрактор из прайм-пробы становится целевым стимулом в контрольной пробе.

и выраженности ПНВ на этапе 1. Для испытуемых с изначально низкими значениями ПНВ в экспериментальной группе наблюдалось значимо более сильное, чем в контрольных группах, повышение ПНВ к третьему этапу. Для испытуемых с изначально высокими значениями ПНВ наблюдалось более сильное (значимо на уровне тенденции) снижение ПНВ к третьему этапу в экспериментальной группе.

Далее мы попытались проверить ту же гипотезу на другом материале (Костина, 2015). Испытуемым на 500 мс предъявлялись пары: семибуквенные анграммы и псевдоанграммы, и требовалось, опираясь на интуицию, угадать, где располагалась анаграмма. На первом и на третьем этапах эксперимента предъявлялись разные анаграммы одних и тех же слов (по 10 на каждом этапе). Перед каждой пробой предъявлялась фраза: «Нажмите “далее”, чтобы увидеть два набора букв», фоном для фразы в контрольной группе выступали разноцветные точки, а в экспериментальной — случайно-точечная автостереограмма, содержащая скрытое слово. На втором этапе все испытуемые решали анаграмму данного слова. Мы рассчитывали обнаружить тенденцию повторно выбирать (не выбирать) на третьем этапе анаграмму, если анаграмма этого слова была выбрана (не выбрана) на первом этапе. Также предполагалось, что эффекты последствия будут менее выражены в экспериментальной группе. Вопреки ожиданиям в контрольной группе не обнаружилось тенденции к повторению своих правильных или ошибочных ответов. Однако в экспериментальной группе ПНВ, как и тенденция к повторению правильных ответов, оказалась выражено значимо сильнее³.

В следующем исследовании использовалась та же процедура (Костина, 2015), но дополнительно варьировалось положение проверочного вопроса (о том, как выглядел фон для фразы «Нажмите “далее”, чтобы увидеть два набора букв»): он мог предъявляться на втором этапе либо в конце эксперимента. Кроме этого, анализировались данные только тех испытуемых, которые выполняли задачу интуитивно, не опираясь на эксплицитные стратегии. Было обнаружено, что появление проверочного вопроса в середине эксперимента повышает выраженность ПНВ, но только в контрольной группе. Мы можем предположить, что экспериментальное воздействие ослабляло влияние другого фактора (положения проверочного вопроса) на ПНВ. Полученные результаты позволяют скорректировать изначальную гипотезу и предположить, что направленность влияния осознания ранее не осознанного на ПНВ зависит от его изначальной выраженности.

Цель исследования: изучение влияния осознания ранее пропущенных стимулов на последствия негативного выбора.

Задачи исследования:

1. Исследование влияния осознания ранее не осознанной информации на эффект ПНВ.
2. Изучение взаимосвязи общей эффективности решения задачи и изменения — выраженности ПНВ после однократного осознания ранее пропущенного стимула.

Гипотезы исследования:

1. Осознание ранее воспринятой, но не осознанной информации в одной задаче изменяет выраженность эффектов последствия в другой задаче.
2. Чем выше эффективность решения задачи, тем более выражена тенденция повторять ошибки пропусков после однократного осознания ранее пропущенного стимула.

Предмет исследования: процесс осознания ранее не осознанного и его влияние на ПНВ при решении однотипных задач.

Объект исследования: вероятность повторения ошибки при многократном предъявлении однотипных задач.

Исследование 1

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Испытуемые набирались через Интернет. В эксперименте приняло участие 123 человека; были исключены испытуемые, не решившие анаграмму на втором этапе, а также трое испытуемых, более 300 сек. отведавших на проверочный вопрос (остальные тратили на ответ менее 150 сек.). Выборку составило 96 человек: 69 женщин, 27 мужчин; средний возраст 31 год, статистическое отклонение — 10.

³ В следующем эксперименте испытуемых спрашивали об используемых стратегиях. Оказалось, что многие, несмотря на инструкцию, использовали эксплицитные стратегии: например, опирались на частотность букв или старались запомнить за отведенное время один из наборов букв, чтобы проанализировать его отдельно. В случае использования стратегии «повторение ответов» может быть связано со стратегией, а не с эффектами последствия. В данном эксперименте вопроса о стратегиях не было, но были исключены испытуемые с наибольшей длительностью прохождения эксперимента (выше 10-го перцентиля), так как именно они могли запоминать в каждой пробе один из стимулов и пытаться решить его как анаграмму.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Испытуемым предъявлялись пары: семибуквенная анаграмма и псевдоанаграмма (например, АКАК-ШТУ, анаграмма слова «катушка», и АЕТУРИП), нужно было, опираясь на интуицию, выбрать анаграмму. Для создания анаграмм использовалось 20 слов: из 10 было составлено по две разные анаграммы (одна из каждой пары предъявлялась на первом этапе и одна — на третьем этапе); из оставшихся 10 было составлено по одной анаграмме (предъявлялись на третьем этапе). Наличие на втором и третьем этапах анаграмм одних и тех же слов позволяло измерить тенденцию к совершению повторных ошибок пропуска.

Перед каждой пробой на первом и третьем этапах предъявлялась фраза: «Нажмите “далее”, чтобы увидеть два набора букв», расположенная на фоне разноцветных точек. В экспериментальной группе на первом этапе фон в действительности представлял собой случайно-точечную автостереограмму, содержащую скрытое слово. Далее на 500 мс предъявлялись анаграмма и псевдоанаграмма, после чего испытуемые должны были в течение 5 сек. выбрать позицию, в которой предъявлялась анаграмма.

На втором этапе все участники решали анаграмму, в экспериментальной группе это была анаграмма слова, ранее предъявлявшегося в автостереограмме. Для проверки осознанности скрытого в автостереограмме слова испытуемых просили описать, как выглядел фон, на котором располагалась инструкция. Положение проверочного вопроса варьировалось: он мог предъявляться в середине эксперимента, перед решением анаграммы либо в конце эксперимента.

ПНВ операционализировалось как разность между процентом повторных пропусков (ошибочных ответов) и пропусков для впервые предъявленных слов.

Для математической обработки данных использовался дисперсионный анализ и t -критерий Стьюдента для независимых выборок.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Как и в предыдущем эксперименте, были отобраны испытуемые, не использовавшие стратегий (73 человека). Было обнаружено значимое взаимодействие факторов экспериментального воздействия и положения проверочного вопроса: $F(1, 67) = 5,455$; $p = 0,023$ (см. рис. 1). Появление проверочного вопроса в середине эксперимента вело к повышению выраженности ПНВ, но только в контрольной группе. Для группы с проверочным вопросом в конце эксперимента выраженность ПНВ оказалась значимо выше в экспериментальной группе ($t = 2,644$; $df = 31$; $p = 0,013$).

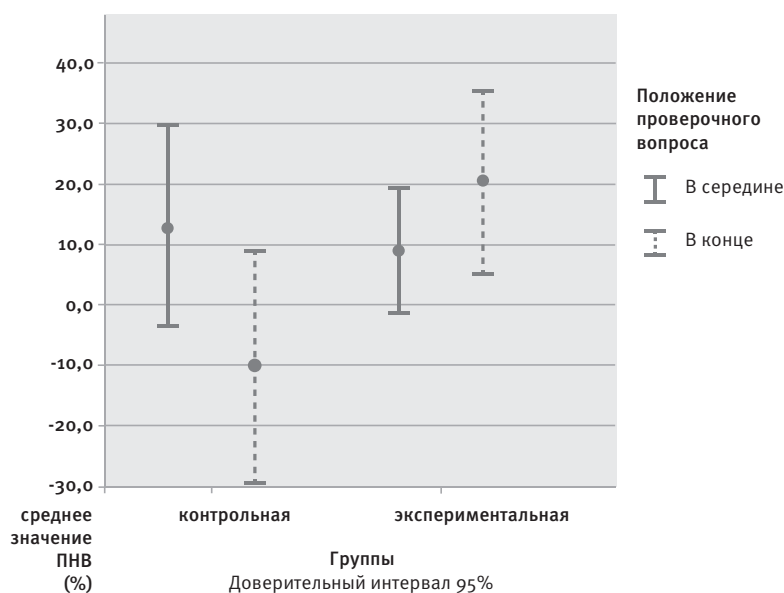

Рис. 1. Последствие негативного выбора (ПНВ) для испытуемых, не использовавших стратегии

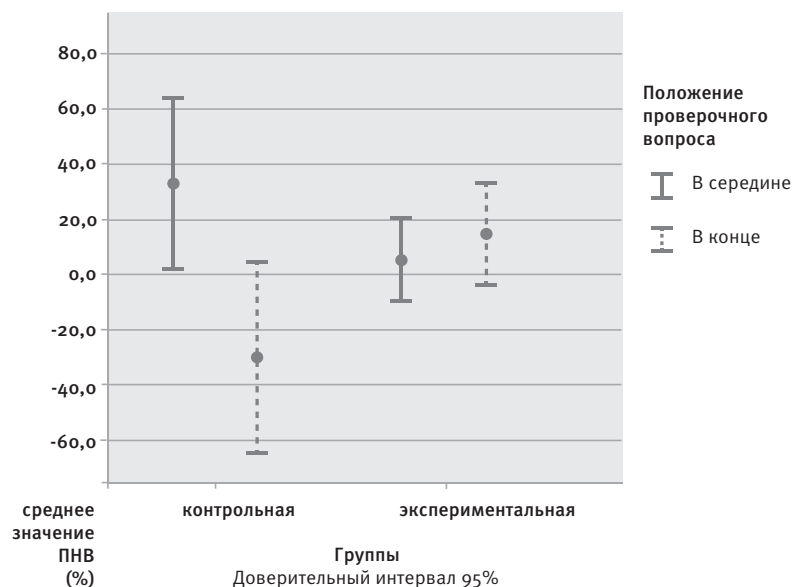

Рис. 2. ПНВ для испытуемых, не использовавших стратегии; время ответа на проверочный вопрос больше медианы

Дополнительно измерялось время, потраченное испытуемым на ответ на проверочный вопрос. Оказалось, что выраженность основных полученных результатов повышается, если в анализе учитывается значение времени. Это может быть связано с тем, что испытуемые, дольше и подробнее отвечавшие на проверочный вопрос, внимательнее отнеслись ко всему эксперименту. Чтобы проверить это, выборка (испытуемые, не использовавшие стратегий), была разбита по медиане, в зависимости от времени ответа на проверочный вопрос. Различия, полученные для выборки в целом, оказались значимы именно для подгруппы со временем ответа больше медианы (см. рис. 2). Для данной подвыборки в условии, когда проверочный вопрос находился в середине эксперимента, ПНВ оказалось более низким в экспериментальной группе, чем в контрольной ($t = 2,1$; $df = 16$; $p = 0,052$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В условии, когда в контрольной группе ПНВ не наблюдается (проверочный вопрос в конце), в экспериментальной группе оно оказывается более выраженным. В условии, когда в контрольной группе последствие выражено сильнее (проверочный вопрос в середине), в экспериментальной группе его значения, напротив, оказываются более низкими (для испытуемых, дольше отвечавших на проверочный вопрос). Если в эксперименте с запоминанием букв наблюдалось противонаправленное влияние осознания ранее не осознанного для *испытуемых* с изначально высокими и изначально низкими значениями ПНВ, то в экспериментах с различением анаграмм и псевдоанаграмм было обнаружено такое же противонаправленное влияние для *экспериментальных условий*, в которых в контрольной группе наблюдаются высокие и низкие значения последствия.

Каким образом положение проверочного вопроса влияло на выраженность ПНВ? Можно предположить, что появление такого вопроса (который мог восприниматься как неожиданная проверка «на внимательность») повышало общий уровень внимания испытуемых к экспериментальной задаче. В пользу данного предположения свидетельствует и получение более выраженных результатов для испытуемых, дольше и соответственно подробней отвечавших на проверочный вопрос. Связь ПНВ и внимания требует дальнейшего экспериментального изучения.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Были проанализированы данные трех исследований, проведенных с использованием одного стимульного материала. Испытуемые набирались через Интернет. Выборку составило 227 человек: 184 женщины, 43 мужчины; средний возраст 29 лет, статистическое отклонение — 12.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании изучалась взаимосвязь общей эффективности (изначальной вероятности воспроизведения) и того, как вероятность воспроизведения ранее пропущенного стимула меняется после его однократного осознания. Были проанализированы данные трех исследований, в которых перед испытуемыми стояла задача запоминания букв (одно из них было описано выше). Анализировались данные, полученные до экспериментального воздействия; стимульный материал и процедура в трех исследованиях совпадали. Интерес для нас представляли буквы, предъявлявшиеся трижды: их было всего пять, что компенсировалось большим объемом выборки. Анализировалась вероятность воспроизведения только тех букв, которые повторялись в экспериментах трижды. Вероятность рассчитывалась по выборке в целом, так как данных для каждого испытуемого в отдельности было недостаточно. В рамках дополнительного анализа были также рассмотрены данные по всем буквам, использовавшимся в исследовании, вероятности при этом рассчитывались для каждого испытуемого в отдельности.

Для математической обработки данных использовались критерий хи-квадрат Пирсона с поправкой на непрерывность и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим эмпирические вероятности воспроизведения буквы при первом предъявлении (0,568), при втором предъявлении в случае первого пропуска (0,304) и при третьем предъявлении в случае первого пропуска и второго правильного воспроизведения (0,497). Вероятность при первом предъявлении значимо выше, чем вероятность при втором предъявлении в случае первого пропуска (0,568 и 0,304; $\chi^2 = 94,55$; $p < 0,001$), т.е. наблюдается ПНВ. Вероятность воспроизведения при третьем предъявлении в случае первого пропуска и второго правильного ответа значимо отличается от вероятности при втором предъявлении в случае первого пропуска (0,497 и 0,304; $\chi^2 = 17,81$; $p < 0,001$) и не отличается от вероятности при первом предъявлении ($p = 0,117$). Таким образом, для выборки в целом осознание ранее пропущенной буквы «сняло» ПНВ.

Для проверки гипотезы мы разделили испытуемых на равные подвыборки с высокой, средней и низкой эффективностью (см. табл.). У испытуемых с низкой и средней эффективностью вероятность воспроизведения при первом пропуске и втором правильном ответе не отличалась от вероятности при первом предъявлении ($p > 0,7$) и была значимо выше вероятности при втором предъявлении в случае первого пропуска ($p < 0,05$), т.е. результаты повторяли результаты для выборки в целом. У испытуемых же с высокой общей эффективностью вероятность воспроизведения при третьем предъявлении в случае первого пропуска и второго правильного ответа оказывалась значимо ниже вероятности при первом предъявлении ($\chi^2 = 3,82$; $p = 0,05$), другими словами, в этом случае, как и ожидалось, после однократного воспроизведения пропущенной буквы ПНВ «снялось» не полностью.

Эмпирические вероятности воспроизведения букв

ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ	НИЗКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ	СРЕДНЯЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ	ВЫСОКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ
Предъявление 1	0,443	0,560	0,717
Предъявление 2 (первый пропуск)	0,258	0,297	0,397
Предъявление 2 (первое воспроизведение)	0,482	0,510	0,706
Предъявление 3 (первый пропуск, второй пропуск)	0,232	0,302	0,314
Предъявление 3 (первый пропуск, второе воспроизведение)	0,407	0,531	0,565

Рассмотрим теперь результаты второго типа анализа. В этом случае для каждого испытуемого была рассчитана разность между вероятностями воспроизведения при первом предъявлении и при третьем в случае

первого пропуска и второго правильного ответа. Была обнаружена слабая, но значимая корреляция между величиной полученной разности и общим процентом правильных ответов (коэффициент корреляции Спирмена = 0,214; $p = 0,021$), что также согласуется с гипотезой.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Как и предполагалось, была обнаружена взаимосвязь между общей эффективностью и изменением вероятности повторения ошибки пропуска после воспроизведения ранее пропущенного стимула. В случае низкой и средней эффективности после воспроизведения ранее пропущенной буквы вероятность ее последующего воспроизведения возвращалась к исходной. В случае высокой общей эффективности эта вероятность оставалась сниженной. Хотя полученный результат требует дальнейшей проверки, он согласуется с предположением о том, что однократное осознание негативно выбранного в условиях, когда вероятность такого осознания очень высока, «снимает» негативный выбор не полностью.

ВЫВОДЫ

1. Осознание ранее не осознанного в одной задаче влияет на последствие негативного выбора в другой задаче по-разному, в зависимости от того, насколько изначально выражено ПНВ. В условиях, в которых изначально ПНВ выражено слабо, наблюдается его усиление после осознания ранее не осознанного, в случае же изначально высокой выраженности — ослабление.

2. Когда испытуемый не воспроизводит (негативно выбирает) стимул в мнемической задаче, вероятность его последующего воспроизведения снижается. Если после этого стимул все же воспроизводится, вероятность его дальнейшего воспроизведения у испытуемых с низкой или средней общей эффективностью возвращается к исходной. У испытуемых с высокой общей эффективностью (т.е. в условиях, когда вероятность правильного воспроизведения очень высока) даже после воспроизведения ранее пропущенного стимула вероятность его последующего воспроизведения остается более низкой, чем вероятность воспроизведения при первом предъявлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердов В. М. О возможности симультанной идентификации слуховых сигналов // Проблемы инженерной психологии и эргономики. Вып. 1. Ярославль, 1974. С. 57–59.
2. Аллахвердов В. М. Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб., 1993.
3. Владыкина Н. П. О закономерностях работы сознания в зоне неразличения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 2. С. 117–122.
4. Иванова Н. А. Удивительные приключения устойчивых ошибок в процессе научения // Аллахвердов В. М. и др. Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб., 2006. С. 125–136.
5. Карпинская В. Ю., Шелепин Ю. Е. Неосознаваемое восприятие автостереоизображений // Экспериментальная психология. 2010. Т. 3, № 3. С. 57–65.
6. Костина Д. И. Эффекты последствия при осознании ранее не осознанного // Теоретические и прикладные проблемы когнитивной психологии: Материалы Летней школы молодых ученых памяти К. Дункера / сост., вступ. ст. В. Ф. Спиридонова; науч. ред. В. Ф. Спиридонов. М., 2015. С. 88–99.
7. Филиппова М. Г. Исследование неосознаваемого восприятия (на материале многозначных изображений) // Аллахвердов В. М. и др. Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб., 2006. С. 165–181.
8. Frings C., Bermeitinger C., Wentura D. Inhibition from blinked category labels: Combining the attentional blink and the semantic priming paradigm // Journal of Cognitive Psychology. 2011. 23(4). P. 514–521.
9. Frings C., Wentura D. Negative priming with masked distractor-only prime trials: Awareness moderates negative priming // Experimental Psychology. 2005. 52(2). P. 131–139.
10. Milliken B., Joordens S., Merikle P. M., Seiffert A. E. Selective attention: A reevaluation of the implications of negative priming // Psychological Review. 1998. 105 (2). P. 203–229.
11. Tipper S. P. The negative priming effect: Inhibitory priming by ignored objects // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1985. 37 (4). P. 571–590.
12. Tipper S. P., Weaver B., Cameron S., Brehaut J. C., Bastedo J. Inhibitory mechanisms of attention in identification and localization tasks: Time course and disruption // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1991. 17 (4). P. 681–692.
13. Van den Bussche E., Hughes G., Van Humbeeck N., Reynvoet B. The relation between consciousness and attention: An empirical study using the priming paradigm // Consciousness and Cognition. 2010. 19 (1). P. 86–97.

К. Н. КОШМАН, Л. А. ЦВЕТКОВА

e-mail: kseniakoshman@yandex.ru

Магистерская программа «Социальная и политическая психология»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ВАКЦИНАЦИИ

Цель данного исследования — изучение социально-психологических факторов принятия родителями решения о вакцинации своих детей. Выборка исследования составила 266 родителей, принимающих решение о вакцинации детей (235 женщин, 31 мужчина) в возрасте от 20 до 66 лет, средний возраст — 32,5 года ($\sigma = 6,6$).

Дизайн исследования был экспериментально-корреляционным. Экспериментальный план исследования включал в себя четыре экспериментальных сценария (в том числе контрольный сценарий), которые предъявлялись респондентам в случайном порядке. Были использованы следующие методики: авторская анкета, шкала доверия М. Розенберга, тест на когнитивную рефлексию Ф. Шейна. Обработка данных осуществлялась с помощью дисперсионного анализа (ANOVA), регрессионного анализа, χ^2 Пирсона, t-критерия Стьюдента и корреляционного анализа (ρ Спирмена).

Результаты исследования показали, что участники исследования статистически достоверно чаще соглашались сделать прививку своему ребенку, если в ближайшем социальном окружении вакцинирование является нормативным поведением. Было обнаружено, что восприятие рисков вакцинирования, восприятие опасности болезни, восприятие вероятности заражения болезнью и доверие к официальной медицине выступают ведущими факторами принятия решения о вакцинации. Родители, испытывающие эмоцию удовлетворения до принятия решения о вакцинации, эмоцию спокойствия как до, так и после принятия решения о вакцинации и не испытывающие гнева до принятия решения о вакцинации, статистически достоверно чаще соглашались сделать прививку своему ребенку.

Ключевые слова: вакцинация, прививки, принятие решения о вакцинации, вакцинация детей.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF DECISION MAKING ABOUT VACCINATION

The aim of this research was to study socio-psychological factors of decision making by parents about their children's vaccination. The survey sample consisted of 266 parents making decisions about their children's vaccinations (235 females, 31 males) aged 20 to 66 years, their mean age was 32,5 ($\sigma = 6,6$) years.

The study design included experimental and quantitative methods. Experimental research design included four experimental scenarios (including one control scenario), which were presented to respondents in random order. The following methods were used: author's questionnaire, M. Rosenberg's Trust Scale, Shane Frederick's Cognitive Reflection Test (CRT). Data processing: analysis of variance (ANOVA), regression analysis, Pearson's chi-square test, Student's *t*-test and correlation analysis (Spearman's rho).

The results showed that when the vaccination is a normative behavior in a close social environment respondents statistically significantly more often decide to vaccinate their child. Perception of risks of vaccination, perception of the severity of illness, perception of the probability of contracting illness and the credibility of the official medicine are the main factors in the decision making about vaccination. Parents who are experiencing the emotion of satisfaction before making a decision about vaccination, the emotion of calm both before and after the decision about vaccination and do not experience the emotion of anger before making a decision about vaccination statistically significantly more often agreed to vaccinate their child.

Keywords: vaccination, inoculations, decision making about vaccination, vaccination of children.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Вакцинация часто рассматривается как одно из наиболее важных достижений в сфере общественного здоровья. Благодаря ей произошел спад в заболеваемости и смертности от различных инфекционных заболеваний, а некоторые заболевания, такие как оспа, были полностью устранены. Однако противники вакцинации существовали уже в самом начале использования вакцин. Примеры аргументов против вакцинации включают идеи о том, что вакцины сами по себе вызывают расстройства, угрожающие жизни, содержат высокотоксичные компоненты и не могут дать стойкий иммунитет в отличие от болезни, которую они предназначены предотвратить (Poland, 2012).

Снижение охвата вакцинацией несет в себе угрозу для общественного здоровья, способствуя нарастанию инфекционной заболеваемости в обществе. Между тем в последние десятилетия все большее число родителей в развитых странах отказывается от вакцинации своих детей, по всему миру падают показатели

вакцинирования и растут антипрививочные движения. Отказы от вакцинации вызывают вспышки заболеваемости. Так, в 2008 г. в США была самая большая за десятилетия эпидемия кори, явившаяся следствием того, что некоторые дети не были привиты. Недавние вспышки коклюша и гемофильной инфекции типа b в некоторых частях США напоминают вспышки этих инфекций до существования вакцин (Shetty, 2010). К тому же ученые начинают испытывать все возрастающее беспокойство по поводу нередко наблюдающегося у населения недоверия к официальному здравоохранению, а также по поводу большого количества недостоверной информации о вакцинации, которая широко распространяется ее противниками в Интернете и других источниках массовой информации и влияет на принятие решения о вакцинации (Kata, 2010; Bean, 2011; Yaqub, Castle-Clarke, Sevdalis, Chetaway, 2014; Ruiz, 2014 и др.).

С развитием системы общественного здравоохранения факторы, способствующие вакцинации, стали предметом интенсивного изучения с позиций медицины, социологии и психологии в мировой науке. В российской практике исследования, посвященные изучению психологии вакцинопрофилактики, носят пока единичный характер, что может отчасти объясняться патерналистской установкой официальной медицины, уделяющей недостаточно внимания самостоятельному принятию решений людьми о вакцинации (Антонова, Ерицян, Дубровский, Спирина, 2014). Таким образом, изучение социально-психологических факторов, оказывающих влияние на принятие родителями решения о вакцинации детей, является на сегодняшний день крайне актуальной как в теоретическом, так и в практическом планах.

Цель исследования: изучить социально-психологические факторы принятия решения о вакцинации.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ современных психологических исследований в области вакцинопрофилактики. Рассмотреть исследования, посвященные изучению социально-психологических факторов, связанных с принятием решений о вакцинации.
2. Изучить взаимосвязь принятия решений о вакцинации с представлениями о нормативности данного поведения в ближайшем социальном окружении.
3. Оценить пригодность теоретической модели убеждений в отношении здоровья (Health Belief Model) для описания изучаемого феномена: представления об уязвимости к заболеванию, представления о тяжести заболевания и балансе рисков и выгод от вакцинации.
4. Изучить связь доверия к медицине с принятием решения о вакцинации.
5. Изучить эмоциональную составляющую принятия решения о вакцинации.
6. Изучить связь интуитивного/рационального мышления с принятием решения о вакцинации.

Гипотезы исследования:

1. Представление о нормативности поведения относительно вакцинирования в ближайшем социальном окружении связано с принятием решения о прививании/непрививании собственных детей.
2. Восприятие рисков вакцинирования, восприятие опасности болезни и вероятности заражения, доверие к официальной медицине являются факторами принятия решения о вакцинации.
3. Существует взаимосвязь между вакцинированием и типом мышления (интуитивного/рационального мышления).

Предмет исследования: социально-психологические факторы принятия решения о вакцинации.

Объект исследования: родители, принимающие решение о вакцинопрофилактике своих детей.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборка исследования была сформирована по принципу целевой, критериями для включения в нее были наличие ребенка/детей и опыт принятия решения о его/их вакцинировании. Итоговая выборка исследования составила 266 родителей. В исследовании приняло участие 235 женщин, имеющих детей (88,3 % всей выборки), и 31 мужчина, имеющих детей (11,7 % всей выборки). Количество участников эксперимента в каждой из экспериментальных групп составило: 82 человека в группе 1, 83 — в группе 2, 70 — в группе 3 и 31 человек в группе 4. Минимальный возраст составил 20 лет, а максимальный — 66. Средний возраст респондентов — $32,5 \pm 6,6$ лет. Подавляющее большинство респондентов имело законченное высшее образование либо ученую степень (85,0 %). Большинство участников исследования (79,3 %) состояло в зарегистрированном браке. Подавляющее большинство респондентов (90,6 %) имело одного или двоих детей. У большинства респондентов (81,2 %) были дети в возрасте до 6 лет. Такие переменные, как пол, возраст, количество детей и другие социально-демографические показатели, были включены в регрессионный анализ

для проверки (пол и количество детей как категориальные переменные), но не вошли в итоговую регрессионную модель. Таким образом, не было обнаружено статистически значимых различий по социально-демографическим показателям.

Исследование было полностью анонимным и добровольным и предварялось процедурой информированного согласия.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Дизайн исследования был экспериментально-корреляционным.

Экспериментальный план исследования включал 4 сценария: респондентам предлагалось принять решение о вакцинации своего ребенка против вымышленного заболевания при наличии или отсутствии информации о доле родителей в социальном окружении, согласившихся на вакцинацию. Экспериментальные сценарии отличались по предоставляемой испытуемому информации о проценте других родителей, сделавших прививку своему ребенку (90 %, 50 % и 10 %). Контрольный сценарий содержал исключительно описание ситуации и не предполагал знания о проценте родителей, отказавшихся от прививки.

Участнику исследования предъявлялся текст сценария и предлагалось принять решение о вакцинации своего ребенка. Сценарии предъявлялись в случайном порядке, каждому участнику эксперимента предъявлялся один из четырех возможных сценариев (3 экспериментальных и 1 контрольный). После сценария следовал открытый вопрос о том, какой аргумент был наиболее важным для принятия решения о вакцинации или невакцинации своего ребенка.

Опросник исследования включал в себя следующие блоки: страх побочных эффектов вакцинирования, восприятие опасности болезни, восприятие вероятности заражения, восприятие рисков вакцинации, доверие к официальной медицине, задачи на интуитивное/рациональное мышление, причины вакцинации/невакцинации, эмоциональное отношение, социально-демографические характеристики. Уровень доверия к официальной медицине оценивался при помощи Шкалы доверия М. Розенберга (Дмитриев, Белов, Парфенов, 2010). Тип мышления (интуитивное/рациональное) оценивался при помощи теста на когнитивную рефлексию Ф. Шейна (Shane 2005).

Сбор данных был осуществлен посредством онлайн-опроса. Участники исследования заполняли электронную форму опросника самостоятельно, без помощи интервьюера.

Наличие значимых различий целевых показателей в экспериментальном исследовании оценивалось с помощью χ^2 Пирсона, t -критерия Стьюдента, дисперсионного анализа (ANOVA). Факторы отказа от вакцинации выявлялись с помощью построения бинарной логистической регрессионной модели и корреляционного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

По итогам исследования были обнаружены статистически значимые различия по согласию/несогласию сделать прививку своему ребенку в зависимости от разных экспериментальных условий (с помощью дисперсионного анализа (ANOVA) и t -критерия Стьюдента). Критерий равенства дисперсий Ливиня показал статистически значимый результат ($p = 0,021$ и $p = 0,037$), что свидетельствует о правомерности применения t -критерия Стьюдента. Статистическая значимость модели ANOVA — $p \leq 0,001$. Было выявлено, что 46,3 % родителей, принимающих решение о вакцинации ребенка, зная, что 90 % остальных родителей сделают такую прививку, согласились на вакцинацию, а 22 % отказались от нее — по сравнению с родителями, которые принимали решение о вакцинации, зная, что только 10 % остальных родителей сделают своим детям прививку. Среди последних лишь 30,1 % согласились сделать прививку, а 33,7 % отказались ($p = 0,024$), сравнительно с родителями, которые принимали решение о вакцинации, вообще не имея какой-либо информации о процентном количестве других родителей, уже согласившихся сделать прививку своим детям. Среди тех, кто не располагал информацией о других родителях, количество согласившихся сделать прививку составило 35,5 %, а неуверенных и отказавшихся — 64,5 % ($p = 0,026$). Среди родителей, которые принимали решение о вакцинации, зная, что 50 % остальных родителей уже согласились сделать прививку своим детям, процент согласившихся составил 38,6 %, а неуверенных и отказавшихся — 61,4 %, что также статистически значимо отличает их от тех, кто принимал решение о вакцинации, зная, что только 10 % остальных родителей уже согласились на вакцинацию своих детей ($p = 0,032$) (рис. 1).

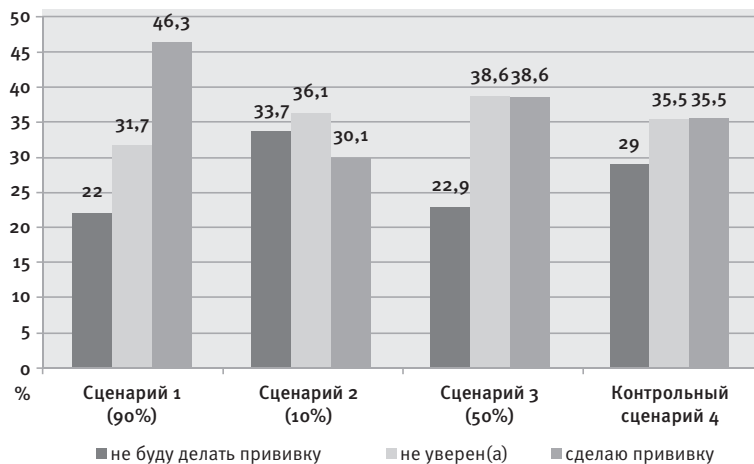

Рис. 1. Распределение по согласию/несогласию на прививку в зависимости от экспериментального сценария

Были обнаружены статистически достоверные отрицательные корреляции (коэффициент корреляции ρ Спирмена) между намерением сделать прививку с восприятием высоких рисков вакцинации ($r = -0,497$; $p \leq 0,01$); с восприятием низкой вероятности заражения болезнью ($r = -0,358$; $p \leq 0,01$); с восприятием низкой опасности болезни ($r = -0,536$; $p \leq 0,01$) и с недоверием к медицине ($r = -0,311$; $p \leq 0,01$). Были получены статистически достоверные положительные корреляции недоверия к медицине: 1) с восприятием высоких рисков вакцинации ($r = 0,593$; $p \leq 0,01$), 2) с восприятием низкой вероятности заражения болезнью ($r = 0,251$; $p \leq 0,01$), 3) с восприятием низкой опасности болезни ($r = 0,459$; $p \leq 0,01$), 4) со страхом побочных эффектов от вакцинации ($r = 0,524$; $p \leq 0,01$). Были получены статистически достоверные отрицательные корреляции результатов по задачам (на интуитивное/рациональное мышление) со страхом побочных эффектов вакцинации ($r = -0,161$; $p \leq 0,01$) и недоверием к медицине ($r = -0,142$; $p \leq 0,05$).

Что касается прямого вопроса о причинах, по которым родители делают прививку своему ребенку, то в качестве самой распространенной указывался риск того, что ребенок заболеет, если ему не сделают прививку (рис. 2).

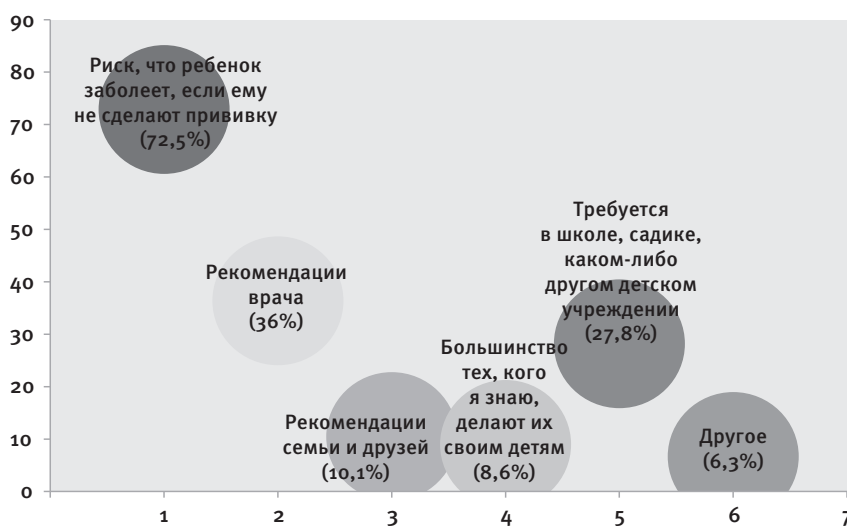

Рис. 2. Распределение причин, по которым родители делают прививки

В результате дисперсионного анализа было обнаружено статистически достоверное различие средних значений недоверия к медицине. Как показывает кривая средних значений (рис. 3), среднее значение недоверия к медицине у тех, кто отказался сделать прививку своему ребенку, статистически достоверно больше, чем у тех, кто сомневается по поводу прививки, и тех, кто согласился сделать прививку ($p = 0,007$, $p = 0,003$ и $p \leq 0,0001$).

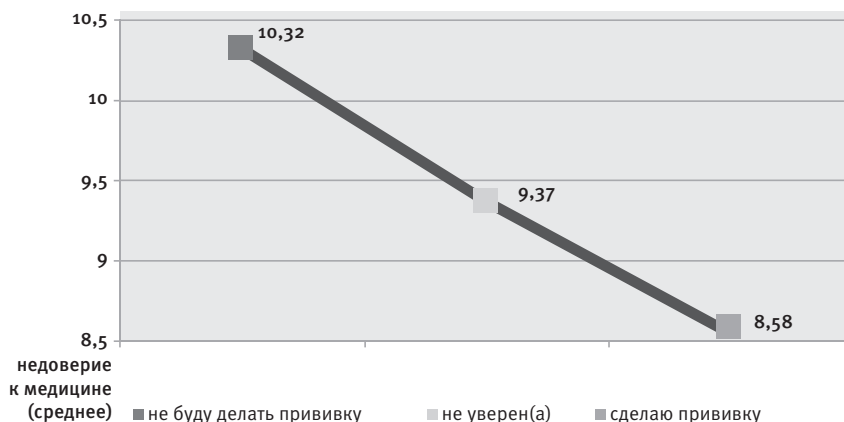

Рис. 3. Решения о вакцинации и недоверие к медицине

Также были получены статистически значимые результаты связи согласия/несогласия сделать прививку с тремя эмоциями: удовлетворением, спокойствием и гневом (критерий χ^2 Пирсона). Наличие эмоции удовлетворения до принятия решения о вакцинации было связано со статистически достоверно большим согласием сделать прививку ($\chi^2 = 9,260$; $p = 0,010$). Аналогичные результаты были получены для эмоции спокойствия: ее наличие как до принятия решения о вакцинации ($\chi^2 = 8,098$; $p = 0,017$), так и после него ($\chi^2 = 10,901$; $p = 0,004$) было связано со статистически достоверно большим согласием сделать прививку своему ребенку, а наличие эмоции гнева до принятия решения — со статистически достоверно меньшим согласием сделать прививку ($\chi^2 = 13,047$; $p = 0,001$).

С помощью регрессионного анализа была построена бинарная логистическая регрессионная модель, которая показала, что такие факторы, как восприятие низкой опасности болезни ($\text{Exp}(B) = 0,569$; $p \leq 0,001$) и низкой вероятности заражения болезнью ($\text{Exp}(B) = 0,769$; $p = 0,050$), оказывают отрицательное влияние на намерение сделать прививку, а эмоция спокойствия после принятия решения о вакцинации ($\text{Exp}(B) = 2,598$; $p = 0,001$), а также первый сценарий, когда родители принимают решение о вакцинации своего ребенка, зная, что 90 % остальных родителей уже согласились, положительно воздействуют на намерение сделать прививку. Первый сценарий представлен в виде бинарной переменной, где значение 1 отражает принадлежность к сценарию 1 (90 %), значение 0 — принадлежность к любому другому сценарию ($\text{Exp}(B) = 2,285$; $p = 0,010$). Регрессионный анализ факторов, влияющих на намерение сделать прививку, представлен в таблице:

Регрессионная модель факторов, влияющих на намерение сделать прививку

ПЕРЕМЕННЫЕ В УРАВНЕНИИ							
		B	СТАНДАРТНАЯ ОШИБКА	ВАЛЬД	СТЕПЕНИ СВОБОДЫ	ЗНАЧИМОСТЬ	EXP (B)
Шаг 12*	Низкая вероятность заражения болезнью	-0,263	0,134	3,832	1	0,050	0,769
	Восприятие низкой опасности болезни	-0,563	0,105	28,771	1	0,000	0,569
	спокойствие ПОСЛЕ	0,955	0,299	10,172	1	0,001	2,598
	Сценарий 90	0,826	0,320	6,658	1	0,010	2,285
	Константа	3,371	0,710	22,534	1	0,000	29,096

* Переменные, включенные на шаге 1: количество детей, пол, возраст, результаты по задачам, страх побочных эффектов, высокие риски вакцинации, низкая вероятность заражения болезнью, восприятие низкой опасности болезни, удовлетворение *до*, гнев *до*, спокойствие *до*, удовлетворение *после*, спокойствие *после*, недоверие к медицине, сценарий 90 и остальные.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исходя из полученных результатов, можно заключить, что наша гипотеза о том, что представление о нормативности поведения относительно вакцинирования в ближайшем социальном окружении родителей связано с принятием решения о прививании/непрививании своих детей, подтвердилась. Интересно, что при прямом ответе на вопрос о причинах, по которым родители делают своим детям прививки, такую

причину («большинство тех, кого я знаю, делают их своим детям») отметил довольно небольшой процент родителей (8,6%), тогда как экспериментальные результаты (эксперимент со сценариями) показали, что связь между нормативностью поведения относительно прививания и принятием решения о вакцинации собственных детей существует.

Теоретическая модель убеждений в отношении здоровья, которая широко применяется в исследованиях в сфере здоровья (Цветкова, Антонова, Ерицян, 2013), включает в себя следующие ключевые конструкты: воспринимаемая уязвимость к заболеванию; воспринимаемая тяжесть заболевания; воспринимаемые выгоды превентивного поведения и воспринимаемые барьеры превентивного поведения. Результаты исследования показали, что отказ от вакцинации связан с восприятием рисков вакцинирования как высоких, а вероятности заражения и негативных последствий болезни — как низких, что подтверждает пригодность модели убеждений о здоровье (Health Believe Model) для объяснения отказа от вакцинации. Согласно этой модели, вероятность того, что человек решит вакцинироваться, возрастает в случае наличия у него: 1) представления о высокой уязвимости к заболеванию, 2) представления о высокой опасности заболевания, 3) представления о том, что выгоды от вакцинации превышают связанные с ней риски (Антонова, Ерицян, Дубровский, Спирина, 2014). Обнаруженные результаты также свидетельствуют о том, что доверие к медицине является одним из ведущих факторов принятия решения о вакцинации. Родители, которые склонны делать прививки своим детям, с большей вероятностью имеют доверие к медицине. Кроме того, было обнаружено, что недоверие к медицине и страх побочных эффектов вакцинации связаны с интуитивным мышлением.

Значимым фактором при принятии решения о вакцинации является эмоциональный фон предыдущего опыта решения о вакцинации: среди родителей, которые отметили, что они испытывают эмоцию удовлетворения до принятия решения о вакцинации детей, статистически достоверно большее количество соглашалось сделать прививку сравнительно с родителями, которые не отметили, что они испытывают эту эмоцию. Аналогичные результаты были получены для эмоции спокойствия: родители, которые испытывают эмоцию спокойствия как до, так и после принятия решения о вакцинации, статистически достоверно чаще соглашались сделать прививку своему ребенку. А среди родителей, которые отметили, что они испытывают эмоцию гнева до принятия решения о вакцинации, статистически достоверно меньшее количество соглашалось сделать прививку сравнительно с родителями, которые не отметили, что они испытывают данную эмоцию.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования показали:

1. Существуют статистически значимые различия в отношении принятия решения о вакцинации в зависимости от представлений о нормативности поведения относительно вакцинирования в ближайшем социальном окружении родителей. Если в ближайшем социальном окружении родителей вакцинирование является нормативным поведением, то они статистически достоверно чаще соглашались сделать прививку своему ребенку.

2. К факторам, обладающим наибольшей предикативной способностью согласия на вакцинацию детей, относятся: восприятие высокой вероятности заражения болезнью; восприятие высокой опасности болезни; эмоция спокойствия после принятия решения о вакцинации и восприятие вакцинирования как нормативного поведения.

3. Восприятие рисков вакцинирования, восприятие опасности болезни и вероятности заражения, доверие к официальной медицине — значимые факторы принятия решения о вакцинации.

4. Существует значимая связь согласия сделать прививку своему ребенку с эмоциями (спокойствием, удовлетворением и гневом), испытываемыми родителями при прошлом опыте вакцинирования ребенка.

5. Относительно гипотезы о взаимосвязи вакцинирования с типом мышления (интуитивного/рационального мышления) не было обнаружено никаких статистически достоверных различий между количеством правильно решенных задач и согласием/несогласием сделать прививку. Однако была обнаружена значимая позитивная взаимосвязь склонности к интуитивному мышлению с недоверием к медицине и страхом побочных эффектов вакцинации.

6. По результатам исследования могут использоваться следующие меры для повышения уровня иммунизации: в информационных материалах для родителей следует акцентировать внимание на распростра-

ненности согласия на вакцинацию и ее прохождения (в тех случаях, когда это соответствует действительности), поскольку, как убеждают результаты данного исследования, предъявление информации о высокой распространенности вакцинации способно увеличить число согласий на нее; необходимо уделять внимание проблеме взаимодействия врачей и пациентов и повышению доверия населения к официальной медицине; важно акцентировать особое внимание на вопросах уязвимости к заболеваниям, вопросах соотношения рисков и выгод, вопросах распространенности заболеваний и поствакцинальных реакций и осложнений, донесения этой информации до родителей, которые смогут чувствовать себя спокойно до и после процедуры вакцинации.

7. Принимая во внимание полученные в данном исследовании результаты, представляется уместным предложить следующие меры для повышения уровня иммунизации:

- в информационных материалах для родителей следует акцентировать внимание на распространенности согласия на вакцинацию и ее прохождении, поскольку, как показали результаты данного исследования, предъявление информации о высокой распространенности вакцинации способно повысить число согласий на вакцинацию;
- необходимо уделять внимание проблеме взаимодействия врачей и пациентов и повышению доверия населения к официальной медицине;
- следует также акцентировать особое внимание на вопросах уязвимости к заболеваниям, вопросах соотношения рисков и выгод, вопросах распространенности заболеваний и поствакцинальных реакций и осложнений и донесения этой информации до родителей, чтобы родители чувствовали себя спокойно до и после процедуры вакцинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитриев М. Г., Белов В. Г., Парфенов Ю. А.* Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков. Ч. 1–3. СПб., 2010.
2. *Цветкова Л. А., Антонова Н. А., Ерицян К. Ю.* Методология разработки профилактических проектов в сфере здоровья: учеб. пособие. СПб., 2013.
3. *Bean S. J.* Emerging and continuing trends in vaccine opposition website content // *Vaccine*. 2011. Vol. 29, iss. 10. P. 1874–1880.
4. *Kata A.* A postmodern Pandora's box: Anti-vaccination misinformation on the Internet // *Vaccine*. 2010. Vol. 28, iss. 7 (February). P. 1709–1716.
5. *Poland G. A., Jacobson R. M.* The clinician's guide to the anti-vaccinationists' galaxy // *Human Immunology*. 2012. Vol. 73, iss. 8 (August). P. 859–866.
6. *Ruiz J. B., Bell R. A.* Understanding vaccination resistance: Vaccine search term selection bias and the valence of retrieved information // *Vaccine*. 2014. Vol. 32, iss. 44 (October). P. 5776–5780.
7. *Shane F.* Cognitive Reflection and Decision Making // *The Journal of Economic Perspectives*. 2005. Vol. 19, N 4 (Autumn). 2005. P. 25–42.
8. *Shetty P.* Experts concerned about vaccination backlash // *The Lancet*. 2010. Vol. 375, iss. 9719 (March). P. 970–971.
9. *Yaqub O., Castle-Clarke S., Sevdalis N., Chetaway J.* Attitudes to vaccination: A critical review // *Social Science & Medicine*. 2014. Vol. 112, July. P. 1–11.
10. *Антонова Н. А., Ерицян К. Ю., Дубровский П. Г., Спирина В. Л.* Отказ от вакцинации: качественный анализ биографических интервью // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 20. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/20/psychology/antonova-eritsyan-dubrovsky-spirina.pdf (дата обращения: 01.03.2015).

А. Х. КУРБАНМАГОМЕДОВА, Н. В. ГРИШИНА

e-mail: grinat07@gmail.com

Программа профессиональной переподготовки «Психология»

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ИНОЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ: МЕЖПОКОЛЕННЫЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена изучению этнической идентичности и психологическим особенностям представителей различных поколений, проживающих в окружении иноэтнической среды. Участниками исследования были 30 семей из состоящих в прямом родстве трех поколений (всего 90 человек), проживающих в Санкт-Петербурге представителей дагестанской диаспоры. Изучались характеристики этнической идентичности, особенности системы ценностей и психологического благополучия, использовался межпоколенный анализ (межгрупповое сравнение). Полученные данные свидетельствуют об особенностях и динамике этнической идентичности от старшего поколения к младшему. Показатели системы ценностей отличаются от аналогичных в российской выборке, имеют более традиционный характер и обнаруживают близость у разных поколений дагестанских групп. Изучение психологического благополучия показало, что представителям дагестанской культуры более свойственно экзистенциальное (эвдемоническое) понимание благополучия, чем традиционное (гедонистическое).

Ключевые слова: этническая идентичность, межпоколенный анализ, система ценностей, психологическое благополучие, экзистенциальная исполненность.

ETHNIC IDENTITY IN OTHER ETHNIC ENVIRONMENT: INTERGENERATIONAL ANALYSIS

The article is devoted to the study of ethnic identity and psychological characteristics of different generations representatives, living surrounded by another ethnic environment. The participants of the study are 30 families, consisting of three generations and being in direct relationships, all 90 persons are the representatives of Dagestani diaspora living in St. Petersburg. We studied the characteristics of ethnic identity, values system and psychological well-being properties, an intergenerational analysis had been used (inter-group comparison). The findings suggest that there are special characteristics and ethnic identity dynamics from older generation to younger one. The indicators of value system differ from Russian sample, they have more traditional character and proximity in different generations of Dagestani groups. The study of psychological well-being showed that representatives of Dagestani culture have more existential (eudaimonial) than traditional (hedonistic) understanding of well-being.

Keywords: ethnic identity, intergenerational analysis, values, psychological well-being, an existential performance.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Тема идентичности является одной из самых обсуждаемых в современной гуманитарной науке. Считается, что она начинает привлекать пристальное внимание ученых в 50–60-х годах XX в., когда трансформации социальной реальности изменяют отношения человека с окружающим миром и размывают существовавшие в прошлом границы его жизненного пространства, усложняя его идентификацию.

Основы личностного подхода к идентичности были заложены работами Э. Эриксона, который рассматривал идентичность как чувство личной тождественности, которое формируется в подростковом возрасте и изменяется на протяжении всей жизни. В последующие десятилетия понятие идентичности в основном разрабатывается в его социальном значении и определяется через идентификацию человека с социальными группами. Особую известность приобрела теория социальной идентичности А. Тэшфела, описавшего три составляющие в процессе осознания индивидом собственной идентичности — социальную категоризацию, социальную идентификацию и социальную идентичность (Taifel, Fraser, 1978).

В развитие данной проблематики внесли свой вклад ученые разных поколений, в том числе и отечественные ученые. Для многих российских ученых тема влияния социально-культурной среды на самосознание человека и формирование его личности была одной из основных (Л. С. Выготский, Б. Г. Ананьев и др.).

Фактически две упомянутые линии описания — личностная идентичность и социальная идентичность — становятся ведущими. И хотя понятие идентичности концептуализируется как конструкт, относящийся к личности в целом, появляются более узкие понятия идентичности, в частности понятие этнической идентичности.

Первое упоминание понятия «этническая идентичность» («ethnic identity») приписывают американскому социологу Д. Рисману в книге «Одинокая толпа» (1953). За прошедшие десятилетия в этносоциологии, культурологии, антропологии проведены многочисленные исследования, посвященные явлению этнической идентичности.

Особая роль в изучении этнической идентичности принадлежит психологии, в которой она рассматривается как «осознание, восприятие, эмоциональное оценивание, переживание своей принадлежности к этнической общности» (Стефаненко, 2013). Благодаря проведенным исследованиям в психологии накоплен значительный эмпирический материал, описывающий факторы, влияющие на формирование этнической идентичности.

Вместе с тем изучение этнической идентичности не только не утратило своей актуальности, но и приобрело особую значимость. Это связано прежде всего с интенсивными процессами миграции в современном мире, нарастанием его полиэтничности и смешением культур, что обостряет вопросы осознания человеком собственной идентичности. Идентичность человека, подвергающаяся испытаниям в современном мире, становится одним из основных объектов его «вызовов»: именно угрозы идентичности человека порождают так называемый «кризис идентичности» и усиливают потребность человека в самоидентификации (Личностная идентичность, 2014; Studying Ethnic Identity, 2015).

Россия является страной со сложной этнической структурой, в которой тема межэтнических отношений и этнической идентичности всегда была и остается актуальной. Проведенный анализ результатов исследований, выполненных в регионах Карелии, Татарстана, Якутии, Карачаево-Черкесии, Дагестана, позволил сделать выводы о том, что в современной науке и практике интерес к изучению идентичности возрастает; межкультурное взаимодействие является важным фактором формирования этнической идентичности; в современном мире в условиях глобализации этническая идентичность подвержена трансформации, при этом увеличивается доля людей, считающих себя представителями двух и более этнокультур; социальное и психологическое благополучие зависят от позитивной этнической идентичности и др.

Во все времена преемственность поколений в сохранении социокультурных ценностей являлась важным элементом в развитии культуры. Особое место в сохранении своей культуры, сохранении ее ценностей, формировании этнической идентичности принадлежит семье. В этой связи представляется актуальным подход к изучению этнической идентичности с точки зрения межпоколенных связей, который стал основанием проведенного нами исследования.

Цель исследования: изучение этнической идентичности различных поколений, проживающих в окружении иной этнической среды.

Задачи исследования:

1. Определить выраженность этнической идентичности у разных поколений семей, проживающих в иноэтнической среде.
2. Сравнить системы ценностей представителей разных поколений и определить влияние фактора принадлежности к поколению на ценностные предпочтения.
3. Описать особенности психологического благополучия лиц, принадлежащих к разным поколениям.
4. Описать отношения между поколениями на основе взаимных оценок этнической идентичности.

Гипотезы, рассматриваемые в нашем исследовании:

1. Степень выраженности этнической идентичности различается в разных поколениях, снижаясь от старшего поколения, сохраняющего более тесные связи со своей исторической родиной и культурой, к младшему.
2. Степень выраженности ценностных предпочтений различается в разных поколениях. Старшее поколение обнаруживает приверженность более традиционным и консервативным ценностям, младшее — ценностям развития и новизны, среднее поколение занимает маргинальное, среднее положение.
3. Психологическое благополучие представителей разных поколений обнаруживает отличия, связанные с разным уровнем их этнической идентичности.

Предмет исследования: этническая идентичность и психологические особенности разных поколенческих групп, проживающих в иноэтнической среде.

Объект исследования: этническая идентичность представителей дагестанской диаспоры, проживающих в Санкт-Петербурге.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В соответствии с целями и гипотезами исследования участниками исследования стали 30 семей трех поколений, состоящих в прямом родстве, представителей дагестанской диаспоры, проживающих в Санкт-Петербурге. Общий объем выборки составил 90 человек, из них:

- 1) 30 человек — старшее поколение, в основном переехавшие в Санкт-Петербург в 60-е годы XX века, когда лучшие представители села или рода направлялись для получения образования в ведущие образовательные центры нашей страны. Возраст — от 63 до 74 лет;
- 2) 30 человек — среднее поколение, часть из которых в детстве переехала с родителями, а другие родились в Петербурге. Возраст — от 33 до 46 лет;
- 3) 30 человек — младшее поколение, родившиеся в Петербурге. Возраст — от 15 до 26 лет.

Во всех семьях поддерживаются близкие родственные отношения. Многие представители различных поколений проживают совместно, есть семьи, где старшее поколение проживает отдельно, но и в этом случае происходит ежедневное тесное общение и посещение старших как обязательное условие повседневного общения.

Все браки у представителей старшего поколения заключены внутри своей культурной группы, более того, это браки внутри одной национальности, учитывая, что республика Дагестан является многонациональной (около 30 национальностей) и ее иногда называют Россией в миниатюре. У представителей среднего поколения браки также заключены внутри своей культурной группы, но расширенной, и в 67 % семей мы наблюдаем межнациональные браки внутри дагестанской группы.

В опросе в разных поколенных группах участвовали мужчины и женщины. В исследовании не преследовалась цель рассматривать гендерные отличия в формировании этнической идентичности. Небольшой объем выборки (30 человек в каждой группе) не позволял провести корректные сравнения по гендерному фактору.

Все участники исследования были информированы о его целях и участвовали в исследовании добровольно. Автор исследования также принадлежит к дагестанской диаспоре, что обеспечило возможность контактов с представителями данной диаспоры и сделало возможным проведение исследования.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Специальный опросник, разработанный для целей настоящего исследования и направленный на сбор фактической информации и мнений относительно этнических традиций в повседневной жизни и не предполагавший анализа латентных переменных.

2. Методика Дж. Финни, измеряющая выраженность общей этнической идентичности и ее двух компонентов — когнитивного и аффективного.

3. Тест ценностных ориентаций Ш. Шварца, определяющий содержательную сторону направленности личности, основу отношений к окружающему миру, к людям, к себе, основу мировоззрения и ядро мотивации активности, жизненной концепции.

4. Шкала психологического благополучия К. Рифф.

5. Шкала экзистенции (А. Лэнгле и К. Орглера), направленная на измерение субъективного ощущения экзистенциальной исполненности жизни

Опрос был проведен с представителями трех поколений каждой семьи. Каждый из участников исследования отвечал на вопросы и заполнял психологические тесты самостоятельно, независимо от других членов семьи.

Исследование было построено на сравнении данных трех групп, образованных из представителей разных поколений — старшего, среднего и младшего.

После завершения основной части исследования было проведено интервью с представителями трех поколений одной из семей, участвовавших в исследовании.

Полученные результаты обрабатывались при помощи методов математической статистики — программы SPSS 21, использовались описательные статистики, однофакторный дисперсионный анализ ANOVA и корреляционный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В соответствии с целями нашего исследования в фокусе его внимания были характеристики этнической идентичности.

Сравнение показателей (по Методике Финни) этнической идентичности трех поколений позволяет утверждать, что самый низкий уровень этнической идентичности, значимо отличающийся от показателей двух других групп, принадлежит младшему поколению респондентов, что соответствует гипотезе исследования. Показатели старшего и среднего поколений значимо не отличаются (табл. 1).

Таблица 1. Показатели этнической идентичности по методике Дж. Финни

ГРУППА	N	СРЕДНЕЕ	СТД ОТКЛОНЕНИЕ	СТД ОШИБКА
Старшее поколение	30	24,13	5,063	0,924
Среднее поколение	30	24,87	4,329	0,790
Младшее поколение	30	18,17	5,292	0,966

Кроме приведенных показателей в методике Финни респондентам предлагалось продолжить незаконченное предложение: «С точки зрения этнической принадлежности я рассматриваю себя как...». Результаты, показанные в табл. 2, однозначно свидетельствуют о заметном снижении показателей исторической этнической самоидентификации от поколения к поколению.

Таблица 2. Распределение показателя самооценки этнической принадлежности (в % к числу ответов)

ГРУППА	ДАГЕСТАНЕЦ / ДАГЕСТАНКА	РОССИЯНИН / РОССИЯНКА
Старшее поколение	98	2
Среднее поколение	56	44
Младшее поколение	23	77

Для изучения этнической идентичности мы также прибегли к небольшому интервью, вопросы которого относились к ощущению себя в условиях жизни в иноэтнической среде, поддержанию традиций своей культуры в повседневной жизни и взглядам представителей разных поколений. В табл. 3 приведены данные, отражающие результаты опроса.

Таблица 3. Отношение к традициям своей культуры в повседневной жизни (в % к числу ответов)

ТЕМЫ ВОПРОСОВ АНКЕТЫ	СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ	СРЕДНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ	МЛАДШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ
Родной город — Санкт-Петербург (но не место рождения)	35	100	100
В Санкт-Петербурге чувствуют / не чувствуют себя дома	87	100	100
В семье разговаривают / не разговаривают на родном языке	100	45	65
Всегда придерживаются традиций в быту	100	100	100
Браки наиболее прочные и счастливые, когда люди принадлежат к одной культуре	92	52	2
В квартире (доме) очень много предметов, связанных с национальной культурой	75	30	30
В семье ежедневно говорят о своих «корнях»	100	20	75
Готовят национальные блюда только для гостей или по праздникам	100	100	100
Отмечают в семье национальные праздники	100	100	100
Отмечают в семье общероссийские праздники	100	100	100

На основе полученных ответов можно утверждать, что 100% представителей старшего поколения сохраняют и стремятся сохранять свою этническую идентичность и вовлекать младшие поколения семьи,

детей и внуков, в освоение своей культуры, заинтересовывать их в сохранении национальных традиций, обычаев, языка. Представители старшего поколения разговаривают на своем языке, ежедневно «подпитывают» межпоколенные связи рассказами о «корнях», придерживаются традиций в быту. При этом они сохраняют привязанность к исторической родине, несмотря на длительное проживание за ее пределами, так как не считают Санкт-Петербург родным городом или своим домом с большой буквы. Это позволяет сделать вывод о высокой идентичности представителей старшего поколения со своей этнической средой.

Вместе с этим представители среднего и младшего поколений идентифицируют себя, по всей видимости, не только со своей этнической общностью, но и с новой средой своего проживания. Они гораздо лояльней относятся к межэтническим бракам, менее подвержены желанию наполнять быт традиционным укладом, пользуются во внутрисемейном общении русским языком. У них явно прослеживается идентичность не по происхождению, но и «по желанию».

В то же время все три поколения респондентов осознают свою «этнокультурную» общность и высоко ценят опыт межэтнического культурного взаимодействия. Во всех поколениях общероссийские праздники отмечаются наряду с национальными. Представители старшего поколения пытаются создать в доме миниатюру родных мест, у них много предметов, связанных с национальной культурой. Однако в группах «среднее поколение» и «младшее поколение» только 30 % респондентов считает уместным создание этнического колорита в жилище.

По ряду показателей между представителями старшего и младшего поколений обнаруживаются более тесные связи, чем со средним поколением. Так, 65 % представителей младшего поколения разговаривают в семье на родном языке (по сравнению с 45 % среднего поколения), 75 % (по сравнению с 20 % среднего поколения) ежедневно говорят в семье о своих «корнях», тем самым стремясь глубже погрузиться в традиции, получить больше информации о своих предках от представителей старшего поколения. Эти результаты совпадают с имеющимися в литературе данными о более тесных связях и показателями общности представителей старшего поколения с младшим — как бы через представителей среднего поколения.

Значительный интерес представляют ответы на вопрос, являются ли браки более прочными и счастливыми, когда люди принадлежат к одной культуре. Здесь показательным является категорическая разница в оценке важности данного фактора для представителей старшего и младшего поколений. Респонденты из группы «старшее поколение» считают это естественным и чуть ли не единственно правильным положением вещей, в то время как для респондентов из группы «младшее поколение» ответ на этот вопрос абсолютно противоположен.

Помимо характеристик этнической идентичности для межпоколенных сравнений мы использовали и другие психологические показатели, обращение к которым, на наш взгляд, могло способствовать более глубокому пониманию психологических особенностей групп разных поколений, проживающих в иноэтнической среде. В качестве таковых в нашем исследовании использовались характеристики системы ценностей, показатели психологического благополучия и экзистенциальной исполненности.

Для оценки полученных при изучении системы ценностей результатов они сравнивались с данными аналогичного исследования (Гришина, Лавренчук, 2008), проведенного на российской выборке, в котором принимали участие представители трех поколений 30 семей; характеристики данной выборки близки к нашей, что позволяет осуществить их корректное сравнение (табл. 4).

Данные, полученные в результате исследований, проведенных в дагестанской и российской группах, значительно различаются. В группе этнических дагестанцев степень выраженности ценностей практически по всем показателям значительно выше. Анализируя различия между группами необходимо отметить:

1. В дагестанской группе респондентов показатель «Традиции» одинаково высок как у представителей среднего, так и младшего поколений — 4,0. В российской группе он составлял 2,93 у среднего поколения и 1,85 у младшего. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что поддержание культурных традиций, историческое самосознание, тесная связь с этнической родиной, использование родного языка представителями старшего поколения составляют основной фактор, влияющий на формирования этнической идентичности последующих поколений.

2. Для старшего поколения в дагестанской группе наиболее важной ценностью является показатель «Конформность» (4,7). Для старшего поколения российской группы исключителен показатель «Доброта» (4,65). Для представителей старшего поколения российской группы на первое место выходит сохранение благополучия людей, с которыми индивид находится в близких контактах, в том числе и по причинам, указанным выше.

Таблица 4. Сравнение показателей значимости системы ценностей трех поколений: российская группа (Р) и этническая группа дагестанцев (Д)

ПОКАЗАТЕЛИ	ПОКОЛЕНИЯ					
	СТАРШЕЕ		СРЕДНЕЕ		МЛАДШЕЕ	
	Р	Д	Р	Д	Р	Д
Конформность	4,40	4,7	3,63	4,5	3,18	4,1
Традиции	3,33	4,4	2,93	4,0	1,85	4,0
Щедрость, доброта	4,65	4,3	4,21	4,5	3,93	4,0
Универсальность	4,20	4,1	3,87	4,3	3,27	4,0
Самостоятельность	3,53	4,3	4,25	4,3	4,47	4,0
Стимуляция	2,06	3,5	2,80	4,6	3,20	3,9
Гедонизм	2,67	3,5	3,03	4,0	4,29	4,0
Достижения	3,58	4,2	3,84	4,4	4,45	4,5
Власть	2,34	4,2	2,78	3,9	3,22	4,3
Безопасность	5,03	4,3	4,83	4,5	3,81	4,4

3. Значительная разница присутствует по показателю «Власть». В российской группе он (по всем поколениям) ниже, чем в дагестанской группе.

4. По результатам нашего исследования показатель «Стимуляция» представляет большую ценность для представителей среднего поколения группы из Республики Дагестан (4,6). Здесь наблюдаются значительные колебания показателя в среднем поколении российской группы (2,80). В первую очередь это вызвано стремлением к новизне, к расширению границ своей этнической группы, большей инициативностью в межэтнических связях.

5. Показатели «Самостоятельность» и «Гедонизм» преобладают в системе ценностей младшего поколения российской группы: 4,47 против 4,0 и 4,29 против 4,0 соответственно. Вопрос самостоятельности для респондентов младшего поколения группы из Республики Дагестан не представляет такого решающего значения также в силу традиций и обычаев этнической группы. Традиционность многодетных семей, когда детей отпускают «из гнезда» достаточно поздно, может быть причиной этого.

6. По показателю «Универсальность» наибольшее значение получено у среднего поколения в группе из Республики Дагестан: 4,3 против 3,87 российской группы. У старшего поколения результаты почти одинаковые: 4,2 в российской группе и 4,1 в группе из Республики Дагестан. Можно предполагать, что данный показатель — как включающий в себя терпимость и социальную справедливость — говорит о толерантности, высокой включенности в межэтнические отношения.

7. Показатель «Безопасность» высок у представителей старшего и среднего поколений российской группы: 5,03 и 4,83 против 4,3 и 4,5 у группы из Республики Дагестан, что может отражать уровень социального напряжения в обществе.

Для оценки психологического благополучия групп были использованы две методики — шкала К. Рифф, которая делает акцент на удовлетворенности жизнью, и шкала экзистенции, измеряющая экзистенциальную исполненность. Понятие экзистенциальной исполненности рассматривается авторами как противовес традиционному пониманию счастья (в частности, в Методике Рифф). Шкала экзистенции отражает субъективную оценку человеком своей жизни и показывает, много ли осмысленного в жизни, как часто человек «живет с внутренним согласием», соответствуют ли его сущности принимаемые решения и совершаемые поступки, может ли он «вносить хорошее», как он его понимает, в жизнь (Кривцова, Лэнгле, Орглер, 2009, с. 141).

Сравнение результатов, полученных в нашем исследовании по шкале К. Рифф, с показателями норм данной шкалы показывает, что во всех трех поколениях респондентов ответы не укладываются в диапазон нормы и полученные результаты гораздо ниже нормативов. Самые низкие результаты по всем показателям демонстрируют респонденты из группы старшего поколения, самые высокие — из младшего.

Сравнение результатов, полученных в нашем исследовании по шкале экзистенции А. Лэнгле, с показателями норм данной шкалы показывает, что во всех группах респондентов показатели находятся внутри границ нормы.

По всем показателям шкалы экзистенции наибольшие результаты демонстрируют респонденты группы «старшее поколение». Анализируя результаты, необходимо помнить, что данный тест отражает субъектив-

ную оценку человеком своей жизни. Результаты демонстрируют, много ли осмысленного в жизни, внутреннее согласие человека. Экзистенциальные вопросы присутствуют в жизни всех людей и имеют универсальный характер, но в большей степени характерны для старших поколений, что и демонстрируют результаты нашего исследования. В то же время можно предположить, что нахождение результатов в пределах нормативов говорит о присутствии уважительной дистанции у всех поколений по отношению друг к другу, о высоких межпоколенных связях и межпоколенной поддержке внутри выборки. Респонденты демонстрируют уважительное отношение к уникальности каждой личности.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Исследование показателей этнической идентичности выявило различия между разными поколениями участников нашего исследования. Наибольшей выраженностью этническая идентичность отличается у представителей старшего поколения, которые сохраняют и стремятся сохранять свою этническую идентичность, вовлекать младшие поколения в освоение своей культуры.

Представители среднего и младшего поколений идентифицируют себя не только со своей этнической общностью, но и с новой средой проживания. Они гораздо лояльней к межэтническим бракам, менее подвержены желанию наполнять быт традиционным укладом, пользуются во внутрисемейном общении русским языком. У них явно прослеживается идентичность не по происхождению, но и «по желанию».

Особенно ярко различия проявляются в представлениях о большем благополучии браков людей, принадлежащих к одной культуре. Как уже отмечалось, респонденты из группы «старшее поколение» считают это естественным и чуть ли не единственно правильным положением вещей, в то время как для респондентов из группы «младшее поколение» ответ на этот вопрос абсолютно противоположен. Можно предположить, что, несмотря на тесную связь между представителями этих двух групп, значение национальности окружающих людей играет разную роль в их повседневной (обычной) жизни, что потенциально может являться источником напряжений и конфликтов. При всем внешнем поддержании традиций налицо противоположность ценностей, связанных с сохранением своей этнической идентичности в последующих поколениях, в заключаемых браках и следующих поколениях детей. В данном случае трансляция ценностей «проигрывает» влиянию социокультурной среды. Для респондентов группы младшего поколения решающими являются модели поведения, характерные для проживания вне этнической группы. Респонденты из группы «среднее поколение», похоже, не придают большого значения общности культур в браке.

Интерес представляют данные, полученные в результате изучения ценностей разных групп и их сравнения с аналогичными российскими группами.

Так, показатели ценности «Традиции» существенно выше в дагестанских группах (и одинаково высоки в группах разных поколений) по сравнению с российскими (особенно в младшем поколении). Это подтверждает нашу гипотезу о том, что поддержание культурных традиций, историческое самосознание, тесная связь с этнической родиной, использование родного языка представителями старшего поколения составляют основной фактор, влияющий на формирование этнической идентичности последующих поколений. Исторически сложилось, что представители Северного Кавказа очень привержены национальным традициям, которые способствуют поддержанию сплоченности. Это проявляется как в моноэтнических сообществах, так и в иноэтнической среде.

Для старшего поколения в дагестанской группе наиболее важной ценностью является «Конформность», что находит свое объяснение в интервью с респондентами. Первая «волна» миграционного процесса из Республики Дагестан включала тех, кто приезжал в Петербург для получения образования и стремился к интеграции в новой среде. В настоящее время миграционные процессы затронули людей, которые не придают такого значения общекультурным ценностям и часто нарушают правила поведения, принятые в новом месте их проживания. Это делает данную ценность особенно важной для людей, стремящихся ассимилироваться на новой родине, не потеряв при этом своей культуры.

Значительные различия, полученные по ценности «Власть» (показатели в российской группе по всем поколениям ниже, чем в дагестанской группе), объясняются социальным статусом старейшин в Дагестане, подчеркнутым вниманием и уважением к ним, которое считается само собой разумеющимся для всех поколенных групп, а также подчеркнутым вниманием к социальному положению человека. Представители среднего и младшего поколений в группе из Республики Дагестан желали бы достичь такого социального статуса, при котором и они с возрастом обретут положение «уважаемых».

Таким образом, особенности системы ценностей дагестанских групп, которые были участниками нашего исследования, демонстрируют влияние культурных и исторических факторов, сохраняющих свою силу и в иноэтнической среде.

Результаты изучения психологического благополучия имеют противоречивый характер. С одной стороны, по шкале К. Рифф показатели психологического благополучия во всех трех поколениях гораздо ниже нормативов, при этом самые низкие результаты по всем показателям демонстрируют респонденты из группы старшего поколения, самые высокие — из младшего. Можно предположить, что представления о психологическом благополучии у представителей этнических дагестанцев, проживающих в Санкт-Петербурге, могут отличаться от характеристик, выдвинутых в теории К. Рифф. Причиной этого может быть в том числе ментальность, присущая жителям Северо-Кавказского региона. Респонденты, участвовавшие в исследовании, независимо от возраста демонстрировали невысокий уровень психологического комфорта и в целом средний уровень жизненной удовлетворенности.

Однако сравнение результатов, полученных в нашем исследовании по шкале экзистенции А. Лэнгле, с показателями норм данной шкалы показывает, что во всех группах респондентов показатели находятся внутри границ нормы. При этом наибольшие показатели имеют респонденты группы «старшее поколение». Анализируя результаты, необходимо помнить о том, что данный тест отражает субъективную оценку человеком своей жизни — много ли в ней осмысленного, есть ли у него внутреннее согласие с самим собой. Экзистенциальные вопросы присутствуют в жизни всех людей и имеют универсальный характер, но в большей степени характерны для старших поколений, что показывают результаты нашего исследования. В то же время можно предположить, что нахождение результатов в пределах нормативов говорит о присутствии уважительной дистанции у всех поколений по отношению друг к другу, о высоких межпоколенных связях и межпоколенной поддержке внутри выборки. Респонденты демонстрируют уважительное отношение к уникальности каждой личности.

Таким образом, результаты двух тестов психологического благополучия отличаются. Можно констатировать, что группе дагестанцев, участвовавших в исследовании, более свойственно *эвдемоническое* понимание счастья (шкала экзистенции), чем *гедонистическое* (шкала Рифф). Отметим, что последнее — в противовес экзистенциальному — означает «понимание счастья как хорошего самочувствия, свободы от страдания и боли в сочетании с полнотой желаний, “аппетитом к жизни”» (Кривцова, Лэнгле, Орглер, 2009, с. 141).

ВЫВОДЫ

Настоящее исследование было посвящено этнической идентичности и межпоколенным связям групп лиц, проживающих в условиях иноэтнической среды. В исследовании участвовали представители Дагестанской диаспоры, проживающие в Санкт-Петербурге, три поколения 30 семей этнических дагестанцев. Решение основных задач исследования, таких как определение выраженности этнической идентичности в разных поколенных группах, влияние изменяющихся ценностных ориентиров на ее формирование, влияние сформированной этнической идентичности на уровень психологического благополучия респондентов и исследование межпоколенных связей, позволило подтвердить выдвинутые гипотезы.

Результаты нашего эмпирического исследования подтверждают предположение о тесном влиянии межпоколенных связей на уровень сформированности и дифференцированности этнической идентичности. Мы выявили тесную связь между представителями старшего и младшего поколений. В то же время имеются и специфические особенности: младшее поколение, а в большей степени среднее стремятся к расширению первичной этнической группы, и это приводит к конфликтам, своего рода разрыву поколений. Также выявлено, что для всех респондентов характерна позитивная этническая идентичность, т. е. позитивное отношение к своей этнической группе и окружающим группам.

Полученные данные позволяют сформулировать ряд выводов:

1. Результаты исследования говорят о неравномерности формирования этнической идентичности у разных поколений.

2. Наиболее сформированной является этническая идентичность старшего поколения, основанная на соблюдении традиций, осознании своей жизни в целом. Старшее поколение словно черпает силы в своей идентичности. Чувство национальной гордости, принятие своей роли «путеводителя», наставника для младших поколений, с их поисками себя, дает прочную основу субъективного ощущения счастья. Старшее

поколение четко определяет свое место в полиэтнической среде и нормы поведения внутри и вне своей этнической группы.

3. Для респондентов группы «старшее поколение» экзистенциальная исполненность, т. е. восприятие жизни как «наполненной смыслом», «воплощаемой свободно и ответственно в создаваемом самим человеком мире, с которым он находится в отношениях взаимовлияния/взаимодействия и противоборства» (Лэнгле, 2001), выражается в чувстве близости к кому-либо, сопереживании, переживании ценностей и эмоциональном отклике на них, понимании экзистенциальной значимости происходящего. С этим связаны доверие к своим чувствам, высокие способности к эмпатии, жизнь таких представителей старшего поколения эмоционально насыщена и не носит чисто функционального характера.

4. Для среднего поколения очень важна экзистенциальная идея возможностей: выбора, изменений уклада, включенности в жизнь. В основном представители среднего поколения нацелены вовне, на взаимодействие с окружающими вне своей этнической среды. Это привносит в их жизнь психологическую устойчивость, дает ощущение стабильности в быстро изменяющемся мире.

5. Говоря о межпоколенных традициях в формировании этнической идентичности, стоит отметить влияние старшего поколения и эмоциональную близость старшего и младшего поколений. Таким образом, поколенные различия являются значимым фактором, который необходимо учитывать, говоря о влиянии взаимоотношений между поколениями на формирование этнической идентичности. Наряду с окружающей культурной, экономической и социальной реальностью на формирование этнической идентичности оказывают сильное влияние межпоколенные связи. Поддержание культурных традиций, историческое самосознание, тесная связь с этнической родиной, использование родного языка представителями старшего поколения составляют значительный фактор формирования этнической идентичности последующих поколений.

6. Анализ корреляционных связей выявил значительное влияние проживания в иноэтнической среде на формирование этнической идентичности. Среднее и младшее поколения стремятся к расширению границ своей этнической группы, расширению своих контактов. Это может приводить к межпоколенным напряжениям и конфликтам в рамках одной семейной группы.

7. Представители среднего поколения, будучи «маргинальной» группой, испытывают наибольшие трудности в формировании устойчивой идентичности.

8. В исследовании были решены все поставленные задачи. Были проверены выдвинутые гипотезы, которые частично подтвердились, частично — нет, что указывает на наличие более сложных закономерностей в формировании этнической идентичности и культурных отличий в понимании психологического благополучия.

9. Полученные результаты представляют большой интерес, имеют практической значение и указывают на перспективы дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришина Н. В., Лавренчук С. Ю. Ценностные ориентации личности: семья и поколение // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 3. С. 113–123.
2. Кривоцова С. В., Лэнгле А., Орглер К. Шкала экзистенции (Existenzskala) А. Лэнгле и К. Орглер // Экзистенциальный анализ. ИЭАПП. 2009. Бюллетень № 1. С. 141–170.
3. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. Практикум. М., 2013.
4. Личностная идентичность: вызовы современности: материалы Всероссийской психологической научно-практической конференции. Майкоп; Краснодар; М., 2014.
5. Studying Ethnical Identity. Methodological and Conceptual Approaches Across Disciplines / eds. C. Santos, A. Umanataylor. American Psychological Association (APA). Washington (D. C.), 2015.
6. Taifel H., Fraser K. Introducing Social Psychology. London, 1978.

Г. Г. ЛЕБЕДЕВА, В. Г. ПУЗИКОВ

e-mail: lebedeva2512@yandex.ru

Магистерская программа «Организационная психология и психология менеджмента»

ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА)

Для изучения влияния личностных ресурсов студентов на уровень их психологического благополучия обследовано 108 учащихся 1-го и 6-го курсов медицинского вуза (средний возраст 21 год). Гипотеза исследования: личностные особенности, включающие самоорганизацию деятельности, самоотношение, самоэффективность, жизнестойкость и перфекционизм, выступают в качестве личностных ресурсов психологического благополучия студентов медицинского вуза.

В исследовании использованы: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, адаптированная Т. Шевельковой, П. Фесенко; «Опросник самоорганизации деятельности» Е. Ю. Мандриковой; Методика исследования самоотношения С. Р. Пантелеева; «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта, Г. Флетта в адаптации И. Грачевой; шкала общей самоэффективности Р. Шварцера, М. Ерусалема в адаптации В. Ромека; тест жизнестойкости в адаптации Д. Леонтьева, Е. Рассказовой. Для обработки данных применялся описательный, сравнительный, корреляционный, дискриминантный и регрессионный анализ.

Результаты: личностный ресурс — самоорганизация деятельности — влияет на уровень психологического благополучия студентов 1-го курса. Личностные ресурсы: перфекционизм, жизнестойкость, самоотношение, самоорганизация деятельности влияют на уровень психологического благополучия студентов 6-го курса. Таким образом, в большей степени на уровень психологического благополучия студентов медицинского вуза оказывают влияние такие личностные ресурсы, как перфекционизм, жизнестойкость, самоорганизация, самоотношение.

Ключевые слова: личностные ресурсы, психологическое благополучие, студенты медицинского вуза.

PERSONAL RESOURCES OF PSYCHOLOGICAL WELLBEING, AMONG MEDICAL STUDENTS

To explore the effect of personal resources on psychological well-being were examined 108 students of 1 and 6 courses of students of the first and six year of medical University (mean age is 21 years old). The hypothesis of the study: personal characteristics such as self-organization, self-attitude, self-efficacy, hardiness and perfectionism act as a resource of well-being in of medical students.

In the study the following measurement tools were used: K. Riff the questionnaire's Psychological Well-being adapted by T. Shevelkova, P. Fesenko; "Time Structure Questionnaire" in adaptation E. Mandrikova; questionnaire to study the self-attitude by S. Panteleyev; "Multidimensional perfectionism scale" by P. Hewitt and G. Flett in adaptation I. Gracheva; Generalized Self-Efficacy Scale by R. Schwarzer, M. Erusalema in adaptation of V. Romek; Hardiness Survey in adaptation D. Leontiev, E. Rasskazova. Processing of Data analysis: descriptive, comparative, correlation, discriminant analysis and regression.

Results: personal resources — commitment, the ability to achieve goals, influences the level of wellbeing of students of the first year. Personal resources — perfectionism, hardiness, self-attitude, self-organization have an impact on the level of welfare of the students of the sixth year. These personal resources, as perfectionism, hardiness, self-organization, self-attitude make the largest contribution to the change in the level of wellbeing in medical students.

Keywords: personal resources, psychological well-being, students of medical university.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Психологическое благополучие личности представляет собой одну из фундаментальных проблем в философской, медицинской и психологической науке, каждая из которых вносит свое понимание понятия и определяет специфику его содержания. Психологическое благополучие личности представляет собой интегральное социально-психологическое образование, охватывающее оценку и отношение человека к своей жизни и самому себе. Данное понятие характеризуется субъективностью, позитивностью и глобальностью измерения и включает в себя когнитивный и эмоциональный компоненты. Наиболее удачно эти два компонента синтезированы в теории психологического благополучия К. Рифф, предложившей обобщенную модель психологического благополучия, включающую шесть составляющих: самопринятие, цели в жизни, компетентность, личностный рост, позитивные отношения с другими, автономность; эта модель принята за основу при проведении настоящего исследования.

Как справедливо отмечает Л. Б. Козьмина (Козьмина, 2013), в зарубежной и отечественной психологии к настоящему времени исследованы факторы психологического благополучия личности, предложены его модель (К. Рифф), структура (К. Рифф, П. П. Фесенко, Т. Д. Шевеленкова), обнаружены его связи с осмысленностью жизни (П. П. Фесенко), ценностно-смысловыми образованиями (Р. М. Шамионов), предложена психолого-педагогическая модель его формирования (О. А. Идобаева).

Личностные ресурсы — это все индивидуально-психологические характеристики личности, которые в той или иной мере в разных условиях способствуют решению трудных жизненных ситуаций и формированию ощущения благополучия. Состав личностных ресурсов включает разнообразные свойства, черты и установки личности, оказывающие влияние на регуляцию поведения в напряженных ситуациях жизнедеятельности и отраженные в качествах самоконтроля, самооценки, в чувстве собственного достоинства и мотивации. Среди личностных ресурсов можно выделить такие качества и свойства, как оптимизм, самоэффективность, жизнестойкость, саморегуляция, самоотношение, самоорганизация и др.

Работы, посвященные выработке комплексной модели исследования психологического благополучия студентов и личностных ресурсов, способствующих его формированию, в настоящее время практически отсутствуют. Среди исследований, рассматривающих отдельные аспекты личностных ресурсов студентов, можно выделить работы о динамике личной самоэффективности у студентов (Гайдар, 2008), об особенностях жизнестойкости студентов (Логинова, 2010), о специфике самоотношения студентов-медиков (Церковский, 2010), взаимосвязи переживания счастья и перфекционизма у студентов при разном уровне академической успеваемости (Карловская, Сысоева, 2009).

Вместе с тем комплексная модель исследования психологического благополучия студентов и личностных ресурсов должна содержать в себе как обобщенное описание личностных ресурсов, способствующих или препятствующих формированию психологического благополучия, так и конкретизацию этих ресурсов личности применительно к специфике соответствующей категории членов общества — студентам.

Цель исследования: изучение личностных ресурсов психологического благополучия студентов.

Основная гипотеза исследования: у студентов медицинского вуза более высокие показатели таких личностных ресурсов, как самоорганизация, самоотношение, самоэффективность, жизнестойкость и перфекционизм, связаны с более высокими значениями общего уровня психологического благополучия.

Задачи исследования:

1. Оценить и сравнить параметры и уровень психологического благополучия студентов медицинского вуза (1-го и 6-го курсов).
2. Оценить и сравнить параметры личностных ресурсов студентов медицинского вуза (1-го и 6-го курсов).
3. Изучить взаимосвязи уровня психологического благополучия и личностных ресурсов студентов медицинского вуза.
4. Определить вклад личностных ресурсов (самоорганизации деятельности, самоотношения, самоэффективности, жизнестойкости и перфекционизма) в психологическое благополучие студентов медицинского вуза.

Объект исследования: студенты медицинского вуза (1-го и 6-го курсов лечебного факультета).

Предмет исследования: особенности самоорганизации деятельности, самоотношения, самоэффективности, жизнестойкости, перфекционизма и психологического благополучия студентов медицинского вуза (1-го и 6-го курсов).

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняло участие 108 студентов медицинского вуза (дневного отделения, лечебного факультета Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И. П. Павлова). Все учащиеся приняли участие в исследовании добровольно. Исследование проводилось осенью 2013 г. Среди респондентов: студенты 1-го курса — 48 человек (44 %); студенты 6-го курса — 60 человек (56 %). Средний возраст студентов 1-го курса составлял 18,3 года, студентов 6-го курса — 23,5 лет. Достоверные отличия по полу и количеству участников исследования отсутствовали.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для решения поставленных задач были использованы следующие методики: для исследований благополучия — опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, адаптированный Т. Д. Шевельковой, П. П. Фесенко, для исследования личностных ресурсов — «Опросник самоорганизации деятельности» Е. Ю. Мандриковой, методика исследования самоотношения С. Р. Пантелеева (МИС), «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта в адаптации И. Грачевой, шкала общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В. Ромека, тест жизнестойкости в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой.

В соответствии с целями и задачами исследования нами были использованы следующие математические методы анализа: расчет первичных статистик, сравнение средних значений (t -критерий Стьюдента для независимых выборок, U -критерий Манна — Уитни), корреляционный анализ (r -критерий Пирсона, r -Спирмена), регрессионный анализ, кластерный анализ, дискриминантный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведенный анализ показателя общего уровня благополучия позволил выделить **три группы студентов, соответствующих низкому, среднему и высокому уровню благополучия**. Большинство, а именно 77 % студентов, характеризовалось средним уровнем благополучия, 13 % студентов демонстрировали низкий уровень благополучия, высокий уровень благополучия наблюдался у 9 % студентов.

Сравнительный анализ средних значений для студентов 1-го и 6-го курсов выявил, что уровень общего психологического благополучия у студентов 6-го курса выше ($M = 352,36 \pm 41,83$), чем у студентов 1-го курса ($M = 322,31 \pm 61,78$), при высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$). Сравнение компонентов благополучия у студентов 1-го и 6-го курсов медицинского вуза показывает, что все компоненты благополучия у студентов 6-го курса выше, чем у студентов 1-го курса, при этом несколько компонентов выше на уровне статистической значимости («компетентность»: 1-й курс — $M = 53,02 \pm 1,70$, 6-й курс — $M = 58,48 \pm 1,07$, $p = 0,006$; «личностный рост»: 1-й курс — $M = 56,26 \pm 1,67$, 6-й курс — $M = 62,91 \pm 1,04$, $p = 0,001$; «цели в жизни»: 1-й курс — $M = 54,63 \pm 1,76$, 6-й курс — $M = 61,65 \pm 1,24$, $p = 0,001$).

Исследование личностных ресурсов студентов медицинского вуза показывает, что все ресурсы, кроме перфекционизма, находятся на среднем уровне выраженности. У студентов медицинского вуза низкие значения общего уровня перфекционизма ($M = 184,34 \pm 32,45$), перфекционизма, ориентированного на себя ($M = 68,65 \pm 16,49$), и перфекционизма, ориентированного на других ($M = 56,69 \pm 13,52$), и средний уровень социально предписанного перфекционизма ($M = 59,01 \pm 13,45$).

Статистически значимые различия между 1-м и 6-м курсами были выявлены в отдельных показателях: «вовлеченность» (компонент жизнестойкости), который выше у студентов 6-го курса (1-й курс — $M = 31,79 \pm 1,32$ и 6-й курс — $M = 35,57 \pm 1,22$; $p \leq 0,05$), чем у студентов 1-го курса. У студентов 6-го курса ($M = 71,47 \pm 1,88$) перфекционизм, ориентированный на себя, выше, чем у студентов 1-го курса ($M = 65,13 \pm 2,62$) на уровне статистической значимости ($p \leq 0,05$). У студентов 6-го курса ($M = 32,35 \pm 0,64$) оценка собственной самоэффективности выше, чем у студентов 1-го курса ($M = 30,50 \pm 0,53$) на уровне статистической значимости ($p \leq 0,05$).

В результате корреляционного анализа между переменными — **«Общий уровень благополучия»** и **«Личностные ресурсы»** — были обнаружены статистически значимые взаимосвязи. У студентов медицинского вуза с высокими показателями по таким личностным ресурсам, как «общий уровень организации деятельности и жизнестойкости», «целеустремленность», «контроль», «принятие риска», «перфекционизм ориентированный на себя», «саморуководство» и «самоуверенность», наблюдается статистически значимая ($p \leq 0,01$) тенденция к высокому уровню общего благополучия, и наоборот.

Для уточнения степени влияния личностных ресурсов на психологическое благополучие был проведен множественный регрессионный анализ. В качестве зависимой переменной выступил общий показатель психологического благополучия. В качестве независимых переменных выступали изучаемые в работе личностные ресурсы (самоорганизация деятельности, самоотношение, самоэффективность, жизнестойкость и перфекционизм).

Полученная регрессионная модель объясняет более 48 % дисперсии переменной «психологическое благополучие» (R^2 в 5-й модели равен 0,480), т. е. результаты предсказания могут быть приняты во внимание.

R-коэффициент множественной корреляции 0,69 свидетельствует о взаимосвязях умеренного, среднего уровня.

Наибольшей прогностической ценностью обладают параметры: «перфекционизм, ориентированный на себя» (β -коэффициент 0,419) и «принятие риска» (β -коэффициент 0,301). В меньшей степени определяют изменчивость уровня психологического благополучия показатели «целеустремленность» (β -коэффициент 0,251), «перфекционизм, ориентированный на других» (β -коэффициент $-0,183$) и «саморуководство» (β -коэффициент 0,173).

Для выявления личностных особенностей студентов медицинского вуза, имеющих высокий или низкий уровень психологического благополучия, был проведен кластерный анализ, а в последующем для выявления личностных особенностей, которые вносят наибольший вклад в разделение студентов на группы «благополучные студенты» и «неблагополучные студенты», был проведен дискриминантный анализ.

На первом этапе в результате проведения кластерного анализа студенты медицинского вуза (1-го и 6-го курсов) были отнесены к двум непересекающимся кластерам. Результаты дальнейшего дисперсионного анализа продемонстрировали, что все показатели благополучия у студентов, входящих в выделенные кластеры, статистически значимо различаются. Студенты, входящие в кластер 1, имеют более высокие оценки по всем показателям благополучия. В связи с этим кластер 1 был назван «благополучные студенты», а кластер 2 — «неблагополучные студенты».

На втором этапе для выявления личностных особенностей, которые вносят наибольший вклад в разделение студентов на группы «благополучные студенты» и «неблагополучные студенты», был использован дискриминантный анализ. Все переменные, вошедшие в уравнение, имеют достаточный уровень толерантности (выше 0,1) и значения F-критерия, превышающие пороговое значение. В табл. 1 показаны корреляции между дискриминантной функцией и каждой из переменных. Переменные упорядочены по абсолютной величине корреляции. Умеренные корреляции между дискриминантной функцией обнаружены со следующими показателями: принятие риска, целеустремленность, саморуководство.

Таблица 1. Структурная матрица

ПЕРЕМЕННЫЕ	ФУНКЦИЯ
	1
Принятие риска	0,537
Жизнестойкость а	0,436
Целеустремленность	0,425
Саморуководство	0,363
Самоуверенность а	0,359
Контроль а	0,302
Общий уровень организации	0,294
Осмысленность жизни	0,270
вовлеченность а	0,243
Фиксация а	0,237
Самоорганизация	0,214
Самообвинение	$-0,212$
Самоотношение а	0,189
Настойчивость а	0,136
Ориентация на настоящее а	$-0,134$
Конфликтность	$-0,114$
Закрытость	0,106
Планомерность а	0,074
Самопривязанность а	0,073
Самозффективность	0,072
Самопринятие	$-0,008$
Объединенные внутригрупповые корреляции между дискриминантными переменными и нормированными каноническими дискриминантными функциями.	
Переменные упорядочены по абсолютной величине корреляций внутри функции.	
а — переменная не используется в анализе.	

В табл.2 приведены нормированные коэффициенты канонической дискриминантной функции. Нормированные коэффициенты показывают относительный вклад, который вносят переменные в разделение студентов на группы. Таким образом, качества «целеустремленность», «самоорганизованность», «принятие риска», «саморуководство» вносят наибольший вклад в разделение на группы благополучных и менее благополучных студентов (а значит, и в изменение уровня благополучия).

Таблица 2. Нормированные коэффициенты дискриминантной функции

ПЕРЕМЕННЫЕ	ФУНКЦИЯ 1
Целеустремленность	0,671
Самоорганизация	0,445
Принятие риска	0,568
Самозффективность	-0,382
Закрытость	-0,424
Саморуководство	0,534
Самоосмысленность	0,302
Самопринятие	-0,335
Внутренняя конфликтность	0,395
Самообвинение	-0,409

В 79 % сгруппированные наблюдения классифицированы правильно, что в свою очередь подтверждает высокую прогностическую способность выделенных качеств предсказать уровень благополучия, следовательно, при заданном наборе дискриминантных переменных точность классификации составляет 79 %.

Анализируя процентное соотношение благополучных и неблагополучных студентов, можно сказать, что большинство студентов относятся к группе благополучных студентов (63 %).

Анализируя состав благополучных студентов, можно констатировать, что в нем больше студентов 6-го курса (1-й курс: 37 % благополучных студентов; 6-й курс: 63 % благополучных студентов), больше девушек, чем юношей (24 % юношей и 39 % девушек), больше студентов, которые не создали своей семьи (семья имелась только у 5 % респондентов), трудовой деятельностью занималось 30 %, таковой не было у 36 % студентов, при этом у значительной части студентов данного кластера было хобби (52 % студентов имели хобби, 11 % студентов его не имели), и они не родились в Санкт-Петербурге (22 % студентов родились в Санкт-Петербурге, 43 % — нет).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование свидетельствует, что студенты медицинского вуза оценивают себя как независимых и достаточно самостоятельных людей, не следующих слепо указаниям общества, а пропускающих их через собственную оценку, способных регулировать свое поведение. В целом студенты 6-го курса оценивают свое функционирование более позитивно — как более самостоятельных и независимых, чем студенты 1-го курса. Предположительно, это связано с непосредственным выбором специализации в будущей деятельности и с достаточно высокой заинтересованностью будущей профессией. Развитие данного компонента увеличивает удовольствие от собственной деятельности, а следовательно, снижает эмоциональное выгорание.

Для студентов медицинского вуза не характерны наличие высоких стандартов, стремление к труднодостижимым целям и высоким результатам, что может быть обусловлено высоким уровнем критического отношения к себе в связи с высокими требованиями, предъявляемыми самой профессией врача и обучением в медицинском вузе. Однако при высоких навыках тактического планирования и стратегического целеполагания, навыков структурирования деятельности, самоорганизации, жизнестойкости, ощущении, что они сами выбирают свою деятельность, свой путь, убежденности в том, что все случающееся способствует их развитию, при повышении готовности ставить перед собой грандиозные цели и прикладывать усилия для их достижения, ощущении самих себя способными оказывать сопротивление внешним влияниям, возможности сопротивляться судьбе, ощущений контроля над эмоциональными реакциями, ощущений силы

собственного «Я» и своей компетентности, среди студентов медицинского вуза наблюдалась тенденция к возрастанию субъективного самоощущения целостности и осмысленности своей жизни.

Группу благополучных студентов медицинского вуза можно описать следующим образом. Благополучный студент медицинского вуза — это предъявляющий к себе высокие требования, умеющий планировать свою деятельность и жизнь, воспринимающий себя как индивидуальность, уважающий себя, воспринимающий жизнь как приобретение опыта, смелый, самостоятельный, воспринимающий собственную индивидуальность человек.

Практическая ценность работы заключается в том, что формируя и развивая у студентов такие личностные ресурсы, как самоорганизация деятельности (целеустремленность, самоорганизованность), жизнестойкость (принятие риска) и самоотношение (саморуководство), которые вносят наибольший вклад в разделение студентов на группы «благополучных» и «неблагополучных», можно повысить уровень их психологического благополучия, а значит, повысить эффективность овладения компетенциями и соответственно сформировать из студента медицинского вуза будущего врача-профессионала.

ВЫВОДЫ

1. Установлено, что большинство студентов медицинского вуза характеризуются средним уровнем благополучия. Все компоненты благополучия у студентов 6-го курса выше, чем у студентов 1-го курса, при этом несколько компонентов (компетентность, личностный рост, цели в жизни) выше на уровне статистической значимости.

2. Личностные ресурсы — самоорганизация деятельности, жизнестойкость, самоотношение, самоэффективность у студентов медицинского вуза характеризуются средним уровнем выраженности, а показатели перфекционизма — на низком. Личностные ресурсы — вовлеченность, самоэффективность, перфекционизм, ориентированный на себя, у студентов 6-го курса выше, чем у студентов 1-го курса, на статистическом уровне значимости.

3. Для построения прогноза величины общего уровня психологического благополучия студентов медицинского вуза наиболее важными оказались личностные ресурсы — перфекционизм, ориентированный на себя, принятие риска, целеустремленность, перфекционизм, ориентированный на других, саморуководство.

4. Личностные качества вносят в разделение студентов на группы «благополучных» и «неблагополучных» студентов высокий процент (79 %). Качества «целеустремленность», «самоорганизованность», «принятие риска», «саморуководство» вносят наибольший вклад в разделение студентов на группы и в изменение уровня благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайдар М. И. Динамика личностной самоэффективности студентов психологов в период обучения в вузе // Изв. Волгоградск. пед. ун-та. Сер. Педагогические науки. 2008. № 9(33). С. 264–268.
2. Грачева И. И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 6. С. 73–80.
3. Идобаева О. А. К вопросу о психолого-педагогической модели формирования психологического благополучия личности // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. 2013. № 7(667). С. 93–101.
4. Карловская Н. Н., Сыроева А. С. Взаимосвязь переживания счастья и перфекционизма у студентов с разным уровнем академической успеваемости // Вестн. Омск. гос. ун-та. 2009. № 2. С. 4–14.
5. Козьмина Л. Б. Самоотношение и самооценка как предикторы психологического благополучия у студентов медиков // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 1(17). С. 193–197.
6. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М., 2006.
7. Логинова М. В. Психологическое содержание жизнестойкости личности студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
8. Мандрикова Е. Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87–111.
9. Пантелеев С. Р. Методика исследования самоотношения. М., 1993.
10. Фесенко П. П. Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности: дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
11. Церковский А. Л. Особенности самоотношения студентов-медиков // Вестн. Воронеж. гос. мед. ун-та. 2010. № 1. С. 171–176.

12. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие и ценностно-смысловые образования личности в профессиональной сфере // Известия Саратовск. гос. ун-та. Нов. сер. Философия. Психология. Педагогика. 2006, № 1–2. С. 104–109.
13. Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самоэффективности // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–76.
14. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Методика исследования психологического благополучия личности. М., 2005.
15. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методологическое исследование) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–130.
16. Ryff C. D. Psychological well-being in adult life // Current Directions in Psychological Science. 1995. Vol. 4. P. 99–104.

К. С. МИХАЛЬЧЕНКО, Я. А. ЛЕДОВАЯ, И. А. ГОРБУНОВ

e-mail: k.mihalchenko@mail.ru; y.ledovaya@spbu.ru; jeangorbunov@gmail.com

Магистерская программа «Общая психология и психология личности»

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ МОЗГА В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ МЕТАФОР РАЗНЫХ ТИПОВ*

В работе рассматриваются характеристики спектральной мощности и когерентности ЭЭГ в процессе понимания выражений, содержащих и не содержащих метафоры. Была задействована факторная модель дизайна с четырьмя условиями: варьировалась степень сложности метафор (предъявлялись «простые» и «сложные» метафоры) и метафоричность (предъявлялись «метафоры» и «неметафоры»).

В основном исследовании приняли участие 34 студента факультета психологии СПбГУ (5 мужчин и 29 женщин), средний возраст испытуемых — 21 год.

В ЭЭГ применяли 19 монополярных отведений, расположенных по международной схеме 10–20% симметрично.

Основные гипотезы: 1) функциональное состояние мозга в процессе понимания метафор отличается от функционального состояния в процессе понимания неметафор, 2) функциональное состояние мозга в процессе понимания сложных метафор отличается от функционального состояния в процессе понимания простых метафор.

В целом гипотезы исследования подтвердились. Понимание метафор преимущественно сопровождается незначительным увеличением когерентности в левом полушарии, а понимание неметафор — в правом. Также можно говорить о попеременном включении медленноволновой и быстроволновой активности в процессе понимания вербальных выражений. Функциональное состояние мозга в процессе понимания «простых» метафор отличается от функционального состояния мозга в процессе понимания «сложных» метафор: в условиях нашей экспериментальной процедуры последние задействуют меньше ресурсов мозга. Это проявляется в увеличенной спектральной мощности. При этом процесс понимания «сложных» метафор сопровождается большим количеством когерентных связей в целом, а в частности — большим количеством межполушарных связей. Понимание «простых» метафор сопровождается увеличением когерентных связей в лобных отделах мозга.

Ключевые слова: концептуальная метафора, функциональное состояние мозга, анализ спектров ЭЭГ, анализ когерентностей ЭЭГ.

FUNCTIONAL BRAIN STATES DURING VARIOUS TYPES OF METAPHORS COMPREHENSION

The paper describes the power spectra of EEG and coherence during the process of metaphorical and non-metaphorical expressions' comprehension. Two independent variables with two levels each ("metaphoricity" and "complexity") were manipulated ("primary" and "complex" metaphors were presented, as well as metaphors and non-metaphors. The stimuli design was borrowed from C. Lachaud (Lachaud, 2013).

The participants were the 34 students of the Department of Psychology of St. Petersburg State University (29 women), mean age 21 years. We used 19 monopolar leads EEG (10–20).

The main hypotheses were: 1) functional brain state during metaphors' comprehension differs from the functional brain state during non-metaphors' comprehension, 2) functional brain state during complex metaphors' comprehension differs from the functional brain state during primary metaphors' comprehension.

Overall, the hypotheses were confirmed. It can be argued that complex metaphors' comprehension is mostly accompanied by an increase of coherence in the left hemisphere, and non-metaphors' comprehension is mostly accompanied by a slight increase of coherence in the right hemisphere. We also observed the alteration of slow and high frequency bands activity in the process of comprehension of the verbal expressions. The functional brain state during the process of primary and complex metaphors' comprehension does differ: the latter involves less brain resources taking into consideration the task of the current study. This could be revealed via the increase in the power spectra. At the same time the complex metaphors comprehension is accompanied with the larger amount of coherence in general, and in particular — in the increase of interhemispheric connections. Primary metaphors comprehension involves frontal lobes coherence increase.

Keywords: conceptual metaphor, functional brain state, spectra of EEG, EEG coherence.

* Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 8.38.303.2014.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Подход к изучению метафоры как неосознаваемого инструмента мышления человека, механизма осмысления сложных, чаще всего абстрактных, понятий, активно развивается разными областями когнитивной науки. Начиная с 80-х годов XX в. можно проследить качественные изменения в подходе к изучению понятия «метафора» от чисто лингвистического до лингвопсихологического и лингвопсихофизиологического подходов.

Впервые важная роль метафоры была описана в работах когнитивных лингвистов (G. Lakoff, R. Gibbs, J. Grady). Джорджем Лакоффом, автором теории концептуальной метафоры и основоположником этого направления, было сформулировано, на наш взгляд, наиболее точное определение метафоры как «понимания и переживания сущности одного вида в терминах сущности другого вида» (Лакофф, Джонсон, 2008, с. 27).

Фундаментальное понятие теории концептуальной метафоры — «mapping», или «когнитивное отображение» (проецирование), — обозначает метафорическое соответствие между двумя тесно связанными смысловыми и языковыми структурами — «целью» и «источником». «Источник» — это конкретное знание, которое человек получает в процессе непосредственного взаимодействия с действительностью. «Цель» — более абстрактное знание. Механизм метафоризации заключается в том, что область *цели* (например, достаточно абстрактного понятия «спор») становится понятным («структурируется») по образцу *источника* (конкретного понятия «война»). Таким образом, Дж. Лакофф подчеркивает мысленную связь, создаваемую человеком между так называемыми *базовыми понятиями*, имеющими сенсорно-перцептивную природу и формирующимися в процессе взаимодействия с окружающим миром (например, «пространство», «предмет», отношения «верх-низ» и «внутри-снаружи»), и более *абстрактными, или недоступными напрямую наблюдению понятиями* (например, «время», «любовь», «счастье» или «несчастье»), которые осмысляются нами на основании базовых понятий (Лакофф, Джонсон, 2008, с. 27).

Среди различных классификаций концептуальных метафор выделим одну, уточняющую и дифференцирующую понятия, введенные Дж. Лакоффом. Согласно идеям, развиваемым лингвистом Р. Гиббсом (ссылающийся во многом на Дж. Грейди, бывшего аспиранта Дж. Лакоффа (Grady, 1997)), существуют:

- *первичные* (primary) или «универсальные» концептуальные метафоры, укорененные в сенсомоторном опыте человека, являющиеся метафорами к базовым понятиям, и
- *сложные* (complex) метафоры, являющиеся метафорами к абстрактным понятиям, состоящие из двух и более объединенных в единую концептуальную структуру «универсальных» метафор («как молекула состоит из атомов») (Gibbs, 2006).

Р. Гиббс показывает, что для «простых» (первичных) метафор в языке существуют специальные языковые выражения: «трудности — это тяжести», «позитивные эмоции — это тепло» и т. п. («difficulties are burdens», «affection is warmth»). Первичные метафоры объединяются в более крупные сложные метафоры (по Дж. Лакоффу, их и принято считать концептуальными метафорами), иллюстрируемыми выражениями типа «теории — это здания» (Gibbs, 2010, p. 117). Данная классификация важна для постановки гипотез эмпирической части данной работы.

В современной психофизиологии делаются попытки найти нейрональные основы работы указанного механизма. Дж. Грейди, автор главы «Metaphor» в учебнике «The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics» (Grady, 2010), говорит о том, что поиск нейробиологических коррелятов для наблюдаемых психологических феноменов (в том числе метафоры) является одной из наиболее «привлекательных» областей исследований в XXI в.

Исследования когнитивных лингвистов нередко упоминаются нейрофизиологами А. Дамасио и Дж. Эдельманом. В последние годы в сотрудничестве с нейрофизиологами и математиками университета Беркли Дж. Лакофф начал разрабатывать материалистическое, описываемое в терминах мозговых процессов, понимание смысла метафорического проецирования («The Cascade theory of metaphor»): он предлагает рассматривать метафорическое проецирование на уровне мозговых связей: нервные ансамбли, обеспечивающие мозговую репрезентацию «понятий-источников» и «понятий-целей» в буквальном смысле становятся связанными друг с другом (Lakoff, 2008, Lakoff, David, 2013).

Нам представляется, что совмещение подходов и методов психофизиологов и когнитивных лингвистов позволит более точно описать совокупную природу механизма концептуальной метафоры и подчеркнуть его значимость для формирования системы сложных абстрактных понятий абстрактного мышления

в целом. Кроме того, важно не упускать из виду психологическую природу работы этого механизма: в имеющейся литературе не хватает эмпирических исследований, направленных на проверку психологических (операционализированных на уровне оперирования различными образами и / или ментальными репрезентациями) и психофизиологических (операционализированных на уровне различий в работе разных отделов коры больших полушарий, регистрирующихся, в частности, при помощи ЭЭГ) оснований для описания механизма концептуальной метафоры.

В 2013 г. в Норвегии было опубликовано исследование «Концептуальные метафоры и телесные феномены в познании: различия ЭЭГ-когерентности активности мозга в процессе понимания простых и сложных метафор» (Lachaud, 2013). Авторы берут за основу типологию метафор Р. Гиббса (Дж. Грейди) — разделение на «простые/первичные» и «сложные» метафоры — и фиксируют ЭЭГ у испытуемых в процессе их понимания, проверяя факт понимания посредством реакции испытуемых на контрольные слова, релевантные и нерелевантные предъявлявшимся метафорическим и неметафорическим, а также «простым» и «сложным» выражениям. Данная работа вдохновила нас на попытку исследования концептуальной метафоры при помощи метода ЭЭГ аналогичным способом, но на материале русскоязычных метафор.

Вслед за коллегами из Норвегии мы предполагаем, что если лингвистическое разделение метафор на «простые» и «сложные» обусловлено психофизиологически (т. е. связано с разными паттернами мозговой активности при обработке (понимании)), то «сложные» метафоры (предположительно онтогенетически более поздно сформированные) должны вызывать в процессе понимания синхронизацию многих и более далеко расположенных отделов мозга (вовлекать больше функциональных структур для обработки, согласно идеям структурно-функционального подхода). В то же время «простые» метафоры должны вызывать большую синхронизацию близкорасположенных структур (предположительно, будут задействованы речевые, моторные и премоторные зоны в левом полушарии) по сравнению со «сложными» метафорами. Что касается неметафорических выражений, необходимых для контроля, то буквальные по смыслу предложения, предположительно, должны сопровождаться большей синхронизацией отделов левого полушария — такая картина свойственна обработке обычной вербальной информации.

Метод анализа когерентностей, помимо распространенного метода анализа спектров, мы считаем наиболее оптимальным методом для проверки наших предположений.

Цель исследования: обнаружить психофизиологические (в показателях спектральной мощности и когерентности ЭЭГ) и психологические (в поведенческих показателях выбора релевантного смыслу выражения контрольного контекстного слова) основания для выделения «простых» и «сложных» концептуальных метафор (в терминах лингвистической классификации Дж. Грейди и Р. Гиббса), а также обнаружить психологические и психофизиологические основания для лингвистического разделения метафорических и неметафорических словесных выражений.

Задачи исследования:

1. Анализ литературы по проблематике исследования концептуальной метафоры и психофизиологических исследований коррелятов мыслительных процессов.
2. Подготовка исследования: формирование и оценка стимульного материала, создание экспериментальной процедуры.
3. Проведение исследования: интеллектуальное тестирование, затем эксперимент с одновременной фиксацией ЭЭГ в процессе понимания смысла метафор разных типов.
4. Первичная и вторичная обработка данных.
5. Анализ результатов, построение на их основе целостной картины психологических и психофизиологических механизмов понимания метафор разных типов.

Гипотезы:

1. Процесс понимания «простой» метафоры отличается с точки зрения функционального состояния мозга от процесса понимания «сложной» метафоры по показателям спектральных мощностей и когерентностей в различных диапазонах.
2. Процесс понимания метафор отличается с точки зрения функционального состояния мозга от процесса понимания неметафор по показателям спектральных мощностей и когерентностей в различных диапазонах.

Предмет исследования: различия в характеристиках функционального состояния мозга (спектральные мощности и когерентности) в процессе понимания выражений, содержащих «простые» и «сложные» метафоры, а также буквальные (неметафорические) выражения.

Объект исследования: спектральные мощности и когерентности ЭЭГ, полученные в процессе понимания выражений, содержащих «простые» и сложные «метафоры», а также буквальные (неметафорические) выражения.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 34 человека (из них 5 мужчин и 29 женщин) — студенты 3-го курса факультета психологии, с нормальным или скорректированным до нормального зрением, свободно владеющие русским языком. Возраст: от 18 до 28 лет (средний возраст испытуемых — 21 год). Большинство испытуемых обладали средними и высокими показателями мышления (по показателям теста «Стандартные прогрессивные матрицы» Дж. Равена).

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Психологические методы — экспериментальная процедура, моделирующая восприятие и понимание выражений, содержащих «простые» и «сложные» метафоры, а также содержащих неметафорические выражения; фоновые замеры показателей мышления (тест Дж. Равена «Стандартные прогрессивные матрицы»); экспертная оценка контрольных слов стимульного материала с точки зрения понятийной точности, уровня понятийной обобщенности и семантической близости.

2. Психофизиологические методы — регистрация ЭЭГ в процессе понимания вышеописанных выражений, содержащих «простые» и «сложные» метафоры, а также содержащих неметафорические выражения; анализ спектров; анализ когерентностей.

3. Методы математической обработки — многомерный дисперсионный анализ (MANOVA) с повторными измерениями (с применением апостериорного критерия попарных сравнений Post Hoc (LSD Фишера)); многомерный дисперсионный анализ (MANOVA) с повторными измерениями (с применением апостериорного критерия попарных сравнений Post Hoc (LSD Фишера)); корреляционный анализ оценок стимульного материала, данных экспертами (r -критерий Спирмена).

ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

В структуре стимульного материала варьировались две характеристики:

- 1) метафоричность (предъявлялись метафорические и буквальные выражения);
- 2) сложность («простая» / «сложная» метафора).

Таким образом, была реализована факторная модель дизайнера с четырьмя экспериментальными условиями: а) «простая» метафора, б) «сложная» метафора, в) буквальное контрольное значение для «простой» и для «сложной» метафоры.

Примеры стимульного материала: 1) «простая» метафора: «У нас сложились теплые взаимоотношения» (контрольное слово — «душевность»); соответствующая ей «буквальная» фраза: «В Испании теплые ночи» (контрольное слово — «климат»); 2) «сложная» метафора: «Его телефон сел» (контрольное слово — «энергия»); «буквальная» фраза: «Пес сел у двери» (контрольное слово — «поза»).

Таким образом в качестве стимульного материала исследования было использовано 84 выражения-стимула (4 из которых были пробными).

Эксперимент проводился на базе учебной лаборатории психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета.

ЭЭГ регистрировали на компьютерном энцефалографе Мицар-ЭЭГ-202-1. Применяли 19 монополярных отведений, расположенных по международной схеме 10–20 % симметрично ($Fp1$, $Fp2$, $Fp3$, $Fp4$, $F7$, $F8$, $C3$, $C4$, Fz , Cz , Pz , $T3$, $T4$, $T5$, $T6$, $P3$, $P4$, $O1$, $O2$). В качестве референтного использовали усредненный потенциал с двух ушных электродов.

Для контроля функционального состояния записывалась фоновая ЭЭГ в два периода — 30 секунд с открытыми глазами и с закрытыми глазами в начале и конце исследования.

Данные записывались в режиме реального времени, а также с помощью программы WinEEG.

Предъявление стимульных заданий и ведение протокола ответов осуществлялось с помощью программы PsychoPy v1.81 на компьютере с операционной системой Windows.

Все стимулы предъявлялись на экране компьютера с диагональю 1440 x 900, на сером фоне.

ПРОЦЕДУРА

После предъявления инструкции, а также серии из 4 пробных заданий предъявлялись 80 основных заданий в следующем порядке (см. рис. 1):

- 1) 500 миллисекунд — фиксационный крест;
- 2) 5 секунд — выражение, содержащее или не содержащее метафору;
- 3) 500 — миллисекунд фиксационный крест;
- 4) 4 секунд — контрольные слова;
- 5) предложение осуществить выбор между двумя контрольными словами.

Нажатием на одну из клавиш (стрелки «вправо/влево») испытуемый обозначал свой выбор.

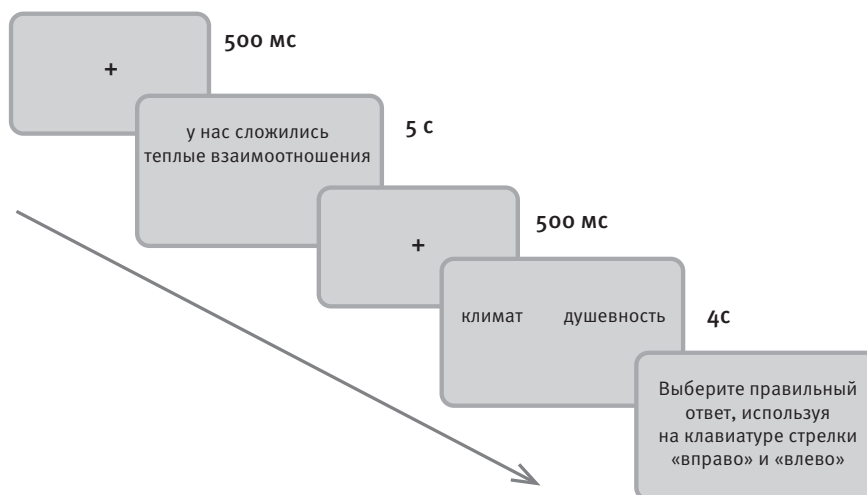

Рис. 1. Последовательность предъявления стимулов

Для анализа были взяты первые 5 секунд с момента предъявления стимульного выражения. Суммарно статистическая обработка производилась по 5440 замерам (в двух вариантах монтажа).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты спектрального анализа

С использованием многомерного многофакторного дисперсионного анализа (MANOVA) и апостериорного критерия попарных сравнений Post Hoc (LSD Фишера) было обнаружено совместное влияние факторов «метафоричность» и «сложность» на мощность ЭЭГ в целом ($F = 4,56012$, $p = 0,032915$). Это значит, что спектральная мощность ЭЭГ в процессе решения вербальных задач меняется в зависимости от типа стимула. Количественно эти изменения представлены на рис. 2.

Таким образом, мы можем наблюдать:

- самые высокие значения спектральной мощности ЭЭГ в процессе понимания «сложных» метафор;
- самые низкие значения спектральной мощности в процессе понимания «простых» метафор;
- средние значения спектральной мощности в процессе понимания неметафор, как «простых», так и «сложных» (что показывает их однородность в терминах ЭЭГ и принадлежность к одной категории в психологическом смысле).

Результаты анализа когерентностей

С использованием многомерного многофакторного дисперсионного анализа (MANOVA) и апостериорного критерия попарных сравнений Post Hoc (LSD Фишера) были получены достоверно значимые результаты в высокочастотных ритмах альфа и бета-1.

Было обнаружено совместное влияние факторов «метафоричность» и «сложность» на высоком уровне значимости ($F = 1,3354$; $p = 0,002282$) в α -диапазоне. Характер влияния уточнялся с помощью апостериорного критерия попарных сравнений Post Hoc (LSD Фишера).

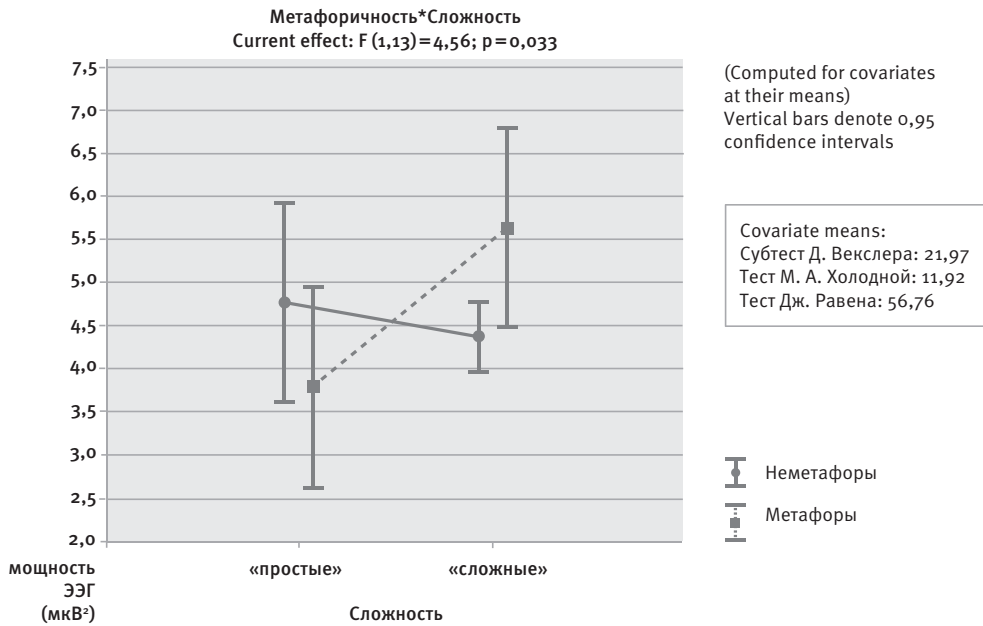

Рис. 2. График изменения спектральной мощности в зависимости от типа стимула

На рис. 3 представлены различия в когерентностях в α -диапазоне. Стрелки на изображении поверхности головы (вид сверху) на рис. 3 и 4 отображают изменения когерентностей: прямая стрелка — преобладание первого состояния; пунктирная — преобладание второго. Чем больше и темнее стрелка, тем более

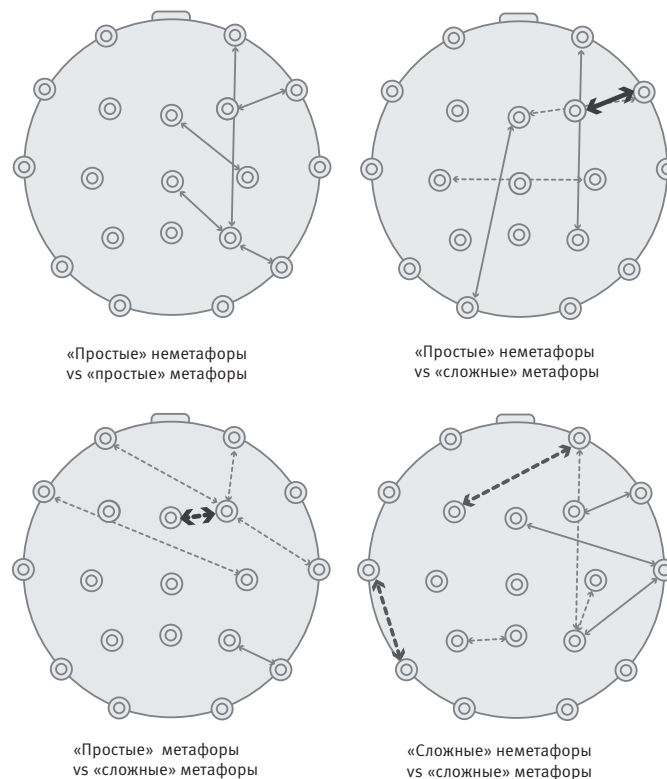

Рис. 3. Когерентные связи в α -диапазоне

высокий уровень значимости различий между когерентностями (в той части коры, которая находится под изображенным электродом).

Рис. 3 иллюстрирует четыре вида соотношений стимулов в зависимости от преобладания когерентностей: 1) «простые» неметафоры и «простые» метафоры; 2) «простые» неметафоры и «сложные» метафоры; 3) «простые» метафоры и «сложные» метафоры; 4) «сложные» неметафоры и «сложные» метафоры.

Приведенные на рис. 3 изображения требуют детального поэтапного качественного анализа. Отметим основные тенденции:

- понимание неметафор сопровождается увеличением когерентностей внутри одного полушария (преимущественно правого), причем это связи между близко расположенными отделами;
- понимание «сложных» метафор отличается как внутриполушарными когерентными связями (преимущественно в левом полушарии), так и межполушарными связями;
- когерентные связи, сопровождающие понимание «сложных» метафор, затрагивают в целом больше отделов коры головного мозга, чем связи, сопровождающие понимание «простых» метафор и неметафор, причем эти связи локализованы преимущественно в центральных и лобных отделах коры головного мозга.

Также было обнаружено совместное влияние факторов «метафоричность» и «сложность» на высоком уровне значимости ($F = 1,2593$; $p = 0,012381$) на когерентности в β -1 диапазоне. Характер влияния уточнялся с помощью апостериорного критерия попарных сравнений Post Hoc (LSD Фишера). Графически результаты представлены на рис. 4.

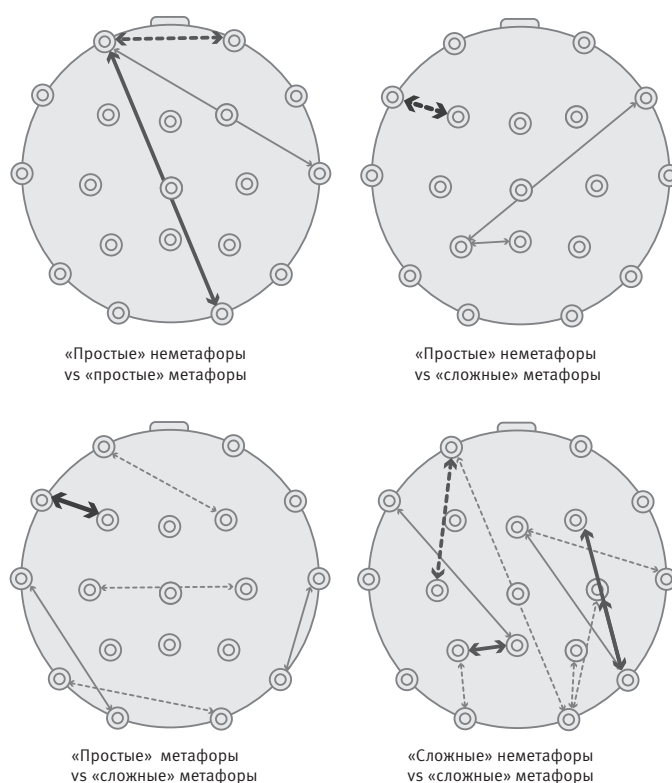

Рис. 4. Когерентные связи в β -1-диапазоне

Основные тенденции, которые можно выделить:

- процесс понимания «сложных» метафор характеризуется наличием преимущественно межполушарных длинных связей;
- процесс понимания «простых» метафор сопровождается образованием коротких когерентных связей в лобных отделах, и они статистически более значимы;
- процесс понимания «сложных» неметафор характеризуется более близкорасположенными связями, в то время как процесс понимания «сложных» метафор — более длинными.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

«Сложные» метафоры

Проведенный спектральный анализ позволил выявить, что процесс понимания «сложных» метафор характеризуется самыми высокими значениями спектральной мощности ЭЭГ в целом по сравнению с процессами понимания других выражений («простых метафор» и неметафор). В свою очередь, когерентный анализ, позволяющий сделать более тонкие заключения о связях между разными структурными отделами коры больших полушарий, выявил следующие особенности, характерные для понимания «сложных» метафор: когерентные связи затрагивают в целом далеко стоящие отделы коры головного мозга, т. е. можно предположить, что процесс обработки (понимания) «сложных» метафор действительно задействует больше функциональных структур в разных полушариях.

Таким образом, у нас есть существенные основания предполагать, что «сложные» метафоры обеспечиваются в процессе своего понимания более сложноорганизованной и широкой нейросетью на уровне высших когнитивных структур мозга (что сопровождается увеличенным уровнем спектральной мощности) по сравнению с другими видами стимульных вербальных выражений («простые» метафоры и неметафоры).

«Простые» метафоры

Самые низкие значения спектральной мощности были зарегистрированы в процессе понимания «простых» метафор. Прослеживается образование связей в лобных отделах головного мозга, однако количество связей значительно меньше и они короче (не затрагивают оба полушария). По результатам когерентного анализа мы наблюдаем снижение когерентности между полушариями по сравнению с процессом понимания «сложных» метафор, а также увеличение когерентностей в префронтальных и премоторных областях коры головного мозга. Такие на первый взгляд противоречивые изменения могут быть связаны с наличием противоречия между простотой и автоматизмом понимания «простых» метафор и сложностью задачи сопоставления с контрольными словами, поставленной перед испытуемым. Видимо, для решения такой задачи происходит перестройка мозговых механизмов, затрагивающих функциональные системы разных уровней. Это реализуется через включение в работу лобных отделов мозга и общую десинхронизацию мозговой активности, отражающуюся в снижении мощности ритмики ЭЭГ. Говоря ненаучным языком, «простые» метафоры оказались самыми «простыми» (и поэтому их включение в экспериментальную задачу решается максимально энергозатратно).

Важная для нас психологическая интерпретация полученных данных, которую мы смогли сформулировать по итогам работы с литературой, анализа и обсуждения результатов, получив возможность взглянуть на общую картину проведенного исследования и его контекст, заключается, в том, что, возможно, «простые» и «сложные» метафоры, как и предполагали авторы исследования, проведенного в Норвегии, принципиально по-разному обрабатываются реципиентом, — тем, кто воспринимает и понимает их в данных момент. Отличия эти, правда, не только и не столько похожи на то, как и чем «молекула («сложная» метафора) отличается от атома («простой» метафоры)», их суть, на наш взгляд, именно в психологических механизмах работы с ментальными пространствами и ментальными репрезентациями разных типов.

«Простые» метафоры, часто будучи идиомами («В этом году выросли цены»), неделимы по своей структуре, часто употребляются автоматически, в большей степени принадлежат когнитивному бессознательному, их смысл может быть разрушен, если из структуры «простой» метафоры удалить любую из частей. Если же обобщить эти характеристики, можно предположить, что «простая» метафора репрезентирована в психике ее носителей целостно, за ее понимание отвечает разворачивание, скорее всего, одного или двух ментальных пространств, в рамках которых находится достаточно целостный, возможно, даже синкретичный образ. При этом «сложные» метафоры («Многие отмечают, что у моей сестры золотые руки»), на наш взгляд, требуют для своего адекватного понимания построения более чем одного или двух ментальных пространств (отражающих каждое из понятий «сложной» метафоры: «моя сестра», «золото — это ценность», «руки могут “золотыми”, если они умеют делать что-то ценное», и еще одного — объединяющего все названные пространства, — «моя сестра умеет делать что-то исключительное, потому про ее руки можно сказать, что они “золотые”»). И выстраиваемая репрезентация смысла высказывания определенно не может быть синкретичной, поскольку требует удержания и мысленного хорошо отрегулированного манипулирования несколькими отдельными ментальными пространствами. При этом в контексте дизайна нашего исследования каждый испытуемый должен был, читая и понимая экспериментальную фразу, готовиться соотнести ее

с фразой контрольной. На наш взгляд, эта задача несла с собой дополнительную нагрузку. Причем для подобной «обработки» неметафор и «сложных» метафор не было необходимости менять режим психической и мозговой активности (задачи были схожими, определенно вербальными), в то время как для обработки более синкретичного, укорененного в сенсорно-перцептивном опыте («embodied»), «простого» метафорического выражения требовалась более значительная перестройка психической и мозговой активности.

Таким образом, с точки зрения затраты ментальных ресурсов, для понимания «простых» и «сложных» метафор при задаче сопоставления их смысла с контрольной фразой должны требоваться различные по масштабам психические усилия, что должно находить отражение в функциональном состоянии мозга. Данное предположение косвенно может быть сопоставлено с гипотезой нейроэффективности (Neubauer, Fink, 2009; Холодная и др., 2013; Shcherbakova et al., 2014), хотя различия в дизайне экспериментов усложняют возможность этого сопоставления.

Безусловно, наши предположения требуют дальнейшей эмпирической проверки.

ВЫВОДЫ

1. Процесс понимания «сложных» метафор обеспечивается широкоразветвленной нейросетью, затрагивающей межполушарные связи и сопровождаемой большей спектральной мощностью ЭЭГ по сравнению с другими видами стимулов — вербальных выражений («простые» метафоры и неметафоры).

2. Можно сказать, что «простые» метафоры в исследовании оказались самыми «простыми» из всех видов стимулов. При этом переход к более сложной задаче сопоставления ее значения с контрольным словом вызывает большую реорганизацию мозговой деятельности, что отражается в синхронизации близкорасположенных структур, преимущественно префронтальной и премоторной областей левого полушария, что одновременно сопровождается самым низким уровнем спектральной мощности. По-видимому, так может выражаться десинхронизация мозговой активности.

3. Понимание неметафор сопровождается увеличением когерентностей преимущественно в правом полушарии, что противоречит исходному предположению о том, что буквальное по смыслу предложения должны сопровождаться большей синхронизацией отделов левого полушария (такая картина свойственна обработке обычной вербальной информации).

4. Мы выдвинули предположение о том, что на психическом уровне для понимания «простых» и «сложных» метафор, ввиду различий в их структурах и соответственно необходимости построения разных по количеству и сложности ментальных пространств, происходит разная по уровню сложности ментальная работа, что должно приводить к различным по уровню психофизиологических затрат картинам функциональных изменений в головном мозге, которые могут быть зафиксированы с помощью ЭЭГ (в первую очередь — в виде разниц спектральных мощностей).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. 2-е изд. М., 2008.
2. Холодная М. А., Щербакова О. В., Горбунов И. А., Голованова И. В., Паповян М. И. Информационно-энергетические характеристики различных типов когнитивной деятельности // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 5. С. 96–10.
3. Gibbs R. W. Cognitive linguistics and metaphor research: past successes, skeptical questions, future challenges // D. E. L. T. A. (Documentação de Estudos em Lingüística Teórica e Aplicada) 2006. 22, Especial. P. 1–20.
4. Gibbs R. W. Embodiment and Cognitive Science. Cambridge (USA), 2010.
5. Grady J. A typology of motivation for conceptual metaphor: correlation vs. resemblance // Metaphor in Cognitive Linguistics / eds. Raymond W. Gibbs, G. Steen. Philadelphia, 1999. P. 79–100.
6. Grady J. Foundations of meaning: Primary Metaphors and Primary Scenes: doct. diss. University of California. Berkeley, 1997.
7. Grady J. Metaphor // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / eds Dirk Geeraerts and Hubert Cuycens. Oxford (UK), 2010. P. 189–213.
8. Lachaud C. M. Conceptual metaphors and embodied cognition: EEG coherence reveals brain activity differences between primary and complex conceptual metaphors during comprehension // Cognitive Systems Research. 2013. 22–23. P. 12–26.
9. Lakoff G. The Neural Theory of Metaphor // Gibbs R. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Cambridge (UK), 2008. P. 17–38.

10. *Lakoff G., David O.* Wikis, beans and cats: The Cascade Theory of Metaphor // Proceedings of 12th International Cognitive Linguistics Conference. Edmonton (Alberta), Canada. 23–28 June 2013. URL: https://www.ualberta.ca/~iclc2013/ABSTRACTS/Lakoff_et_al.pdf (дата обращения: 12.11.2014).
11. *Neubauer A. C., Fink A.* Intelligence and neural efficiency. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2009. 33. P.1004–1023.
12. *Shcherbakova O. V., Gorbunov I. A., Golovanova I. V., Kholodnaya M. A.* The neural efficiency hypothesis: Further evidence from the EEG study of conceptual thinking // *International Journal of Psychophysiology*. 2014. Vol. 2, N 94. P.218.

А. И. НИКИШИН, Л. В. РЫКМАН

e-mail: alexsandr_nikishin@mail.ru

Магистерская программа «Психология развития и образования»

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ВЫБОРУ ПРОФЕССИИ И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ОСМЫСЛЕННОСТИ ЖИЗНИ

Для изучения уровня профессиональной готовности и мотивационно-личностных характеристик учащихся в группах с разным уровнем осмысленности жизни (ОЖ) и с разным профилем обучения применялись следующие методики: «Смысложизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев), «Профессиональная готовность» (А. П. Чернышская), «Якоря карьеры» (Э. Шейн), «Мотивы выбора профессии» (С. С. Груншпун), «Изучение привлекательности профессионального будущего» (М. И. Гинзбург), анкета оптанта, методика Дж. Холланда, многофакторный опросник Кеттелла, шкалы САМОАЛ.

Обработка данных: частотный анализ, факторный анализ, кластерный анализ, корреляционный анализ, анализ достоверных отличий, описательные статистики.

Результаты: группы с разным уровнем ОЖ отличаются по показателям готовности к выбору профессии и личностным особенностям: ученики с высокими показателями ОЖ имеют сформированную направленность на исследовательскую и конвенциональную сферы деятельности. Они способны формулировать и ставить перед собой конкретные цели. Преобладающим мотивом деятельности является статус и престиж профессии, преобладают оптимистический настрой и заинтересованность в своем профессиональном будущем. Ученики с низкими показателями ОЖ направлены на артистическую и социальную сферу деятельности. Для них характерна ориентация на сам процесс деятельности, а не на конечный ее результат. Они в большей степени проявляют индифферентное отношение к своему профессиональному будущему: не ставят себе долгосрочных целей, акцентируются на целях и задачах ближайшего будущего. Ведущими мотивами выбора профессии являются материальное благополучие и творческий потенциал. Также было установлено, что показатели осмысленности жизни не влияют на уровень профессиональной готовности, но связаны с содержательными характеристиками профессиональной готовности: у большинства учащихся выбор профессии соответствует их профессиональным типам личности, у остальных — соответствует частично или не соответствует. Выбор профиля обучения в школе полностью соответствует интересам учащихся.

Ключевые слова: профессиональный выбор, профессиональная готовность, самосознание, профессиональное самоопределение, осмысленность жизни, профессиональный тип личности, профессиональный план.

PSYCHOLOGICAL WILLINGNESS FOR PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION AND PERSONAL CHARACTERISTICS OF HIGH SCHOOL STUDENTS WITH VARIOUS LEVELS OF LIFE'S COMPREHENSION

In the following research of levels of professional preparedness and motivational and personal features of students within the groups of various levels of life's comprehension and different specializations the measures of Schein's "Career Anchors", "Motivation of professional choice" S. S. Grunshpun, "The study of the professional future's attractiveness" M. R. Ginzburg, "Professional preparedness" A. P. Chernyavskaya, "Life-purpose orientations" D. A. Leontyev, optant's questionnaire, J. Holland's inventory, R. Cattell's multiple-factor questionnaire, scales of SAMOAL were applied.

Data processing: frequency response analysis, factor analysis, cluster analysis, correlation analysis, valid distinctions analysis, descriptive statistics.

Results: The groups with different levels life's comprehension are characterized by various indicators of willingness for professional self-determination and personal features: students with high levels of life's comprehension have formed directivity for investigative and conventional activity. They are capable of defining and establishing goals. The prevailing motivation happens to be status and prestige of profession; optimism and professional future concernment dominate. The students with low level of life's comprehension are focused on artistic and social spheres. The orientation on the process rather than the final result is a peculiar trait for them. They show indifferent attitude towards their professional future to a greater extent: they don't set long-term aims, on the contrary they are focused on the goals and tasks of the near future. The leading motifs for professional choice are material welfare and creative potential. Also it was asserted that indicators of life's comprehension do not affect the level of professional preparedness, but they are connected with conceptual characteristics of professional preparedness: among the majority of students choice of profession corresponds to professional types of personality. The rest of student's professional choice is partly in congruence with professional types of personality or does not match. The choice of specialization fully coincides with interests of the students.

Keywords: professional choice, professional readiness, self-awareness, professional self-determination, meaningful life, professional type of person, professional plan.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

В настоящее время наблюдается повышение интереса к области профессионального самоопределения. Это связано с тем, что в современном мире понятие «профессия» в сознании людей меняется: по некоторым данным, количество профессий быстро увеличивается, сейчас их насчитывается около 50 тыс., и число это растет, как меняются содержание профессий и требования к специалистам. Глубокая интеграция человека в систему рабочего процесса привела к тому, что профессия становится основным фактором, который определяет и характеризует личность. Общество адаптируется к новым требованиям и самому человеку — субъекту деятельности, к процессу его развития в профессии. Особо важной задачей психологии, на наш взгляд, является помощь старшеклассникам в формировании психологической готовности к выбору профессии, которая в свою очередь способствует адекватному пониманию и осмыслению своего профессионального будущего (Гинзбург, 1994).

Проведя анализ литературы, мы обнаружили большое количество работ, в которых изучались взаимосвязь личностных и психологических характеристик и уровень готовности к выбору профессии, однако недостаточно исследован вклад осмысленности жизни в целом, а также отсутствует цельное, комплексное понимание влияния данных характеристик на выбор профессии.

Основная цель исследования: изучение характеристик психологической готовности к выбору профессии и личностных особенностей старшеклассников в группах с разным уровнем осмысленности жизни.

Задачи исследования:

1. Проанализировать осмысленность жизни старшеклассников.
2. Исследовать в связи с осмысленностью жизни ситуацию профессионального самоопределения старшеклассников и их готовности к выбору профессии.
3. Выявить профессиональные мотивы и мотивы выбора профессии старшеклассниками в связи с осмысленностью жизни.
4. Изучить личностные характеристики старшеклассников в связи с осмысленностью жизни.
5. Проанализировать взаимосвязи показателей готовности к выбору профессии и личностных особенностей старшеклассников с разным уровнем осмысленности жизни.

Гипотеза исследования: осмысленность жизни старшеклассников связана с психологической готовностью к выбору профессии.

Объект исследования: профессиональное самоопределение и личность в период юности.

Предмет исследования: личностные и психологические характеристики готовности к выбору профессии и уровень осмысленности жизни у старшеклассников.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие ученики выпускных классов гимназий гуманитарного и физико-математического профиля. Выборку составили 70 человек (35 юношей и 35 девушек) в возрасте 16–17 лет.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для достижения цели и задач, поставленных в исследовании, были использованы следующие методики:

1. Для анализа ситуации профессионального определения и готовности к выбору профессии — «Анкета оптанта» (Рыкман, Борщевская, 2013), которая была составлена на основе Анкеты центра профессионально-личностного консультирования СПбГУ; методики «Профессиональный тип личности» (Холланд, 1966), «Изучение привлекательности профессионального будущего» (Гинзбург, 1994), «Профессиональная готовность» (Чернявская, 2004).
2. Для изучения осмысленности жизни старшеклассников — Методика «Смыслжизненные ориентации» (Леонтьев, 2000).
3. Для выявления мотивов выбора профессии — методики «Мотивы выбора профессии» (Гриншпун, 1994) и «Якоря карьеры» (Чикер, 2006).
4. Для исследования особенностей личности — методики «Самоактуализация личности» (Елисеев, 2003) и «16-факторный личностный опросник» (Капустина, 2004).

Для статистической обработки данных использовались (Наследов, 2004): частотный анализ; описательные статистики; сравнительный анализ достоверных различий (t-критерий Стьюдента для независимых выборок); факторный анализ; корреляционный анализ, кластерный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С помощью кластерного анализа были получены две подгруппы с разным уровнем осмысленности жизни (ОЖ): в первую группу вошли 24 школьника (33%) с высоким уровнем ОЖ, во вторую группу — 46 школьников (67%) с низким уровнем ОЖ.

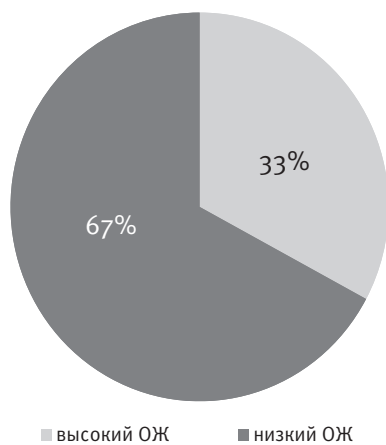

Рис. 1. Результаты кластерного анализа выраженности осмысленности жизни

Анализ средних значений показал, что в группе с высоким уровнем ОЖ преобладают «исследовательский» ($M = 9,39$) и «конвенционный» ($M = 7,22$) типы. В группе с низкими показателями ОЖ преобладают «артистический» ($M = 7,60$) и «социальный» ($M = 7,66$) типы.

При изучении выделенных групп было статистически установлено, что в группе с высоким уровнем ОЖ присутствует высокий уровень «сформированности профессионального типа» (СПТ) ($p = 0,004$), преобладает «исследовательский» тип личности ($p = 0,001$). В группе с низким уровнем ОЖ значения по шкале «Сформированность профессионального типа» значимо ниже и преобладает «артистический» тип личности (см. табл.).

Анализ средних значений показателей эмоционального отношения к будущему выявил, что группа с высоким уровнем ОЖ характеризуется более высокими значениями по шкале «Заинтересованность» ($M = 10,17$), «Оптимизм» ($M = 9,30$) и «Уверенность» ($M = 10,87$) сравнительно с группой с низким уровнем ОЖ. Это может свидетельствовать о сформированности целей в жизни и высоком уровне локуса контроля.

Результаты сравнительного анализа выраженности профессиональных типов в группах с разным уровнем ОЖ (средние значения)

ПОКАЗАТЕЛЬ	ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ ОЖ (M)	НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ОЖ (M)	P-УРОВЕНЬ
R	6,74	7,11	0,637
I	9,39	6,60	0,001*
A	5,39	7,60	0,007*
S	6,09	7,66	0,064
E	6,91	6,91	0,998
C	7,22	6,40	0,373
СПТ	7,34	5,05	0,004*

* При $p > 0,001$.

Анализ средних значений показал, что группа с низким уровнем ОЖ характеризуется высокими значениями по шкале «Страх» ($M = 8,55$), «Тревожность» ($M = 8,30$) и «Индифферентное отношение» ($M = 8,89$). Можно предположить, что несформированность целей в жизни и низкий локус-контроль повышают тревожность и вызывают опасения учеников данной выборки относительно своего профессионального будущего.

Были обнаружены также достоверные различия по показателям «Страх» ($p = 0,001$), «Индифферентное отношение» ($p = 0,015$) и «Уверенность» ($p = 0,029$). Учащиеся с высокими показателями ОЖ уверены в своем будущем, а у учащихся с низкими показателями ОЖ присутствует страх при мысли о своем будущем.

Исследование особенностей самоактуализации выявило, что в группе с высоким уровнем ОЖ ведущими являются «потребность в познании» ($M = 9,70$), «автономность» ($M = 8,39$) и «креативность» ($M = 7,48$). Ученики данной группы в большей степени открыты новому опыту и ценят новые впечатления, проявляют независимость и свободу, стремятся к творческому процессу в интересующей их деятельности (см. рис. 2).

В группе с низким уровнем ОЖ преобладающими показателями самоактуализации являются «Ценности зрелой личности» ($M = 10,55$) и «Самопонимание» ($M = 6,94$). Ученики в данной группе ценят прежде всего справедливость, порядок, простоту и самодостаточность. Они стремятся к гармоничному бытию и здоровым отношениям с людьми. Для них очень важно учитывать свои цели и вкусы, и они стараются ориентироваться на них при выборе деятельности.

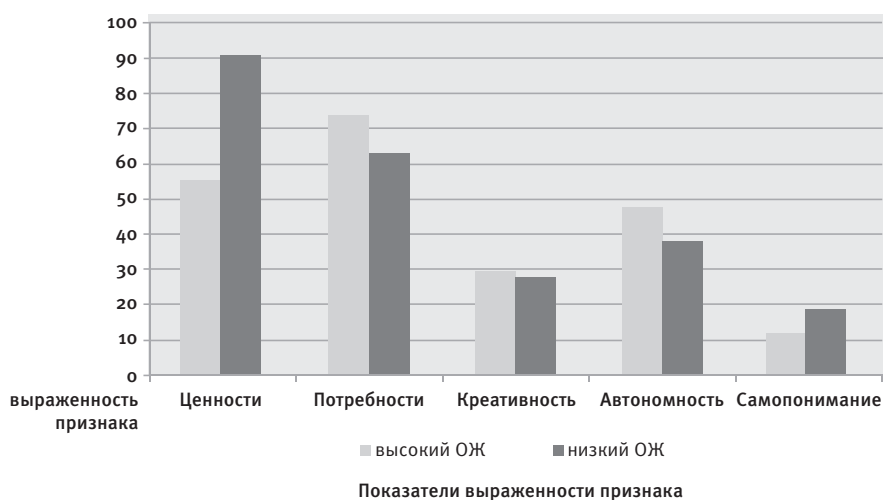

Рис. 2. Сравнение показателей самоактуализации в группах с разным уровнем осмысленности жизни

При изучении мотивов выбора будущей профессии было обнаружено следующее: в группе с высоким уровнем ОЖ преобладают мотивы «благополучия» ($M = 5,87$) и «творчества» ($M = 5,57$). В группе с низким уровнем ОЖ преобладает мотив «престижа» ($M = 5,91$). Это может говорить о том, что слабая сформированность целей и задач относительно своего профессионального будущего заставляет ориентироваться только на внешние атрибуты профессий.

Значения по показателю «Благополучие» ($p = 0,030$) значимо выше в группе с высоким уровнем ОЖ. Можно предположить, что в группе с высоким уровнем ОЖ выбор мотива «благополучие» связан с желанием заработать, а интересы, склонности, практическая подготовленность учитываются в меньшей степени.

Рис. 3. Выраженность показателей профессиональных мотивов в группах с разным уровнем ОЖ

При изучении личностных особенностей групп с разным уровнем осмысленности жизни с помощью t -критерия для независимых выборок были обнаружены достоверные различия по показателю «Практичность-мечтательность» (M) ($p = 0,04$). Ученики с высоким уровнем ОЖ менее практичны и больше склонны к мечтательности по сравнению с учениками с низким уровнем ОЖ.

Анализ средних значений показал, что в целом выборка характеризуется:

Коммуникативный блок: замкнутостью, робостью, самодостаточностью, подозрительностью, недоверчивостью.

Эмоциональный блок: эмоциональной неустойчивостью, жесткостью, рациональностью.

Интеллектуальный блок: конкретным мышлением, консерватизмом.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Были выделены группы с разным уровнем осмысленности жизни. В первую группу вошли 24 школьника с высоким и средним уровнем ОЖ, во вторую группу — 46 школьников с низким уровнем ОЖ. Эти данные полностью соответствуют таблицам норм, полученным автором Методики «Смыслжизненные ориентации» Д. А. Леонтьевым.

Анализ ситуации профессионального самоопределения старшеклассников показал, что у 42 % большинства школьников выбор профессии соответствует их профессиональным типам личности. У остальных школьников выбор профессии соответствует только частично или не соответствует их профессиональным типам личности. Большинство учеников имеют варианты дальнейшего профессионального пути (79 %). 21 % школьников к 11-му классу еще не выбрали будущее учебное заведение. Выявлено, что выборка характеризуется предпочтениями к точным, естественным и общественным научным дисциплинам. Учащиеся характеризуются высокими показателями по исследовательскому, конвенциональному и социальному профессиональным типам личности.

Исследование продемонстрировало, что осмысленность жизни является одним из важных показателей, играющих значимую роль в формировании готовности к выбору профессии. Выделены две группы с разным уровнем осмысленности жизни. Так, в группе с высоким уровнем ОЖ преобладают исследовательский и конвенциональный типы личности, что может характеризовать их как людей вдумчивых, с аналитическим складом ума, терпеливых, самодостаточных, серьезных. В группе с низкими показателями ОЖ преобладают артистический и социальный типы, характерные для людей творческих, коммуникабельных, оптимистичных. Выявлено, что в группе с высоким уровнем ОЖ существенно выше показатели сформированности профессионального типа, что свидетельствует о том, что эти школьники в большей мере готовы к выбору профессии, чем группа с низким уровнем ОЖ.

Анализ готовности к выбору профессии по всей выборке показал, что старшеклассники в целом серьезно относятся к выбору профессии, а старшеклассники с высоким уровнем осмысленности жизни, хорошо осведомлены о мире профессий.

Анализ группы с высоким уровнем ОЖ выявил, что ведущими показателями самоактуализации в данной группе являются «Потребность в познании», «Автономность» и «Креативность». Ученики данной группы в большей степени открыты новому опыту и ценят новые впечатления, чем группа с низким уровнем ОЖ. Также они проявляют независимость, ценят и стремятся к творческому процессу в интересующей их деятельности. Преобладающими показателями в группе с низким уровнем ОЖ стали «Ценности» и «Самопонимание». Другими словами, старшеклассники в этой группе стремятся к гармоничному бытию, хорошо понимают себя и имеют здоровое отношение к людям.

ВЫВОДЫ

1. Наше исследование подтвердило гипотезы и показало существенную роль осмысленности жизни в процессе развития готовности к выбору профессии в период ранней юности. Выявлены особенности профессионального самоопределения школьников с высоким и низким уровнями ОЖ. Так, старшеклассники, обладающие высоким уровнем осмысленности жизни характеризуются математическим складом ума, ориентацией на конечный результат и на реализацию себя в профессиональной деятельности. Ученики с низким уровнем осмысленности более ориентированы на процесс, чем на результат деятельности, и при выборе профессии ориентируются на творческий потенциал профессии.

2. Было выявлено также, что ученики склонны по-разному относиться к своему профессиональному будущему и планировать свои профессиональные действия. Ученики с высоким уровнем ОЖ предпочитают заранее формулировать план реализации профессионального будущего и учитывать актуальные тенденции и моду при выборе профессиональной деятельности. Ученики с низким уровнем ОЖ склонны ориентироваться, отталкиваясь от сложившейся ситуации, и ведущий индикатор выбора профессии для них — самореализация, собственные интересы и желания.

3. Результаты, полученные в исследовании, можно использовать в разработке психологических программ сопровождения профессионального самоопределения школьников в соответствии с особенностями их смысложизненных ориентаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. 1994. № 3. С. 43–52.
2. Головей Л. А., Александрова Н. А., Данилова М. В., Манукян В. Р., Рыкман Л. В. Кризисы профессионального развития и ресурсы личности в периоды ранней взрослости // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 16. Психология. Социология. Педагогика. 2013. № 2. С. 31–39.
3. Гриншпун С. С. Оценка личностно-делового потенциала учащихся в профориентационной работе // Школа и производство. 1994. № 6. С. 11–12.
4. Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. СПб., 2003. С. 386–389.
5. Капустина А. Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб., 2004.
6. Леонтьев Д. А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). 2-е изд. М., 2000.
7. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учеб. пособие. СПб., 2004.
8. Рыкман Л. В., Борщевская Л. В. Особенности эмоционального отношения к будущему у подростков в связи с их профессиональным самоопределением // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. № 34. С. 31–36.
9. Чернявская А. П. Психологическое консультирование по профессиональной ориентации. М., 2004.
10. Чикер В. А. Психологическая диагностика организации и персонала СПб., 2006.

Д. Г. НИКУЛИНА, Е. Г. ТРОШИХИНА

e-mail: dashan1985@mail.ru

Программа профессиональной переподготовки «Психология»

ВЗАИМОСВЯЗЬ РОДИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ МАТЕРИ И ДОЧЕРИ

Для изучения взаимосвязей родительских установок и психологического благополучия матери и ее взрослой дочери было обследовано 26 пар «мать — дочь» с использованием методики «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Е. Шеффера, Р. Белла и трех шкал: «Психологического благополучия» К. Риффа, «Удовлетворенности жизнью» Э. Динера, «Самоуважения» М. Розенберга. Обработка данных: сравнительный и корреляционный анализы. Результаты: родительские установки матери и дочери сходны. Чем более свойственны матери установки на подавление и зависимость ребенка, тем более свойственны такие родительские установки ее дочери. У матерей выше уровень самоуважения, чем у дочерей. Обнаружено, что самоуважение дочери имеет тесную взаимосвязь с самоуважением матери. Компоненты психологического благополучия матери и дочери практически не имеют собственных взаимосвязей, но связаны опосредованно — через родительские установки матери. Чем выше самоуважение матери и ее направленность на личностный рост, тем более ей свойственна установка на спокойные и равноправные отношения с взрослой дочерью и тем выше психологическое благополучие дочери. Выявлена и другая тенденция. Чем более компетентна мать, т. е. умело создает подходящие условия для реализации своих потребностей и ценностей, тем она более привержена строгой дисциплине, проявляет властность, и тем больше затруднений испытывает ее взрослая дочь в создании позитивных отношений с людьми. В целом результаты свидетельствуют о том, что трансляция психологического благополучия от матери к дочери осуществляется через материнские установки на равноправные и независимые отношения с взрослой дочерью.

Ключевые слова: отношения «мать — дочь», психологическое благополучие, родительские установки, самоуважение, удовлетворенность жизнью.

CONNECTION BETWEEN PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AND PARENTAL ATTITUDES OF MOTHER AND HER ADULT DAUGHTER

The aim of the study was to examine the coherence between parental attitudes and psychological well-being of mother and her adult daughter. Our sample consisted of 26 pairs of mother-daughter. Were used: Parental Attitude Research Instrument, Scale of Psychological well-being (Ryff), Satisfaction with Life Scale (Diener), and Rosenberg Self-Esteem Scale. Data processing methods: comparative analysis of the means and standard deviations, correlation analysis. The research revealed that majority differences between mothers and daughters in the level of parental attitudes and psychological well-being were not significant. However mothers had higher level of self-esteem than daughters, but these indicators had strong correlation. Mother's and daughter's parental attitudes correlated positively in general. The more typical for mother parental attitudes: Deification, Intrusiveness, Martyrdom, Strictness, Suppression of Aggression, and Seclusion of the Mother, the more typical for daughter parental attitudes: Deification, Martyrdom, Strictness, and Excluding outside Influence. Correlations between components of psychological well-being of mothers and daughters were not found, but they connected through mother's parental attitudes. Higher level of Self-esteem and Personal growth of the mother through her attitudes, especially, Equalitarianism, non Martyrdom, and non Irritability, correlated with higher level of her daughter's psychological well-being. But higher level of mother's Competence through Strictness and Ascendance of the Mother correlated with lower level of her daughter's Positive relations with others. Thus, the findings demonstrate the transmission of high psychological well-being from mother to daughter through maternal attitudes — equal and independent relations with the adult daughter.

Keywords: mother-daughter relationships, parental attitudes, psychological well-being, satisfaction with life, self-esteem.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

В последнее время все чаще поднимаются вопросы, связанные с изучением механизмов формирования материнства. Решающим фактором для развития материнской сферы считается опыт взаимодействия с собственной матерью. Каждая мать была когда-то ребенком, в ней жива память о том, как о ней заботились, и ее воспоминания служат подспорьем или помехой для собственного материнства (Винникотт, 2007).

В психологии выделилось самостоятельное направление, предметом которого являются материнско-дочерние отношения (Fischer, 1991; Onaylı, 2010; Глебова, 2003). Исследования показали, что эмоциональные

узы в диаде «мать — дочь» являются наиболее тесными и насыщенными по сравнению с другими семейными подсистемами. Природа взаимоотношений матери и дочери оказывает огромное влияние на жизнь дочери, ее социальное и психологическое благополучие, самоуважение, на готовность к замужеству и материнству (Fischer, 1991). Многие авторы подчеркивают, что для формирования достаточно хорошего материнского поведения необходима идентификация с матерью и затем на этой основе — эмоциональная сепарация. Неразрешенный конфликт в отношениях с матерью препятствует интеграции собственной женственности (Белл, 1998).

Вопросам трансляции родительских установок посвящено не так много работ (Chen, Kaplan, 2001; Belsky, Conger, Capaldi, 2009; Трошихина, Жуковская, 2008). Д. Бельский (Belsky, 2009) полагает, что психологическое благополучие родителей и воспитание, способствующее гармоничному развитию личности ребенка, взаимосвязаны друг с другом. Родительские установки женщины обуславливают ее готовность к определенному взаимодействию с ребенком и связаны с ее философской жизненной концепцией. При воспитании ребенка мать может внутренне исходить из готовности содействовать развитию ребенка с тем, чтобы он вырос свободным и равным. Но может проявиться и негативная сторона привязанности: если уже взрослый человек остается для матери ребенком, то такая привязанность препятствует развитию его индивидуальности. Дочь, становясь старше, все больше отдаляется от матери. Если же мать продолжает считать, что лучше всех ее понимает и знает, что ей нужно для счастья, если она проживает через дочь несостоявшиеся кусочки своей жизни, если боится обнаружить «опустевшее гнездо» и встретиться с увяданием, то она попытается сохранить привычную конструкцию отношений. Она будет удерживать дочь от взросления, и отношения «мать — дочь» застынут в точке без времени, дочь останется в них вечным ребенком, зависимым от матери.

Желание и страх женщины слиться с матерью неразрывно связаны. Женщине предстоит пройти сложный путь в достижении баланса, как быть похожей на мать и быть иной. Если мать достаточно гибка в отношениях, то у дочери будет необходимое пространство для собственной индивидуальной жизни и других привязанностей (Эльячефф, Эйниш, 2006).

При проведении исследования нас интересовал вопрос соотношения психологического благополучия и родительских установок матери и ее взрослой дочери.

Цель исследования: изучение взаимосвязи психологического благополучия и родительских установок матерей и дочерей.

Объект исследования: психологическое благополучие и родительские установки матерей и дочерей.

Предмет исследования: особенности взаимосвязей компонентов психологического благополучия и родительских установок матерей и дочерей.

Гипотезы исследования:

1. Существует межпоколенная трансляция родительских установок у женщин.
2. Психологически благополучная мать демонстрирует гармоничные родительские установки, благоприятные для психологического благополучия ее взрослой дочери.

Задачи исследования:

1. Провести сравнительный анализ уровневых характеристик психологического благополучия и родительских установок матерей и дочерей.
2. Исследовать взаимосвязи параметров психологического благополучия и родительских установок матерей и дочерей.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие молодые женщины в возрасте от 20 до 30 лет и их матери в возрасте от 39 до 59 лет (26 пар «мать — дочь»). Женщины младшей возрастной группы (дочери) на момент исследования не имели своих детей, из них замужем было 6 женщин (или 23 % выборки дочерей), половина (или 50 % выборки дочерей) были студентками, остальные работали или были домохозяйками. Среди матерей было 14 замужних женщин (или 53,8 % выборки матерей), все матери работали.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для достижения цели и решения задач исследования использовались следующие методики:

1. Для изучения психологического благополучия — шкала психологического благополучия К. Рифф (адаптация Л. В. Жуковской, Е. Г. Трошихиной, 2011); шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера с соавторами (адаптация Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина, 2008); шкала самоуважения М. Розенберга (А. А. Бодалев, В. В. Столин, 2000).

2. Для изучения родительских установок — методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Е. С. Шеффера, Р. Белла (адаптация Т. В. Архиреевой, 2002).

Полученные данные были обработаны с помощью программы математической статистики SPSS с использованием *t*-критерия Стьюдента для сравнительного анализа средних величин, критерия *t*-Уилкоксона для зависимых выборок. Также был проведен корреляционный анализ по методу Спирмена.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе использования шкалы психологического благополучия К. Рифф, шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера, выявляющей субъективное благополучие, и шкалы самоуважения, выявляющей отношение к себе, был проведен сравнительный анализ средних значений с использованием *t*-критерия Стьюдента, который показал, что уровень самоуважения матерей значимо выше, чем дочерей (M для матерей = 29,35; σ = 5,32; M для дочерей = 26,46; σ = 5,29; t = -3,181; p < 0,01). Значимых различий по другим шкалам не обнаружено. Таким образом, уровень психологического благополучия и удовлетворенности жизнью у матерей и их дочерей не различается.

Для изучения родительских установок использовалась методика PARI, содержащая 23 шкалы. Статистический анализ различий между матерями и дочерьми в уровне выраженности родительских установок выявил два различия. Матерям в большей степени, чем дочерям, свойственна установка «невнимательность мужа» (M для матерей = 13,19; σ = 1,47; M для дочерей = 12,31; σ = 1,69; t = -2,720; p < 0,05), как и установка «подавление сексуальности ребенка» (M для матерей = 12,42; σ = 2,04; M для дочерей = 11,12; σ = 2,16; t = -2,158; p < 0,05). Это может объясняться тем, что дочери нашей выборки еще не имели своих детей и в большинстве своем не состояли в браке или находились на ранней стадии брака. Отсутствие значимых различий по остальным шкалам говорит о сходстве родительских установок матери и ее взрослой дочери.

Корреляционный анализ взаимосвязей между установками матерей и дочерей выявил множественные связи. Шкалами, образующими структуру, являются родительские установки дочери: на зависимость ребенка (10, 11), жертвенность и строгость родителей (5, 8), а со стороны матери — навязчивость родителей (20), поощрение зависимости ребенка (11), подавление его агрессивности (12) и ограничение матери ролью хозяйки дома (3). Причем все эти установки положительно взаимосвязаны друг с другом (рис. 1). Системообразующие родительские установки дочерей связаны еще с целым рядом материнских установок: страх причинить ребенку вред (6), строгость родителей (8), подавление воли и сексуальности ребенка (4, 18), власть матери (19) и ее жертвенность (5). Таким образом, несмотря на множественность факторов, определяющих формирование родительских установок дочери, они находятся под значительным влиянием материнских установок. Концентрация интересов матери на доме, излишняя строгость с дочерью, подавление ее активности, навязчивость матери и поощрение зависимости дочери, т. е. в целом демонстрация матерью в процессе воспитания власти над дочерью приводит к тому, что у дочери также формируются подобные родительские установки на ограничение и подавление своего ребенка, его зависимость. Интересно, что установки матери на равенство и товарищеские отношения с дочерью (14, 21) имеют по одной связи с установками дочери на поощрение зависимости ребенка от матери (11) и жертвенность (5). Это позволяет предположить, что участие матери в делах взрослой дочери и общение «на равных» в сочетании с навязчивостью и желанием знать все тайны дочери, в надежде на ее полное доверие мудрым советам матери, вносит некоторый вклад в формирование родительских установок дочери на собственную жертвенность и зависимость ребенка от себя.

Анализ взаимосвязей компонентов психологического благополучия матерей и дочерей показал, что, несмотря на сходство в уровневых характеристиках, имеется лишь несколько значимых корреляций. Это связь шкал «автономность» матери и «самопринятие» дочери (r = 0,405, p < 0,05), а также связи шкалы «самоуважение» матери со шкалами «самоуважение» (r = 0,620, p < 0,01), «самопринятие» (r = 0,437, p < 0,05)

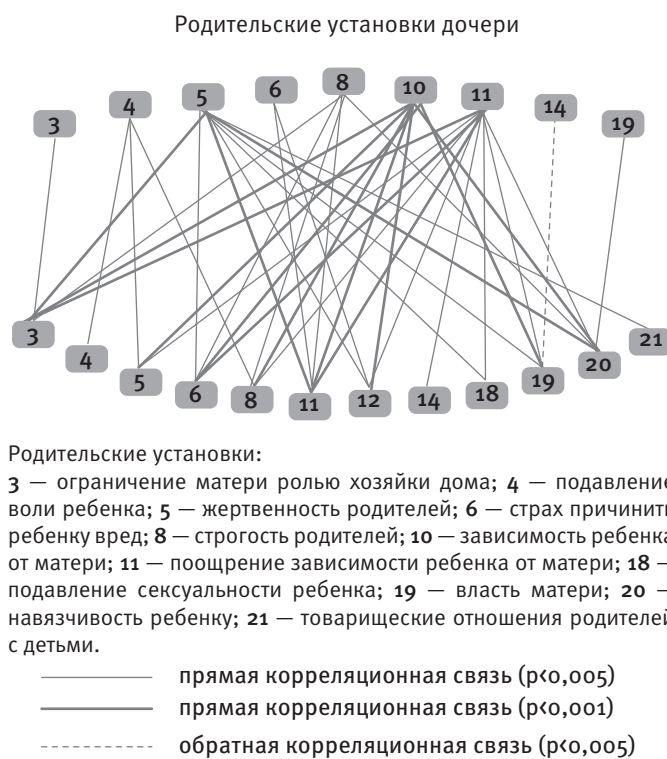

Рис. 1. Взаимосвязь системообразующих родительских установок матери и дочери

и «компетентность» ($r = 0,457, p < 0,05$) дочери. Таким образом, самоуважение матери и следование собственным взглядам способствуют формированию самоуважения и чувства компетентности дочери, так же верно и обратное: если взрослая дочь позитивно относится к себе и способна хорошо организовать свою жизнь, то самоуважение матери возрастает. Другие компоненты психологического благополучия не имеют собственных корреляций, но связаны опосредованно — через родительские установки, что показал дальнейший анализ.

Все компоненты психологического благополучия дочери имеют взаимосвязи с теми или иными родительскими установками матери, среди них больше всего связей у шкал «Позитивные отношения» и «Жизненные цели» (рис. 2). Из родительских установок матери более всего связей со шкалами психологического благополучия дочери имеют установки: «раздражительность родителей» (9), «необходимость посторонней помощи» (23) и «стремление ускорить развитие ребенка» (22), причем эти связи отрицательны. Можно предположить, что если дочь встречает раздражительные реакции по отношению к себе, если мать ожидает, что дочь будет развиваться быстрее своих возможностей, либо если мать опасается трудностей и нуждается в значительной помощи по воспитанию, это негативно сказывается на психологическом благополучии взрослой дочери. С другой стороны, если дочь недостаточно благополучна в психологическом смысле, это может вызывать раздражительность матери, давление на дочь и подключение к ее воспитанию других людей.

Рассмотрим, какие родительские установки свойственны психологически благополучной матери по отношению к взрослой дочери. У матери ее родительские установки наиболее тесно связаны с такими компонентами психологического благополучия, как «личностный рост» и «компетентность». Компетентность отрицательно связана с установкой «мученичество» (13) и положительно — с установками «ограничение матери ролью хозяйки дома» (3), «страх причинить ребенку вред» (6), «строгость и власть матери» (8, 19). Видимо, компетентная мать удовлетворена ролью хозяйки дома, уделяет много внимания дочери, строга и властна.

Шкала «Личностный рост» положительно связана с установкой на «равенство родителей и ребенка» (14) и отрицательно связана с установками на «подавление ребенка» (4, 18), «строгость» (8), «зависимость

Родительские установки:

1 — предоставление ребенку возможности высказаться; 3 — ограничение матери ролью хозяйки дома; 4 — подавление воли ребенка; 5 — жертвенность родителей; 6 — страх причинить ребенку вред; 7 — супружеские конфликты; 8 — строгость родителей; 9 — раздражительность родителей; 10 — зависимость ребенка от матери; 11 — поощрение зависимости ребенка от матери; 12 — подавление агрессивности ребенка; 13 — мученичество родителей; 14 — равенство родителей и ребенка; 16 — избегание общения с ребенком; 18 — подавление сексуальности ребенка; 19 — власть матери; 20 — навязчивость ребенку; 22 — ускорение развития ребенка; 23 — необходимость посторонней помощи.

- прямая корреляционная связь ($p < 0,005$)
- прямая корреляционная связь ($p < 0,001$)
- обратная корреляционная связь ($p < 0,005$)
- обратная корреляционная связь ($p < 0,001$)

Рис. 2. Взаимосвязь между родительскими установками матери и компонентами психологического благополучия матери и дочери

ребенка от матери» (10, 11) и собственную «жертвенность» (5). Таким образом, можно предположить, что мать, стремящаяся к личностному росту и развитию, выстраивает равноправные отношения со своей взрослой дочерью и не заинтересована в ее зависимости от себя.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Проводя сравнительное исследование родительских установок матери и ее взрослой дочери, мы исходили из предположения, что они транслируются от матери к дочери. Кроме того, мы поставили вопрос о значении психологического благополучия, предполагая, что для психологически благополучной матери характерны гармоничные родительские установки, которые способствуют формированию психологически благополучной дочери. В основном исследование подтвердило наши гипотезы. Средние значения уровня удовлетворенности жизнью и компонентов психологического благополучия матери и ее взрослой дочери не различаются. Хотя самоуважение матерей в целом по выборке выше, чем у дочерей, эти их параметры тесно взаимосвязаны: чем выше самоуважение матери, тем выше самоуважение ее дочери. Родительские

установки матери и дочери сходны. Если мать ограничена ролью хозяйки дома, жертвенна и навязчива, строга с дочерью, подавляет ее, оберегает от трудностей и поощряет ее зависимость от себя, то у дочери формируются сходные родительские установки на ограничение и подавление своего ребенка, его зависимость и собственную жертвенность.

Компоненты психологического благополучия матери и дочери имеют очень мало собственных корреляций, но они связаны опосредованно — через родительские установки матери. Если у матери высокий уровень самоуважения и направленности на личностный рост, то она выстраивает равноправные отношения со своей взрослой дочерью, не раздражается при общении с ней, не подавляет ее и не заинтересована в зависимости дочери от себя. Чем более свойственны такие установки матери, тем выше психологическое благополучие, самоуважение и удовлетворенность жизнью ее взрослой дочери. Уровень психологического благополучия взрослой дочери со своей стороны оказывает воздействие на родительские установки матери. Если дочь недостаточно психологически благополучна, то мать раздражена, склонна к строгости и поощряет зависимость взрослой дочери от себя, ее собственное самоуважение снижается и ослабевает направленность на личностное развитие. Если же дочь психологически благополучна, то мать выстраивает ровные и равные отношения с дочерью и не чувствует, что должна жертвовать личными интересами ради ее счастья, возрастает самоуважение матери и ее направленность на личностный рост.

В целом результаты подтверждают предположение о трансляции психологического благополучия от матери к дочери через ее родительские установки на равноправные и независимые отношения с взрослой дочерью. Тем не менее исследование показало и другую тенденцию. Такой компонент психологического благополучия матери, как компетентность, через две родительские установки — «строгость» и «власть матери» — имеет отрицательную связь с таким компонентом психологического благополучия дочери, как позитивные отношения. Другими словами, чем более компетентна мать, т. е. более умело создает подходящий контекст для реализации своих потребностей и ценностей, тем больше она привержена строгой дисциплине и проявляет властность и тем более ее дочь испытывает затруднения в создании позитивных отношений с близкими людьми.

Таким образом, родительские установки женщины представляют собой гибкую систему, меняющуюся с возрастом ребенка. Мать взрослой дочери с большей готовностью отпустит ее в самостоятельную жизнь, если дочь подготовлена к ней, компетентна, принимает себя, умеет создавать теплые отношения с близкими людьми, имеет цели в жизни. Она отпустит дочь во взрослую жизнь, если не будет считать себя более компетентной, чем дочь, всегда знающей, как лучше прожить жизнь. Если у матери есть личные устремления к развитию, она не будет удерживать взрослую дочь около себя и напоминать, что она пожертвовала многим ради ее счастья. Истинные товарищеские отношения с взрослой дочерью приведут дочь к чувству собственной компетентности, к началу начал, готовности заботиться о своем ребенке.

ВЫВОДЫ

1. Уровень выраженности компонентов психологического благополучия и удовлетворенности жизнью матерей и дочерей не различается. Самоуважение матерей в целом выше по сравнению с дочерьми. Уровень выраженности родительских установок матерей и дочерей сходен, только установки «невнимательность мужа» и «подавление сексуальности ребенка» в большей мере свойственны матерям, чем дочерям.

2. Концентрация интересов матери на доме, излишняя строгость с дочерью, подавление ее активности и поощрение зависимости от нее приводят к тому, что у дочери также формируются подобные родительские установки, ограничивающие и подавляющие ребенка.

3. Все компоненты психологического благополучия дочери имеют взаимосвязи с родительскими установками матери. Высокое психологическое благополучие дочери связано с тем, что мать не раздражительна, не тяготеет воспитанием, не подавляет дочь, уважает ее мнение и не поощряет зависимость взрослой дочери от себя.

4. Анализ взаимосвязей компонентов психологического благополучия матери и дочери выявил, что чем выше автономность матери, чем больше она полагается на собственные взгляды и мнения, тем выше самопринятие дочери; кроме того, чем выше самоуважение матери, тем выше самоуважение, самопринятие и компетентность ее дочери. Другие компоненты не имеют прямых взаимосвязей, а связаны опосредованно — через родительские установки. Чем выше самоуважение матери и направленность на личностный рост, тем более выражена ее установка на ровные и равноправные отношения с взрослой дочерью и тем

выше психологическое благополучие дочери. Чем более компетентна мать, тем более ей свойственны установки на власть и строгость с дочерью и тем ниже способность дочери создавать позитивные отношения с людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архиреева Т. В.* Методика измерения родительских установок и реакций // Вопросы психологии. 2002. № 5. С. 144–152.
2. *Белл К.* Мать и дочь трудное равновесие // Московский психотерапевтический журнал. 1998. № 1. С. 152–191.
3. *Винникотт Д. В.* Маленькие дети и их матери. М., 2007.
4. *Глебова Т.* Исследование связи между дифференциацией Я матери и отношениями в диаде «Мать и дочь-подросток» // Материалы Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». 14–16 октября 2003. Ч. 2. М., 2003. С. 16–21.
5. *Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г.* Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 2. С. 82–93.
6. *Общая психодиагностика* / под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. СПб., 2000.
7. *Осин Е. Н., Леонтьев Д. А.* Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса / Институт социологии РАН. Российское общество социологов. М., 2008. С. 17.
8. *Трошихина Е. Г., Жуковская Л. В.* Возрастной аспект родительских установок у женщин, имеющих разное количество детей // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. Вып. 3. С. 48–61.
9. *Эльячефф К., Эйниш Н.* Дочки-матери. Третий лишний? М., 2006.
10. *Belsky J., Conger R., Capaldi D. M.* The intergenerational transmission of parenting: Introduction to the special section // *Developmental Psychology*. 2009. Vol 45(5). P. 1201–1204.
11. *Chen Z.-Y., Kaplan H. B.* Intergenerational transmission of constructive parenting // *Journal of Marriage and the Family*. 2001. 63. P. 17–31.
12. *Fischer L. R.* Between mothers and daughters // *Marriage and Family Review*. 1991. 16. P. 237–248.
13. *Onaylı S.* The Relation Between Mother-Daughter Relationship And Daughter's Well-Being: Thesis. Middle East Technical University. Ankara, 2010.

А. Е. ПИСАРЕВ, Е. В. ЗИНОВЬЕВА, С. Н. КОСТРОМИНА

e-mail: andrzej3005@mail.ru

Магистерская программа «Общая психология и психология личности»

ВЗАИМОСВЯЗЬ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ НАЧИНАЮЩИХ ПСИХОЛОГОВ-КОНСУЛЬТАНТОВ С ОЦЕНКОЙ КЛИЕНТОВ И ИХ ПРОБЛЕМНЫХ СИТУАЦИЙ

Для изучения взаимосвязи свойств личности начинающих психологов-консультантов с оценкой клиентов и их проблемных ситуаций было обследовано 32 выпускника тьюторских групп по психологическому консультированию при Службе психологической помощи СПбГУ. Измерялись показатели самооотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантеев), эмпатии (В. В. Бойко), основные факторы личности (Р. Мак-Крае, П. Коста) и самочувствие, активность, настроение. Для исследования оценки клиентов были подобраны 3 видеозаписи, на которых запечатлен момент обращения за помощью клиента к психологу, а также авторская анкета оценки клиента, базирующаяся на анкете оценки клиента Н. Гершкович-Кельнер. Полученные данные подверглись корреляционному анализу.

Выявлено, что начинающие психологи-консультанты с позитивным самооотношением склонны оценивать клиентов как открытых, интересных, имеющих ресурсы, чтобы справиться с проблемой; консультанты с негативным самооотношением склонны воспринимать клиентов как сопротивляющихся и испытывать к ним раздражение и презрение. Такое свойство личности, как экстраверсия /интроверсия, опосредует восприятие клиентов как открытых и искренних или закрытых и сопротивляющихся. Начинающие психологи-консультанты, отличающиеся консервативностью, нечувствительностью, ригидностью, склонны оценивать своих клиентов как сопротивляющихся терапии и испытывать к ним чувство презрения и раздражения. Консультанты с тенденцией к доминированию полагают, что проблема клиента несерьезна, а тревожные консультанты, наоборот, зачастую считают, что трудности клиента крайне сложны.

Ключевые слова: психологическое консультирование, свойства личности начинающих психологов-консультантов, оценка клиента.

ASSESSMENT OF CLIENTS AND THEIR PROBLEM SITUATIONS BY YOUNG PSYCHOLOGISTS-CONSULTANTS

We studied the interconnection of personal qualities of beginners-psychotherapists with evaluation of clients and their problem cases. The study involved 32 graduate students of tutors groups of Counselling services St. Petersburg State University. We studied the overall level of the self-attitude (V. V. Stolin, S. R. Pantileev), empathy (Boyko), the main factors of personality (McCrae R., P. Costa), subjective level of health, activity and mood and clients' evaluation (3 video moment of request for psychological help and author's questionnaire, based on questionnaire N. Hershkowitz-Kellner). We used statistical data processing: correlation analysis.

The Results. Novice consultant psychologists with a positive self-attitude are tend to evaluate clients as open, interesting having the resources to deal with the problem people. Psychologists with a negative self-attitude are tend to evaluate clients as resistant people and feel irritation and contempt for them. Extroverted psychologists are tend to take their clients as interesting and sincere people. Introverted ones are often find that clients are resisting to the process of therapy. Novice psychologists which are characterized by conservatism, insensitivity, rigidity are tend to evaluate their clients as people resisting the therapy and feel contempt and irritation for them. Dominant and imperious psychologists are tend to believe that the customer's problem is not serious, and anxious ones, on the contrary, often consider that client's difficulties are extremely complicated.

Keywords: psychological counseling, personality traits, young therapists, evaluation of clients.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Одну из ключевых ролей в консультативном процессе, связанном с выстраиванием отношений между консультантом и клиентом, играет восприятие ими друг друга и процесс взаимной оценки (Айви А., Айви М., Саймек-Даунинг 1987; Бьюдженталь, 2002; Коттлер, 2002; Кочюнас, 1999; Роджерс, 1999). Результат оценивания влияет прежде всего на развитие отношений между ними, а также на выбор техник воздействия и степень вмешательства консультанта. Под оценкой психологом клиента мы понимаем системные и стандартизированные наблюдения с последующим формированием целостного представления о клиенте и его проблемной ситуации на трех уровнях: когнитивном, эмоциональном и поведенческом (Коттлер, 2002).

Можно предположить, что на оценку как самого клиента, так и на видение его проблемной ситуации оказывают влияние личностные особенности психолога-консультанта. Этот вопрос к настоящему времени практически не исследован как в зарубежной, так и в отечественной психологической науке. Нами было

обнаружено лишь одно исследование, а именно изучение влияния эмоционального состояния психолога на оценку клиента и его проблемной ситуации, которое было проведено канадским психологом Н. Гершкович-Келнер (Herskovitz-Kelner, 1997).

Мы предполагаем, что свойства личности сильнее влияют на восприятие клиента и его оценку у начинающих психологов-консультантов по сравнению с опытными консультантами. Опытные психологи-консультанты, как правило, прошли личную терапию, супервизию, работают над своим личностным развитием, понимают свои сильные и слабые стороны, поэтому они лучше осознают, каким образом их личностные свойства могут оказывать влияние на формирование образа клиента. Кроме того, с опытом к психологам приходит свой индивидуальный стиль работы (Айви А., Айви М., Саймек-Даунинг, 1997; Линде, 2013). Начинающие же консультанты еще не претерпели профессиональных изменений своей личности, поэтому склонны проецировать на клиентов свои личностные качества, не осознавая их роли. Исходя из этого, можно предположить, что вопрос влияния личностных характеристик на оценку клиента и его проблемной ситуации целесообразнее исследовать именно у начинающих психологов-консультантов.

Цель исследования: выявить роль особенностей личности начинающих психологов-консультантов в оценке клиентов и их проблемных ситуаций.

В соответствии с целью исследования были определены **задачи**:

1. Провести анализ психологической литературы по проблеме психологического консультирования, эффективности психологического консультирования, оценки клиентов в психологическом консультировании.

2. Подобрать методы и методики для исследования влияния свойств личности начинающих психологов-консультантов на оценку клиентов и проблемных ситуаций клиентов. Разработать анкету для определения особенностей оценки начинающими психологами-консультантами клиента и его проблемной ситуации и подобрать стимульный материал (видеоролики, в которых продемонстрировано обращение клиента за помощью к психологу-консультанту).

3. Исследовать характеристики личности начинающих психологов-консультантов, которые могут определять оценку клиента.

4. Изучить особенности оценки начинающими психологами-консультантами клиентов и проблемных ситуаций клиентов.

5. Выявить взаимосвязи между свойствами личности начинающих психологов-консультантов и оценкой клиентов и проблемных ситуаций клиентов.

Гипотеза исследования: оценка клиента и его проблемной ситуации начинающим психологом-консультантом взаимосвязана с такими личностными характеристиками, как самоотношение, экстраверсия/интроверсия, тревожность, эмпатические способности. Основным качеством личности, опосредующим оценку клиентов начинающими психологами-консультантами, является глобальное самоотношение.

Предмет исследования: взаимосвязь особенностей личности начинающих психологов-консультантов с оценкой клиентов и их проблемных ситуаций.

Объект исследования: характеристики личности начинающих психологов-консультантов

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 32 человека, из них 26 девушек и 6 юношей. Все участники — начинающие психологи-консультанты. В качестве начинающих психологов-консультантов в данном исследовании мы рассматривали лиц с высшим психологическим образованием или студентов старших курсов, которые прошли дополнительное обучение навыкам психологического консультирования, имеют хотя бы минимальный опыт психологического консультирования и планируют заниматься в будущем этой профессиональной деятельностью. Основу выборки составили выпускники трех тьюторских групп по психологическому консультированию при «Службе психологической помощи СПбГУ». Группы проходили обучение и практику с осени 2013 по зиму 2014 г.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве методов исследования нами использовались тестирование и опрос. Для количественного анализа полученных данных использовались методы математической статистики: вычисление средних показателей, коэффициент корреляции Пирсона.

Был подобран следующий диагностический инструментарий:

1. Для исследования личностных свойств использовался опросник самооотношения В.В. Столина и С.Р. Пантилеева (Бодалев, Карлинская, Пантилеев, Столин, 1988), пятифакторный личностный опросник Р.Мак-Крае и П. Коста (Хромов, 2000), «Диагностика уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко (Райгородский, 2001); опросник САН (Райгородский, 2001).

2. Для исследования оценки клиента и его проблемной ситуации

- видеофрагменты психологических консультаций, в которых клиент обращается за помощью к психологу-консультанту (все видеозаписи были найдены в открытом, свободном доступе в сети Интернет; на каждой записи имелась ссылка на персональный сайт психолога, который разместил данные записи в качестве рекламы своих услуг). На видео сняты обращения за помощью двух женщин и одного мужчины. Записи специально подобраны таким образом, чтобы запечатленная проблемная ситуация клиента была максимально неопределенной;
- анкета оценки клиента и его проблемной ситуации, основанная на анкете оценки клиента и проблемной ситуации клиента, разработанной Н.Гершкович-Келнер (Herskovitz-Kelner, 1997); вопросы анкеты направлены на выяснение отношения психолога-консультанта к личности клиента и его проблеме: предлагается дать характеристику клиенту, описать, какие чувства он вызывает, отнести его проблему к предложенным проблемным зонам, выбрать, какой вид психологического консультирования в наибольшей степени подходит клиенту и сколько примерно времени займет терапия, оценить силы клиента и сложность проблемы, назвать чувства, которые испытывал психолог во время просмотра эпизода с жалобой клиента.

На первом этапе исследования испытуемым предлагалось заполнить психологические опросники, указанные выше. На втором этапе начинающие психологи-консультанты просматривали видеозаписи с обращениями клиентов за психологической помощью и затем заполняли специально разработанную форму оценки клиента и его проблемной ситуации. Каждому испытуемому предлагалось последовательно оценить три видеозаписи.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

На первом этапе изучались особенности личности начинающих психологов-консультантов. Для определения уровня самооотношения был использован опросник самооотношения В.В. Столина, С.Р. Пантилеева. Участники исследования набрали средние либо выше среднего баллы по всем шкалам опросника. Наибольшие показатели были получены по шкалам «Глобальное самооотношение» ($M = 82, \sigma = 24$) и «Самоинтерес» ($M = 84, \sigma = 22$).

По пятифакторному личностному опроснику (Р.Мак-Крае, П. Коста) были получены высокие баллы по шкалам «Экспрессивность» ($M = 58, \sigma = 6$), «Привязанность» ($M = 56, \sigma = 5,2$) и «Самоконтроль» ($M = 56, \sigma = 6,1$) и таким первичным фактором, как «Сотрудничество» ($M = 11,9, \sigma = 1,7$), «Уважение других» ($M = 11,8, \sigma = 2$), «Настойчивость» ($M = 12, \sigma = 1,7$), «Ответственность» ($M = 12,1, \sigma = 1,8$).

По результатам диагностики эмпатических способностей (В.В. Бойко) были получены баллы выше среднего по всем шкалам опросника. Интегральный показатель эмпатии также имел значение выше среднего ($M = 28, \sigma = 2,6$).

Также нами было решено выяснить уровень субъективной удовлетворенности различными сферами жизни у респондентов. Оценка производилась по шкале от 0 до 5. Было выявлено, что начинающие психологи-консультанты в большей степени удовлетворены семейными отношениями ($M = 4,1, \sigma = 0,7$) и отношениями с друзьями ($M = 3,9, \sigma = 0,8$), меньше всего — своей карьерой ($M = 2,9, \sigma = 0,9$), учебной ($M = 3,1, \sigma = 1$) и личной жизнью ($M = 3,1, \sigma = 1$).

На втором этапе респонденту предлагалось внимательно просмотреть видеозаписи с обращениями клиентов за психологической помощью. Участник исследования мог посмотреть каждую видеозапись только один раз. Затем ему предлагалось заполнить специально разработанную форму оценки клиента и его

проблемной ситуации, были подсчитаны средние показатели по оценке клиентов по различным параметрам. Всего предлагалось просмотреть и затем оценить три видеозаписи с клиентами — двумя женщинами и одним мужчиной.

Сначала мы анализировали, какими характеристиками в порядке предпочтения описывают клиентов начинающие психологи-консультанты. Самыми популярными в оценке клиентов оказались характеристики: «расстроенный», «напуганный», «осторожный», «искренний», «открытый». Такие качества, как «авантюрный», «привлекательный», «агрессивный», «мужественный», «неприятный», «счастливый», не были использованы для описания клиентов или были использованы малое количество раз.

Следующий вопрос анкеты был направлен на выяснение того, какие проблемные сферы склонны обнаруживать у клиентов начинающие психологи-консультанты. Оказалось, что психологи, принявшие участие в исследовании, считали, что у всех трех клиентов есть трудности в отношениях, установлении близости и в эмоциональной сфере.

Далее мы решили выяснить, насколько серьезной и трудной начинающие психологи-консультанты считают проблему клиента и как они оценивают силы клиента. Участники оценили проблемы всех клиентов как не слишком серьезные и посчитали, что клиенты имеют достаточно сил для того, чтобы с ними справиться.

Кроме этого, был проанализирован вопрос о частоте и продолжительности психологических консультаций. В большинстве случаев начинающие психологи-консультанты предпочли выбрать одну встречу в неделю, на протяжении 3–6 месяцев. Стоит отметить, что мнение о количестве потенциальных встреч со вторым клиентом-мужчиной резко отличается от других в большую сторону: консультанты чаще выбирали две встречи в неделю.

На вопрос, какие эмоции и чувства вызывают клиенты у начинающих психологов-консультантов, участники исследования как наиболее частый вариант отмечали интерес (50–72%) и сопереживание (62–78%). Не выбирали либо выбирали единично такие чувства, как гнев, отвращение, страх, стыд, вина.

На заключительном этапе исследования были установлены взаимосвязи особенностей личности с оценками клиентов и их проблемных ситуаций. Учитывались те личностные характеристики, которые вступали в корреляции как минимум с оценкой двух клиентов по одному и тому же параметру.

Результаты корреляционного анализа выявили, что показатели самоотношения положительно связаны с оценкой клиентов как «открытых» — кл. 2 (здесь и далее условное обозначение для клиента под № 2): $r = 0,36$ при $p \leq 0,05$, и кл. 3 (здесь и далее условное обозначение для клиента под № 3): $r = 0,36$ при $p \leq 0,05$; «интересных» — кл. 1 (здесь и далее условное обозначение для клиента под № 1): $r = 0,53$ при $p \leq 0,01$. Отрицательно эти показатели связаны с восприятием клиента как «сопротивляющегося терапии» (кл. 1: $r = -0,45$ при $p \leq 0,01$; кл. 3: $r = -0,35$ при $p \leq 0,05$) и такими чувствами, как презрение (кл. 1: $r = -0,48$ при $p \leq 0,01$; кл. 2: $r = -0,57$ при $p \leq 0,01$) и раздражение (кл. 1: $r = -0,36$ при $p \leq 0,05$; кл. 2: $r = -0,53$ при $p \leq 0,01$).

Фактор «Экстраверсия — интроверсия» положительно связан с интересом к клиенту (кл. 2: $r = 0,37$ при $p \leq 0,05$; кл. 3: $r = 0,37$ при $p \leq 0,05$), оценкой клиента как «искреннего» (кл. 2: $r = 0,44$ при $p \leq 0,05$; кл. 3: $r = 0,35$ при $p \leq 0,05$) и отрицательно — с восприятием клиента как «сопротивляющегося» (кл. 1: $r = 0,43$ при $p \leq 0,05$; кл. 2: $r = -0,35$ при $p \leq 0,05$).

Фактор «Привязанность и обособленность» имеет положительную взаимосвязь с оценкой клиента как «инфантильного» (кл. 1: $r = +0,50$ при $p \leq 0,01$; кл. 2: $r = +0,36$ при $p \leq 0,05$) и отрицательную — с чувством презрения (кл. 1: $r = -0,57$ при $p \leq 0,01$; кл. 2: $r = -0,37$ при $p \leq 0,05$), раздражения (кл. 1: $r = -0,41$ при $p \leq 0,05$; кл. 2: $r = -0,56$ при $p \leq 0,01$; кл. 1: $r = -0,39$ при $p \leq 0,05$) и отвращения к клиенту (кл. 1: $r = -0,35$ при $p \leq 0,05$; кл. 2: $r = -0,36$ при $p \leq 0,05$).

Первичный фактор «Доминирование» положительно связан с оценкой силы клиента (кл. 2: $r = 0,47$ при $p \leq 0,01$; кл. 3: $r = 0,36$ при $p \leq 0,05$) и отрицательно — с оценкой серьезности проблемы клиента (кл. 2: $r = -0,37$ при $p \leq 0,05$; кл. 3: $r = -0,41$ при $p \leq 0,05$), первичный фактор «Тревожность», наоборот, положительно связан с оценкой серьезности проблемы клиента (кл. 2: $r = 0,38$ при $p \leq 0,05$; кл. 3: $r = 0,36$ при $p \leq 0,05$) и отрицательно — с оценкой силы клиента (кл. 1: $r = -0,36$ при $p \leq 0,05$; кл. 3: $r = -0,36$ при $p \leq 0,05$).

Эмпатия имеет положительную связь с чувствами интереса к клиенту (кл. 1: $r = 0,37$ при $p \leq 0,05$; кл. 3: $r = 0,42$ при $p \leq 0,05$), волнения (кл. 1: $r = 0,39$ при $p \leq 0,05$; кл. 3: $r = 0,43$ при $p \leq 0,05$) и сопереживания (кл. 1: $r = 0,41$ при $p \leq 0,05$; кл. 3: $r = 0,38$ при $p \leq 0,05$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Полученные нами результаты позволяют говорить о том, что начинающие психологи-консультанты, принявшие участие в исследовании, имеют позитивное самоотношение. В целом они направлены на взаимодействие с окружающими, стремятся сотрудничать с ними, довольно экспрессивны и эмоциональны, порой тревожны и депрессивны. Тем не менее они имеют высокий самоконтроль, развитые эмпатические способности, настойчивы и ответственны в деятельности, любознательны и открыты новому опыту. На момент исследования начинающие психологи большей частью проявляли высокую активность, хорошее самочувствие и позитивное настроение и были удовлетворены отношениями в семье и с друзьями и не удовлетворены личными отношениями, учебой и карьерой. Данные результаты соответствуют предыдущим многочисленным исследованиям личности начинающих психологов.

Самыми популярными в оценке всех трех клиентов у начинающих консультантов оказались характеристики: «расстроенный», «напуганный», «осторожный», «искренний», «открытый», что подчеркивает обусловленность оценки клиента пониманием ситуации консультирования: обычно люди обращаются за помощью в сложные моменты жизни, поэтому они могут выглядеть расстроенными. Если же рассмотреть этот вопрос с точки зрения респондентов, то можно предположить, что описание всех клиентов с помощью таких характеристик связано с имеющимися у начинающих психологов ожиданиями и представлениями о потенциальных клиентах, которые могут обратиться к ним за помощью. В этих представлениях уже заложен некий обобщенный образ клиента, который осторожен, напуган, расстроен и ожидает помощи.

Психологи-консультанты редко оценивали клиентов как имеющих трудности с переживанием возрастных кризисов, трудности в сексуальной сфере и проблемы в полоролевом поведении. Как правило, такие проблемы являются для многих людей табуированными и о них не принято рассуждать. Начинающие психологи-консультанты также могли испытывать сопротивление при обсуждении данных тем.

Исследуемые отдавали предпочтение выбору таких проблемных зон, как близкие отношения и эмоции у всех трех клиентов. Возможно, здесь проявляется механизм проекции, поскольку большая часть участников исследования испытывала трудности в данной сфере и в целом была не удовлетворена личной жизнью и личными отношениями.

Касательно частоты и продолжительности встреч с клиентами мнение начинающих психологов в целом совпало с общепринятыми стандартами продолжительности психологического консультирования. Вызывает интерес желание чаще и дольше консультировать клиента под № 2. Это был молодой мужчина, которой говорил о некой проблеме с девушкой. Большая часть респондентов — молодые девушки, не удовлетворенные, как показали данные предыдущего этапа, личными отношениями; возможно, они как начинающие консультанты неосознанно стремились чаще встречаться с клиентом-мужчиной.

Чаще всего начинающие психологи-консультанты отмечали, что испытывают по отношению к клиентам такие эмоции и чувства, как интерес и сопереживание. Данный выбор вполне объясним: психологи видят клиента в первый раз, впервые слышат о его сложностях, следовательно, чувство интереса вполне обоснованно. Для лучшего понимания сложностей клиента и его личности психологи-консультанты используют механизм эмпатии, который базируется на чувстве сопереживания. Выделилась и такая группа эмоций и чувств, которые ни разу не были отмечены психологами-консультантами либо были выбраны единично: это гнев, отвращение, страх, стыд, вина. Данные чувства относятся к негативным, и их переживание при взаимодействии с другими людьми табуируется, тем более в ситуации психологического консультирования, соответственно о них не говорят, даже если в реальности их испытывают. Иными словами, начинающие консультанты, возможно, подавляли эти чувства и не допускали их в сферу сознания.

Перейдем к анализу взаимосвязей свойств личности и особенностей оценки клиентов. Начинающие психологи с положительным самоотношением зачастую воспринимают клиентов как «открытых», испытывают к ним интерес и не испытывают к ним таких чувств, как презрение и раздражение. При высоком уровне экстраверсии клиент кажется начинающему психологу скорее открытым и искренним, а при высоком уровне интроверсии сопротивляющимся, т. е. использующим механизмы психологической защиты. Участники исследования, которые стремятся быть независимыми и самостоятельными, держатся дистанцированно и обособленно от других, часто не понимают окружающих и относятся к ним холодно, могут испытывать к своим клиентам презрение, раздражение и отвращение и оценивать их как инфантильных. Начинающие психологи-консультанты, склонные к доминированию и власти, считают, что проблема клиента несерьезна и у него достаточно сил, чтобы с ней справиться. В противовес им тревожные психологи-

консультанты зачастую оценивают проблему клиента как крайне сложную для разрешения, а силы клиента — как недостаточные для того, чтобы преодолеть трудности.

Имеющиеся результаты позволяют заключить, что личностные особенности начинающих психологов-консультантов связаны с оценкой клиентов и их проблемных ситуаций. Одной из ключевых характеристик личности, имеющей наибольшее количество связей с оценкой клиентов и их проблемных ситуаций, является самоотношение, т. е. именно от самоотношения психолога-консультанта в большей степени зависят содержание и модальность оценки клиента и его проблемной ситуации.

ВЫВОДЫ

1. Для начинающих психологов-консультантов характерны высокие показатели по шкалам самоотношения, самоинтереса, самоконтроля, эмоциональной неустойчивости, привязанности, экспрессивности и эмпатии. Они отличаются стремлением сотрудничать с другими людьми, идти на компромисс, склонностью к установлению связей с окружающими, пониманием их состояний, мыслей и чувств, имеют высокую степень чувствительности, тревожности, склонны к депрессивным состояниям, но при этом на высоком уровне контролируют свою деятельность.

2. При оценке клиентов и их проблемных ситуаций начинающие психологи-консультанты чаще всего:
- оценивали клиентов в категориях «расстроенный», «напуганный» «осторожный», «искренний», «открытый» и избегали оценочных категорий «привлекательный — непривлекательный» и «агрессивный»;
 - описывали проблемы, связанные с поддержанием и установлением качественных, долгосрочных, доверительных отношений и трудностей в эмоциональной сфере, что фактически отражает трудности самих начинающих психологов-консультантов, реже всего — как имеющих трудности в сексуальной сфере и проблемы в полоролевом поведении;
 - испытывали по отношению к клиентам и их проблемным ситуациям такие чувства, как сопереживание и интерес, и практически не отмечали, что испытывают гнев, отвращение, страх, стыд, вину.

3. Личные характеристики начинающих психологов-консультантов взаимосвязаны с оценкой клиентов и их проблемных ситуаций следующим образом:

- консультанты с позитивным самоотношением склонны оценивать клиентов как открытых, интересных, имеющих все ресурсы, чтобы справиться с проблемой. Психологи с негативным самоотношением склонны воспринимать клиентов как сопротивляющихся и испытывать к ним раздражение и презрение;
- показатель «Экстраверсии — интроверсии» взаимосвязан с тем, как начинающие психологи-консультанты будут воспринимать клиентов — как искренних или как сопротивляющихся;
- начинающие консультанты с высоким уровнем обособленности от окружающих имеют тенденцию видеть своих клиентов как инфантильных и испытывать к ним раздражение и презрение;
- консерватизм, нечувствительность, ригидность являются качествами личности, которые способствуют оценке своих клиентов как сопротивляющихся терапии и побуждают испытывать к ним чувство презрения и раздражения;
- начинающие консультанты, стремящиеся к доминированию и власти, склонны полагать, что проблема клиента несерьезна; консультанты с высоким уровнем тревожности, наоборот, оценивают проблему клиента как очень сложную для решения.

4. Неудовлетворенность собой в сфере личных отношений может приводить к неосознаваемому стремлению начинающего консультанта увеличивать частоту консультаций в неделю с клиентом противоположного пола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айви А. Е., Айви М. Б., Саймек-Даунинг J. I. Консультирование и психотерапия. Сочетание теории и практики / пер. с англ. Новосибирск, 1987.
2. Бадхен А. А., Бадхен М. В., Зелинский С. М. и др. Мастерство психологического консультирования. М., 2014 (сер. Психологический практикум).
3. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб., 2002.
4. Глэддинг С. Психологическое консультирование. 4-е изд. СПб., 2002.

5. Коттлер Дж. Совершенный психотерапевт. Работа с трудными клиентами. СПб., 2002.
6. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. М., 1999.
7. Линде Н. Д. Психологическое консультирование. Теория и практика: учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М., 2013.
8. Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы / под ред. А. А. Бодалева, И. М. Карлинской, С. Р. Пантिलеева, В. В. Столина. М., 1988.
9. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / ред. и сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 2001.
10. Райгородский Д. Психологическое консультирование: практическое руководство. Самара, 2014.
11. Реан А. А. Психология личности. СПб., 2013.
12. Роджерс К. Консультирование и психотерапия. М., 1999.
13. Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности: учеб. -методич. пособие. Курган, 2000.
14. Herskovitz-Kelner N. The influence of psychotherapists mood, personality traits, and life events on clinical formulations and treatment recommendations: doct. diss. McGill University. Montreal (Canada), 1997.

А. Ю. ПОДВИГИНА, М. В. ДАНИЛОВА

e-mail: podvigina.spbu@yandex.ru, m.v.danilova@spbu.ru

Бакалавриат

ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОДРОСТКОВ В СВЯЗИ С ЛИЧНОСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ И ОСОБЕННОСТЯМИ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ РАЗВИТИЯ

Цель данного исследования — изучение статусов гендерной и личностной идентичности подростков в связи с личностными характеристиками и особенностями социальной среды. В исследовании принимали участие подростки, воспитывающиеся в семьях и детском доме, всего 81 человек. Было выявлено, что подростки, воспитывающиеся в разных ситуациях развития, различаются по содержанию профессионального выбора, ценностно-смысловой сферы, предпочтениям проведения досуга, а также в процессе личностной и гендерной идентификации задействуют различные личностные ресурсы. Нарушенные детско-родительские отношения являются неблагоприятным условием для достижения позитивных статусов идентичности. Исследование позволило получить важные данные относительно внутриличностных ресурсов, благоприятных и неблагоприятных внешних условий становления идентичности в подростковом возрасте.

Ключевые слова: подростковый возраст, личностная идентичность, гендерная идентичность, социальная среда, характеристики личности.

THE SELF-IDENTITY OF ADOLESCENTS IN CONNECTION WITH PERSONAL TRAITS AND FEATURES OF THE SOCIAL ENVIRONMENT

The aim of this research was to examine adolescent gender and personal identity status in connection with their personal traits and characteristics of the social environment. The study involved 81 adolescents — orphans and non-orphans. It was found that teenagers who have different family education background are different in their professional self-determination, value-semantic content, preference ways of leisure activities and involve different personal resources during the identity formation process. Damaged parent-child relationships become an obstacle in formation of positive identity status. Thus, our study allowed revealing important data about intrapersonal resources and about favorable and unfavorable conditions of identity formation in adolescence.

Keywords: adolescence, personal identity, gender identity, social environment, personal traits.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

В становлении термина «идентичность» как междисциплинарного понятия и в расширении поля его применения важную роль сыграл американский психолог Э. Эриксон (1996). Среди представителей отечественной психологии, занимающихся проблемой идентичности, стоит отметить И. С. Кона (1978). В контексте деятельностного подхода в психологии проблему социальной идентичности разрабатывает В. С. Агеев (1990).

Исследуя в качестве важнейших внешних факторов, влияющих на становление идентичности, среду межличностного общения подростков, увлечения, детско-родительские отношения, мы обращаемся к трудам Л. И. Божович (1968), Л. С. Выготского (1984), А. Н. Леонтьева (1959).

Внутренние факторы формирования идентичности подростков сопряжены с проблемами самоотношения (Столин, 1983; Кон, 1984; Пантिलеев, 1993), психологическими аспектами ценностно-смысловой сферы личности и с вопросами удовлетворенности жизнью (Василюк, 1984; Асмолов, 1990; Абульханова, 1991; Леонтьев, 2003). В качестве еще одного внутреннего фактора становления идентичности мы выделяем доверие к себе — феномен, которому были посвящены работы В. П. Зинченко (2001), Е. П. Ильина (2013) и который сегодня глубоко изучается многими психологами, среди них А. Б. Купрейченко (2008), Т. П. Скрипкиной (2010). И наконец, учитывая индивидуально-психологические особенности подростков, мы опираемся на теорию личности Р. Кеттелла.

Сегодня понятие идентичности является востребованным в поле нескольких социально-гуманитарных наук. Актуальность данного вопроса во многом обусловлена проблемами и изменениями, возникающими в настоящий момент в культуре и обществе. Особую важность представляет выделение основных условий формирования идентичности для оценки благоприятных и неблагоприятных факторов, воздействующих

на процесс становления идентичности. Это позволит оценить особенности процесса идентификации современных подростков, задаст критерии психологической работы с подростками.

Цель исследования: изучить статусы идентичности в старшем подростковом возрасте в связи с личностными характеристиками и особенностями социальной среды.

Задачи исследования:

1. Провести анализ данных анкеты: параметров ситуации развития, межличностной среды общения, досуговой сферы, профессионального выбора,
2. Проанализировать параметры статусов идентичности подростков;
3. Исследовать особенности детско-родительских отношений подростков, воспитывающихся в семье, и взаимодействий воспитанников детского дома с их воспитателями;
4. Провести анализ индивидуально-личностных особенностей подростков: уровня доверия к себе, показателей самооценки, черт личности;
5. Изучить взаимосвязи параметров идентичности подростков с показателями их индивидуально-психологических особенностей, учитывая характеристики среды развития.

Гипотезы исследования:

1. Респонденты, воспитывающиеся в семьях, демонстрируют более позитивные статусы идентичности, чем респонденты, воспитывающиеся в детском доме.
2. Респонденты с более гармоничными детско-родительскими отношениями демонстрируют более позитивные статусы идентичности, чем респонденты с негармоничными детско-родительскими отношениями.
3. Параметры гендерной и личностной идентичности, отражая процессы самоопределения, в подростковом возрасте активно включаются в структуру личностных характеристик.

Предмет исследования: идентичность подростков в связи с личностными характеристиками и особенностями социальной среды развития.

Объект исследования: идентичность, характеристики личности и межличностных взаимоотношений.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании принимали участие подростки в возрасте от 13 до 17 лет, всего 81 человек (22 воспитанника детского дома, из них 12 девушек и 10 юношей; 59 подростков, воспитывающихся в семьях, из них 30 девушек и 29 юношей).

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании применялись следующие методы:

1. Авторская анкета, в которую были включены вопросы, касающиеся социально-демографических характеристик респондентов, досуговой сферы, профессионального выбора, среды межличностного общения.
2. Методика изучения личностной идентичности (МИЛИ) (Шнейдер, 2007).
3. Методика исследования гендерной идентичности (МИГИ) (Шнейдер, 2007).
4. Экспресс-диагностика уровня психоэмоционального напряжения и его источников: шкалы О. С. Копиной (Копина, Суслова, Заикин, 1994).
5. Методика исследования детско-родительских отношений подростков О. А. Карабановой, П. В. Трояновской (ДРОП) (Лидерс, 2006). В целях исследования взаимоотношений подростков детского дома со значимыми взрослыми, заменяющими родительскую семью, вопросы опросника были переформулированы на взаимоотношения с воспитателем; вопросы, касающиеся мнения подростка об отношении родителей друг к другу, были исключены.
6. Методика исследования самооценки (МИС) (Пантеев, 1993).
7. Рефлексивный опросник уровня доверия к себе Т. П. Скрипкиной (Купрейченко, 2008).
8. Методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла (форма С) (Капустина, 2001).

Для обработки данных были применены: описательные статистики, параметрические методы сравнения выборок (критерий t -Стюдента для независимых выборок); непараметрические методы сравнения независимых выборок (критерий U — Манна — Уитни); корреляционный анализ (по коэффициенту корреляции r -Пирсона). Обработка данных осуществлялась с применением программы SPSS.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборка была разделена на 2 группы. В первую группу вошли респонденты, воспитывающиеся в детском доме, вторую группу составили испытуемые, воспитывающиеся в семьях (далее — группа 1, включающая воспитанников детского дома, и группа 2, включающая подростков, воспитывающихся в семьях).

Сравнительный анализ данных анкеты по критерию U — Манна — Уитни показал достоверные различия в выборе хобби из творческой сферы ($p \leq 0,05$). Подростки, воспитывающиеся в семье, ориентированы на занятия творчеством больше, чем подростки из детского дома. Сравнительный анализ по сферам профессионального выбора по критерию U — Манна — Уитни выявил достоверные различия относительно сфер творческих профессий ($p \leq 0,05$). Подростки из детского дома достоверно чаще выбирают в качестве будущей профессии связанные с творчеством.

Данные методики МИГИ показали, что статусы гендерной идентичности распределены в группе 1 следующим образом: статус диффузной идентичности — 60%, статус моратория идентичности — 20%, статус преждевременной идентичности — 20%. Статусы достигнутой и псевдопозитивной идентичности в группе 1 не проявились. В группе 2: статус преждевременной идентичности — 57%, статус диффузной идентичности — 36%, мораторий идентичности — 7%. Статусов достигнутой и псевдопозитивной идентичности в группе 2 не обнаружилось.

Данные методики МИЛИ показали, что статусы личностной идентичности распределены в группе 1 следующим образом: статус диффузной идентичности — 50%; мораторий идентичности — 41,6%; статус псевдопозитивной идентичности — 8,3%. Лиц со статусами преждевременной и достигнутой идентичности не обнаружилось. В группе 2: статус моратория идентичности — 32%; статус диффузной идентичности — 27%; статус достигнутой идентичности — 20%; статус псевдопозитивной идентичности — 18%; статус преждевременной идентичности — 2%.

Сравнение средних значений методики ДРОП по t-критерию Стьюдента выявил достоверные различия групп по шкалам «Принятие» ($p < 0,01$), «Эмпатия» ($p < 0,01$ при сравнении с отношениями «мать — подросток»; $p < 0,05$ при сравнении с отношениями «отец — подросток»), «Эмоциональная дистанция» ($p \leq 0,001$ при сравнении с отношениями «мать — подросток»; $p < 0,01$ при сравнении с отношениями «отец — подросток») (рис. 1, 2).

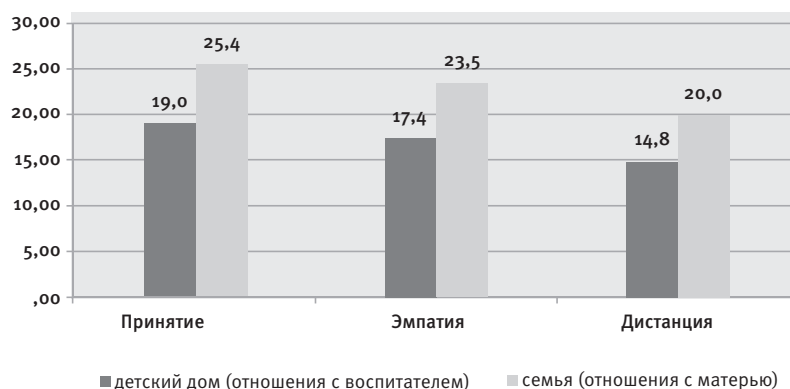

Рис. 1. Параметры эмоциональных отношений подростков с матерями и воспитателями (в баллах)

Сравнительный анализ параметров общения и взаимодействия в структуре отношений «воспитатель — воспитанник детского дома» и детско-родительских отношений показывает достоверные различия между группами по шкалам «Сотрудничество» ($p < 0,01$ при сравнении с отношениями «мать — подросток»; $p < 0,05$ при сравнении с отношениями «отец — подросток»), «Принятие решений» ($p \leq 0,001$ при сравнении с отношениями «мать — подросток»; $p < 0,05$ при сравнении с отношениями «отец — подросток»), «Поощрение автономности» ($p \leq 0,001$) (рис. 3, 4).

С уровнем значимости $p \leq 0,05$ отцы подростков, воспитывающихся в семьях, в меньшей степени склонны к искажению образа своих детей, чем воспитатели к искажению образа воспитанников детского дома.

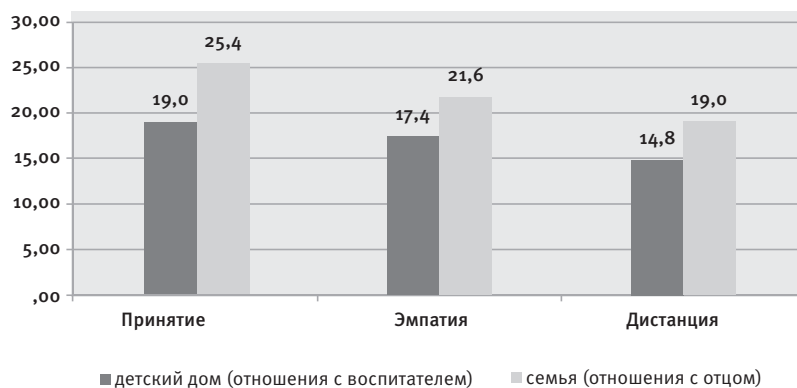

Рис. 2. Параметры эмоциональных отношений подростков с отцами и воспитателями (в баллах)

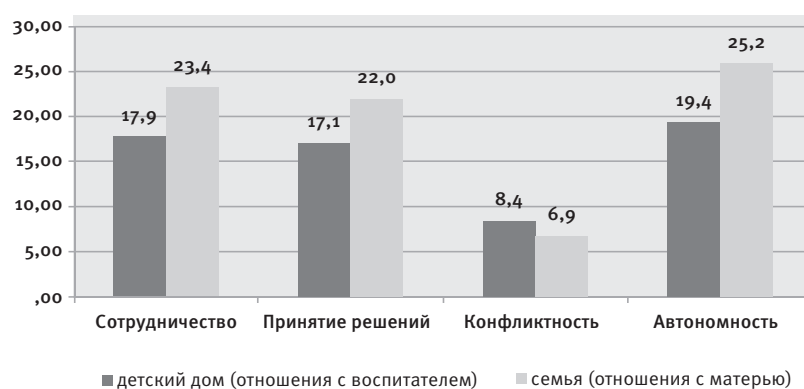

Рис. 3. Показатели общения и взаимодействия подростков с матерями и воспитателями (в баллах)

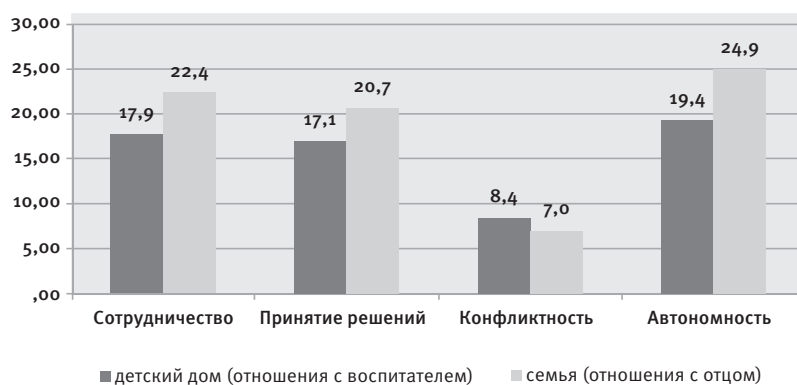

Рис. 4. Показатели общения и взаимодействия подростков с отцами и воспитателями (в баллах)

Согласно данным по методике МИС, показатели самоотношения находятся в пределах средних значений и для группы 1, и для группы 2.

Сравнительный анализ по *t*-критерию Стьюдента параметров доверия к себе выявил достоверные различия по параметрам «Доверие в учебной деятельности» ($p \leq 0,01$), «Доверие в интеллектуальной деятельности» ($p < 0,01$), «Доверие в умении строить взаимоотношения с родителями» ($p < 0,05$). Оценки доверия к себе в перечисленных выше сферах достоверно выше у подростков, воспитывающихся в семье.

При анализе данных многофакторного опросника Кеттелла было выявлено, что в обеих группах наиболее выражен фактор L (осторожность) с положительным полюсом. Выявлены достоверные различия двух групп по значениям фактора G (стабильность, нормативность) ($p \leq 0,01$). Способность к саморегуляции выражена у подростков из детского дома меньше, чем у подростков из семей.

Анализ взаимосвязей между показателями данных анкеты и статусами идентичности в группе 1 выявил отрицательную связь ($p \leq 0,01$) между параметром «Диффузная гендерная идентичность» и параметром «Наличие выбора профессии». Анализ взаимосвязей параметров отношений между воспитателями и воспитанниками детского дома и статусов идентичности в группе 1 показал, что параметр «Мораторий гендерной идентичности» положительно связан ($p \leq 0,05$) с параметром «Поощрение автономности со стороны воспитателя».

Анализ взаимосвязей параметров детско-родительских отношений в группе 2 выявил следующие связи:

- отрицательная связь параметра «Диффузная личностная идентичность» с параметрами «Принятие со стороны матери», «Эмпатия со стороны матери»;
- положительная связь параметра «Диффузная личностная идентичность» с параметрами «Неадекватный образ ребенка у матери», «Неадекватный образ ребенка у отца»;
- отрицательная связь параметра «Диффузная личностная идентичности» с параметром «Удовлетворенность отношениями с матерью».

Анализ взаимосвязей параметров доверия к себе, самооотношения, ценностно-смысловой сферы и статусов идентичности в группе 1 позволил установить наличие отрицательной связи параметра «Диффузная личностная идентичность» с параметрами «Отраженное самооотношение», «Доверие в решении бытовых проблем», «Доверие в умении интересно провести досуг», «Доверие в интеллектуальной сфере», «Доверие в умении строить взаимоотношения с родителями».

Анализ взаимосвязей параметров доверия к себе, самооотношения, ценностно-смысловой сферы и статусов идентичности в группе 2 выявил следующие связи:

- параметр «Отраженное самооотношение» отрицательно связан с параметром «Диффузная личностная идентичность»;
- параметр «Самоценность» отрицательно связан с параметром «Диффузная гендерная идентичность»;
- параметры «Доверие в умении строить взаимоотношения с учителями», «Доверие в умении строить взаимоотношения с маленькими детьми» отрицательно связаны с параметром «Диффузная личностная идентичность».

Анализ взаимосвязей индивидуально-личностных особенностей и статусов идентичности в группе 1 позволил установить следующие связи:

- фактор E (доминирование — подчинение) положительно связан с параметром «Преждевременная гендерная идентичность»;
- фактор N (прямолинейность — дипломатичность) отрицательно связан с параметром «Диффузная гендерная идентичность»;
- фактор O (спокойствие — тревожность) положительно связан с параметрами «Диффузная личностная идентичность» и «Диффузная гендерная идентичность»;
- фактор O отрицательно связан с параметрами «Мораторий личностной идентичности», «Мораторий гендерной идентичности»;
- фактор Q₃ (низкий самоконтроль — высокий самоконтроль) положительно связан с параметром «Мораторий личностной идентичности» и отрицательно — с параметром «Диффузная личностная идентичность».

Анализ взаимосвязей индивидуально-личностных особенностей и статусов идентичности в группе 2 выявил следующие связи:

- фактор E (подчиненность — доминантность) отрицательно коррелирует с параметром «Диффузная личностная идентичность»;
- фактор L (доверчивость — подозрительность) отрицательно связан с параметром «Мораторий личностной идентичности»;
- факторы O (спокойствие — тревожность) и I (жесткость — чувствительность) отрицательно связаны с параметром «Псевдопозитивная личностная идентичность».

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Психологами (О. М. Анисимова, 2008; Е. Г. Трошихина, 2008; Т. В. Галкина, 2011) показано влияние детско-родительских отношений на личность ребенка, отмечается, что качество сформированной привязанности, взаимоотношений, способности родителей сопереживать ребенку, принимать и уважать его являются предпосылками гармоничного развития личности. Кроме того, авторы рассматривают важность формирования у детей и подростков самоуважения как одного из оснований целостности личности. В исследовании А. И. Подольского, О. А. Идобаевой, П. Хейманса (2004) показано, что одной из основных причин эмоциональной угнетенности подростков является утрата или ухудшение эмоциональных контактов с родителями. В условиях семейной депривации у подростков наблюдается деформация эмоциональной, личностной, мотивационной сфер. В исследовании Л. Ф. Сенкевич (2006) показано, что у подростков-сирот диагностируется сниженный уровень самооценки, нарушение личностного развития, задержка процессов самоопределения и самоидентификации. В нашем исследовании мы нашли подтверждение полученным ранее данным, связывая проблему со сформированностью гендерной и личностной идентичности подростков, воспитывающихся в разных социальных условиях.

Выраженность статуса диффузной гендерной и личностной идентичности у воспитанников детского дома свидетельствует о том, что процесс их самоопределения чаще всего сводится к игнорированию трудностей процесса идентификации, сопровождается отсутствием прочных целей и ценностей, низким уровнем самостоятельности. Кроме того, у части респондентов первой группы идентификация с каким-либо гендером не является результатом самостоятельного выбора.

В сфере профессионального самоопределения для воспитанников детского дома характерно отдавать предпочтение творческим профессиям, вместе с тем не занимая творческими хобби свой досуг. Здесь возникает вопрос о мотивации выбора профессии у воспитанников детского дома, который представляется важным и требует дополнительного изучения. Для воспитанников детского дома формирование негативных статусов гендерной идентичности может отразиться на способности сформировать профессиональные планы.

Данные статуса моратория личностной идентичности у подростков из семей говорят не только о нестабильности и кризисном характере этой сферы самоопределения, но и о серьезной активности в поиске его разрешения. В их гендерной самоидентификации чаще всего встречается устойчивый статус прежвременной идентичности.

Исходя из полученных данных о детско-родительских отношениях подростков и отношениях «воспитатель — воспитанник», мы можем сделать вывод о том, что подростки в семье в большей степени, чем воспитанники детского дома, получают поддержку, испытывают эмоциональную близость с воспитателем. Отношения «родители — подросток» также в большей степени характеризуются ориентацией на сотрудничество, разделение ответственности. Кроме того, родители подростков из семей в меньшей степени подвержены искажению образа своего ребенка, чем воспитатели детского дома — искажению образа воспитанника детского дома. В свою очередь выяснилось, что подростки, имеющие эмоционально теплые, доверительные отношения с матерью, меньше подвержены неустойчивости, размыванию образа своего «Я», чем те подростки, у которых отношения с матерями характеризуются меньшей положительной эмоциональной наполненностью. Также было установлено, что чем больше искажений в образе ребенка имеют родители, тем более расплывчатый образ себя имеет и сам подросток.

Воспитанники детского дома отличаются от подростков, воспитывающихся в семье, по уровню доверия к себе в некоторых сферах жизнедеятельности, испытывая большие трудности в самостоятельной организации своей учебной и интеллектуальной деятельности, а также в умении строить взаимоотношения с родителями. Выяснилось, что чем меньше подростки из детского дома доверяют себе в ряде сфер жизнедеятельности, чем меньше ощущают себя принятыми окружающими, тем больший уровень неопределенности испытывают в процессе становления личностной и гендерной идентичности. Подобная тенденция сохраняется и для подростков из семей в процессе становления личностной идентичности, но наиболее уязвимыми в этом плане оказываются подростки, воспитывающиеся в детском доме.

Подростки обеих групп характеризуются низким уровнем доверия к окружающим. Воспитанники детского дома демонстрируют меньшую нормативность поведения, чем подростки, воспитывающиеся в семьях. Наблюдаются различия в связях между статусами идентичности и индивидуально-личностными особенностями подростков первой и второй групп. Личностными чертами-помехами для подростков,

воспитывающихся в детском доме, могут стать излишнее доминирование, своеобразие, прямолинейность в становлении позитивных статусов гендерной идентичности; низкий самоконтроль — в становлении позитивных статусов личностной идентичности; беспокойство, тревожность — в становлении позитивных статусов и личностной, и гендерной идентичности. В становлении позитивных статусов личностной идентичности подростков, воспитывающихся в семьях, помехами могут стать такие личностные черты, как подчиняемость, подозрительность, жесткость, беспечность, самонадеянность.

ВЫВОДЫ

1. Воспитанники детского дома испытывают трудности в гендерном и личностном самоопределении, которые выражаются в том, что одни из основных возрастных задач оказываются не только не решенными, но и не востребованными к решению. Среди подростков, воспитывающихся в семье, в личностном самоопределении чаще всего встречается статус моратория, а в гендерном — статус преждевременной идентичности.

2. Воспитанники детского дома находят интересными профессии, связанные с творчеством, однако не занимают творчеством свой досуг. В таком случае можно говорить о недостаточной зрелости их профессионального выбора.

3. В наиболее важных ценностях для группы воспитанников детского дома прослеживается наличие направленности на себя (выбор интересной работы, здоровье) в противоположность наиболее важным ценностям группы подростков из семьи (семья, близкие люди), в этих ценностях прослеживается потребность в созидании, заботе о других.

4. Подростки из детского дома практически лишены такого значимого для них ресурса, как поддержка, эмпатия, эмоциональная близость в отношениях с воспитывающим лицом.

5. Подростки обеих групп характеризуются низким уровнем доверия к окружающим. У подростков из детского дома меньше выражена способность к саморегуляции. В сравнении с подростками из семей трудности с доверием к себе у них возникают в важнейших для подросткового возраста зонах развития личности: ведущая психическая функция (интеллектуальная), важнейшая деятельность (учебная) и важнейший институт социализации и интеграции подростка во взрослую жизнь (семья и взаимоотношения с родителями).

6. Гармонизация детско-родительских отношений способствует снижению выраженности негативных и становлению более позитивных статусов идентичности.

7. Статусы идентичности имеют различные взаимосвязи с параметрами самоотношения и в группе 1, и в группе 2. Респонденты с искаженным самоотношением демонстрируют менее позитивные статусы идентичности (диффузную идентичность). Эти данные показывают, что процесс становления идентичности сопряжен с динамикой составляющих самоотношения.

8. Респонденты, обладающие позитивными статусами идентичности (мораторий идентичности), демонстрируют более высокий уровень доверия к себе по сравнению с респондентами, обладающими статусами негативной идентичности (преждевременной, диффузной и псевдопозитивной).

9. В ходе исследования обнаружилось, что существуют черты личности, способствующие или препятствующие успешному становлению позитивных статусов идентичности, причем они различны для двух исследуемых нами групп. С целью развития позитивного статуса моратория идентичности, наиболее характерного для подросткового возраста, и снижения выраженности диффузного статуса для воспитанников детского учреждения могут быть полезны мероприятия, направленные на повышение самоконтроля поведения, снижение тревожности и освоение навыков социального взаимодействия, а с подростками, воспитывающимися в семье, работа может быть направлена на повышение уверенности в себе и доверчивости, открытости к окружающим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991.
2. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.
3. Анисимова О. М., Трошихина Е. Г. Самоуважение и развитие личности // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. Вып. 4. С. 65–74.
4. Асмолов А. Г. Психология личности. М., 1990.

5. Васильюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М., 1984.
6. Выготский Л. С. Проблема возраста // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4, ч. 2. М., 1984. С. 244–268.
7. Галкина Т. В. Самооценка как процесс решения задач: системный подход. М., 2011.
8. Зинченко В. П. Психология доверия. Самара, 2001.
9. Ильин Е. П. Психология доверия. СПб., 2013.
10. Капустина А. Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб., 2001.
11. Копина О. С., Сулова Е. А., Заикин Е. В. Психоэмоциональное напряжение и его источники у населения г. Клиницы Брянской области // Здравоохранение Российской Федерации. 1994. № 5. С. 57–53.
12. Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М., 1984.
13. Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978.
14. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008.
15. Леонтьев А. Н. К теории развития психики ребенка // Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1959. С. 286–302.
16. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М., 2003.
17. Пантिलеев С. Р. Методика исследования самоотношения. М., 1993.
18. Подольский А. И., Идобаева О. А., Хейманс П. Диагностика подростковой депрессивности: теория и практика: учеб. пособие. СПб., 2004.
19. Сенкевич Л. Ф. Динамика личностного развития социальных сирот в подростковом возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
20. Скрипкина Т. П., Крищенко Е. П. Доверие как фактор развития субъектности в онтогенезе. Ростов н/Д., 2010.
21. Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983.
22. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007.
23. Эриксон Э. Г. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Е. О. ПУГАЧЕВА, Е. А. БУРИНА

e-mail: katerina_pugacheva@inbox.ru.

Специализация «Клиническое консультирование и коррекционная психология»

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ЖЕНЩИН С ГОМОСЕКСУАЛЬНОЙ И БИСЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ (ВОЛОНТЕРОВ ОРГАНИЗАЦИИ «ВЫХОД»)

В данном исследовании изучались субъективно значимые эпизоды биографии, влияющие на формирование сексуальной идентичности, биографические данные, сопутствующие ее формированию, а также особенности самоотношения и выраженность невротической симптоматики у женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией. Выборку исследования составили волонтеры организации «Выход» — 20 женщин с гомосексуальной ориентацией и 18 женщин с бисексуальной ориентацией. Было выявлено, что женщины с бисексуальной ориентацией менее подвержены переживанию внутренней гомофобии, чем гомосексуальные женщины. Женщины с гомосексуальной ориентацией задумываются о своей ориентации раньше и размышляют дольше, чем бисексуальные женщины. Уровень аутосимпатии у гомосексуальных женщин выше по сравнению, с бисексуальными женщинами. Гомосексуальные и бисексуальные женщины не различаются по уровню выраженности невротической симптоматики.

Ключевые слова: сексуальная ориентация, сексуальная идентичность, внутренняя гомофобия, самоотношение, нарратив, невротическая симптоматика.

SEXUAL IDENTITY FORMATION FEATURES OF WOMEN WITH HOMOSEXUAL AND BISEXUAL ORIENTATION (VOLUNTEERS OF «COMING OUT» ORGANIZATION)

In this thesis work we investigated the most subjectively significant biography episodes of women with bisexual and homosexual orientation: sexual identity formation, biographical data accompanying the formation, self-attitude and neurotic symptoms severity. The sample was formed of the volunteers of “Coming Out” organization. 38 women took part in the research. It was found that women with bisexual orientation less prone to experience internalized homophobia than homosexual women. Women with a homosexual orientation start to think about their sexuality earlier and deliberate longer than bisexual women. The level of homosexual women autosympathy is higher than that of bisexual. Homosexual and bisexual women did not differ in the level of neurotic symptoms expression.

Keywords: sexual orientation, sexual identity, internalized homophobia, self-attitude, narrative, neurotic symptoms.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Несмотря на то, что Американская психиатрическая организация исключила гомосексуальность из списка психических расстройств еще в 1973–1974 гг., а Всемирная организация здравоохранения — в 1990 г., многие люди продолжают относиться к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией с предубеждением. Так, в 2013 г. Pew Research Center провел глобальное социологическое исследование отношения к гомосексуальности в разных странах. В России гомосексуальную ориентацию готовы были принять лишь 16 % респондентов, что меньше на 4 % по сравнению с данными 2007 г. (Kohut, 2013). Интернализация гомосексуалами нетерпимого отношения к гомосексуальности приводит к внутренней гомофобии. «Под воздействием внешних условий гомо- и бисексуалы усваивают отрицательное отношение к гомосексуальности и бисексуальности и, как следствие, открывая в себе “инаковую” сексуальность, трансформируют внешнее знание в соответствующее самоотношение» (Черныш, 2010, с.134). Внутренняя гомофобия проявляется в негативном отношении к себе и заниженной самооценке и ведет к формированию выраженных психологических защит, которые не только ограждают индивида от стресса, но и ведут к отчуждению от самого себя (Дейвис, Нил 2001).

Цель исследования: выявление особенностей формирования сексуальной идентичности и особенностей отношения к себе женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией.

Задачи исследования:

1. Выявить наиболее существенные, субъективно значимые для женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией события, влияющие на формирование сексуальной идентичности.

2. Изучить факторы, сопутствующие формированию сексуальной идентичности у женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией.

3. Изучить особенности отношения к себе женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией.

4. Выявить степень выраженности невротической симптоматики у женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией.

5. Исследовать взаимосвязь факторов, сопутствующих формированию сексуальной идентичности, с особенностями самоотношения и степенью выраженности невротической симптоматики у женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией.

Гипотезы исследования:

1. Выраженность внутренней гомофобии в процессе формирования сексуальной идентичности у женщин с гомосексуальной ориентацией сильнее, чем у женщин с бисексуальной ориентацией.

2. Уровень глобального самоотношения у женщин с гомосексуальной ориентацией выше, нежели у женщин с бисексуальной ориентацией.

Объект исследования: взрослые женщины с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией.

Предмет исследования: биографии женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией, в частности субъективно значимые эпизоды биографии, оказавшие, с их точки зрения, влияние на становление их сексуальной идентичности; особенности их отношения к себе, невротическая симптоматика.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборку исследования составили 38 женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией в возрасте от 19 до 31 года, являющиеся волонтерами Санкт-Петербургской организации «Выход». Средний возраст респонденток — 24,16 года. Из них 20 человек составляют группу женщин с гомосексуальной ориентацией, 18 — с бисексуальной ориентацией. Средний возраст испытуемых с гомосексуальной ориентацией — 24,35 года, бисексуальной — 23,94 года.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования были использованы следующие методы:

1. Для выявления субъективно наиболее существенных факторов, повлиявших на становление сексуальной идентичности женщин, а также изучения переживания внутренней гомофобии в онтогенезе был использован метод нарративного интервью. Участницам был задан вопрос: «Расскажите, пожалуйста, про период становления вашей сексуальной идентичности», а также ряд вопросов, касающихся определенных фактов их биографии. Ответы на вопросы в интервью фиксировались с помощью диктофонной записи, затем транскрибировались и кодировались. В интерпретации результатов интервью учитывались темы, события и Я-определяющие воспоминания, которые женщины озвучивали в ходе ответа на первый вопрос, а также определенные биографические эпизоды.

2. Для исследования особенностей отношения к себе был использован Опросник самоотношения. Опросник включает следующие шкалы: глобальное самоотношение (интегральное чувство «за» или «против» собственного я), самоуважение, аутосимпатия, ожидаемое отношение других, самоинтерес, самоуверенность, отношении других, самопринятие, саморуководство, самообвинение, самопонимание (Пантилев, Столин, 2003).

3. Для выявления выраженности невротической симптоматики был использован Опросник невротических расстройств Е. Александровича — симптоматический, в адаптации НИПНИ им. В.М. Бехтерева. Опросник включает следующие шкалы: тревожно-фобическое расстройство, депрессивное расстройство, аффективная напряженность, расстройство сна, аффективная лабильность, астенические расстройства, сексуальные расстройства, дереализационные-деперсонализационные расстройства, обсессивные расстройства, нарушение социальных контактов, ипохондрические расстройства, ананкастические расстройства, соматовегетативные расстройства. Данная методика была апробирована в ряде научных исследований в России (Брябрина, 2010; Пестерева, 2011; Петрожак, Фомин, 2009). В процессе обработки результатов «сырые» баллы, полученные по шкалам, переводились в проценты от максимально возможного количества баллов по соответствующей шкале (Вассерман, Щелкова, 2003, с.442–444).

4. Для определения содержательных характеристик идентичности была использована методика «Кто Я?» М. Куна М., Т. Мак-Партланда в модификации Т. В. Румянцевой (Румянцева, 2006). При анализе результатов учитывалось упоминание сексуальной идентичности.

Биографическое интервью проводилось при личной встрече с участницами с использованием диктофонной записи. Опросники высылались на электронную почту и заполнялись ими самостоятельно.

Были использованы следующие математико-статистические методы анализа данных: критерий χ^2 -Пирсона, коэффициент Альфа Кронбаха, критерий U — Манна — Уитни для независимых выборок, корреляционный анализ с использованием критерия r -Пирсона.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования была обнаружена внутренняя согласованность ряда характеристик биографии респонденток: наличие опыта непринятия собственных гомосексуальных чувств, подверженность гетеронормативности и попытки под нее подстроиться, несерьезное отношение значимых других женщин к их сексуальной идентичности, переживание эмоционального насилия, связанного с сексуальной ориентацией, страх совершения насилия по отношению к ним в связи с сексуальной идентичностью, желание обладать менее фемининным телосложением (включая как желание иметь мужские половые признаки, так и не иметь половых признаков вовсе) (коэффициент Альфа Кронбаха — 0,602). Данная согласованность позволила выделить указанные характеристики в отдельную шкалу — «Внутренняя гомофобия». Показатели данной шкалы рассчитывались путем суммирования баллов по каждой включенной характеристике, где наличие описанного параметра соответствует 1 баллу, отсутствие — 2 баллам. Таким образом, минимальное из возможных значений шкалы «Внутренняя гомофобия» — 7 баллов, оно соответствует наиболее ярко выраженному признаку; максимальное — 14 баллов, отсутствие признака. Были обнаружены статистически значимые различия у двух групп по шкале «Внутренняя гомофобия» ($p < 0,05$). В группе женщин с гомосексуальной ориентацией показатель параметра «Внутренняя гомофобия» составил 10,9 баллов, у группы бисексуальных женщин — 12,33 балла.

Обнаружено, что гомосексуальные женщины раньше задумываются о своей сексуальной ориентации (15,18 лет, $\sigma = 3,61$) по сравнению с бисексуальными (18,53 года, $\sigma = 4,39$). Однако бисексуальные женщины тратят меньше времени на размышления о своей сексуальной ориентации и окончательно в ней утверждают в течение 1,19 года ($\sigma = 2,11$), тогда как у гомосексуальных женщин этот период составляет 3,13 года ($\sigma = 2,34$). Других различий по процессу формирования сексуальной идентичности у гомосексуальных и бисексуальных женщин обнаружено не было.

Ответ участниц на первый вопрос нарративного интервью содержал следующие темы:

- чувства к девушкам (63,2 %);
- осознание своей гомосексуальности (44,7 %);
- принятие своей гомосексуальности (23,7 %);
- романтические взаимоотношения с молодыми людьми (23,7 %);
- гетеронормативность (23,7 %);
- романтические взаимоотношения с девушками (21,1 %);
- чувства к молодым людям (15,8 %);
- проявления внутренней гомофобии (13,2 %);
- свое положительное отношение к гомосексуальности в целом (10,5 %);
- мужское гендерное поведение (10,5 %);
- сексуальный опыт с девушкой (7,9 %);
- отношения девушек и молодых людей в окружении респонденток (7,9 %);
- ощущение своей инаковости в детстве (7,9 %);
- открытие (coming out) перед друзьями (5,3 %).

Я-определяющие воспоминания, озвученные женщинами в ходе интервью, содержали следующие события:

- чувства к девушкам (34,2 %);
- отношения с девушками (26,3 %);
- отношения с молодыми людьми (7,9 %);
- открытие (coming out) перед родителями (7,9 %);
- чувства к молодым людям (5,3 %).

Также в ходе интервью были выявлены следующие данные: у 89,5 % женщин были романтические отношения с партнером своего пола; 76,3 % женщин имели опыт сексуальных отношений с партнером противоположного пола; у 69,64 % женщин родители не приняли их сексуальную ориентацию; 57,9 % женщин в детском возрасте воспитывались в неполной семье; 50 % женщин указывают наличие опыта романтических взаимоотношений с партнером противоположного пола; 50 % женщин испытывают страх возможного проявления насилия по отношению к ним в связи с сексуальной ориентацией; родители 39,5 % женщин не знают об их сексуальной ориентации, из них 18,4 %, по словам женщин, о ней догадываются; 36,8 % женщин испытывали влияние гетеронормативности; 36,8 % женщин подвергались эмоциональному насилию (оскорбления, угрозы, насмешки и прочие вербальные и невербальные проявления негативного отношения) в связи с их сексуальной ориентацией; 28,9 % женщин переживали опыт непринятия своей сексуальной ориентации; 28,9 % женщин встретили несерьезное отношение к их гомосексуальной идентичности со стороны значимых других; 26,3 % женщин хотели (в онтогенезе) обладать менее фемининным телосложением (включая как желание иметь мужские половые признаки, так и не иметь половых признаков); 5,3 % женщин высказали желание изменить сексуальную ориентацию. Они связали данное желание с социальной ситуацией, сложившейся в России в последние годы.

При исследовании особенностей самоотношения были обнаружены статистически значимые различия по шкале «аутосимпатия». У участниц с гомосексуальной ориентацией значение параметра «аутосимпатия» составило 75,75 ($\sigma = 23,7$), у женщин с бисексуальной ориентацией — 58,24 ($\sigma = 25,76$). Таким образом, в группе гомосексуальных женщин аутосимпатия имеет более высокий уровень. В таблице представлены средние значения параметра «аутосимпатия» для гомосексуальных и бисексуальных женщин.

**Средние значения параметра «аутосимпатия»
у женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией**

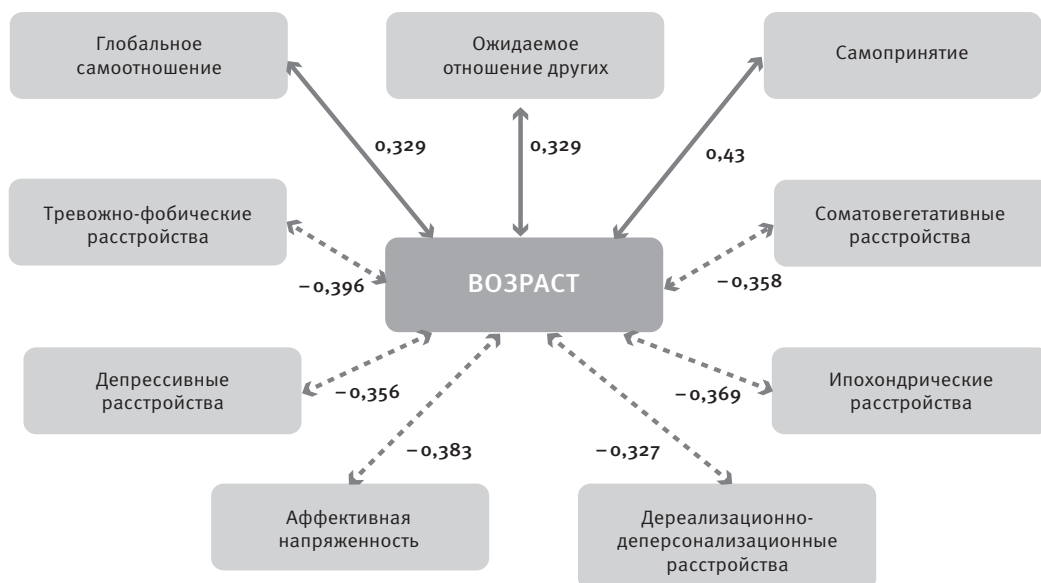
СЕКСУАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ	СРЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ	N	СТАНДАРТНОЕ ОТКЛОНЕНИЕ
Гомосексуальная	75,7515	20	23,69786
Бисексуальная	58,2406	18	25,75683
Всего	67,4568	38	25,91731

Взаимосвязи между показателями по шкале «Внутренняя гомофобия» и особенностями самоотношения обнаружено не было.

Были получены средние значения для всех шкал методики МИС по обеим группам. Наивысшие значения получены по шкалам «Глобальное самоотношение» (среднее значение — 76,28, мода — 62,67), «Аутосимпатия» (среднее значение — 67,46, мода — 69,67), «Самоинтерес» (среднее значение — 72,41, мода — 92,33); низкие — по шкалам «Отношение других» (среднее значение — 45,14, мода — 51,33), «Самообвинение» (среднее значение — 47,26, мода — 27,67).

Также были получены средние значения по Методике «Опросник невротических расстройств — симптоматический» Е. Александровича в адаптации НИПНИ им. В. М. Бехтерева. Наивысшие результаты получены по шкалам «Депрессивные расстройства» (среднее значение — 27,61, мода — 4), при максимальном возможном количестве баллов по шкале 49 баллов среднее значение составляет 45,39 % максимально возможного значения; «Астенические расстройства» (среднее значение — 26,18, мода — 8), при максимальном возможном значении по шкале 56 баллов среднее значение составляет 46,75 % максимально возможного. Различий в уровне невротической симптоматики в двух группах не обнаружено. Взаимосвязи между показателями по шкале «внутренняя гомофобия» и уровнем выраженности невротической симптоматики обнаружено не было.

Корреляционный анализ выявил наличие взаимосвязей с параметром возраста. Возраст положительно взаимосвязан со шкалами «Глобальное самоотношение» ($r = 0,329$; $p < 0,05$), «Отношение других» ($r = 0,329$; $p < 0,05$), «Самопринятие» ($r = 0,43$; $p < 0,01$) и отрицательно — со шкалой «Тревожно-фобические расстройства» ($r = -0,396$; $p < 0,05$), «Депрессивные расстройства» ($r = -0,356$; $p < 0,05$); «Аффективная напряженность» ($r = -0,383$; $p < 0,05$); «Дереализационно-деперсонализационные расстройства» ($r = -0,327$; $p < 0,05$); «Ипохондрические расстройства» ($r = -0,369$; $p < 0,05$), «Соматовегетативные расстройства» ($r = -0,358$; $p < 0,05$) (см. схему). Характер обнаруженных корреляций представлен на схеме.

Корреляции возраста с данными опросников «самоотношение» и невротических расстройств, в баллах

Результаты методики «Кто Я?» показали, что 68,4 % участниц не указывают свою сексуальную идентичность среди других идентичностей, лишь 31,6 % ее отметил в ходе выполнения методики. При этом 91,7 %, упомянувших сексуальную идентичность, оценивают ее как положительную, а 8,3 % видят в ней как положительную, так и отрицательную сторону.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования удалось объединить ряд биографических эпизодов в общую шкалу «Внутренняя гомофобия». Выявлено, что гомосексуальные женщины больше подвержены внутренней гомофобии, чем бисексуальные женщины. Затруднительно сказать, связано ли это с меньшей социальной стигматизацией бисексуальных женщин или же с действием психологических защит и копинг-стратегий. Предположению о меньшей социальной стигматизации людей с бисексуальной ориентацией противоречит положение о том, что бисексуалов не принимает как гетеросексуальное, так и гомосексуальное сообщество.

Выявлено, что гомосексуальные участницы впервые задумывались о собственной ориентации раньше по сравнению с бисексуальными. Однако бисексуальные женщины тратили меньше времени на то, чтобы утвердиться в своей сексуальной ориентации. Можно сделать вывод о том, что наличие чувств по отношению к лицам противоположного пола в ситуации гетеронормативности позволяло бисексуальным женщинам дольше не задумываться над чувствами к лицам своего пола и собственной сексуальной ориентацией. Меньшая подверженность внутренней гомофобии, меньшее количество внутренних конфликтов сравнительно с гомосексуальными женщинами позволяет бисексуальным женщинам быстрее, а значит, легче утвердиться в своей сексуальной ориентации.

Анализ рассказов респонденток позволил сделать вывод о том, что на формирование сексуальной идентичности в первую очередь оказывают влияние романтические и сексуальные чувства как к девушкам, так и к молодым людям, а также переживание внутренней гомофобии и гетеронормативности. Для гомосексуальных и бисексуальных женщин характерны проявления положительного глобального самоотношения, аутосимпатии и самоинтереса. При этом у гомосексуальных участниц аутосимпатия более выражена по сравнению с бисексуальными. Для обеих групп не характерны установка на отношение других в адрес «Я» и самообвинение. Таким образом, гомосексуальные и бисексуальные женщины в целом положительно относятся к себе и одобряют себя, имеют позитивную самооценку, проявляют интерес к себе, к своим мыслям и чувствам. Бисексуальные женщины испытывают меньше доверия к себе и обладают менее позитивной самооценкой по сравнению с гомосексуальными. При этом переживание внутренней гомофобии не влияет на самоотношение.

Гомосексуальные и бисексуальные женщины не отличаются по уровню проявления невротической симптоматики. Переживание внутренней гомофобии не оказало влияния и на уровень проявления невротической симптоматики. Наиболее характерными для обеих групп являются депрессивные и астенические расстройства.

У женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией более старшего возраста выявлены более высокие показатели глобального самоотношения, ожидаемого отношения от других и самопринятия, а также более низкие уровни невротической симптоматики — тревожно-фобического расстройства, депрессивного расстройства, аффективной напряженности, деперсонализационно-дереализационного расстройства, ипохондрического расстройства, соматовегетативного расстройства по сравнению с более молодыми женщинами.

Сексуальная идентичность у большинства женщин не играет ключевой роли в восприятии себя. Те женщины, для которых сексуальная идентичность имеет важное значение, склонны оценивать ее как позитивную.

ВЫВОДЫ

По результатам исследования сделаны следующие выводы:

1. Женщины с гомосексуальной ориентацией сильнее подвержены переживанию внутренней гомофобии по сравнению с женщинами с бисексуальной ориентацией.

2. Женщины с гомосексуальной ориентацией задумываются о своей сексуальной ориентации раньше сравнительно с женщинами бисексуальной ориентации, однако бисексуальным женщинам необходимо меньше времени на то, чтобы утвердиться в своей сексуальной ориентации и сформировать сексуальную идентичность, чем гомосексуальным женщинам.

3. У женщин с гомосексуальной ориентацией уровень аутосимпатии выше по сравнению с женщинами бисексуальной ориентации.

4. Для гомосексуальных и бисексуальных женщин характерны высокий уровень глобального самоотношения и низкий уровень готовности к отношению других и самообвинению как конкретным действиям.

5. Переживание внутренней гомофобии не оказывает влияния на самоотношение и на уровень выраженности невротической симптоматики у женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией.

6. Для женщин гомосексуальной и бисексуальной ориентации старшего возраста характерны более позитивное самоотношение и низкий уровень невротической симптоматики по сравнению с молодыми женщинами.

7. Женщины с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией не отличаются по уровню выраженности невротической симптоматики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брябрина Т. В. Невротические расстройства у лиц с соматоформной вегетативной дисфункцией // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер. Психология. 2010. № 17 (193). С. 18–22.
2. Вассерман Л. И., Щелкова О. Ю. Медицинская психодиагностика. Теория, практика, обучение. СПб.; М., 2003.
3. Пантилеев С. Р., Столин В. В. Методика исследования самоотношения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2003. № 1. С. 77–81.
4. Пестерева Е. В. Особенности психологической адаптации к болезни пациентов со злокачественными лимфомами на различных этапах заболевания: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011.
5. Петрожак О. Л., Фомин Н. А. Исследование характеристик невротического статуса и субъективной организации перцептивных ощущений в норме // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер. Образование, здравоохранение, физическая культура. 2009. № 27 (160). С. 32–36.
6. Розовая психотерапия: руководство по работе с сексуальными меньшинствами / под ред. Д. Дейвиса и Ч. Нила. СПб., 2001.
7. Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб., 2006.
8. Черныш К. Гомофобия, самоотношение и квир-идентичность // Возможен ли «квир» по-русски? / сост. и ред. В. В. Созаев. СПб., 2010. С. 134–136.
9. Kohut A. The global divide on homosexuality: Greater acceptance in more secular and affluent countries // Washington, DC: Pew research center. 2013. URL: <http://www.pewglobal.org/2013/06/04/the-global-divide-on-homosexuality/> (дата обращения: 05.01.2015).

Н. Д. РУЗАЕВА, В. Р. МАНУКЯН

e-mail: ruzaevanatalia@yandex.ru

Магистерская программа «Психология развития и образования»

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АВТОНОМИЯ ЛИЧНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ У СТУДЕНТОВ

Изучались возрастные и гендерные различия в показателях психологической автономии личности и жизненного планирования, а также и их соотношение. Использовались «Русскоязычный опросник каузальных ориентаций» Д. А. Леонтьева, О. Е. Дергачевой, «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер, авторская анкета, «Анкета жизненного планирования и целеполагания» В. Р. Манукян. Выборку составили 84 студента, первокурсники и магистранты 2-го года обучения. Большинство возрастных различий в уровне автономии относится к функциональному аспекту. Мужчины более автономны в личностно-мотивационном и субъектно-средовом аспектах. Обнаружены возрастные и гендерные различия в показателях жизненного планирования. Выделено 6 типов жизненного планирования студентов. Внешняя каузальная ориентация связана с «Диффузным» типом планирования, внутренняя каузальная ориентация — с типом планирования «Система целей, ориентированная на развитие».

Ключевые слова: психологическая автономия личности, каузальная ориентация, суверенность психологического пространства, жизненное планирование и целеполагание.

PSYCHOLOGICAL PERSONAL AUTONOMY AND LIFE PLANNING CHARACTERISTICS AMONG STUDENTS

In our work we have studied age-related and gender-related differences and the connections between psychological autonomy (“The general causality orientation scale” in translation of D. A. Leontyev, O. E. Dergachyova; “Sovereignty of psychological space” S. K. Nartova-Bochaver; author’s form) and the life planning characteristics among students (“The questionnaire of life planning and goal-setting” V. R. Manukyan). 84 students have taken part in the research, a group of first-year students and a group of postgraduates. Results. The most age-related differences in psychological autonomy level were found at functional aspect. Young men are more autonomous at causality orientation and subject-environmental aspect. There were found age-related and gender-related differences in the life planning characteristics. There were found out 6 student’s life planning types. External causality orientation positively connects with “The diffuse set of goals”, internal causality orientation positively connects with the factor “The set of self-development oriented goals”.

Keywords: psychological autonomy of personality, causality orientation, psychological space sovereignty, life planning and goal-setting.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Психологическая автономия — сложное личностное образование, особенностью которого является многоаспектность. Автономия рассматривается как врожденная потребность, движущая развитие (Дж. Ловингер, Э. Деси, Р. Райн, Д. Леонтьев), черта характера или свойство личности (А. Маслоу, Г. Олпорт, Д. Леонтьев), способность к самостоятельному функционированию, самообслуживанию (Дж. Хоффман, О. А. Сергеева), как компонент зрелости и психологического благополучия человека (К. Роджерс, Э. Эриксон, Ф. Перлз, К. Рифф, Л. И. Божович). В психологии развития существуют концепции и периодизации, в которых последовательное развитие описывается как переход от полной зависимости от взрослых к нахождению собственной равной, независимой и не требующей зависимости позиции во взрослом мире (Э. Эриксон, М. Малер, Дж. Ловингер). Одна из наиболее проработанных и масштабных теорий, использующих понятие личностной автономии, — теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана (Self-determination theory), интенсивно развивавшаяся в последние тридцать лет. Согласно данной теории, потребность в автономии является центральной в развитии человека и представляет собой потребность в свободе совершаемых выборов и самодетерминации поведения; желание ощущать себя автором, инициатором, причиной изменений собственной жизни, а также действовать согласованно со своим Я. Данная теория положила начало масштабному изучению личностной автономии в различных сферах жизни, наблюдаемому во всем мире (Гордеева, 2010).

Процесс обретения автономии в ходе возрастного развития наиболее изучен в двух кризисных периодах: кризисе трех лет и подростковом возрасте, меньше внимания уделяется развитию автономии как

личностного образования в иные возрастные периоды (Пупырева, 2007). К основным направлениям современных эмпирических исследований автономии в отечественной психологии в период юности и ранней взрослости относятся: выявление факторов, способствующих развитию автономии в семье, образовательном процессе (Сергеева 2007; Сырцова, 2007; Chirkov, Ryan, 2011); обнаружение взаимосвязей автономии с различными личностными чертами, такими как жизнестойкость, направленность мотивации, ответственность и др. (Дергачева 2005; Зеер, Павлова, 2009).

Период ранней взрослости требует от молодого человека реальных проявлений самостоятельности и способности к продуктивному жизненному планированию и целеполаганию, что становится все более важным практическим навыком.

Жизненное планирование — процесс освоения субъективного будущего с помощью разработки общего плана событий и изменений (как внешних, так и внутренних) и постановки жизненных целей. Среди тенденций современных исследований можно выделить изучение удаленности целей во времени, мотивационной направленности целей и преобладающих сфер планирования, взаимосвязей характеристик представлений о собственном будущем с психологическим благополучием. Изучаются также взаимосвязи способности к планированию жизни с различными личностными свойствами, с целью обнаружить психологические закономерности жизненного планирования (Белугина 2008; Дмитриева 2011; Hill, Burrow, Brandenberger, Lapsley, Quaranto 2010; Moran 2014).

В данном исследовании предпринята попытка интегрировать различные стороны проявления психологической автономии личности, которая рассматривается нами в совокупности трех аспектов: личностно-мотивационном, субъектно-средовом и функциональном. Личностно-мотивационный аспект отражает способность личности ориентироваться на внутренние импульсы и стремиться к их реализации при выборе собственного поведения. Субъектно-средовой аспект отражает способность определять границы собственного психологического пространства и поддерживать их целостность. Функциональный аспект отражает самостоятельность в организации собственного быта и поддержании жизнедеятельности, в противовес зависимости и опоре на помощь других людей. Нас интересовали реальные проявления психологической автономии личности в жизни молодых людей, в том числе в жизненном планировании.

Цель исследования: изучение психологической автономии личности в соотношении с особенностями жизненного планирования у студентов на разных этапах обучения в вузе (студентов первого курса и магистрантов выпускного года обучения различных специальностей).

Задачи исследования:

1. Изучить и сравнить выраженность показателей психологической автономии личности: каузальных ориентаций, суверенности психологического пространства и функциональной автономности у студентов первого курса и магистрантов выпускного года обучения.
2. Изучить взаимосвязи выделенных аспектов психологической автономии личности между собой в группах студентов первого и последнего года обучения.
3. Изучить и сравнить количественные показатели жизненного планирования у студентов первого курса и магистрантов выпускного года обучения.
4. Изучить различия в выраженности показателей психологической автономии личности и жизненного планирования у женщин и мужчин.
5. Выделить типы жизненного планирования и целеполагания для выборки в целом.
6. Изучить взаимосвязи показателей психологической автономии личности и типов жизненного планирования.

Объект исследования: соотношение психологической автономии личности и жизненного планирования.

Предмет исследования: соотношение различных сторон психологической автономии личности и особенностей жизненного планирования у студентов на разных этапах обучения.

Гипотеза: между выделенными аспектами психологической автономии личности и особенностями жизненного планирования и целеполагания у студентов существует взаимосвязь. Различия в показателях психологической автономии личности и жизненного планирования могут различаться у студентов разного возраста (или этапа обучения), а также между мужчинами и женщинами.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборку составили две группы студентов: учащиеся 1-го курса бакалавриата и специалитета и учащиеся 2-го курса магистратуры, всего 84 человека, по 42 человека в каждой из групп. Все респонденты на момент опроса были студентами дневной формы обучения вузов Санкт-Петербурга различных специальностей, среди которых: «Психология», «Лечебное дело», «Экономика», «Дизайн», «Машиностроение» и «Металлургия». В исследовании участвовало 40 мужчин и 44 женщины, в группе первокурсников — 21 женщина и 21 мужчина, в группе магистрантов — 23 женщины и 19 мужчин. Средний возраст респондентов-первокурсников составлял 17,9 лет, респондентов-магистрантов — 22,8 года.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирические критерии выделенных аспектов психологической автономии личности были представлены в методиках:

1. Личностно-мотивационный аспект — «Русскоязычный опросник каузальных ориентаций» Д. А. Лентьева, О. Е. Дергачевой (Дергачева, 2005).
2. Субъектно-средовой аспект — опросник «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер (Нартова-Бочавер, 2005).
3. Функциональная автономия — авторская анкета, направленная на изучение проявлений самостоятельности в быту, способности к самообеспечению.
4. Особенности жизненного планирования и целеполагания — «Анкета целеполагания и планирования жизни» (В. Р. Манукян).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Сравнительный анализ выраженности показателей психологической автономии личности у студентов разных курсов (Т-критерий Стьюдента; U — Манна — Уитни; Хи-квадрат Пирсона):

- *Личностно-мотивационный аспект*

В целом у студентов наиболее выражена внутренняя каузальная ориентация ($M = 140,2$), за ней по степени выраженности следовала внешняя каузальная ориентация ($M = 99,7$), наименее выражена безличная ориентация ($M = 97,7$). В выраженности каузальных ориентаций не было обнаружено значимых различий между курсами.

- *Субъектно-средовой аспект*

Для большинства респондентов оказался характерным средний или несколько сниженный уровень суверенности психологического пространства в различных сферах. Студенты 1-го курса имели значимо более высокий уровень (U — Манна — Уитни = 664, $p = 0,49$) суверенности физического тела ($M_{1к} = 3,29$; $M_{маг} = 1,31$) и привычек ($M_{1к} = 3,74$; $M_{маг} = 1,6$).

- *Функциональный аспект*

Уровень функционального аспекта автономии по ряду показателей значимо выше у магистрантов. У них выявлены: более продолжительное отдельное от родителей проживание (Хи-квадрат Пирсона = 19,82, $p = 0,001$), опыт работы (Хи-квадрат Пирсона = 3 8,43, $p = 0,000$), самостоятельное финансовое обеспечение (Хи-квадрат Пирсона = 39,61, $p = 0,000$), романтические отношения (Хи-квадрат Пирсона = 17,65, $p = 0,001$), более самостоятельная организация быта по ряду показателей ($p \leq 0,05$).

- *Взаимосвязи выделенных аспектов автономии*

Взаимосвязи выделенных аспектов автономии были изучены с помощью корреляционного анализа (по Спирмену). Внешняя и безличная каузальные ориентации отрицательно связаны с показателями функциональной автономии в обеих группах ($p \leq 0,05$). Суверенность привычек и социальных связей образуют положительные связи с показателями функциональной автономии ($p \leq 0,05$). Таким образом, выделенные аспекты автономии взаимосвязаны через функциональную составляющую.

2. Анализ различий в показателях автономии между мужчинами и женщинами (Т-критерий Стьюдента; U — Манна — Уитни) показал, что уровень безличной каузальной ориентации значимо выше у девушек ($M_{жен} = 102,1$, $M_{муж} = 92,9$; $T = 2,29$, $p = 0,025$). У молодых людей значимо выше суверенность ценностей ($M_{жен} = 37,4$, $M_{муж} = 48,1$; $U = 657$, $p = 0,045$). При этом девушки в данном возрасте оказались более самостоятельными в бытовом самообслуживании, у них значимо выше частота самостоятельного приго-

товления пищи (Мжен = 3,1, Ммуж = 2,7; T = 2,64, p = 0,010) и уборки жилого пространства (Мжен = 3,3, Ммуж = 2,7; T = 3,13, p = 0,002).

3. Типы жизненного планирования студентов были изучены с помощью факторного анализа с использованием варимакс-вращения Кайзера. Было выделено 6 типов жизненного планирования (см. табл.).

**Факторы (типы) жизненного планирования студентов
(по «Анкете целеполагания и планирования жизни» В. Р. Манукян)**

ФАКТОРЫ (% ОБЪЯСНЕННОЙ ДИСПЕРСИИ ФАКТОРА)	ФАКТОРНАЯ НАГРУЗКА
Фактор 1. Система целей, ориентированная на развитие (22,52 %)	
Цели, поставленные из собственных устремлений, желаний	0,863
Цели, обусловленные стремлением к развитию	0,834
Сумма указанных целей	0,821
Цели с продуманными путями достижения	0,768
Ясные, детализированные цели	0,697
Связанные цели	0,686
Цели средней значимости	0,684
Фактор 2. Пассивно-вынужденное планирование (11,37 %)	
Цели, поставленные по необходимости	0,784
Ожидания	0,639
Мечтания	0,632
Цели, обусловленные необходимостью решения проблем	0,608
Высокозначимые цели	0,528
Фактор 3. Сторонние цели (8 %)	
Кол-во целей, поставленных по совету	0,802
Кол-во целей, поставленных из восхищения, подражания	0,761
Фактор 4. Внеочное планирование (7,76 %)	
Внеочные цели	0,794
Цели, достижение которых противоречит друг другу	0,692
Фактор 5. Ориентация на долгосрочное планирование (7,55 %)	
Долгосрочные цели	0,933
Краткосрочные цели	-0,589
Фактор 6. Диффузность системы целей (7,26 %)	
Неясные, недетализированные цели	0,799
Малозначимые цели	0,768

Фактор «Система целей, ориентированная на развитие» (22,52 %) отражает тенденцию к построению связанной системы ясно представляемых целей с высоким мотивационным потенциалом и продумыванием путей их достижения, основой чего является стремление к собственному развитию. Фактор «Пассивно-вынужденное планирование» (11,37 %) показывает тенденцию к наличию большого числа ожиданий и мечтаний, «целей долженствования», а также целей, обусловленных имеющимися трудностями и проблемами. Фактор «Сторонние цели» (8 %) выражает тенденцию к выбору целей с ориентацией на советы и рекомендации других людей. Фактор «Внеочное планирование» (7,76 %) показывает тенденцию к ориентации на цели-ценности. Фактор «Ориентация на долгосрочное планирование» (7,55 %) указывает на тенденцию к выделению значимых целей, достижение которых запланировано на срок не ранее чем через 5 лет. Фактор «Диффузность системы целей» (7,26 %) отражает тенденцию к наличию неразработанной, размытой, малозначимой системы целей.

4. **Возрастные различия в жизненном планировании** (T-критерий Стьюдента; корреляционный анализ с показателем возраста): у первокурсников преобладали типы «Внеочное планирование» (r = 0,217, p = 0,047) и «Ориентация на долгосрочное планирование» (r = 0,406, p = 0,000), у магистрантов — тип «Система целей, ориентированная на развитие» (r = 0,492, p = 0,000). У магистрантов наблюдалось большее количество образов будущего (мечтаний, ожиданий, целей), целей, поставленных из собственных устрем-

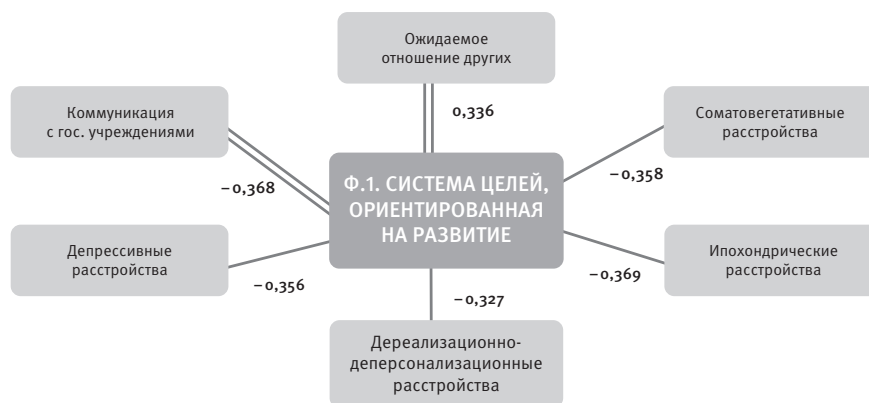

Рис. 1. Взаимосвязи показателей психологической автономии с фактором жизненного планирования «Система целей, ориентированная на развитие»

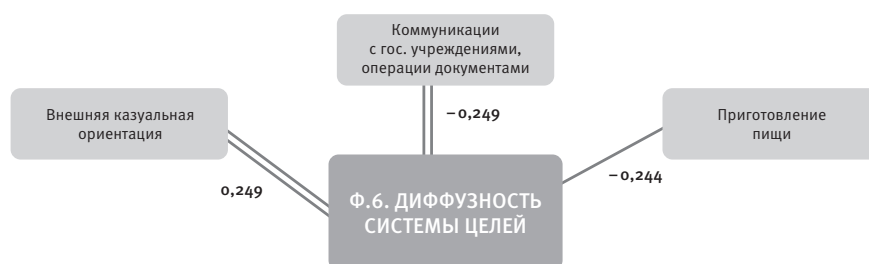

Рис. 2. Взаимосвязи показателей психологической автономии с фактором жизненного планирования «Диффузность системы целей»

лений, детализированных, взаимосвязанных целей, а также целей, к которым продуманы пути достижения (все различия на уровне $p \leq 0,01$), большее количество целей в сферах «работа» и «материальные ценности» ($p \leq 0,05$).

5. Различия в показателях жизненного планирования между мужчинами и женщинами (Т-критерий Стьюдента): девушки характеризовались большей обращенностью в будущее, демонстрируя большее число пассивных форм освоения будущего — мечтаний ($M_{жен} = 6,4$, $M_{муж} = 4,2$; $T = 4,98$, $p = 0,000$) и ожиданий ($M_{жен} = 3,8$, $M_{муж} = 2,7$; $T = 2,96$, $p = 0,005$) в различных сферах; они обладали более проработанной ближайшей жизненной перспективой на срок 1–2 года ($M_{жен} = 3,1$, $M_{муж} = 2$; $T = 2,65$, $p = 0,008$). Девушки в большей степени характеризовались «Пассивно-вынужденным» типом планирования ($T = 3,38$, $p = 0,001$), для молодых людей более характерен тип «Ориентация на долгосрочное планирование» ($T = 2,38$, $p = 0,019$).

6. Корреляционный анализ взаимосвязей показателей автономии и выделенных типов жизненного планирования выявил, что внутренняя каузальная ориентация соответствует типу планирования «Система целей, ориентированная на развитие» ($r = 0,259$, $p = 0,017$), а внешняя каузальная ориентация соответствует типу «Диффузность системы целей» ($r = 0,249$, $p = 0,022$). Результаты представлены на рис. 1, 2.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Обобщение полученных результатов в возрастном аспекте показало, что наибольший рост автономии в интервале от 18 до 23 лет происходит в функциональном аспекте. Молодые люди активно приобретают опыт самостоятельного поддержания своей жизнедеятельности, повышается их компетентность в бытовых вопросах, появляется трудовая деятельность, приносящая заработок, близкие романтические или партнерские отношения; молодые люди покидают родительские дома. Таким образом, взросление в данный период жизни человека во многом связано с накоплением практического опыта самостоятельной жизни. Более высокому показателю функциональной автономии в старшем возрасте соответствуют более активное

и продуктивное жизненное планирование, основанное на стремлении к развитию, более связанная и сложная система целей.

Возрастных различий в мотивационно-личностном компоненте автономии в данной выборке обнаружено не было, что может говорить о формировании каузальной ориентации в предыдущих возрастных периодах. Субъектно-средовой аспект, связанный с целостностью психологических границ, оказался выше в показателях суверенности физического тела и ценностей в группе первокурсников. Мы объясняем данный результат когортным различием — возможным изменением в воспитании в сторону повышения демократичности в более молодом поколении родителей и детей.

Возрастные различия во временной удаленности целей, на наш взгляд, связаны с жизненной ситуацией (ситуацией начала и окончания обучения в вузе). Для первокурсников, переживающих относительную ясность перспектив ближайшего будущего (4–5 лет обучения в вузе) оказалось более характерно, чем для магистрантов, долгосрочное и внесрочное планирование, т. е. определение жизненных целей после обучения и на всю жизнь.

Изучение гендерных различий показало, что девушки имеют меньший уровень суверенности ценностей (т. е. в детстве их мировоззрение, вкусы, ценности были подвержены значительному влиянию со стороны взрослых) и более склонны к автоматичному и шаблонному поведению и убеждению в том, что среда не реагирует на действия человека, а совершение собственного выбора не приведет к желаемому результату. При этом девушки более самостоятельны в бытовом самообслуживании. В жизненном планировании мы наблюдаем наличие большого числа мечтаний и ожиданий. Кроме того, девушки характеризуются «Пассивно-вынужденным» типом планирования, основанном на необходимости решения имеющихся проблем и большом количестве мечтаний и ожиданий. Пассивность, таким образом, является тенденцией, проходящей и сквозь мотивационно-личностный показатель автономии, и сквозь способность планировать собственную жизнь. Возможно, тенденция к подобной «пассивности» вытекает из воспитания, которое предписывает определенное поведение (соответствие вкусам, ценностям, представлениям взрослых) в большей мере девочкам, нежели мальчикам.

Молодые люди в среднем обладают большей суверенностью ценностей (в детстве их мировоззрение, ценности, вкусы оставались достаточно независимыми от влияния взрослых), для них более характерно целенаправленно действовать, ориентируясь как на внутренние, так и на внешние импульсы, и практически не характерно убеждение в собственной беспомощности. В то же время их характеризует несколько меньшая сравнительно с девушками бытовая самостоятельность. Отметим, что данные о более высоком уровне автономии у мужчин вплоть до достижения средней взрослости согласуются с полученными ранее результатами на более старшей выборке (Головей, 2014). Ранее исследователями уже выдвигалось предположение, что основой развития автономии в подростковом возрасте является ценностный компонент, базирующийся на самостоятельности в сфере личных убеждений и ценностей (Карбанова, Поскребышева, 2011). Данные нашего исследования согласуются с этим предположением: личностно-мотивационный компонент автономии молодых людей выше, что связано с более высоким уровнем суверенности их ценностей. Цели молодых мужчин чаще относятся к более удаленным по сравнению с девушками срокам (от 3 лет). Можно в целом определить тенденцию к более стратегическому, дальновидному планированию молодых людей, в основе которого может быть переживание личной независимости в выборе поведения, ценностей, взглядов.

В целом тенденции взаимосвязей показателей функциональной автономии и типов жизненного планирования таковы, что более продуманное, детализированное, активное жизненное планирование соответствует большей самостоятельности, более автономной и независимой жизни молодого человека, тогда как схематичное, абстрактное, долгосрочное планирование в целом соответствует меньшей самостоятельности. Вероятно, опыт автономного функционирования служит материалом для постановки целей собственного развития и их детализации, поиска взаимосвязей, а выстроенная система целей в свою очередь позволяет стать молодому человеку более самостоятельным.

ВЫВОДЫ

1. В возрасте от 18 до 23 лет наблюдается развитие самостоятельной организации и поддержания независимой от взрослых жизни, происходит активное накопление опыта автономного функционирования, что может рассматриваться как важный аспект взросления.

2. Личностно-мотивационный и субъектно-средовой аспекты автономии взаимосвязаны через функциональную автономию, которая, таким образом, является системообразующей в данном возрастном периоде. Характер взаимосвязей этих аспектов таков, что внешняя и безличная каузальные ориентации могут рассматриваться как факторы, препятствующие развитию способности к самостоятельному функционированию, а суверенность социальных связей и привычек — как факторы, оказывающие позитивное влияние на развитие самостоятельности.

3. У молодых мужчин выше показатели личностно-мотивационного и субъектно-средового аспектов автономии. Девушки в данном возрасте более самостоятельны в бытовом самообслуживании.

4. Было выделено 6 типов жизненного планирования студентов: «Система целей, ориентированная на развитие», «Пассивно-вынужденное планирование» «Сторонние цели», «Внесрочное планирование», «Ориентация на долгосрочное планирование», «Диффузность системы целей», все названные типы имеют возрастную и половую специфику, по-разному связанную с показателями автономии.

5. В данный период наблюдается тенденция усложнения и повышения продуктивности и конкретности системы жизненных целей с возрастом.

6. Девушки в большей степени характеризуются «Пассивно-вынужденным» типом планирования, большей обращенностью в будущее (значимо выше число мечтаний и ожиданий), для них характерно наличие проработанной ближайшей жизненной перспективы (1–2 года). Для молодых людей более характерен тип «Ориентации на долгосрочное планирование», т. е. их цели чаще относятся к более удаленным срокам (от 3 лет).

7. Продуманное, детализированное, активное жизненное планирование соответствует большей самостоятельности, тогда как схематичное, абстрактное, долгосрочное планирование — в целом менее выраженной личностной и функциональной автономии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белугина М. А. Структура и динамика формирования жизненной стратегии в юношеском возрасте // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 4 (57). С. 109–111.
2. Головей Л. А. Психологическая зрелость личности в период ранней и средней взрослости // Психологическая зрелость личности / под общ. ред. Л. А. Головей. СПб., 2014.
3. Гордеева Т. О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2010. N 4(12). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.09.2014).
4. Дергачева О. Е. Личностная автономия как предмет психологического исследования: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
5. Дмитриева И. А. Развитие способности к целеполаганию у студентов и аспирантов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань. 2011. URL: old.kpfu.ru/uni/sank/db/filebase/files/1031.doc. www.ksu.ru (дата обращения: 27.05. 2011).
6. Зеер Э. Ф., Павлова А. М. Субъективные предпосылки личностной автономии индивидуальных предпринимателей // Образование и наука. 2009. № 10 (67). С. 40–48.
7. Карбанова О. А., Поскребышева Н. Н. Развитие личностной автономии подростков в отношениях с родителями и сверстниками // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 2. С. 36–47.
8. Нартова-Бочавер С. К. Психологическое пространство личности. М., 2005.
9. Пупырева Е. В. Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
10. Сергеева О. А. Психолого-педагогические условия развития автономии личности в процессе подготовки студентов-психологов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Астрахань, 2007.
11. Chirkov V. I., Ryan R. M. Parent and teacher autonomy-support in Russian and U.S. adolescents. Common Effects on Well-Being and Academic Motivation // Journal of Cross-cultural Psychology. 2001. 32. P. 618–632. URL: http://www.Selfdeterminationtheory.org/SDT/documents/2001_ChirkovRyan.pdf (дата обращения: 21.09.2014).
12. Collegiate purpose orientations and well-being in early and middle adulthood / Patrick L. Hill, Anthony L. Burrow, Jay W. Brandenberger, Daniel K. Lapsley, Jessica Collado Quaranto // Journal of Applied Developmental Psychology. 2010. N 31. P. 173–179.
13. Moran S. What “purpose” means to youth: are there cultures of purpose? // Applied Developmental Science. 2014. N 18 (3). P. 163–175.

А. Н. СИЛИНА, А. П. КРАВЧЕНКО

e-mail:ainu.hessa@gmail.com

Магистерская программа «Психическое здоровье детей»

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ СО СВЕРСТНИКАМИ И ВОСПИТАТЕЛЕМ В ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Для изучения взаимодействия детей с ограниченными возможностями здоровья со сверстниками и воспитателем в дошкольных образовательных учреждениях была осуществлена видеозапись свободной игры восьми групп, состоящих из четырех детей и воспитателя. Всего в исследовании участвовало 8 воспитателей и 32 ребенка, среди которых было 4 ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

Для выявления характеристик взаимодействия детей со сверстниками и воспитателем использовалась методика структурированного видеонаблюдения «Индивидуальное социальное поведение», разработанная Б. Уайтом и коллегами и адаптированная У. Янсоном.

Анализ результатов показал, что характеристики взаимодействия детей с ограниченными возможностями здоровья со сверстниками и с воспитателем отличаются по сравнению с характеристиками взаимодействия типично развивающихся сверстников в сторону большей незанятости и меньшего взаимодействия со сверстниками. В то же время типично развивающиеся дети, обучающиеся совместно с детьми с ограниченными возможностями здоровья, больше наблюдали за сверстниками сравнительно с детьми, обучающимися в группе только с типично развивающимися сверстниками. Было обнаружено, что характеристики взаимодействия детей со сверстниками и воспитателем взаимосвязаны с характеристиками взаимодействия воспитателя с детьми.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, взаимодействие со сверстниками и взрослыми, интегративное дошкольное образование.

INTERACTION OF CHILDREN WITH SPECIAL NEEDS WITH PEERS AND TEACHER IN PRESCHOOL

To study the interaction of children with special needs with their peers and teacher in preschool there was made a videotape recording of free play in eight groups consisting of four children and one teacher. Sum total 32 children, including four children with disabilities.

To identify the characteristics of the interaction of children with their peers and teacher was used the technique of structured surveillance "Individual social behavior" developed by B. White and colleagues adapted U. Janson.

Analysis of the results showed that the characteristics of the interaction of children with special needs with their peers and with the teacher are different to those of typically developing peers in the direction of greater unemployment and less interaction with peers. At the same time typically developing children, studying together with children with special needs, more than watching their peers compared with children studying in the group with only typically developing peers. It was found that the characteristics of children's interaction with peers and teacher correlates with the characteristics of teacher's interaction with children.

Keywords: children with special needs, interaction with peers and adults, integrative preschool education.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Тема взаимодействия детей с ограниченными возможностями здоровья со сверстниками становится все более актуальной с ростом популярности и понимания важности интегративного образования в нашей стране. Ребенок с ограниченными возможностями здоровья (далее — ребенок с ОВЗ) — это лицо, не достигшее возраста 18 лет, имеющее физический и (или) психический недостатки, которые препятствуют освоению образовательных программ без создания специальных условий для получения образования (Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации»). Российские и зарубежные специалисты отмечают недостаточное количество исследований, посвященных теме взаимодействия детей с ОВЗ со сверстниками и взрослыми в образовательных учреждениях (Грозная, 2010; Алехина, Семаго, Фадина, 2010; Одом, Витцум, 2012). Учеными подчеркивается различие в динамике и подходах отечественных исследователей и практиков в изучаемой теме по сравнению с зарубежными коллегами (Алехина, Семаго, Фадина, 2010; Микшина, Зилге, 2011). Данные, представленные в научной литературе, противоречиво опи-

сывают степень включенности детей с ограниченными возможностями здоровья в коллектив типично развивающихся сверстников (Одом, Витцум, 2012; Guralnick, Connor, Johnson, 2011). Противоречивы данные относительно роли воспитателя во взаимодействии в дошкольных группах. Одни исследователи считают, что взаимодействие между детьми может складываться и без вмешательства воспитателя (Guralnick, Neville, 2007). Другие придерживаются той точки зрения, что эти особенности поведения не могут складываться стихийно, даже при наличии группы сверстников, но формируются только с помощью взрослого (Вершинина, 2011; Николаева, 1999; Лисина, 1997). Наше исследование позволяет дополнить представления об инклюзивном дошкольном образовании и расширить понимание процессов, происходящих между детьми с ОВЗ, их типично развивающимися сверстниками и воспитателями.

Цель исследования: изучить взаимодействие детей с ограниченными возможностями здоровья со сверстниками и воспитателями в дошкольных образовательных учреждениях.

В соответствии с целью были сформулированы **задачи исследования:**

Изучить характеристики взаимодействия детей с ограниченными возможностями здоровья в дошкольных детских учреждениях со сверстниками и с воспитателем.

2. Исследовать характеристики взаимодействия типично развивающихся детей со сверстниками и воспитателем в совместных группах.

3. Сравнить характеристики взаимодействия детей и воспитателя в группах с наличием или отсутствием ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

4. Проанализировать взаимосвязи между характеристиками взаимодействия детей со сверстниками и воспитателем и воспитателя с детьми.

Гипотезы исследования:

1. Характеристики взаимодействия детей со сверстниками и воспитателем различаются у детей с ограниченными возможностями здоровья и типично развивающихся детей.

2. Особенности взаимодействия детей в группах связаны с наличием ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

3. Характеристики взаимодействия детей с ограниченными возможностями здоровья и типично развивающихся детей взаимосвязаны с характеристиками взаимодействия воспитателей с детьми.

Объект исследования: взаимодействие детей со сверстниками и взрослым.

Предмет исследования: характеристики взаимодействия детей с особыми потребностями и типично развивающихся детей со сверстниками и воспитателями в дошкольных детских учреждениях.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 8 групп, сформированных на основе естественных групп детского сада. Каждая группа состояла из 4 детей (2 мальчика и 2 девочки) и воспитателя. Исследования проводилось на базе двух дошкольных образовательных учреждений Санкт-Петербурга (бюджетного детского сада и образовательного дошкольного учреждения одного из семейных центров). В исследовании участвовало 32 ребенка: (17 мальчиков и 15 девочек в возрасте от 3,0 до 5,9 лет, средний возраст детей составлял 4,4 года), и 8 воспитателей — женщин в возрасте от 22 до 55 лет (средний возраст — 35 лет, все с высшим образованием).

В каждом из детских садов формировалось 4 группы: две группы, где был один ребенок с ограниченными возможностями здоровья; две группы, где обучались только типично развивающиеся дети. В детском саду на базе семейного центра в двух группах обучались дети с ранним детским аутизмом (в одной группе — мальчик, в другой — девочка); в государственном бюджетном дошкольном образовательном учреждении в двух группах обучались дети с синдромом Дауна (также мальчик и девочка).

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании использовалась методика структурированного видеонаблюдения «Индивидуальное социальное поведение», разработанная Уайтом и коллегами (White, Watts, 1973) и адаптированная У. Янсоном (Janson, 2007). Методика направлена на изучение социального взаимодействия как детей с особыми потребностями, так и типично развивающихся детей.

В адаптации методики представлено 25 характеристик для детей и воспитателя по категориям:

- 1) игра в одиночестве (только для детей);
- 2) незанятость (только для детей);
- 3) поиск внимания, обращение за помощью;
- 4) внимание к тому, кто его ищет; принятие роли помощника, предоставление помощи по собственной инициативе;
- 5) невнимание к тому, кто его ищет, отклонение роли помощника;
- 6) предложение к взаимодействию, продолжение взаимодействия, утешающее поведение, принятие предложения к взаимодействию, следование негативному поведению, присоединение, конкуренция;
- 7) отказ от предложения к взаимодействию, негативное поведенческое влияние, игнорирование негативного поведения, защита;
- 8) наблюдение (только для детей);
- 9) педагогическое предложение (предложение с обучающей, развивающей целью) (только для воспитателя);
- 10) ответ на педагогическое предложение / отказ от педагогического предложения (только для детей).

Также проводился опрос воспитателей с целью сбора социально-демографической информации и информации об опыте работы.

В рамки исследования не входило изучение организационной структуры и педагогических методик дошкольных образовательных учреждений, потому детским садам были присвоены просто номера (1 — бюджетное учреждение; 2 — детский сад на базе семейного центра), что позволило не подчеркивать различия между организациями. Группы, где вместе обучались дети с ОВЗ и типично развивающиеся дети, мы назвали совместными; группы, где обучались только типично развивающиеся дети, — отдельными.

Анализ полученных данных производился поэтапно: сначала — качественный, затем — математико-статистическая обработка данных: сравнение групп с помощью непараметрического критерия U — Манна — Уитни и выявление взаимосвязей с использованием коэффициента ранговой корреляции τ -Кендалла. На каждом этапе последовательно анализировались характеристики взаимодействия всех категорий участников: в первую очередь характеристики взаимодействия детей с ОВЗ со сверстниками, затем — с воспитателем, далее — характеристики взаимодействия типично развивающихся детей из совместных групп со сверстниками и воспитателем. После этого рассматривались характеристики взаимодействия типично развивающихся детей из отдельных групп со сверстниками и воспитателем, а в завершение — характеристики взаимодействия воспитателей с детьми. В данной статье представлены частичные результаты исследования, связанные с характеристиками взаимодействия только детей с ОВЗ со сверстниками и воспитателями.

ПРОЦЕДУРА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для реализации исследования было отобрано 10 детских садов, в которых осуществляются программы совместного обучения детей с ОВЗ и типично развивающихся дошкольников. После проведенных переговоров с руководителями детских садов, уточнения информации об интегративных программах, а также подписания информированного согласия с родителями, базами исследования выступили только два детских сада.

В обоих детских садах были подобраны четыре группы, состоящие из четырех детей и воспитателя. В каждой из восьми групп проводились две видеосъемки свободной игры детей в течение 35–40 мин. с разницей в месяц. Видеонаблюдение проводилось в хорошо знакомых для детей условиях. До начала видеосъемки воспитателю исследователем давалась устная инструкция: «Сейчас будет производиться видеосъемка игры детей. Ведите себя как обычно». Для последующего анализа данных использовались по два эпизода видеосессии длительностью 10 мин. каждый. Выбиралось по одному эпизоду из начала и конца каждой видеозаписи, значимым являлось наличие сравнительно интенсивного взаимодействия участников исследования друг с другом (например, начало совместной игры, предложение игры воспитателем и т. д.). Время, необходимое для анализа 10 мин. видеозаписи, составляло в среднем 9 час.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье представлены частичные результаты исследования, связанные с характеристиками взаимодействия только детей с ОВЗ со сверстниками и воспитателями.

Результаты качественного анализа

- Дети с ОВЗ реже активно взаимодействуют с типично развивающимися сверстниками, чем сверстники друг с другом. Они чаще играют в одиночестве: дети с синдромом Дауна — 41 и 44 % общего времени игры всей группы, дети с ранним детским аутизмом — 43 и 45 %. Эти дети чаще других в группе демонстрируют незанятость — от 32 до 68 % времени, когда в группе наблюдается указанная характеристика.
- Наиболее частая форма взаимодействия детей с ОВЗ со сверстниками — наблюдение, оно занимает от 13 до 70 % всех характеристик взаимодействия в группе для каждого ребенка с ОВЗ. На втором месте — продолжение происходившего в группе взаимодействия: от 11 до 30 %.
- Частота взаимодействия с воспитателем у детей с ОВЗ примерно такая же, как и со сверстниками. В обоих детских садах в одной группе ребенок с ОВЗ взаимодействовал чаще с воспитателем (61 и 63 % всего взаимодействия с членами группы для первого и второго детских садов соответственно), в другой — со сверстниками (52 и 71 % соответственно).
- Основные характеристики взаимодействия детей с ОВЗ с воспитателем — наблюдение (от 2 до 30 % среди всех характеристик такого взаимодействия), предложение взаимодействия (от 11 до 45 %) и принятие педагогического предложения (от 16 до 33 %).
- Качественное сходство рисунка поведения детей с ОВЗ и поведения других детей наблюдается скорее с типично развивающимися сверстниками той же группы, нежели с детьми с ОВЗ из других групп. Например, и для типично развивающегося ребенка, и для ребенка с ОВЗ, входящих в одну группу, в качестве вида поведения преобладает наблюдение, в другой группе — присоединение и т. д.

Результаты количественного анализа

Математико-статистический анализ данных позволил подтвердить результаты качественного анализа взаимодействия детей. Совместные группы, где дети с ограниченными возможностями здоровья обучаются с типично развивающимися сверстниками, отличаются по внутригрупповым характеристикам взаимодействия от отдельных групп, причем различия меняются в зависимости от детского сада (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение характеристик взаимодействия детей в совместных и отдельных группах

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	ДЕТСКИЙ САД*	ДЕТИ	ДЕТИ	z	АСИМПТ. ЗНЧ (ДВУСТОРОННЯЯ) (УРОВЕНЬ ЗНАЧИМОСТИ)
		ИЗ СОВМЕСТНЫХ ГРУПП (N = 8)	ИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП (N = 8)		
СРЕДНИЙ РАНГ					
Предоставление внимания или помощи сверстникам	1	5,94	11,06	-2,156	0,031
Наблюдение за сверстниками	1	5,75	11,25	-2,331	0,02
Поиск внимания или помощи у воспитателя	1	11,25	5,75	-2,317	0,02
Принятие педагогического предложения	2	11	8	-2,119	0,034

* В табл. 1–2 бюджетный детский сад обозначен цифрой 1, детский сад на базе семейного центра — цифрой 2.

В детском саду 1 в совместных группах дети реже предоставляли внимание или помощь сверстникам, меньше наблюдали за ними и чаще искали внимания или помощи у воспитателя. В детском саду 2 различий в этих категориях не выявлено, однако дети из совместных групп чаще принимали педагогическое предложение со стороны воспитателя.

Сравнение характеристик взаимодействия детей со сверстниками и воспитателем

Во взаимодействии со сверстниками дети с синдромом Дауна меньше вовлечены в процессы, связанные со вниманием и помощью, — реже предоставляют внимание или помощь и реже отказывают в предо-

ставлении внимания или помощи. Дети с ранним детским аутизмом чаще демонстрировали незанятость, также меньше были вовлечены в процессы, связанные со вниманием и помощью: реже искали внимания или помощи и предоставляли их сверстникам, также они реже предлагали им взаимодействовать (табл. 2).

Таблица 2. Сравнение характеристик взаимодействия детей с ограниченными возможностями здоровья и типично развивающихся детей со сверстниками и воспитателем

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	ДЕТСКИЙ САД	ДЕТИ С ОВЗ (N = 2)	ТИПИЧНО РАЗВИВАЮЩИЕСЯ ДЕТИ (N = 6)	Z	АСИМПТ. ЗНЧ (ДВУСТОРОННЯЯ) (УРОВЕНЬ ЗНАЧИМОСТИ)
		СРЕДНИЙ РАНГ			
Предоставление внимания или помощи сверстникам	1	1,50	5,50	-2,012	0,044
Отказ от предоставления внимания или помощи сверстникам	1	1,50	5,50	-2,062	0,039
Незанятость	2	7,50	3,50	-2,049	0,040
Поиск внимания или помощи сверстникам	2	1,50	5,50	-2,000	0,046
Предоставление внимания или помощи сверстникам	2	1,50	5,50	-2,012	0,044
Предложение взаимодействия сверстникам	2	1,50	5,50	-2,000	0,046

Типично развивающиеся дети из совместных групп детского сада 1 чаще наблюдали за сверстниками по сравнению с детьми из отдельных групп (средний ранг 10,17 против 5,5, $Z = -2,072$, $p = 0,038$). Других различий между типично развивающимися детьми из совместных и отдельных групп в обоих детских садах не обнаружено. Были обнаружены различия между характеристиками взаимодействия детей, обучающихся в разных детских садах.

Дети из детского сада 2, обучавшиеся совместно с детьми с ранним детским аутизмом, чаще отказывались предоставлять внимание или помощь воспитателю (средний ранг 8,5 против 4,5, $Z = -2,229$, $p = 0,022$) по сравнению с типично развивающимися детьми, обучавшимися совместно с детьми с ОВЗ в детском саду 1.

Результаты изучения взаимосвязей характеристик взаимодействия детей со сверстниками и воспитателем и воспитателя с детьми

В группах детского сада 1, где вместе с типично развивающимися детьми обучались дети с синдромом Дауна, внутренние взаимосвязи характеристик взаимодействия воспитателя с детьми были обнаружены относительно характеристик «Предложение взаимодействия» и «Педагогическое предложение» ($\tau = 0,069$, $p = 0,018$). Других значимых взаимосвязей между характеристиками взаимодействия воспитателя обнаружено не было. Игра в одиночестве и предоставление внимания воспитателю со стороны детей взаимосвязаны положительно, причем значение этой взаимосвязи при фиксировании значения переменной «Поиск внимания со стороны воспитателя» снижается по сравнению с парной корреляцией ($\tau = 0,828$, $p = 0,007$), т. е. взаимодействие воспитателя с детьми частично обуславливает связь этих характеристик.

В табл. 3 представлены все обнаруженные взаимосвязи между характеристиками взаимодействия воспитателя и характеристиками взаимодействия детей с воспитателем и со сверстниками. Полученные значения проверялись с помощью частных корреляций.

В группах детского сада 2, где есть ребенок с ранним детским аутизмом, внутренних связей между характеристиками взаимодействия воспитателя с детьми обнаружено не было.

В обоих детских садах такие характеристики взаимодействия воспитателя с детьми, как предложение взаимодействия, отказ от взаимодействия и педагогическое предложение связаны с характеристиками взаимодействия детей со сверстниками и с воспитателем. Также в обоих садах следующие характеристики взаимодействия детей взаимосвязаны с характеристиками взаимодействия воспитателя с детьми: предоставление внимания или помощи сверстникам, предложение взаимодействия воспитателю и принятие педагогического предложения.

Таблица 3. Взаимосвязи характеристик взаимодействия детей и воспитателя в детском саду 1

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ		ЗНАЧЕНИЕ КОЭФФИЦИЕНТА КОРРЕЛЯЦИИ	P, УРОВЕНЬ ЗНЧ
ВОСПИТАТЕЛЯ С ДЕТЬМИ	ДЕТЕЙ С ВОСПИТАТЕЛЕМ И СВЕРСТНИКАМИ		
Поиск внимания или помощи	Игра в одиночестве	0,749	0,014
	Предоставление внимания или помощи воспитателю	0,696	0,031
	Предоставление внимания или помощи сверстникам	-0,642	0,037
Предложение взаимодействия	Незанятость	0,793	0,008
	Предложение взаимодействия воспитателю	0,815	0,006
	Принятие педагогического предложения	0,667	0,024
Педагогическое предложение	Принятие педагогического предложения	0,837	0,004
	Предоставление внимания или помощи сверстникам	-0,691	0,018
Отказ от взаимодействия	Предложение взаимодействия воспитателю	0,904	0,003
	Принятие педагогического предложения	0,628	0,039

Таблица 4. Взаимосвязи характеристик взаимодействия детей и воспитателя в детском саду 2

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ		ЗНАЧЕНИЕ КОЭФФИЦИЕНТА КОРРЕЛЯЦИИ	P, УРОВЕНЬ ЗНЧ
ВОСПИТАТЕЛЯ С ДЕТЬМИ	ДЕТЕЙ С ВОСПИТАТЕЛЕМ И СВЕРСТНИКАМИ		
Предоставление внимания или помощи	Поиск внимания или помощи у воспитателя	0,793	0,008
Отказ от предоставления внимания или помощи	Наблюдение за воспитателем	0,613	0,049
Предложение взаимодействия	Предложение взаимодействия воспитателю	0,857	0,003
Отказ от взаимодействия	Поиск внимания или помощи у сверстников	-0,619	0,044
	Предоставление внимания или помощи сверстникам	-0,63	0,043
Педагогическое предложение	Принятие педагогического предложения	0,735	0,018
	Отказ от педагогического предложения	0,827	0,009

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Полученные данные качественного анализа позволяют описать три рисунка поведения дошкольников в группах в зависимости от социальной ориентации: предпочтение игры в одиночестве, а во взаимодействии — наблюдения; более частое взаимодействие со взрослым, чем со сверстниками; активное взаимодействие со сверстниками наблюдается в парах внутри одной группы взаимодействующих друг с другом детей.

Математико-статистический анализ позволил более точно подтвердить особенности, описанные в качественном анализе. При небольшом количестве выборки полученные данные могут рассматриваться в качестве акцентирующих качественный анализ. Сравнительный анализ показал различия между совместными и отдельными группами: в двух детских садах значимо различаются неодинаковые характеристики, что может быть объяснено социальными различиями дошкольных учреждений и вкладом индивидуальных особенностей взаимодействия детей. Получены данные (различающиеся в зависимости от детского сада и диагноза), согласно которым дети с ограниченными возможностями по сравнению с типично развивающимися сверстниками реже вовлечены во взаимодействия, связанные с вниманием и помощью; чаще не заняты никакой деятельностью; реже предлагают взаимодействовать, что согласуется с данными, полученными в зарубежных исследованиях (Meyer, 2001). Во взаимодействии с воспитателем дети с синдромом Дауна из детского сада 1 чаще игнорировали воспитателя, ищущего внимания и помощи, по сравнению со

сверстниками. Других различий обнаружено не было, в том числе и по таким параметрам, как игра в одиночестве, отказ от взаимодействия со сверстниками, негативное предложение взаимодействия, что во многом согласуется с исследованиями взаимодействия детей в интегративных группах (Guralnick, Connor, Hammond, Gottman, Kinnish, 1996; Guralnick, 2011).

Обнаруженные взаимосвязи между характеристиками взаимодействия воспитателя с детьми и детей, как с воспитателем, так и со сверстниками, согласуются с исследованиями о важности роли воспитателя в процессе взаимодействия детей (Katz, Mirenda, 2002; Lipsky, Gartner, 1991; Meyer, 2001). Результаты анализа взаимодействия также могут интерпретироваться следующим образом: когда воспитатель меньше взаимодействует с детьми, дети больше взаимодействуют друг с другом. Упоминая о педагогическом предложении как характерной черте взаимодействия воспитателя с детьми, необходимо упомянуть об отрицательной взаимосвязи между предложением взаимодействия со стороны воспитателя и отказом от педагогического предложения со стороны детей. Можно предполагать, что педагогическое предложение со стороны воспитателя чаще будет приниматься детьми, если оно опосредованно другими, игровыми взаимодействиями в группе. Интересной в этом контексте остается идея У. Янсона о том, что типично развивающиеся дети взаимодействуют с детьми с ОВЗ так же, как воспитатель взаимодействует с последними (Janson, 2007).

ВЫВОДЫ

1. Характеристики взаимодействия детей с ограниченными возможностями здоровья в дошкольных детских учреждениях со сверстниками и с воспитателем отличаются по сравнению с характеристиками взаимодействия типично развивающихся сверстников. Дети с ограниченными возможностями здоровья чаще демонстрируют незанятость, реже вовлечены во взаимодействие со сверстниками, связанное со вниманием и помощью, реже предлагают сверстникам взаимодействие и чаще игнорируют просьбы воспитателя о внимании или помощи.

2. Типично развивающихся дети из совместных групп в детском саду 1 чаще наблюдали за сверстниками сравнительно с детьми из групп, состоявших только из типично развивающихся сверстников.

3. Характеристики взаимодействия в группах, где обучаются и типично развивающиеся дети, и дети с ограниченными возможностями здоровья, различаются с характеристиками взаимодействия в группах, состоявших только из типично развивающихся детей. В детском саду 1 в совместных группах дети реже предоставляли внимание или помощь сверстникам, меньше наблюдали за ними и чаще искали внимания или помощи у воспитателя. Во детском саду 2 дети из совместных групп чаще принимали педагогическое предложение со стороны воспитателя.

4. В группах, где совместно обучаются дети с ограниченными возможностями здоровья и их типично развивающиеся сверстники, были выявлены взаимосвязи между характеристиками взаимодействия воспитателя с детьми и детей с воспитателем и со сверстниками — они различаются в зависимости от детского сада. В обоих учреждениях обнаружена следующая взаимосвязь: чем чаще воспитатели предлагают детям взаимодействие, тем чаще дети предлагают взаимодействие воспитателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алехина А. К., Семаго С. В., Факина Н. Я. Инклюзивное образование. Вып. 1. М., 2010.
2. Вершинина Л. В. Исследование воспитателей ДОО к личностно-ориентированному взаимодействию с детьми / Л. В. Вершинина, О. Н. Казанцева // Дошкольное и начальное образование. 2011. № 10 (112). С. 94–96.
3. Грозная Н. С. Инклюзивное дошкольное образование // Синдром Дауна. XXI век. 2010. № 1. С. 25–35.
4. Лисина М. И. Общение, личность и психика ребенка. Избр. труды. М., 1997. 384 с.
5. Николаева А. Б. Личность воспитателя как фактор становления личности дошкольника // Психология развивающейся личности / под ред. А. В. Петровского. М., 1999. С. 157–167.
6. Одом С., Витцум Д. Исследования в сфере дошкольного включенного воспитания в Соединенных Штатах с точки зрения экологических систем // Российские и зарубежные исследования в области инклюзивного образования / под ред. В. Л. Рыскиной, Е. В. Самсоновой. М., 2012. С. 9–59.
7. Технологии инклюзивного (совместного) образования в дошкольных учреждениях (рекомендации для руководителей, учителей-дефектологов и воспитателей дошкольных учреждений на примере инклюзивного образования детей с нарушениями слуха) / под общ. ред. Е. П. Микшиной, Л. А. Зигле. СПб., 2011.
8. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. № 5976. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 14.03.2014).

9. *Guralnick M. J.* Early intervention approaches to enhance the peer-related social competence of young children with developmental delays: A historical perspective // *Infants and Young Children*. 2011. 23. P.73–83.
10. *Guralnick, M., Neville B.* Linkages between delayed children's social interactions with mothers and peers // *Child Development*. 2007. Vol.78, N 2. March-April. P.459–473.
11. *Guralnick M. J., Connor R., Hammond M., Gottman J. M., Kinnish K.* The peer relations of preschool children with communication disorders // *Child Development*. 1996. 67. P.471–489.
12. *Guralnick M. J., Connor R. T., Johnson L. C.* The peer social networks of young children with Down syndrome in classroom programmes // *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*. 2011. 24. P.310–321.
13. *Janson U.* Preschool Cultures and the Inclusion of Children with Disabilities // *Japanese Journal of Special Education*. 2007. N 44. P.405–22.
14. *Katz J., Mirenda P.* Including students with developmental disabilities in general education classrooms: Educational benefits // *International Journal of Special Education*. 2002. Vol. 17, N 2. P.14–24.
15. *Lipsky D. K., Gartner A.* The evaluation of Inclusive Education Programs / City University of New York. New York, 1991.
16. *Meyer L. H.* The Impact of Inclusion on Children's Lives: Multiple outcomes, and friendship in particular // *International Journal of Disability, Development and Education*. 2001. 48(1). P.9–31.
17. *White B., Watts J.* Experience and environment: Major influences on the development of the young child. New Jersey, 1973.

Е. Д. СМЫШЛЯЕВА, М. В. ГАЛИМЗЯНОВА

e-mail: mssmy.2015@gmail.com

Бакалавриат

РАННИЕ ДЕЗАДАПТИВНЫЕ СХЕМЫ И СТРАХИ У ВЗРОСЛЫХ

В исследовании взаимосвязи ранних дезадаптивных схем и страхов у взрослых приняли участие 57 человек (33 женщины и 24 мужчины в возрасте от 18 до 42 лет). Средний возраст испытуемых составил 26 лет. Изучались страхи взрослых (анкета «Мои страхи», разработанная М. В. Галимзяновой, Е. И. Мусиной и модифицированная нами для целей данного исследования; анкета «Мое детство», разработанная для целей данного исследования), а также ранние дезадаптивные схемы (опросник Young Schema Questionnaire (YSQ), разработанный Дж. Янгом и адаптированный П. М. Касьяником, Е. В. Романовой; опросник Schema Modes Inventory (SMI), разработанный Дж. Янгом и адаптированный П. М. Касьяником, Е. В. Романовой) и уровень тревожности у респондентов (личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлора в адаптации Т. А. Немчинова). Обработка данных проводилась с помощью анализа средних значений, контент-анализа, корреляционного анализа, факторного анализа. Было установлено, что женщины интенсивнее переживают большее число страхов, чем мужчины, при этом женщины более склонны обращаться за социальной поддержкой при переживании страхов. Ранние дезадаптивные схемы «покинутости / нестабильности», «неуспешности», «зависимости / беспомощности», «привилегированности / грандиозности», «негативизма / пессимизма» интенсивнее выражены у женщин, чем у мужчин. Ранние дезадаптивные схемы и режимы проявления схем взаимосвязаны со страхами взрослых. Ранние дезадаптивные схемы «уязвимости» и «негативизма / пессимизма» взаимосвязаны с наибольшим количеством исследованных страхов. Ранние дезадаптивные схемы группы нарушения связи и отвержения взаимосвязаны в основном со страхами перед установлением близких отношений. Ранние дезадаптивные схемы группы нарушенной автономии взаимосвязаны со страхами социально-оценочного характера. Ранние дезадаптивные схемы группы сверхбдительности и запретов взаимосвязаны как с группой социально-оценочных страхов, так и группой страхов перед установлением близких отношений.

Ключевые слова: ранние дезадаптивные схемы, режимы проявления ранних дезадаптивных схем, тревожность, страхи у взрослых.

EARLY MALADAPTIVE SCHEMAS AND FEARS OF ADULTS

To study interrelation of early maladaptive schemas and fears of adults 57 people (33 women and 24 men aged 18 to 42 years old) were surveyed. The average age of subjects 26 years. Learning: fears of adults (the questionnaire “My fears” designed by M. V. Galimzyanova, E. I. Musina and modified by us for the purposes of this study, the questionnaire “My childhood” developed for the purposes of this study); Early maladaptive schemas (questionnaire Young Schema Questionnaire (YSQ) developed by Jf. Young and adapted by P. M. Kasyanik, E. V. Romanova questionnaire Schema Modes Inventory (SMI) developed by Jf. Young and adapted by P. M. Kasyanik, E. V. Romanova); the level of anxiety among respondents (Teilor’s Manifest Anxiety Scale adapted by T. A. Nemchinov). Processing data: analysis of the mean values, content analysis, correlation analysis, factor analysis. It was found that women intensely experience greater number of fears than men. Also women are more likely to seek social support in the experience of fears. Women more than men are tend to develop Early maladaptive schemas “abandonment / instability”, “failure”, “dependence / incompetence”, “entitlement / grandiosity”, “negativity / pessimism”. Early maladaptive schemas and schema modes are connected with fears of adults. Early maladaptive schemas “vulnerability” and “negativity / pessimism” are connected with the largest number of investigated fears. Early maladaptive schemas belong to Disconnection and Rejection Domain are connected mainly with the fears of close intimate relationships. Early maladaptive schemas of Impaired Autonomy and Performance Domain are connected with the social-assessed fears. Early maladaptive schemas belong to Over-Vigilance and Inhibition Domain are connected with the social-assessed fears, and the fears of close intimate relationships.

Keywords: early maladaptive schemas, schema modes, anxiety, fears of adults.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Многие исследователи затрагивали проблему роли поведения родителей и воспитания в развитии и устойчивости страхов (Фрейд, 1927; Хорни, 1993; Боулби, 2004; Эйдемиллер, 2004; Исаев, 2001; Галимзянова, 2008; Галимзянова, Романова, 2001; Young, Klosko, Weishaar, 2003). Так, Дж. Боулби полагал, что в раннем детстве родители (или значимые близкие) должны находиться рядом с ребенком и быть внимательными к его потребностям для обеспечения надежной привязанности. Это условие необходимо для формирования и развития у ребенка чувства базового доверия к окружающему миру и чувства безопасности. Дети со

сформированным чувством безопасности менее восприимчивы к страху, напротив, несформированность базового чувства безопасности может являться причиной детских страхов и их устойчивости в течение жизни (Боулби, 2004).

Влияние отношений родителей и ребенка на его развитие и эмоциональное благополучие часто рассматривается в свете патопсихологии. Так, Э. Г. Эйдемиллер и Д. Д. Исаев выделяют патологизирующие типы семейного воспитания, вследствие которых создаются условия для хронической фрустрации ребенка и искажений его личностного роста, приводящих в отдельных случаях к формированию либо нервно-психических, либо психосоматических расстройств (Исаев, 2001; Эйдемиллер, 2004).

Исследования показывают, что лица, страдающие социальными фобиями, чаще всего росли с родителями, которые были социально изолированы и обесценивали общительность (Сагалакова, Труевцев, 2007). Также исследования Б. Банделоу, А. К. Торренте, Е. Рютер показали, что обладатели социальных фобий отмечали случаи жесткого обращения в детстве, ограничения автономии, заботы. Респонденты также субъективно оценивали наказания в детстве как неадекватные, а отношения между родителями как конфликтные и нестабильные (Bandelow, Torrente, Ruther, 2005). Кроме того, в исследованиях Дж. Л. Хадсон и Р. М. Ра испытуемые, страдающие социальными фобиями, были склонны оценивать своих родителей как гиперопекающих, при этом менее любящих и отвергающих (Raperee, Schiering, Hundson, 2009).

Некоторые исследования в рамках схема-терапии показывали свою эффективность в лечении тревожных расстройств страхов и фобий (Gude, Hoffart, 2008; Hawke, Provencher, 2011). В нашем исследовании впервые изучалось предположение о возможности взаимосвязи ранних дезадаптивных схем и страхов у взрослых. Понятие ранних дезадаптивных схем впервые ввел Дж. Янг. Под ранними дезадаптивными схемами (РДС) понимается психологический конструкт, состоящий из представлений человека о себе, о мире, о других людях, который образуется в результате взаимодействия неудовлетворенных в детстве базовых потребностей, особенностей темперамента и условий среды, в которой рос ребенок. Всего Янг выделил 18 РДС. Каждая схема предполагает наличие определенных «автоматических убеждений». Совокупность схем распределена по пяти группам в зависимости от тех базовых потребностей, которые не удовлетворялись родителями в раннем детстве: группа I — «Нарушение связи и отвержение»; группа II — «Нарушение автономии»; группа III — «Нарушенные границы»; группа IV — «Направленность на других»; группа V — «Сверхбдительность и запреты» (Касьяник, Фаррелл, Шоу, 2013; Kasyanik, Romanova, Galimzyanova, 2014; Kasyanik, Romanova, 2014; Young, Klosko, Weishaar, 2003).

Кроме схем Дж. Янг также выделил так называемые режимы функционирования схем, которые возникают при актуализации самих схем и выполняют важную роль в терапии и коррекции. Режимы проявления РДС определяются как интенсивные эмоциональные состояния, активированные в данный момент и связанные с определенными когнитивными и поведенческими феноменами (Касьяник, Фаррелл, Шоу, 2013; Young, Klosko, Weishaar, 2003).

Мы исходили из допущения о том, что дезадаптивные убеждения, развивающиеся в детстве и продолжающие существовать на протяжении взрослости, значительно искажают реальность, вызывая внутреннее напряжение, тревожность и страхи. Те или иные ранние дезадаптивные схемы в свою очередь могут провоцировать наличие определенной группы страхов, вместе с тем общая напряженность схем связана также с высоким уровнем тревожности самого индивида, наличием у него большого количества страхов.

Цель исследования: изучение страхов взрослых в связи с ранними дезадаптивными схемами.

Задачи исследования: изучение переживаний страхов взрослыми; изучение ранних дезадаптивных схем у взрослых; выявление взаимосвязи между ранними дезадаптивными схемами и страхами взрослых.

Гипотезы исследования: страхи взрослых связаны с ранними дезадаптивными схемами; мы полагаем, что выраженность той или иной ранней дезадаптивной схемы соотносится с наличием определенных страхов у взрослых.

Предмет исследования: ранние дезадаптивные схемы в связи со страхами взрослых.

Объект исследования: ранние дезадаптивные схемы взрослых.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Всего в исследовании приняли участие 57 человек: 33 женщины и 24 мужчины в возрасте от 18 до 42 лет. Средний возраст испытуемых на время исследования составил 26 лет. Большинство респондентов выборки (70 %) воспитывались в полных семьях и не пережили в детстве развода родителей.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для достижения поставленных задач использовались следующие методики:

1. Для изучения ранних дезадаптивных схем — методика Young Schema Questionnaire (YSQ), разработанная Дж. Янгом и адаптированная П. М. Касьяником, Е. В. Романовой (Young, Klosko, Weishaar, 2003); методика Schema Mode Inventory (SMI), разработанная Дж. Янгом и адаптированная П. М. Касьяником, Е. В. Романовой (Young, Klosko, Weishaar, 2003).

2. Для изучения страхов взрослых — анкета «Мои страхи», разработанная М. В. Галимзяновой, Е. И. Музиной и модифицированная нами для целей данного исследования; анкета «Мое детство», разработанная нами для целей данного исследования.

3. Для изучения уровня тревожности — личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлора в адаптации Т. А. Немчинова (Диагностика..., 2002, с. 126–128).

Испытуемым предлагалось индивидуально заполнить методический материал. Время заполнения не ограничивалось. Статистическая обработка массива данных проводилась на ПК с помощью программы SPSS. Вычислялись одномерные статистики: средние значения. Для выявления достоверности межгрупповых различий использовался U — критерий Манна — Уитни. Для изучения взаимосвязей между отдельными исследуемыми параметрами применялся корреляционный анализ по Спирмену. Для классификации страхов применялся факторный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для изучения страхов взрослых была использована анкета «Мои страхи». Изучение средних значений показало, что в целом по выборке показатели страхов у респондентов выражены не очень высоко. Для женщин характерно наличие большего количества страхов, и их переживания более интенсивны по сравнению с мужчинами. Кроме того, женщины интенсивнее переживают общебытийные страхи (по классификации В. Л. Леви) (Леви, 2002), мужчины более склонны к переживанию социально-оценочных страхов.

В результате контент-анализа было выявлено, что мужчины склонны к самостоятельному совладанию со страхом или его подавлению. Напротив, женщины более склонны обращаться за социальной поддержкой для совладания со страхом.

Для анализа возрастной динамики переживания различных страхов использовались анкеты «Мое детство», «Мои страхи» и изучались средние значения показателей детства, а также страхов взрослых. Испытуемые в основном отмечали переживание в детстве природных, пространственных и мистико-психологических страхов. С возрастом эти страхи постепенно замещались на социально-оценочные. Было установлено, что к периоду средней взрослости интенсивность переживаний страхов снижается.

Контент-анализ открытых вопросов о трех главных страхах на данный момент в анкете «Мои страхи» показал, что большинство испытуемых подчеркивали мотивирующую роль собственных страхов. В качестве причин страхов респонденты чаще всего отмечали прошлый травматический опыт, связанный с отношениями с родителями, одноклассниками или переживанием влюбленности.

Корреляционный анализ показателей ситуации детства (ответы на вопросы анкеты «Мое детство») и показателей страхов (анкета «Мои страхи») выявил, что со страхами связаны такие аспекты ситуации детства, как частота и жесткость наказаний, дефицит внимания матери после рождения второго ребенка, страх собственных родителей.

Факторный анализ страхов позволил разделить совокупность изучаемых страхов на четыре фактора: 1) социально-оценочных страхов, 2) природных и общебытийных страхов, 3) страхов перед установлением близких отношений, 4) мистико-психологических страхов и фортунфобий.

Изучение средних значений показателей ранних дезадаптивных схем (РДС) у взрослых показало, что в целом по выборке РДС режимы проявления схем выражены у респондентов неинтенсивно. У женщин сравнительно с мужчинами интенсивнее выражены ранние дезадаптивные схемы «покинутости / нестабильности», «неуспешности», «зависимости / беспомощности», «привилегированности / грандиозности», «негативизма / пессимизма». Полученные результаты могут быть объяснены различием в воспитании мальчиков и девочек и ожиданий от них. Ранние дезадаптивные схемы взаимосвязаны с дезадаптивными режимами функционирования схем, в особенности с режимом «уязвимого ребенка», «послушного капитулянта», «наказывающего родителя». У женщин интенсивнее выражены дезадаптивные детские режимы.

В процессе корреляционного анализа показателей страхов взрослых и ранних дезадаптивных схем было выявлено большое количество взаимосвязей показателей РДС и страхов взрослых. Удалось установить, что респонденты с выраженными РДС «уязвимости» и «негативизма / пессимизма» интенсивнее переживают наибольшее число страхов (см. рис. 1).

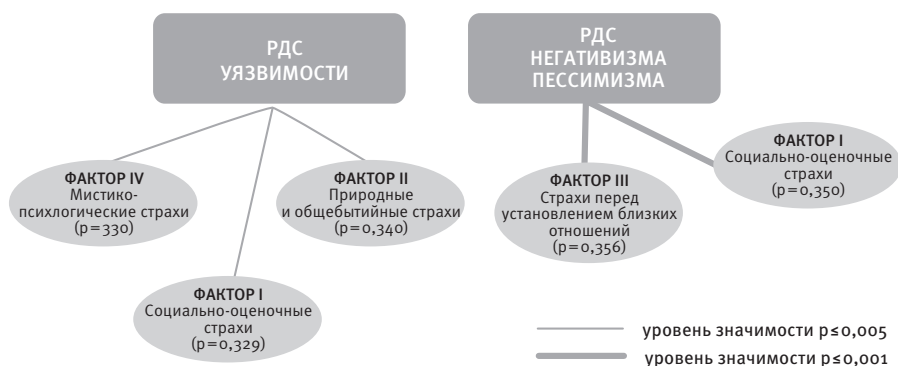

Рис. 1. Взаимосвязь РДС «уязвимости» и «негативизма / пессимизма» и факторов страхов

РДС группы нарушенной связи и отвержения связаны в основном со страхами перед установлением близких отношений (см. рис. 2).

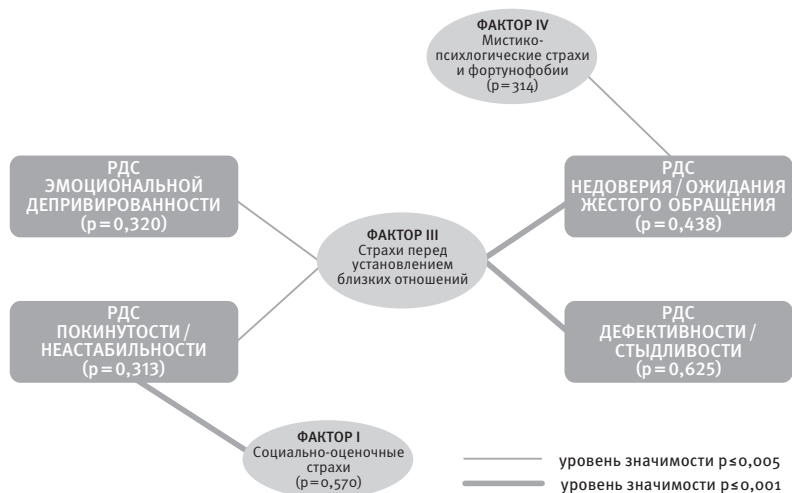

Рис. 2. Взаимосвязь РДС группы нарушенной связи и отвержения и факторов страхов

РДС из группы нарушенной автономии взаимосвязаны с большим количеством социально-оценочных страхов, в частности с такими, как страх не справиться с трудностями в одиночку в случае болезни или смерти близких; страх оказаться ненужным; страх критики и осуждения; страх стать жертвой насилия; страх показаться трусом; страх унижений; страх наказаний; страх, что близкий человек будет иметь тайну; страх сделать ошибку (см. рис. 3).

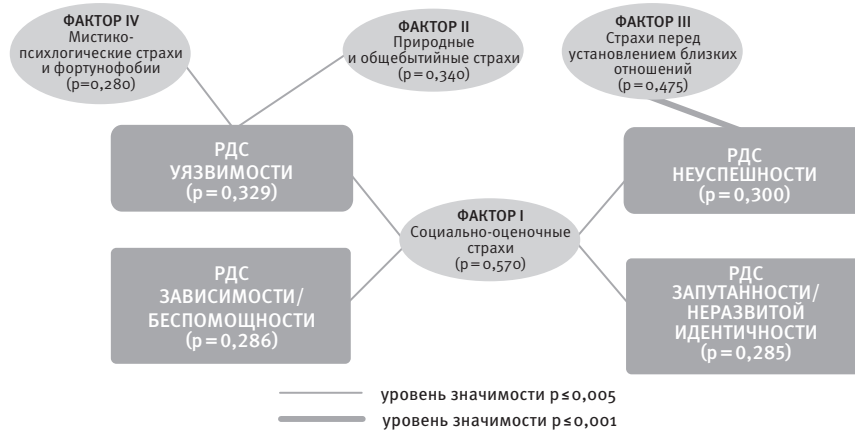

Рис. 3. Взаимосвязь РДС группы нарушенной автономии и факторов страхов

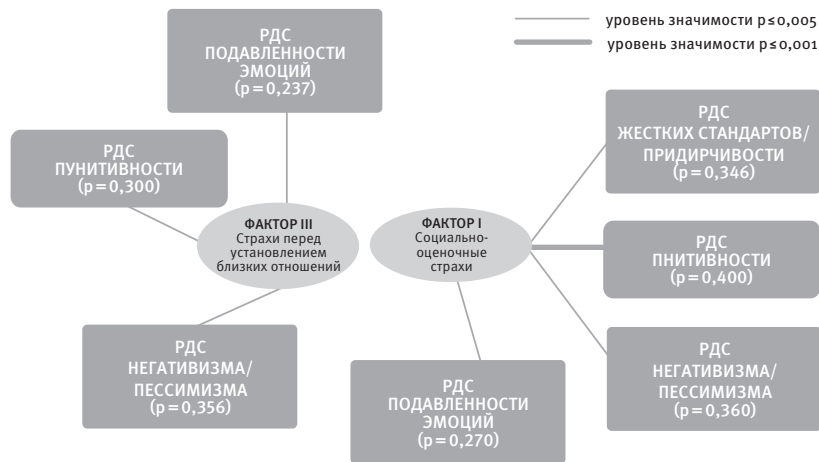

Рис. 4. Взаимосвязь РДС группы сверхбдительности и запретов факторов страхов

РДС из группы сверхбдительности и запретов взаимосвязаны как со страхами перед установлением близких отношений, так и со страхами социально-оценочного характера (см. рис. 4).

Схема «грандиозности / привилегированности» из группы схем нарушенных границ взаимосвязана с группой мистико-психологических страхов и фобий.

Кроме этого, все РДС, кроме РДС «эмоциональной депривированности», «подавленности эмоций» и «самопожертвования» взаимосвязаны с уровнем тревожности.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в среднем женщины интенсивно переживают большее количество страхов сравнительно с мужчинами. Можно предположить, что женщины лучше осознают и более охотно признаются в том, что переживают страхи, в то время как взрослые мужчины более склонны к рационализации и подавлению страхов. Такие результаты можно объяснить различиями в воспитании мальчиков и девочек. Гендерное воспитание традиционно предполагает культивирование у мальчиков самообладания, спокойствия, рассудительности, рациональности. Слабость, ранимость и открытое проявление чувств у мальчиков не поощряется, а то и вовсе запрещается. У девочек скорее поддерживается эмоциональность, восприимчивость, открытость (Каменская, 2006). Вместе с тем некоторые исследования показывают, что воспитание девочек в семьях среднего класса может провоцировать высокий уровень тре-

возможности и переживания разных страхов. Так, родители склонны воспитывать такие черты у девочек, как скромность, покорность, зависимость, не поддерживают стремление к изучению окружающей среды. Также родители зачастую больше тревожатся за девочек, чем за мальчиков, что в свою очередь может провоцировать тревогу и страхи у девочек (Zanh-Waxler, Klimes-Dougan, Slattery, 2000).

При изучении ранних дезадаптивных схем были выявлены достоверно значимые различия у мужчин и женщин по выраженности РДС «покинутости / нестабильности», «неуспешности», «зависимости», «негативизма / пессимизма». Эти результаты согласуются с исследованиями гендерного воспитания. Так, в ряде наблюдений показано, что в воспитании девочек родители склонны воспитывать такие черты характера, как скромность, покорность, зависимость, не поддерживают стремление к изучению окружающей среды. Также полоролевые ожидания педагогов и родителей гендерного поведения от девочек могут мешать развитию их определенных способностей. От девочек ждут послушания, постоянного прилежания. Учителя стремятся ориентировать девочек на более высокие достижения гораздо реже, чем мальчиков. Например, в исследованиях одаренных детей и подростков показано, что учителя считают одаренных мальчиков превосходящими одаренных девочек. Учителя-мужчины воспринимают одаренных учениц более покладистыми, эмоциональными, доверчивыми, с менее развитым воображением, любознательностью, изобретательностью (Лейтес, 1995). Таким образом, полоролевые ожидания от девочек могут способствовать развитию у них схемы «зависимости / беспомощности», «неуспешности», «негативизма / пессимизма».

При изучении взаимосвязи показателей РДС и страхов у взрослых было выявлено, что РДС «уязвимости» и «негативизма / пессимизма» связаны с наибольшим числом страхов. Воспитание, лежащее в основе РДС «уязвимости» и «негативизма / пессимизма», предполагает, что родители были излишне тревожны и склонны к постоянному предостережению от возможных опасностей и переоценке их значимости (Касьяник, Фаррелл, Шоу, 2013; Young, Klosko, Weishaar, 2003). Такое воспитание, вероятно, является наиболее неблагоприятным в контексте формирования и развития страхов.

РДС группы «нарушенной автономии», связанные с убеждениями о своей некомпетентности, неуспешности и зависимости от других, имеют в своей основе воспитание, при котором родители либо чрезмерно опекали детей и стремились за них все делать, либо (что встречается значительно реже) практически не присматривали за ними и не заботились о них. И то и другое ведет к проблемам с автономией. Родители подрывали у детей чувство уверенности в себе, не поощряли и не поддерживали уверенное поведение вне дома. Соответственно такие дети, даже с годами и став взрослыми, часто не в состоянии сформировать свою идентичность и научиться жить своей собственной жизнью (Касьяник, Фаррелл, Шоу, 2013; Young, Klosko, Weishaar, 2003). Такое воспитание могло повлиять на формирование страхов оценки своей личности и деятельности.

РДС группы нарушенной связи и отвержения связаны в основном со страхами перед установлением близких отношений. Семейное окружение людей, испытывающих подобные страхи, вероятно, отличалось нестабильностью («покинутость / нестабильность»), жестоким обращением («недоверие / жестокое обращение»), холодностью («эмоциональная депривированность»), отвержением («дефективность / стыдливость») либо изолированностью от окружающего мира (схема «социальной изолированности / отчужденности»). Многие пациенты, чьи схемы относятся к этой группе, имели травматический опыт в детстве. Будучи взрослыми, они имеют тенденцию либо избегать близких отношений, либо вступать то в одни, то в другие деструктивные отношения (Касьяник, Фаррелл, Шоу, 2013; Young, Klosko, Weishaar, 2003). РДС «социальной отчужденности» связана лишь со страхом большого скопления людей, толпы и со страхом экзаменов, на уровне значимости $p < 0,05$. Не было обнаружено достоверно значимых корреляций со страхами, связанными с построением близких отношений. Вероятно, в детстве люди с выраженной данной схемой были изолированы от общения со своими сверстниками, из-за чего у них не были сформированы многие социальные навыки. Типичное поведение в рамках данной РДС включает в себя избегание общения в группах, пребывание в стороне от событий, затворничество и самоизоляцию (Касьяник, Фаррелл, Шоу, 2013; Young, Klosko, Weishaar, 2003). Можно предположить, что такое избегающее поведение значительно ограничивает репертуар ситуаций социального взаимодействия и соответственно снижает уровень социально-оценочных и экзистенциальных страхов и объясняет взаимосвязи со страхом большого скопления людей, толпы и страха экзаменов.

РДС группы «сверхбдительности и запретов» взаимосвязаны как со страхами перед установлением близких отношений, так и со страхами социально-оценочного характера. В детстве людей, испытывающих эти страхи, окружала обстановка, отличавшаяся мрачностью, строгостью, где поощрялись самоконтроль

и самоотречение в ущерб спонтанности и удовольствиям. Игра и проявления радости и счастья не поощрялись, напротив, детей учили быть сверхбдительными по отношению к негативным событиям в жизни и воспринимать жизнь в мрачном свете. Будучи взрослыми, люди с выраженными РДС «сверхбдительности и запретов» продолжают излишне контролировать свои чувства и отличаются отсутствием спонтанности в выражении эмоций (Касьяник, Фаррелл, Шоу, 2013; Young, Klosko, Weishaar, 2003). Это в свою очередь может затруднять установление близких личных отношений и соответственно формировать множество страхов, а также провоцировать страхи перед социальной оценкой спонтанных эмоциональных проявлений.

ВЫВОДЫ

1. При изучении страхов взрослых женщины показали более высокие значения уровня тревожности и переживают большее число страхов, нежели мужчины. При этом, справляясь со страхами, женщины более склонны к поиску социальной поддержки, мужчины склонны подавлять переживания страхов или справляться с ними самостоятельно. Большинство испытуемых в качестве причин возникновения страхов отмечали прошлый травматический или неудачный опыт, связанный с родителями, одноклассниками, влюбленностью, а также подчеркивали мотивирующую роль собственных страхов. С возрастом биологические и пространственные страхи постепенно замещаются социально-оценочными страхами. К периоду средней зрелости интенсивность переживаний страхов снижается.

2. Изучение ранних дезадаптивных схем у взрослых выявило, что напряженность РДС «покинутости / нестабильности», «неуспешности», «зависимости», «негативизма / пессимизма», «грандиозности / привилегированности» у женщин выше, чем у мужчин. Дезадаптивные детские режимы также у женщин выражены сильнее, чем у мужчин.

3. Корреляционный анализ связей РДС, режимов проявления схем и страхов взрослых показал, что РДС и режимы проявления схем связаны большим количеством страхов у взрослых. На основе полученных данных можно сделать предположение, что РДС, сформированные в процессе развития — в ответ на неудовлетворение базовых потребностей в детстве, могут сыграть роль в возникновении страхов у взрослых, при этом определенные ранние дезадаптивные схемы могут влиять на формирование определенных страхов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боулби Д. Создание и разрушение эмоциональных связей / пер. В. В. Старовойтова. М., 2004.
2. Галимзянова М. В. Субъективные переживания детства, отношения в семье и формирование личности взрослого // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. Вып. 3. С. 96–106.
3. Галимзянова М. В., Романова Е. В. Эмоциональные переживания, связанные с событиями детства и партнерскими отношениями // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. Вып. 1. С. 209–216.
4. Исаев Д. Н. Психопатология детского возраста. СПб., 2001.
5. Каменская Е. Н. Гендерный подход в педагогике: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ростов н/Д, 2006.
6. Касьяник П. М., Фаррелл Дж. М., Шоу А. А. Карминские чтения — 2013: материалы Международной научно-практической конференции «Философия, психология, педагогика развития социальной активности и творчества личности», 5–7 ноября 2013 г. СПб., 2013. С. 281–285.
7. Леви В. Л. Приручение страха. М., 2002.
8. Лейтес Н. С. Психология одаренности детей и подростков. М., 1996.
9. Сагалакова О. А., Труевцев Д. Е. Социальные страхи и социофобии. Томск, 2007.
10. Фрейд З. Страх. М., 1927.
11. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М., 1993.
12. Эйдемилер Э. Г. Детская психиатрия: учебник для вузов. СПб., 2004.
13. Bandelow B., Torrente A. C., Ruther E. The role of environmental factors in the etiology of social anxiety disorders // Social Anxiety Disorders / eds B. Bandelow, D. J. Stein. Leicester (United Kingdom), 2005. P. 131–142.
14. Gude T., Hoffart A. Change in interpersonal problems after cognitive agoraphobia and schema-focused therapy versus psychodynamic treatment as usual of inpatients with agoraphobia and Cluster C personality disorders: health and disability // Scandinavian Journal of Psychology. 2008. 49. P. 195–199.
15. Hawke L. D., Provencher M. D. Schema theory and schema therapy in mood and anxiety disorders: A review // Journal of Cognitive Psychotherapy. 2011. 25(4). P. 257–276.

16. *Kasyanik P. M., Romanova E. V., Galimzyanova M. V.* The effectiveness of a schema-focused approach in managing work stress // Materials of 11th Conference of European Academy of Occupational Health Psychology 14–16 April 2014. Birkbeck College, University of London. London (United Kingdom), 2014. P.205–206.
17. *Kasyanik P. M., Romanova E. V.* Body oriented interventions ingroup Schema Therapy: diagnostics and correction of Schema modes // Materials of 6th Conference “Schema Therapy — More than the Sum of its Parts” International Society of Schema Therapy ISST, 12–14 June. Istanbul, 2014. P.50.
18. *Raperee R. M., Schiering C. A., Hundson J. L.* Anxiety disorders during childhood and adolescence: origins and treatment // *Clinical Psychology*. 2009. Vol. 5. P.311–341.
19. *Young J. E., Klosko J. S., Weishaar M.* Schema Therapy: A practitioner’s guide, New York, 2003.
20. *Zanh-Waxler C., Klimes-Dougan B., Slattery M. J.* Internalizing problems of childhood and adolescence. Prospects, pitfalls, and progress in understanding the development of anxiety and depression // *Development and Psychopathology*. 2000. N 12. P.443–466.

А. В. СОТНИКОВА, В. Е. ВАСИЛЕНКО

e-mail: anes_idel@mail.ru

Магистерская программа «Психология развития и образования»

СООТНОШЕНИЕ КРЕАТИВНОСТИ И САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ В СТАРШЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Для изучения соотношения креативности и саморегуляции поведения в старшем дошкольном возрасте было продиагностировано 52 ребенка из бюджетных детских садов Санкт-Петербурга № 126 и № 139 в возрасте от 6 до 7 лет. Также в исследовании приняли участие 52 родителя (47 матерей и 5 отцов) и 6 воспитателей. Для исследования креативности использовались: тест креативности Ф. Вильямса, методика «Придумай рассказ» Р. С. Немова, субтест «Нестандартное использование предмета» Е. Торренса. Для исследования произвольной саморегуляции поведения применялись: модификация упражнения «Запрещенное движение» А. А. Катаевой, Е. А. Стребелевой, методика «Графический диктант» Д. Б. Эльконина, методика «Да, “нет” не говори» Н. И. Гуткиной и метод экспертной оценки воспитателями самоконтроля эмоций и контроля поведения у детей. Методы математической статистики: критерий Манна — Уитни и множественные сравнения по Шеффе, факторный анализ, корреляционный анализ по Спирмену.

Исследование выявило различную структуру взаимосвязей креативности и саморегуляции в связи с полом: у мальчиков ее составляют вербальный и личностный компоненты креативности, а также показатели саморегуляции в зрительно-моторной, вербальной и эмоционально-поведенческой сферах, у девочек — только личностная креативность и зрительно-моторный компонент. В группе высококреативных детей обнаружены как отрицательные, так и положительные взаимосвязи креативности и саморегуляции, в группе среднекреативных — только положительные, и у низкокреативных — только отрицательные взаимосвязи. Выявлены разные типы сочетания креативности и саморегуляции у детей.

Ключевые слова: саморегуляция поведения, креативность, дошкольный возраст.

CREATIVITY AND SELF-REGULATION OF BEHAVIOR RATIO IN ADVANCED PRESCHOOL AGE

52 children from SBPEI kindergarten N126 and SBPEI N126 kindergarten N139 of St. Petersburg at the age of 6 to 7 years were examined to study the relation of creativity and self-regulation of behavior in the advanced preschool age. Also 52 parents (47 mothers and 5 fathers) and 6 kindergarten teachers were involved in the research. Creativity test by F. Williams, method “Invent a story” by R. S. Nемов, subtest “Non-standard use of thing” by E. Torrens were used to research creativity. Modification of the exercise “Prohibited Movement” by A. A. Cataeva and E. A. Strebeleva, method “Graphic dictation” by D. B. Elkonin, method “Don’t say “yes-or-no” by N. I. Gutkina, expert evaluation of the children’s emotional and behavioral self-control were used to research self-regulation of the children’s behavior. Statistical methods used were: Mann-Whitney’s criterion and multiple comparisons by Scheffe, factor analysis, Spirmen’s correlation analysis.

The various structure of interrelations of creativity and self-regulation in connection with a gender was revealed by research: at boys it is made by verbal and personal components of creativity and self-regulation indicators in visual and motor, verbal and emotional and behavioural spheres. Girls have only a personal creativity and a visual and motor component. Negative and positive interrelations of creativity and self-regulation were found in group of high-creative children. Only positive interrelations were found in group of middle-creative children. And only negative interrelations were found in group of low-creative children. Different types of a combination of creativity and self-regulation at children were revealed.

Keywords: behavioral self-regulation, creativity, preschool age.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Дошкольный возраст является одним из ключевых периодов для дальнейшего развития личности: идет активное формирование способностей, в том числе творческих, складываются основы произвольного поведения. Учитывая, что взаимосвязи креативности и саморегуляции в онтогенезе носят неоднозначный характер, актуальным остается выявление их соотношения именно в период их формирования.

Проблема изучения творческих способностей и их становления в дошкольном возрасте значима для всех сфер жизнедеятельности. Под креативностью принято понимать способность человека отказываться от стереотипных способов мышления, умение находить решения в нестандартных ситуациях (Дж. Гилфорд,

Э. Торренс и др.), креативность — это прежде всего потенциальная способность к творчеству. Креативность можно рассматривать как один из видов познавательных способностей наряду с конвергентными способностями, обучаемостью и познавательными стилями (Холодная, 2002). Также важно отметить, что высший уровень творческой деятельности проявляется за счет единства интеллектуальных и личностных факторов (Богоявленская, 2002).

Дошкольный возраст признается сензитивным для развития творческих способностей (Л. А. Венгер, Л. С. Выготский, В. Н. Дружинин, О. М. Дьяченко, и др.). В данный период воображение ребенка развивается в двух направлениях: аффективное и познавательное (Дьяченко, 1988), оно является ведущим психическим процессом и взаимосвязано с развитием образной памяти и мышления. Активное развитие воображения определяет такие особенности психики дошкольников, как восприимчивость и пластичность. Дети начинают осваивать творческую деятельность, использовать приемы творческого воображения, создавать собственные персонажи. Микровозрастной анализ показывает рост креативности к концу дошкольного периода, что во многом связано с общим психическим развитием детей (Белова, 2004).

Разные авторы выделяют различные виды креативности: невербальную, вербальную, семантическую, личностную или поведенческую, социальную и даже эмоциональную. Иногда виды креативности определяют в связи с видами деятельности (Ильин, 2009). В своем исследовании мы опирались на концепции креативности и методические разработки Е. Торренса (Туник, 1998) и Ф. Вильямса (Туник, 2003).

Относительно факторов развития креативности большинство исследователей делают заключение о первичной роли микро- и макросреды. Так, формирующая среда должна обладать высокой степенью неопределенности и потенциальной многовариантностью, содержать образцы креативного поведения и его результаты (Дружинин, Хазратова, 1994). Для развития креативности важны модели и образцы креативного поведения близких взрослых (Ожиганова, 1999). Также имеют большое значение факторы личностного развития ребенка (В. Н. Дружинин, Н. В. Хазратова, М. В. Клементьева, Е. В. Алфеева и др.). При этом можно говорить о двух основных типах индивидуального реагирования на нарушение равновесия, связанного с повышением креативности в процессе развивающих занятий: восстановление прежней системы путем понижения креативности и обретение системой новой устойчивости без понижения креативности (Дружинин, Хазратова, 1994).

Проблема изучения произвольной саморегуляции как сознательного процесса, направленного на управление собственным поведением (Б. В. Зейгарник, Г. С. Никифоров и др.), является одной из базовых задач психологической науки. В различных ее аспектах исследованиями саморегуляции занимались А. Н. Леонтьев, К. А. Абульханова-Славская, Г. С. Никифоров, О. А. Конопкин, В. И. Моросанова и др. На сегодняшний день довольно подробно изучены такие аспекты саморегуляции поведения, как становление процесса произвольного регулирования (Л. М. Веккер, А. В. Быков, Т. Н. Шульга, А. К. Осницкий и др.), типологические особенности осознанной саморегуляции (П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, О. А. Конопкин и др.). Проанализированы стилевые характеристики саморегуляции в периоды юности и взрослости (Моросанова, 2010). Для нашего исследования наиболее важное направление — изучение специфики формирования саморегуляции у детей дошкольного возраста (Л. И. Божович, Л. А. Венгер, Д. Б. Эльконин и др.).

Дошкольный период — это важный период для становления регуляторных механизмов. В старшем дошкольном возрасте появляются такие личностные механизмы поведения, как иерархия мотивов, самосознание, система ценностей и произвольность поведения, также идет формирование психологической готовности к обучению. Процесс формирования саморегуляции в дошкольном возрасте сейчас активно изучается (С. В. Хусаинова, Н. В. Сидячева и др.) Особенно актуальны исследования саморегуляции в контексте обучения или подготовки к обучению (И. В. Плахотникова и др.). Возникновение произвольного поведения у дошкольников связано с появлением ориентации на правила и нормы. Так, у ребенка появляется стремление управлять своими действиями и поведением (Эльконин, 2001).

Что касается проблемы соотношения креативности и саморегуляции, то эта тема остается недостаточно изученной, а имеющиеся данные порой носят противоречивый характер. Так, отечественными учеными изучались и выделялись качества творческой личности (Я. А. Пономарев, П. А. Нечаев, А. Г. Маклаков). Современные исследователи доказывают взаимосвязь креативности и самосознания (Н. В. Шелепанова, Н. В. Дмитриева, И. С. Валиулина), креативности и механизмов саморегуляции (Л. Г. Пузеп), отмечают позитивное влияние техник и методов саморегуляции на креативные способности личности (Т. В. Галкина, М. С. Симонова). Экспериментально показано, что развитие творческих способностей возможно благодаря задействованию механизма рефлексии — как базового механизма развития креативности, и механизмов

саморегуляции и самооценки — как производных (Пузеп, 2006). Особенно часто встречаются исследования о взаимосвязи процессов рефлексии и креативности (Н. А. Маркина, Н. В. Шелепанова).

Вместе с тем И. С. Кон, ссылаясь на исследование М. Парлоф, Л. Датта, отмечает, что положительные взаимосвязи творческих способностей и саморегуляции больше проявляются в юношеском периоде, когда саморегуляция помогает активизировать творческий потенциал личности, по сравнению с периодом взрослости, когда развитые навыки саморегуляции могут и препятствовать проявлениям творческой спонтанности (Кон, 1989).

Таким образом, исследования соотношения креативности и саморегуляции в основном касаются периода взрослости, но интересны механизмы их взаимосвязей у детей. Можно предположить, что общий темп психического развития ребенка будет отражаться как на формировании вербальной и невербальной креативности, так и на становлении произвольности поведения, обуславливая их положительную взаимосвязь. В то же время личностная креативность ребенка, связанная со спонтанностью его поведенческих реакций, может и не иметь прямой взаимосвязи с характеристиками саморегуляции.

Цель исследования: выявить взаимосвязи между различными компонентами креативности (невербальным, вербальным и личностным) и характеристиками произвольной саморегуляции поведения и деятельности у старших дошкольников.

Задачи исследования:

1. Исследовать невербальный, вербальный и личностный компоненты креативности у старших дошкольников.
2. Изучить характеристики произвольной саморегуляции поведения и деятельности у детей.
3. Провести сравнительный анализ показателей креативности и саморегуляции и построить типологию соотношения креативности и саморегуляции у старших дошкольников.
4. Выявить взаимосвязи между компонентами креативности и характеристиками произвольной саморегуляции у мальчиков и девочек, а также в группах детей с низким, средним и высоким уровнем креативности.

Гипотеза исследования: в старшем дошкольном возрасте произвольная саморегуляция поведения положительно взаимосвязана с когнитивными компонентами креативности, при этом ее взаимосвязи с личностным компонентом могут иметь противоречивый характер.

Объект исследования: креативность и произвольная саморегуляция поведения и деятельности в дошкольном возрасте.

Предмет исследования: взаимосвязь креативности и произвольной саморегуляции поведения и деятельности у старших дошкольников.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В нашем исследовании принимали участие дети старшего дошкольного возраста (от 6 до 7 лет), средний возраст — 6 лет 3 месяца, их родители (47 матерей и 5 отцов) и воспитатели. Исследование проводилось на базе двух бюджетных детских садов города Санкт-Петербурга: № 126 Невского района и № 139 Выборгского района. Всего в исследовании были задействованы 52 ребенка (27 мальчиков и 25 девочек), столько же родителей (один родитель от каждого ребенка заполнял тестовый опросник) и 6 воспитателей (по 2 воспитателя в каждой группе). Для исследования были взяты подготовительные группы детского сада в том составе, котором они существуют. У всех родителей предварительно было получено согласие на диагностическое исследование их детей.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования выделенных нами компонентов креативности (невербального, вербального и личностного) были выбраны следующие психодиагностические методики: тест креативности Ф. Вильямса (в адаптации Е. Е. Туник, 2003); методика «Придумай рассказ» Р. С. Немова (Р. С. Немов, 1999); субтест «Нестандартное использование картонных коробок» Е. Торренса (в адаптации Е. Е. Туник 1998).

Для исследования выделенных сфер произвольной саморегуляции поведения (психомоторная, зрительно-моторная, вербальная), а также для изучения самоконтроля эмоций и поведения у детей мы использовали следующие методы: модификация упражнения «Запрещенное движение» А. А. Катаевой, Е. А. Стре-

белевой (Катаева, Стребелева, 1990); «Графический диктант» Д. Б. Эльконина (Эльконин, 1996); методика «“Да”, “нет” не говори» Н. И. Гуткиной (Гуткина 1996); метод экспертной оценки воспитателями самоконтроля эмоций и самоконтроля поведения у детей.

Исследование включало в себя как групповую, так и индивидуальную форму работы и проходило в несколько этапов. Применялся непосредственный способ сбора данных. Воспитатели и родители заполняли опросники индивидуально.

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 20. Использовались: описательная статистика; критерий Манна — Уитни для выявления половых различий в показателях креативности и саморегуляции у детей; корреляционный анализ по Спирмену; факторный анализ; метод множественных сравнений с поправкой Шеффе для показателей трех групп с разным уровнем произвольной саморегуляции (низкий, средний, высокий).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведенное исследование выявило, что средние показатели невербальной, вербальной и личностной креативности у дошкольников нашей выборки соответствуют нормативным значениям. Обнаружены различия в вербальном и личностном компонентах креативности в связи с фактором пола. Так, у девочек выше общий показатель вербальной креативности при придумывании рассказа (методика Р. С. Немова, $p < 0,05$), на уровне статистической тенденции выше оценка таких творческих характеристик личности, как «гибкость», «разработанность», «воображение» и «склонность» к риску (методика Ф. Вильямса).

Показатели саморегуляции у детей в психомоторной, зрительно-моторной и вербальной сферах находятся на высоком уровне, значимых различий в связи с фактором пола не выявлено. По оценке воспитателей, самоконтроль эмоций и поведения у детей соответствует уровню выше среднего, при этом девочки лучше умеют контролировать свои эмоции.

Метод множественных сравнений выявил различия в показателях креативности только между группами детей с низким и средним уровнем саморегуляции. Показатель личностной креативности «Оригинальность» выше у детей в группе с низким уровнем саморегуляции по сравнению с группой со средним уровнем ($p < 0,05$). Общий показатель креативности по тесту Вильямса на уровне статистической тенденции выше в группе с низким уровнем саморегуляции сравнительно с группой со средним ее уровнем.

Также были получены данные процентного соотношения групп детей с разным сочетанием уровней креативности и саморегуляции. Наиболее представлена в общей выборке группа со средним уровнем креативности и саморегуляции поведения (23%). Вторая по количеству человек — группа со средним уровнем саморегуляции и низким уровнем креативности (17,3%). Третью группу составили дети с низкой саморегуляцией и средней креативностью (7,7%). Наименьшее количество детей оказалось в группе с низкими показателями и креативности, и саморегуляции (1,9%).

Факторный анализ подтвердил выделенные нами компоненты креативности и сферы саморегуляции у детей. Были установлены факторы: «Личностный компонент креативности» (15,3% дисперсии), «Психомоторная и вербальная саморегуляция» (14,8% дисперсии), «Вербальный компонент креативности» (13,7% дисперсии), «Самоконтроль поведения» (10% дисперсии), «Невербальный компонент креативности» (8,8% дисперсии).

Корреляционный анализ показателей креативности у дошкольников выявил, что в структуру взаимосвязей показателей вербальной креативности в группе мальчиков интегрирован только один показатель невербальной креативности — «разработанность». Другие показатели невербальной креативности не имеют значимых корреляций с вербальным компонентом. У девочек с повышением показателей вербальной креативности повышаются также и показатели личностной и невербальной креативности. Структура взаимосвязей в этой группе включает показатели всех трех компонентов креативности: невербальный, вербальный и личностный.

Корреляционный анализ показателей саморегуляции в группе мальчиков продемонстрировал, что психомоторный компонент саморегуляции взаимосвязан с вербальным ($p < 0,01$), а контроль поведения по оценке воспитателей — со зрительно-моторной координацией ($p < 0,01$). Корреляционный анализ общих показателей саморегуляции у девочек выявил взаимосвязи зрительно-моторной (графической) сферы с психомоторной и вербальной сферами саморегуляции ($p < 0,01$).

В структуре взаимосвязей компонентов креативности и саморегуляции у мальчиков обнаружены как положительные, так и отрицательные взаимосвязи. Показатель вербальной креативности «беглость» обратно пропорционально взаимосвязан со зрительно-моторным компонентом саморегуляции; вербальная саморегуляция положительно взаимосвязана с показателем личностной креативности «любопытность»; «самоконтроль поведения» положительно взаимосвязан с показателем вербальной креативности «оригинальность». У девочек только один показатель личностной креативности — «сложность» — положительно коррелирует с общим показателем саморегуляции и со зрительно-моторным компонентом саморегуляции.

В группе детей с высокой креативностью невербальный компонент креативности имеет только отрицательные взаимосвязи с саморегуляцией (с общим показателем), вербальный — как отрицательные (с психомоторной регуляцией), так и положительные (с самоконтролем поведения), а личностный — положительные (со зрительно-моторной координацией).

В группе со средней креативностью более высокому уровню саморегуляции в разных сферах соответствует и лучшая сформированность невербального и личностного компонентов креативности.

В группе с низкой креативностью вербальная и личностная креативность отрицательно взаимосвязаны со зрительно-моторным компонентом саморегуляции и общим показателем ее сформированности. Также личностная креативность отрицательно взаимосвязана с эмоционально-поведенческим компонентом саморегуляции.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Как показало проведенное исследование, первая часть выдвинутой нами гипотезы о положительной взаимосвязи когнитивных компонентов креативности и произвольной саморегуляции поведения подтвердилась лишь отчасти: были выявлены как положительные, так и отрицательные взаимосвязи всех компонентов креативности с саморегуляцией. Вторая часть гипотезы подтвердилась.

Наиболее интересными оказались результаты взаимосвязей показателей креативности и саморегуляции в группах детей с разным уровнем креативности. При низкой креативности наблюдаются только отрицательные взаимосвязи (чем ниже креативность, тем выше саморегуляция), при средней — только положительные (чем выше креативность, тем выше саморегуляция). При высокой креативности мы наблюдаем довольно противоречивую картину: отрицательные взаимосвязи с саморегуляцией у невербального компонента, положительные — у личностного и различные — у вербального.

Несмотря на то, что корреляционный анализ не позволяет нам говорить о причинно-следственных связях, можно выдвинуть некоторые предположения. Возможно, сформированные навыки саморегуляции у высококреативных детей оказывают положительное влияние на оценку взрослыми их личностной креативности и частично — на вербальную креативность, но могут несколько снижать невербальную креативность.

Таким образом, у дошкольников высокая саморегуляция может сочетаться с низкой креативностью. Можно сделать два предположения: с одной стороны, очень высокая саморегуляция может тормозить спонтанную творческую активность ребенка; с другой стороны, в группе детей с низкой креативностью хорошо развитая саморегуляция может выступать в качестве компенсаторного механизма и способствовать успешной социализации.

ВЫВОДЫ

1. Проведенное исследование выявило различия в креативности в связи с фактором пола: у девочек выше показатели вербальной креативности (придумывание рассказа), а на уровне статистической тенденции выше оценка родителями творческих характеристик личности («гибкость», «разработанность», «воображение» и «склонность к риску»).
2. Показатели саморегуляции у детей находятся на высоком уровне, при этом, по оценке воспитателей, девочки лучше контролируют свои эмоции.
3. Выявлены различия в показателях креативности у детей с низким и средним уровнями саморегуляции: в группе с низкой саморегуляцией выше оригинальность (личностный компонент).
4. Типологический анализ показал, что в общей выборке наиболее представлена группа со средним уровнем креативности и саморегуляции, наименее — с низким уровнем и креативности, и саморегуляции.

5. Выявлены различия в структурах креативности и саморегуляции в связи с полом: у девочек интеркорреляционные структуры более интегрированы, включают все компоненты.

6. В структуре взаимосвязей компонентов креативности и саморегуляции у мальчиков обнаружены как положительные, так и отрицательные взаимосвязи. У девочек только один показатель личностной креативности — «сложность» — положительно коррелирует с общим показателем саморегуляции и со зрительно-моторным компонентом саморегуляции.

7. По результатам анализа взаимосвязей креативности и саморегуляции в подгруппах детей с разным уровнем креативности установлено, что только для группы со средним уровнем креативности можно говорить об однозначной положительной зависимости креативности и саморегуляции. У высококреативных детей наряду с положительными есть и отрицательные корреляции, а у детей с низкой креативностью — только отрицательные.

8. Проведенное исследование может иметь практическое значение: результаты исследования креативности, установление компонентов, положительно взаимосвязанных с разными сферами саморегуляции, и компонентов, отрицательно с ними взаимосвязанных в связи с полом и разным уровнем сформированности творческих способностей, может быть использовано при подготовке программ, стимулирующих как личностное развитие ребенка, его творческие способности, так и умение владеть собой, развитие навыков самоконтроля и, как следствие, готовности к школе. Мы предполагаем, что, несмотря на сложную картину взаимосвязей креативности и саморегуляции, возможно одновременное и успешное развитие данных способностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова Е. С. Выявление творческого потенциала дошкольников с помощью теста П. Торренса // Психологическая диагностика. 2004. № 1. С. 21–40.
2. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2002.
3. Дружинин В. Н., Хазратова Н. В. Экспериментальное исследование формирующего влияния микросреды на креативность // Психологический журнал. 1994. № 4. С. 13–83.
4. Дьяченко О. М. Об основных направлениях развития воображения дошкольника // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 53–59.
5. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб., 2009.
6. Кон И. С. Психология ранней юности. М., 1989.
7. Моросанова В. И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М., 2010.
8. Ожиганова Г. В. Подражание поведению взрослого как механизм формирования креативности у детей: дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.
9. Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1976.
10. Пузен Л. Г. Психологические механизмы развития креативности личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Омск, 2006.
11. Туник Е. Е. Диагностика креативности. Тест Е. Торренса: методическое руководство. СПб., 1998.
12. Туник Е. Е. Модифицированные креативные тесты Ф. Вильямса. СПб., 2003.
13. Холодная М. А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. СПб., 2002.
14. Эльконин Д. Б. Психическое развитие в детских возрастах: избр. психологические труды / под ред. Д. И. Фельдштейна. 3-е изд. М.; Воронеж, 2001 (сер. Психологи Отечества).

А. М. ТВЕРДОХЛЕБОВА, Э. Б. КАРПОВА

e-mail: a-tverd1@mail.ru

Специальность «Клиническая психология»

ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТНОГО КРИЗИСА У ПОДРОСТКОВ, ОТНОСЯЩИХ СЕБЯ К СУБКУЛЬТУРЕ «ЭМО»

В рамках данной работы рассмотрены особенности подростков субкультуры «Эмо». С помощью включенного наблюдения собрана общая информация о субкультуре, об особенностях внешнего вида подростков, относящих себя к этой субкультуре, принятых между ними групповых нормах и моделях поведения. В рамках эмпирического исследования была выявлена большая дезадаптированность подростков-эмо, а также большая их направленность на общение сравнительно со сверстниками, не относящими себя к какой-либо субкультуре. Исходная гипотеза о меньшей психологической зрелости подростков-эмо была подтверждена лишь косвенно.

Ключевые слова: подростковый кризис, субкультура «Эмо», психологическая зрелость, гендерная идентичность, нервно-психическое напряжение.

FEATURES OF THE ADOLESCENT CRISIS OF THE ADOLESCENTS WHO CONSIDER THEMSELVES AS THE MEMBER OF THE EMO SUBCULTURE

In this article we review special aspects of emo subculture. General information about this subculture, special characteristics of emo-adolescent's clothes and style, norms of emo-group and their usual behavior got by the instrumentality of overt observation. We learned, that emo-group has a higher level of neuro-psychic tension and a high level of communicative motive. Our hypothesis for low level of psychological maturity of emo-adolescents was indirectly verified.

Keywords: adolescent crisis, subculture, emo, psychological maturity, gender, neuro-psychic tension.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Под субкультурой обычно понимают культуру некоторой группы или сообщества, отличающуюся от господствующей в обществе. Один из распространенных, хотя и сравнительно молодых ее вариантов — субкультура молодежная, т. е. то или иное движение подростков и молодых людей, манифестирующих нормы и культурные особенности, в той или иной мере отличающиеся от общепринятых в обществе стандартов.

Наша работа посвящена особенностям подростков, относящих себя к молодежной субкультуре «эмо» в России. Представители этой субкультуры выбраны в качестве объекта исследования в силу своеобразного имиджа ее участников. Акцентирование инфантильности во внешнем облике и стиле поведения отличает их от подростков, обычно стремящихся казаться взрослее, и может косвенно свидетельствовать об их недостаточной психологической зрелости. «Эмо» — молодая субкультура, пришедшая к нам из-за рубежа в начале XXI в., хотя первые ее представители появились в США еще в 80-х годах XX в. Ее возникновение связано с околomuзыкальной культурой пост-панка, в определенном смысле противопоставленной традиционной западной культуре и ее ценностям. Однако эмо в отличие от панков с их социальным протестом больше ориентированы на эмоциональные, глубоко интимные переживания. Этот аспект субкультуры отразился и на эстетике внешнего вида принадлежащих к ней молодых людей: так, эмо, изначально позиционировавшие себя как движение протеста против традиционных западных форм маскулинности, поддерживают специфический стиль во внешнем облике, включающий, например, использование косметики, в том числе и подростками мужского пола, а также определенные модели поведения, акцентирующие эмоциональную сферу подростка, его переживания.

Динамика развития данной субкультуры довольно необычна — вслед за коротким, но ярким всплеском следует спад, а затем новый подъем. В США, где эмо появились впервые, сейчас наблюдается уже четвертая волна этого движения. Следует отметить, что эмо достаточно сильно изменяются от волны к волне. Так, большинство фанатов популярных в 2000-х годах групп эмо составляли девочки и девушки, что довольно сильно отличало эти группы от исходного движения, которое, как уже было сказано, стало манифестом маргинальных форм маскулинности (Carrillo-Vincent, 2013; de Boise, 2014; Peters, 2010).

Существует значительное количество публикаций в западных изданиях, освещающих различные аспекты данной субкультуры. Так, авторы анализируют историю ее развития, исследуют связи между прослуши-

ванием специфической музыки (поскольку эмо появились как околмузыкальная субкультура) и теми или иными признаками психологических трудностей у подростков. Анализируется также образ подростково-эмо в глазах окружающих.

В российских источниках субкультура «Эмо» освещена достаточно слабо. Основное внимание сосредоточено на ее отдельных аспектах. Существуют исследования копинг-стратегий и психологических защит подростков-эмо (Жигимонт, Лобанова, 2014). Российские ученые также обращаются к образу эмо, в том числе среди людей разных поколений. Было выявлено (Самохвалова, Атокина, 2010), что эмо воспринимаются окружающими в негативном свете — как более замкнутые и высокомерные либо, напротив, как более несчастные и дезадаптированные подростки. Отдельно рассматриваются вопросы социализации эмо и связь принадлежности к субкультуре с готовностью к риску и субъективным благополучием (Кленова, 2013). Однако единого описания субкультуры, ее особенностей, характерных имиджевых характеристик участников и групповых норм, на данный момент нет. Существующие попытки описания носят скорее публицистический или литературный характер и не имеют в основании научных данных.

В связи с этим актуальным является описание особенностей современной субкультуры «Эмо» с помощью клинико-психологического метода, а также изучение психологических характеристик, являющиеся предикторами выбора субкультуры подростками.

Цель исследования: оценить особенности субкультуры «Эмо», психологическую зрелость и специфику гендерной идентичности подростков-эмо.

Задачи исследования:

1. Описание особенностей современной субкультуры «Эмо»: имиджевых характеристик, ценностей, групповых норм, времяпрепровождения и пр.
2. Изучение идентичности и представлений о себе подростков-эмо и подростков, не относящих себя к какой-либо субкультуре.
3. Изучение уровня нервно-психического напряжения подростков-эмо и подростков, не относящих себя к какой-либо субкультуре.
4. Изучение временной перспективы подростков-эмо и подростков, не относящих себя к какой-либо субкультуре.
5. Изучение особенностей гендерной идентичности и самовосприятия подростков-эмо и подростков, не относящих себя к какой-либо субкультуре.
6. Сопоставление групп подростков-эмо и подростков, не относящих себя к какой-либо субкультуре.

Гипотеза исследования: субкультура «Эмо» является привлекательной для подростков, менее психологически зрелых, чем их сверстники, и имеющих проблемы в сфере гендерной идентичности.

Объект исследования: подростки-эмо, проживающие в Санкт-Петербурге, и подростки, проживающие в Санкт-Петербурге и не относящие себя к какой-либо субкультуре.

Предмет исследования: особенности субкультуры «Эмо» в Санкт-Петербурге, уровень психологической зрелости подростков, особенности их гендерной идентичности и уровень нервно-психического напряжения.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В выборку вошли 134 подростка в возрасте от 13 до 17 лет, из них мужского пола — 51 человек, женского — 81. Все испытуемые были разделены на три группы: экспериментальную и две контрольных (сформированных по критерию условий тестирования).

Первая контрольная группа включала 54 человека, из них мальчиков — 16, девочек — 38. Эти подростки были протестированы классическим методом «карандаш-бумага» в школах, где проходило их обучение. Тестирование проводилось в рамках уроков психологии.

Вторая контрольная группа была протестирована с помощью ресурсов Интернета. В нее вошли 22 девочки и 27 мальчиков, всего 49 человек. Все они являются учащимися различных школ Санкт-Петербурга.

Экспериментальную группу составили подростки, проживающие в Санкт-Петербурге и являющиеся участниками субкультуры «Эмо», — всего 31 человек. Критерием принадлежности респондента к субкультуре являлось заключение, сделанное на основании его высказываний, внешнего вида и материалов страницы в социальной сети («В контакте»). Всего в данную группу вошло 7 мальчиков и 24 девочки, что в целом соответствует соотношению подростков в субкультуре.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках нашей работы были использованы следующие методы:

1. Включенное наблюдение (Дружинин, 1997) — в целях сбора максимального количества информации для общей ориентации в происходящем в наблюдаемой группе было выбрано несистематическое сплошное наблюдение. Для оценки выраженности явлений использовалась шкала, согласно которой минимальному проявлению признака присваивалось значение 0 баллов, а максимальной его выраженности — 3 балла. Оценка производилась на основании внешнего вида участников, их высказываний в свободной форме в ходе естественного разговора, материалов их страниц в социальной сети «В контакте».

2. Экспертная оценка — материалы включенной работы подвергались экспертной оценке сотрудника отдела анализа молодежных субкультур СПб ГБУ Городского центра социальных программ «Контакт». Были применены:

- Тест М. Kuhn «Кто я?» в модификации Т. В. Румянцевой (Румянцева, 2006; Емузова, 2003)
- Метод мотивационной индукции Ж. Ньютена (J. Nuttin) (адаптация Н. Н. Толстых) (Nuttin, 2004; Дубровина, 1989)
- Многомерная шкала нервно-психической адаптации (Гурвич, 1999)
- Методика «Маскулинность и феминность» (Ткаченко, Введенский, Дворянчиков, 2001). В рамках нашего исследования был использован модифицированный вариант данной методики. Так, были использованы только те незаконченные предложения, которые соответствовали целям исследования (касающиеся аспектов «я-реальное», «я-идеальное», «мужчина должен быть», «женщина должна быть» и «идеальный партнер»). Также был сокращен список характеристик перечня «маскулинность — феминность» (были удалены все слова, не несущие нагрузки по шкалам, а также по одному слову из шкал «маскулинность» и «феминность»).

Обследования подростков проводились в два этапа — сбор данных классическим методом «карандаш-бумага» и сбор данных через Интернет, с помощью Google Forms. Группа, обследованная классическим методом, состояла из подростков, не относящих себя к какой-либо субкультуре. Они получили стандартные бланки методики и инструкции от школьного психолога. С помощью интернет-тестирования были обследованы две группы подростков, одна из которых не относилась к какой-либо субкультуре, а вторая являлась участниками движения «Эмо». Обеим группам был предложен идентичный тест, составленный на основе Google Forms. Инструкция, предложенная к данному тесту, а также список вопросов и их формулировки были идентичны классическому варианту теста. В качестве условия участия в исследовании подросткам предлагалась обратная связь по результатам теста.

Таким образом, использование двух контрольных групп позволило фиксировать эффекты тестирования, связанные с проведением части исследования в Интернете.

При математической обработке результатов были использованы описательные статистики, методы сравнения средних (Mann-Whitney U-test), корреляционный и факторный анализ, а также методы коррекции р-уровня значимости при множественных сравнениях средних (поправка Bonferroni и метод Benjamini-Hochberg) (Наследов, 2012).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Систематическое включенное наблюдение позволило выявить основные характеристики группы эмо и типичные для них групповые нормы. Обычно размер одной реально собравшейся группы составлял от 15–20 до 30 человек, однако количество так или иначе заинтересованных в группе (в частности, добавленных в соответствующую группу «В контакте») значительно больше: до 60–140 человек, не считая участников старше 18 лет. Координация предстоящих встреч, договоренности относительно времени и места проведения встреч (так называемых «сходок») также осуществлялось с помощью данной социальной сети. В целом общее количество эмо, участвующих в уличных «тусовках» в Санкт-Петербурге, составляло примерно 400–600 человек, при этом количество так или иначе заинтересованных в субкультуре и, возможно, желающих в нее вступить, но не участвующих в уличных «тусовках», ориентировочно достигало от 2,5 до 4 тыс. человек. Однако ввиду труднодоступности данной группы экспериментально-психологическим исследованием был охвачен 31 участник субкультуры.

Возраст участников субкультуры варьировался: участники от 14 до 17 лет включительно составляли около 60 %, 18 лет и старше — около 35 %. Как и в любой неагрессивной субкультуре, среди эмо больше девушек, чем юношей. По нашим приблизительным подсчетам, около двух третей участников субкультуры женского пола. В связи с этим имеет смысл отметить имеющее место расхождение между декларируемым полом и биологическим. Так, некоторые из девочек-эмо заявляют о своей принадлежности к мужскому полу с разной степенью погружения в эту легенду. Чаще всего речь идет о «никнейме» в социальных сетях и использовании соответствующих личных окончаний в речи, однако в отдельных случаях имеет место более глубокое погружение, включающее ношение соответствующей одежды.

Интересно отметить тот факт, что субкультура находится в фазе становления. В ходе включенной работы было выявлено, что движение «Эмо» полностью исчезло к концу 2000-х годов и теперь начинает формироваться заново. Ввиду этого факта преемственность поколений внутри движения оказалась нарушенной, и старые нормы не получены современными участниками субкультуры напрямую от более старших подростков-эмо. На данный момент нормы не определены и могут достаточно сильно колебаться от одной малой группы к другой. «Эмо» можно отнести к неагрессивным субкультурам, и эта их особенность явно проявляется в поведении. Так, в подавляющем большинстве случаев агрессия, если она и есть, носит вербальный характер, а серьезные конфликты внутри движения встречаются достаточно редко и преимущественно связаны с лидерскими позициями. Однако существует вид агрессии, достаточно распространенный в среде эмо. Это агрессия, направленная на себя, или так называемые самоповреждающее поведение. Данные действия не подразумевают стремления свести счеты с жизнью и предположительно могут быть перенаправленной на себя агрессией, связанной с неприятными и болезненными событиями в жизни подростка. Регулярный характер такие действия носят только для 3,13 % участников (нанесение себе порезов), и около 12,5 % имеют подобный опыт, хотя не склонны наносить себе порезы постоянно. Для подавляющего же большинства участников не было обнаружено каких-либо сведений, указывающих на то, что они совершали какие-либо самоповреждающие действия.

Сфера интересов эмо связана как с субкультурой (обсуждаются другие участники, события), так и с их жизнью вне субкультуры (отношения с родителями, учеба, личные дела и трудности). Наиболее популярными темами для обсуждения являются другие участники, общие знакомые и внешний вид в самом широком смысле — от одежды и собственного веса до пирсинга. Кроме того, обсуждаются обычные для подростков темы — музыка, компьютерные игры, иногда — книги.

Пирсинг в целом занимает значимое место в жизни подростков-эмо. В интернет-сообществах регулярно появляются просьбы и предложения, связанные с поиском украшений, людей, которые могут сделать прокол, и тому подобным. Более половины эмо имеют по крайней мере один прокол, почти все они носят «тоннели» или «плаги» — сережки, растягивающие проколотое в мочке уха отверстие и вместе с ним саму мочку. Другими отличительными признаками эмо являются яркий, неестественный цвет волос, специфическая стрижка, ношение значков, браслетов соответствующей тематики. Некоторые подростки используют цветные линзы. Таким образом, внешний вид хотя и несколько изменился по сравнению с образами эмо 2000-х годов, все еще близок старым эстетическим моделям.

Среди культурных практик можно отметить в первую очередь практики, связанные с алкоголем, и парасексуальные игры (те или иные действия, так или иначе имитирующие или отсылающие к действиям сексуальным, однако не носящие такого характера). Существуют среди эмо и другие практики, носящие скорее увеселительный характер, например, они любят разрисовывать себя и друг друга с помощью подручных средств. Такие занятия возникают спонтанно и могут за небольшое время охватить всю собравшуюся группу, а затем угаснуть и не возобновляться длительное время на последующих встречах. Конструктивные практики (такие как, например, творческая активность) обнаружены не были. В целом можно сказать, что сейчас субкультура активно формируется, и ее изменяющийся облик (от одной маленькой группы к другой) непостоянен. Нормы и особенности, закладываемые сейчас, скорее всего, будут значительно отличаться от тех, которые существовали в субкультуре в 2000-х годах.

В ходе статистического анализа результатов экспериментально-психологического исследования были обнаружены данные, характеризующие особенности группы эмо, отличающие ее от контрольных групп. Для учета возможных эффектов тестирования сравнения производились как попарно между основной и контрольными группами, так и между основной и объединенной группой контроля. В первую очередь следует отметить значительно больший, чем в контрольных группах, уровень психического напряжения подростков-эмо. Их высокий общий показатель ($p = 0,021$) значительно превысил уровень всех обследован-

ных групп, показавших большую степень напряжения и высокую вероятность дезадаптации. Был проведен анализ ответов подростков на отдельные вопросы методики, благодаря чему удалось выяснить, что статистически значимые различия существуют только для одного вопроса данного теста. Так, на вопрос 20-й «Сниженное или подавленное настроение» эмо значимо чаще отвечали: «Есть и всегда было» ($p = 0,001$). Такой ответ дали более 50 % подростков-эмо, в то время как для подростков, не относящих себя к какой-либо субкультуре, этот показатель составил только 11 %. Это позволило рассматривать основную группу исследования как более дезадаптированную и предположительно имеющую трудности в сфере эмоциональной регуляции.

Еще одна сфера, в которой были обнаружены статистически значимые различия между основной и обеими контрольными группами исследования, — это сфера общения (содержание мотивов, высказанных подростками в исследовании временной перспективы). Для группы эмо характерен более высокий уровень коммуникативных мотивов ($p = 0,005$). При рассмотрении групп с учетом пола испытуемых для мальчиков-эмо по сравнению с их сверстниками был обнаружен значительно более высокий уровень значимости мотивов, связанных с отдыхом и развлечениями ($p = 0,002$). Это может быть рассмотрено как косвенное подтверждение основной гипотезы исследования.

Значимых различий в исследованных показателях идентичности, сформированности перспективного Я и других показателях методик Куна и временной перспективы, которые могут быть интерпретированы как отражающие различия в психологической зрелости обследованных групп, обнаружено не было.

Также следует отметить, что не было обнаружено статистически значимых различий в показателях методики «МиФ» для подгруппы эмо, отметившей в своих анкетах гендер, отличающийся от традиционного, — ни от остальных эмо, ни от подростков контрольных групп. Таким образом, есть основания предположить, что данные заявления носят скорее декларативный характер. Однако следует отметить, что показатель маскулинности идеального Я оказался значимо выше ($p = 0,001$) для всех групп подростков, независимо от их пола, что позволяет предположить более позитивное восприятие традиционно мужских качеств, чем традиционно женских. Это открывает возможность иной интерпретации заявлений относительно нетрадиционного гендера девушек-эмо. Вероятно, они более выражено высказывают общую тенденцию считать мужские качества более привлекательными, так как свободные нормы группы эмо позволяют им это сделать.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Если исключить эффекты тестирования, то полученные на нашей выборке результаты можно рассматривать как характеризующие субкультуру «Эмо». Более высокий, чем в среднем, уровень нервно-психического напряжения указывает на низкий уровень адаптации этих подростков. Также есть основания предполагать трудности эмоциональной регуляции, сниженный фон настроения в данной группе. Гипотеза о большей, чем у сверстников, психической напряженности эмо подтверждена. Кроме того, у эмо отмечались яркие реакции, говорящие о глубине и силе кризисных переживаний (ответы «Я не хочу жить» и аналогичные им в незаконченных предложениях временной перспективы). В сочетании с информацией о распространении самоповреждающего поведения среди эмо данный факт говорит о ярких негативных переживаниях, с которыми эмо, по всей видимости, не могут справиться адаптивными способами. На фоне этого высокий уровень коммуникативных мотивов может быть маркером поиска ресурса, который подростки ищут в том числе в субкультуре. Кроме того, в группе эмо мужского пола имеет больший вес мотивация, направленная на отдых и развлечения, что косвенно подтверждает гипотезу о меньшей психологической зрелости подростков-эмо.

Заявленная нетрадиционная гендерная идентичность эмо-девушек, напротив, в эмпирическом исследовании не подтвердилась. Однако наличие подобного феномена в данной группе при полном его отсутствии у обычных школьников может быть объяснено тем, что среди участников субкультуры границы «нормального» шире, чем в среднем принято в традиционной культуре, и данный феномен — одно из проявлений большей свободы эмо во взглядах на человеческую сексуальность.

ВЫВОДЫ

1. В ходе включенного наблюдения выявлены характеристики современной субкультуры «Эмо»: внешний вид, несмотря на некоторые изменения, близок эстетическим моделям образов эмо 2000-х годов; поведение — внешне инфантильное, неагрессивное, часть участников проявляет склонность к аутоагрессии; часть девочек-эмо заявляет о своей принадлежности к мужскому полу; среди практик субкультуры обращают на себя внимание парасексуальные и связанные с алкоголем игры.

2. В ходе исследования выявлен высокий уровень нервно-психического напряжения и дезадаптированности во всех обследованных группах подростков. Также получены данные, говорящие о значительно более высоком уровне напряжения в экспериментальной группе (подростки-эмо) и о трудностях эмоциональной регуляции данной группы.

3. Количество коммуникативных мотивов в группе эмо значительно больше, чем в контрольных группах. Это указывает на социальную направленность эмо и важность для них общения, взаимодействия с другими людьми.

4. Различия феминности и маскулинности представлений о себе, идеального Я, образа мужчин и женщин, а также образа идеального партнера обнаружены не были, что свидетельствует о декларативном характере заявлений эмо, касающихся их нетрадиционного гендера.

5. Основная гипотеза работы (о меньшей зрелости подростков-эмо в сравнении со школьниками, не относящими себя к какой-либо субкультуре) не была подтверждена.

6. При сопоставлении данных, касающихся наиболее значимых мотивов и показателей уровня адаптированности, можно сделать предварительный вывод о том, что менее адаптированные, чем их сверстники, подростки-эмо находят в общении и соответственно в субкультуре ресурс, который им необходим для преодоления высокого нервно-психического напряжения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурвич И. Н. Социальная психология здоровья. СПб., 1999.
2. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология: учеб. пособие. М., 1997.
3. Жигимонт С. Н., Лобанова А. В. Особенности психологических защитных механизмов и копинг-стратегий у подростков субкультуры эмо // Смальята. 2014. № 4. С. 50–54.
4. Кленова М. А. Взаимосвязь социализации, субъективного благополучия и готовности к риску представителей молодежной субкультуры эмо // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013. № 4(8). С. 363–366.
5. Наследов Д. А. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учеб. пособие. 4-е изд., стереотип. СПб., 2012.
6. Ньютен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М. 2004.
7. Румянцева Т. В. Психологическое консультирование. СПб., 2006.
8. Самохвалова А. Г., Атокина И. В. Восприятие эмо-подростков людьми разных поколений // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2010. № 2. С. 121–124.
9. Сборник тестов и методик исследования отношения личности к себе (самоотношения) / сост. Н. Г. Емузова. Нальчик, 2003. Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. М., 2001.
10. Толстых Н. Н. Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010.
11. Неформальные молодежные сообщества Санкт-Петербурга: теория, практика, методы профилактики экстремизма: учеб. пособие / под ред. А. А. Козлова, В. А. Канаяна. СПб., 2008.
12. Carrillo-Vincent M. Wallflower Masculinities and the Peripheral Politics of Emo // Social Text. 2013. Vol. 3, iss. 3. P. 35–55.
13. Boise S. de. Cheer up emo kid: rethinking the 'crisis of masculinity' in emo // Popular Music. 2014. Vol. 33, iss. 2. P. 225–242.

ТО ТХИ ЗИЕУ ТХУИ, Н. Н. ЛЕПЕХИН

email: dieuthuy173@gmail.com

Бакалавриат

АДАПТАЦИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В РОССИИ И США

В данной статье описывается исследование психологического благополучия вьетнамских студентов, обучающихся за рубежом. Обнаружена взаимосвязь уровня адаптации по методике К. Роджерса и Р. Даймонд (Rogers, Dymond, 1954; и уровня психологического благополучия по методике К. Рифф (Ryff, Keyes, 1995). Уровень психологического благополучия в значительной степени обусловлен успешностью владения языком страны обучения и возможностями адаптации к социокультурной среде. Различия между группами респондентов в России и США по показателям психологического благополучия обусловлены как уровнем владения языком страны обучения, так факторами, влияющими на адаптацию к микро- и макросреде.

Ключевые слова: психологическое благополучие, адаптация, владение иностранным языком, иностранные студенты.

ADAPTATION AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF VIETNAMESE STUDENTS STUDYING IN RUSSIA AND USA

The article describes a study of the psychological well-being of Vietnamese students learning abroad. Regression analysis revealed a correlation between the value of adaptation (Rogers, Dymond, 1954) and the value of psychological well-being (Ryff, Keyes, 1995). The level of psychological well-being is largely due to the level of language proficiency of the country of learning and adaptation to the socio-cultural environment. The differences between groups of respondents in Russia and the US in terms of psychological well-being due to both the level of foreign language proficiency, as factors affecting the adaptation to the micro and macro environment.

Keywords: well-being, adaptation, culture, foreign language proficiency, foreign students.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Концепция психологического благополучия сформировалась на основе исследований, направленных на изучение субъективного переживания человеком счастья и благополучия жизни, а также поведения, продуцирующего и поддерживающего данное состояние на протяжении его жизни, что имеет большое прикладное значение для психотерапии, геронтологии, образования, валеологии, акмеологии (Роджерс, 1961, 1994; Bradburn, 1969; Diener, 1984; Ryff, 1982, 1989; Diener, Suh, Lucas, Smith, 1999). Хотя понятие психологического благополучия (*wellbeing*) не имеет окончательного определения (Forgeard, Jayawickreme, Kern, Seligman, 2011; Dodge, Daly, Huyton, Sanders, 2012), современные исследователи едины в признании многомерности конструкта психологического благополучия (Diener, 2009) и исходят из того, что благополучие переживается субъектом в процессе собственной активности (Umphrey, Sherblom, 2014), успешного использования личных психологических качеств (Diener, Sandvik, Pavot, Fujuita, 1992), а также на фоне переживания счастья в среде жизнедеятельности: семье (Bonomi, Boudreau, Fishman, Meenan, Revicki, 2005), социальном окружении (Helliwell, Putnam, 2007), организационном контексте (Robinson, 2010) и социокультурной макросреде (Fulmer, Gelfand, Kruglanski, Kim-Prieto, Diener, Pierro, Higgins, 2010; Diener, Tay, Oishi, 2013).

При столкновении с новыми или изменяющимися факторами профессионального, социального и культурного контекста активная позиция субъекта находит свое выражение в социально-психологической адаптации к требованиям, возможностям и ограничениям как макро-, так и микросреды (Бодров, 2007). На уровне микросреды эта адаптация выражается в идентификации с групповой деятельностью, усвоении социальных ролей, обретением делового и межличностного статуса, эмоциональной идентификацией с группой, формированием дружеских отношений, что в целом является источником морального, психологического и даже физического благополучия (Бодров, Дикая, Журавлев, 2012; Прохоров, 2012; Helliwell, Putnam, 2007). Несмотря на то что воздействие макросреды на психологическое благополучие опосредуется микросредой, оно вызывает свои самостоятельные векторы адаптации: к культурной среде, к политическим

установкам, к установкам национального менталитета и особенностям общественного поведения (Дикая, 2007). Таким образом, психологическая адаптация может рассматриваться как процесс и результат двустороннего взаимодействия между активным субъектом и влияющими на него факторами социальной среды, причем особое значение имеет среда непосредственного общения (Lucas, Clark, Georgellis, Diener, 2003; Diener, Seligman, 2004).

Современные концепции рассматривают активную адаптацию личности, успешно использующую физические, психологические и социальные ресурсы для преодоления стрессовых факторов микро- и макросреды, как решающее условие развития личности в целом, которое в свою очередь сопровождается переживанием оптимального уровня психологического благополучия (Dodge, Daly, Huyton, Sanders, 2012; La Placa, McNaught, Knight, 2013).

Данные теоретические положения в полной мере могут быть применены к исследованию взаимосвязи адаптации и психологического благополучия студентов, приезжающих на обучение в иностранное государство, например в Россию. Как показывает И. О. Кривцова, адаптация студентов-иностранцев носит комплексный характер и обусловлена как факторами социокультурной среды, так и психологическими факторами взаимодействия в микросреде во время учебной деятельности. Адаптация более успешно проходит у тех студентов, которые занимают проактивную позицию в процессе познания новой социокультурной среды, что в свою очередь обеспечивает психоэмоциональную стабильность, адекватные коммуникации с товарищами и преподавателями, идентификацию с будущей профессией (Кривцова, 2011). В исследовании Е. Г. Тихоновой отмечается, что значимым фактором, снижающим уровень адаптации и переживаемого благополучия иностранных студентов, является плохое знание русского языка, которое приводит как трудностям в усвоении учебного материала, так и к затруднениям в общении с сокурсниками (Тихонова, 2010). Т. Лондаджим обращает внимание на то, что успешность динамики социокультурной учебной адаптации иностранных студентов во многом обусловлена языковым фактором и степенью понимания российского социокультурного пространства. Делают тяжелым процесс адаптации трудности в использовании языка и медленное принятие норм и правил поведения в российской вузовской среде, а отсутствие внутреннего духовного единства с российской культурой снижает социальное самочувствие иностранных студентов, обучающихся в российских вузах (Лондаджим, 2011). Исследование Т. До, проведенное среди вьетнамских студентов в США, показало, что отсутствие языкового барьера не снижает как остроты «культурного шока» при встрече Востока с Западом, так и остроты переживаемого конфликта при встречах с соплеменниками-эмигрантами, находящимися по ту сторону политических баррикад, что в целом вызывает у приезжих студентов переживание изолированности и одиночества (Do, 2006). Эти и многие другие исследования подтверждают вывод представителей Университета Виктория (Новая Зеландия) о необходимости проведения регулярного зондирования психологического благополучия студенчества для того, чтобы обеспечить личностный рост, успешную профессионализацию и развитие карьеры студентов (Riedel, 2014).

В настоящее время психологические проблемы адаптации и факторы психологического благополучия вьетнамских студентов, выехавших на учебу за рубеж, исследованы недостаточно, что делает актуальным проведение эмпирического исследования в данной области.

Цель исследования: изучение особенностей адаптации и психологического благополучия вьетнамских студентов, обучающихся в России и США.

Задачи исследования:

1. Исследовать взаимосвязь уровня психологической адаптации и уровня психологического благополучия вьетнамских студентов, обучающихся в России и США.
2. Изучить зависимость психологической адаптации и психологического благополучия вьетнамских студентов, обучающихся за рубежом, от уровня владения языком страны обучения.
3. Выявить факторы, обуславливающие особенности адаптации к учебной и культурной среде и особенности переживания психологического благополучия вьетнамскими студентами, обучающимися в России и США.

Гипотезы исследования:

1. Существует взаимосвязь между общим уровнем адаптации и общим уровнем психологического благополучия вьетнамских студентов, обучающихся за рубежом.
2. Важным фактором, влияющим на процесс адаптации и психологическое благополучие вьетнамских студентов-иностранцев, является уровень владения языком страны обучения.

3. Различия в адаптации и уровне психологического благополучия между вьетнамскими студентами, обучающимися в России и США, обусловлены особенностями поведения студентов на уровне микро- и макросреды.

Предмет исследования: психологические факторы адаптации и их связь с психологическим благополучием вьетнамских студентов, обучающихся в России и в США.

Объект исследования: психологическое благополучие вьетнамских студентов, обучающихся за рубежом.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 106 вьетнамских студентов, обучающихся в России и США: 60 мужчин (57 %) и 46 женщин (43 %) в возрасте от 18 до 30 лет. Было выделено три подгруппы студентов: 44 вьетнамских студента разных курсов, обучающихся в разных городах России — 24 мужчин (55 %), 20 женщин (45 %); 30 вьетнамских студентов разных курсов, обучающихся в разных городах США, — 16 мужчин (53 %), 14 женщин (47 %); 32 вьетнамских студента, которые родились и выросли в России, — 22 мужчин (69 %), 12 женщин (31 %).

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для решения поставленных задач и проверки гипотез были использованы следующие методы:

1. Анкетирование — была разработана анкета, предназначенная для получения структурированных биографических данных (пол, возраст), а также данных об уровне владения языком страны обучения. Для оценки уровня владения языком до приезда на учебу в анкету был включен вопрос: «До поездки в Россию (США) я изучал(а) русский (английский) язык ... лет»; для оценки опыта нахождения в иной языковой среде предлагался вопрос: «Я прожил(а) в России (США ... лет». Для получения от респондентов субъективной оценки уровня владения языком страны обучения был предложен вопрос: «Когда я разговариваю по-русски (по-английски), я чувствую себя...», предполагающий варианты ответов: а) комфортнее, чем когда говорю по-вьетнамски; б) так же комфортно, как когда говорю по-вьетнамски; в) скорее комфортно, чем некомфортно; г) дискомфортно. Такая формулировка вопроса была выбрана по результатам пилотажного интервью, в котором студенты, говоря о своем употреблении языка для общения как в вузе, так и за его пределами, чаще всего использовали слова, описывающие субъективное переживание комфорта-дискомфорта при использовании как родного, так и иностранного языка. Далее ответы на данный вопрос переводились в порядковую шкалу, и показатели по этой шкале затем использовались в качестве уровней независимой переменной в однофакторном дисперсионном анализе.

В ходе исследования использовалась также Методика диагностики социально-психологической адаптации Р.Даймонд (Rogers, Dymond, 1954). Русскоязычная версия опросника адаптирована А.К.Осницким (Осницкий, 2004). Английская и русская версии опросника использовались соответственно для американской и российской выборок. Опросник предназначался для изучения особенностей социально-психологической адаптации и связанных с этим черт личности. Стимульный материал представлен утверждениями, которые сформулированы в третьем лице единственного числа, без использования каких-либо местоимений, что позволяет избежать влияния отождествления и нейтрализовать установку респондентов на социально желательные ответы. Разработчики методики кроме общего показателя социально-психологической адаптации выделили шесть частных показателей: адаптация, принятие других, интернальность, самовосприятие, эмоциональный комфорт, стремление к доминированию.

2. Шкала психологического благополучия К.Рифф (Ryff, Singer, 1996) — в качестве русскоязычного варианта шкалы использовалась адаптированная версия Л.В.Жуковской и Е.Г.Трошихиной (Жуковская, Трошихина, 2011). Английская и русская версии шкал использовались соответственно для американской и российской выборок. Шкала психологического благополучия К.Рифф является инструментом, который направлен на определение разных аспектов психологического благополучия и кроме общего показателя психологического благополучия включает частные показатели: автономность; компетентность, личностный рост, позитивные отношения, жизненные цели, самопринятие.

3. Математико-статистические методы обработки данных — для статистической обработки результатов исследования и проверки эмпирических гипотез использовались описательные статистики, метод срав-

нения средних, ANOVA — однофакторный дисперсионный анализ, метод линейной регрессии. Математическая обработка данных осуществлялась с помощью компьютерной программы SPSS 22.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проверки гипотезы о **взаимосвязи уровня адаптации и психологического благополучия вьетнамских студентов, обучающихся за рубежом**, был использован регрессионный анализ, посредством которого была обнаружена взаимосвязь между общим показателем адаптации и общим показателем благополучия ($p < 0,000$) для всей выборки респондентов. С помощью анализа простейшей линейной регрессии была получена линейная диаграмма (рис. 1). Она показывает, что уровень психологического благополучия имеет тенденцию к повышению при росте уровня адаптации. Таким образом, гипотеза о существовании взаимосвязи между адаптацией и уровнем психологического благополучия вьетнамских студентов, обучающихся в России и США, нашла статистическое подтверждение.

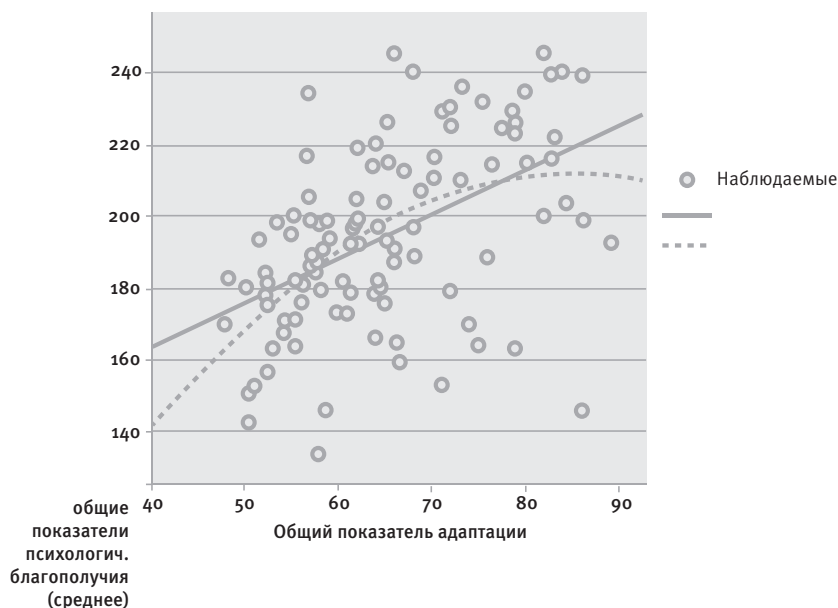

Рис. 1. Зависимость уровня показателя психологического благополучия от уровня адаптации

Результаты анкетирования по выявлению **владения языком и комфортности его использования** приезжими студентами из российской выборки показали, что только 13 % респондентов знали русский язык до приезда в Россию, остальные приехали, либо не зная языка, либо изучая начальный курс (1–2 месяца). При этом 14 % респондентов ответили, что, говоря по-русски, они чувствуют себя так же комфортно, как и говоря по-вьетнамски; 70 % респондентов ответили, что чувствуют себя скорее комфортно, чем дискомфортно при употреблении русского языка, а 16 % — испытывают дискомфорт говоря по-русски.

В то же время 100 % респондентов, выросших в России (возраст от 17 до 22 лет), ответили, что прожили в России и изучали русский язык минимум 8 лет, при этом более 70 % ответили, что, разговаривая по-русски, они чувствуют себя так же комфортно, как и говоря по-вьетнамски, или же даже комфортнее при общении на русском языке.

В американской выборке приезжих студентов 100 % респондентов знали английский до приезда в Америку, а официальный сертификат владения языком являлся условием для поступления на учебу. При этом 43 % респондентов, говоря по-английски, чувствовали себя также комфортно, как и говоря по-вьетнамски, а 14 % респондентов чувствовали дискомфорт при общении на английском языке.

По результатам анализа литературных источников была выдвинута гипотеза, согласно которой **важным фактором, влияющим на процесс адаптации и психологическое благополучие приезжих вьетнамских студентов, является уровень владения языком страны обучения**. Для проверки данной гипотезы была использована процедура однофакторного дисперсионного анализа, где независимой переменной яв-

лялся уровень владения языком, измеренный с помощью порядковой шкалы, а в качестве зависимых переменных поочередно выступали общий показатель адаптации и общий показатель уровня психологического благополучия. Результаты выявили, что для всей выборки респондентов знание языка страны обучения было важным фактором как уровня адаптации ($p < 0,000$), так и уровня психологического благополучия ($p < 0,01$). Формы диаграмм однофакторного дисперсионного анализа, демонстрирующих зависимость показателя общей адаптации и показателя психологического благополучия от уровня владения языком, практически не различаются. Диаграмма, представляющая зависимость показателя психологического благополучия от уровня владения языком страны обучения, приведена на рис. 2.

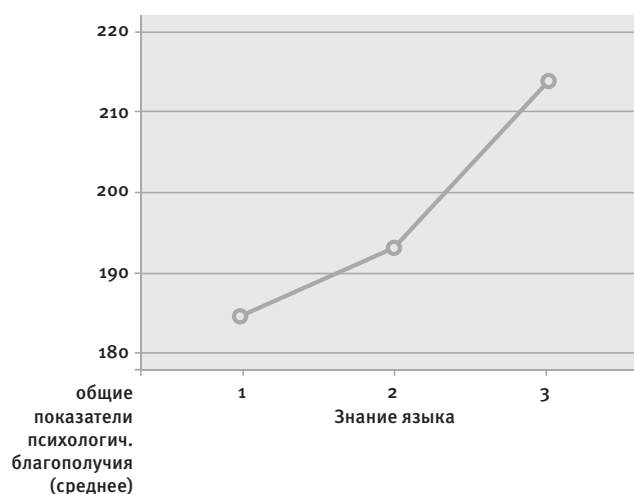

Рис. 2. Зависимость показателя психологического благополучия приезжих вьетнамских студентов от уровня владения языком страны обучения

Таким образом, гипотеза о том, что уровень владения языком страны обучения является важным фактором, влияющим на адаптацию и психологическое благополучие студентов, нашла статистическое подтверждение.

Сравнение средних значений по показателям **адаптации подгрупп студентов в России и США** осуществлялось с помощью параметрического t -критерия. Сравнение средних по показателям адаптации у студентов, выросших в России, и приехавших в Россию на учебу выявило различия по общему показателю адаптации ($p < 0,05$), главным образом за счет шкал «Стремление к доминированию» ($p < 0,002$) и «Эмоциональный комфорт» ($p < 0,028$), по которым показатели выше у студентов, выросших в России.

Сравнение данных по показателям адаптации студентов, приехавших на учебу в США и Россию, выявило значимые различия по общему показателю адаптации ($p < 0,009$), главным образом за счет шкал «Стремление к доминированию» ($p < 0,000$), «Самопринятие» ($p < 0,001$), «Интернальность» ($p < 0,01$), по которым показатели выше у студентов, обучающихся в США.

Сравнение средних значений **по показателям психологического благополучия** осуществлялось с помощью параметрического t -критерия. Сравнение средних по показателям психологического благополучия студентов, выросших в России, и приехавших в Россию на учебу не выявило значимых различий по общему показателю психологического благополучия ($p < 0,15$), однако обнаружили значимые различия по показателю «Жизненные цели» ($p < 0,005$), по которому значение выше у студентов, приехавших в Россию на учебу.

Сравнение данных по показателям психологического благополучия студентов, приехавших на учебу в США и Россию, выявило значимые различия по общему показателю психологического благополучия ($p < 0,001$), главным образом за счет показателей: «Автономность» ($p < 0,000$), «Компетентность» ($p < 0,001$), «Личностный рост» ($p < 0,02$), «Позитивные отношения» ($p < 0,04$), по которым значения выше у студентов, обучающихся в США.

В целом гипотеза о существовании различий в уровне адаптации и уровне психологического благополучия между приезжими вьетнамскими студентами, обучающимися в России и США, получила статистическое обоснование. Было обнаружено, что различия в уровне адаптации и уровне психологического благополучия

получия имеются как по общим показателям, так и по ряду частных показателей, связанных с конкретными сферами поведения. Таким образом, результаты регрессионного анализа, однофакторного дисперсионного анализа, сравнения средних позволяют сделать заключение, что все три выдвигаемые содержательные гипотезы нашли статистическое подтверждение.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты регрессионного анализа, показавшего зависимость уровня психологического благополучия от уровня адаптации, подтверждают модель психологического благополучия как переживаемого равновесия между вызовами микро- и макросреды, с одной стороны, и активной адаптацией субъекта к этим вызовам, путем использования индивидуальных, групповых и социальных ресурсов — с другой (Dodge, Daly, Huyton, Sanders, 2012). В исследовании Дейнера и Селигмана было показано, что у студентов, имеющих сильные дружеские связи и возможность поддержки семьи, наиболее высокий уровень переживания счастья и наименьший уровень депрессивности (Diener, Seligman, 2004), однако для студента в другой стране и чужой культурной среде возможность опоры на среду непосредственного общения ограничена только рамками землячества. Поэтому студенты-вьетнамцы, выросшие в России, по сравнению с приезжими студентами имеют более высокий показатель адаптации; более уверенно взаимодействуют в иной культуре, что выражается в более высоком показателе стремления к доминированию, а также имеют близкую эмоциональную связь с семьей, которой лишены приезжие студенты, что отражается в более высоком показателе эмоционального комфорта. Вместе с тем адаптация к микросреде — это не единственный фактор психологического благополучия, в сфере жизненных целей приезжие студенты-вьетнамцы в России по сравнению с выросшими в России чувствуют себя более благополучно, поскольку они направлены на учебу государством и имеют конкретные планы будущего профессионального трудоустройства.

Студенты, обучающиеся в США, не обеспечены государственной стипендией, но имеют возможность трудоустройства и регулярно к этому прибегают для поддержания материального достатка, в то время как в России вьетнамские студенты получают государственную стипендию, скромный размер которой полностью зависит от результатов аттестации по учебной программе вуза. Этим можно объяснить более высокие показатели адаптации студентов-вьетнамцев в США по шкалам «Стремление к доминированию», «Интернальность», «Самопринятие».

В условиях ограниченной эмоциональной поддержки семьи и групповой среды, а также нахождения в чужом социуме и культуре большое значение для адаптации приобретают интеллектуальные и коммуникативные возможности студента, среди которых владение языком страны обучения является решающим для переживания психологического благополучия. Наше исследование показало, что уровень адаптации и психологического благополучия приезжих студентов-вьетнамцев в США значимо выше, чем у приезжих студентов-вьетнамцев в России, и важным фактором, влияющим на эти показатели, выступает степень комфортности при использовании языка страны обучения.

В то же время следует отметить, что адаптация — это активный процесс и на уровень владения языком влияет также активность использования языка в процессе учебы. Обнаруженные различия между группами студентов, приехавших на учебу в США и в Россию, как по показателям адаптации, так и по показателям психологического благополучия, можно объяснить кумулятивным взаимодействием фактора лучшего знания языка страны обучения и особенностей макросреды, которая предоставляет большие возможности для личностной реализации студентов, владеющих языком страны пребывания и не боящихся им пользоваться во внеучебном контексте (Umphrey, Sherblom, 2014). У большинства вьетнамских студентов в США имеется желание остаться в этой стране после окончания обучения, поэтому они, несмотря на то что уже есть хорошая основа знания языка для обучения, хотят освоить английский как можно лучше, постоянно изучают язык и практикуются в нем. Приезжие вьетнамские студенты в России, как правило, планируют жить в России в течение ограниченного времени с целью получения высшего образования, а затем уехать из русскоязычной среды на родину, и именно поэтому у многих нет желания стремиться к свободному владению русским языком. Это особенно проявляется у студентов-инженеров, поскольку студенты этого профиля в процессе обучения работают в основном с цифрами, символами, формулами, чертежами, и, по их мнению, русский язык для них не так важен. Вьетнамские студенты в США по сравнению с приезжими студентами в России более активно и уверенно проявляют себя как в среде обучения, так и за ее пределами,

что нашло отражение в более высоких показателях общего психологического благополучия и частных показателей: «Автономность», «Компетентность», «Личностный рост».

В заключение следует отметить, что выполненное исследование подтвердило необходимость учета широкого спектра влияющих факторов: индивидуальных качеств и компетенций, эмоциональной поддержки семьи, контекста групповой деятельности, а также требований социума и культуры для обеспечения психологического благополучия иностранных студентов, на что обращает внимание ряд авторов (Helliwell, Putnam, 2007; Fulmer, Gelfand, Kruglanski, Kim-Prieto, Diener, Pierro, Higgins, 2010; La Placa, McNaught, Knight, 2013; Riedel, 2014).

ВЫВОДЫ

1. Уровень психологического благополучия вьетнамских студентов, обучающихся за рубежом, взаимосвязан с уровнем социально-психологической адаптации.
2. Психологическая адаптация и психологическое благополучие вьетнамских студентов, обучающихся за рубежом, в значительной степени зависят от уровня владения языком страны обучения.
3. Различия в уровне психологического благополучия вьетнамских студентов, обучающихся в России и США, обусловлены как уровнем владения языком страны обучения, так и факторами микро- и макросреды, тормозящими или стимулирующими адаптацию к среде обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодров В. А. Психологические механизмы адаптации человека // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М., 2007. С. 42–51.
2. Бодров В. А., Дикая Л. Г., Журавлев А. Л. Психологическая адаптация к профессиональной деятельности: основные направления и результаты исследований // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 3 / под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М., 2012. С. 9–32.
3. Дикая Л. Г. Адаптация: методологические проблемы и основные направления исследований // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. М. Журавлев. М., 2007. С. 17–42.
4. Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 2. С. 82–93.
5. Кривоцова И. О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н. Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. 2011. № 8. С. 284–288.
6. Лондаджим Т. Социальное самочувствие иностранных студентов, обучающихся в российских вузах // Женщина в российском обществе. 2011. № 4. С. 70–74.
7. Осницкий А. К. Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. 2004. № 1. С. 43–56.
8. Прохоров А. О. Саморегуляция психических состояний в процессе психологической адаптации: механизмы и закономерности // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 3 / под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М., 2012. С. 84–103.
9. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.
10. Тихонова Е. Г. Особенности адаптации иностранных студентов в вузе региона // Регионология. 2010. № 2. С. 149–155.
11. Bonomi A. E., Boudreau D. M., Fishman P. A., Meenan R. T., Revicki D. A. Is a family equal to the sum of its parts? Estimating family-level well-being for a cost-effectiveness analysis // Quality of Life Research. 2005. 14. P. 1127–1133.
12. Bradburn N. The structure of psychological well-being. Chicago, 1969.
13. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. 95. P. 542–575.
14. Diener E., Sandvik E., Pavot W., Fujita F. Extraversion and Subjective Well-Being in a U. S. National Probability Sample // Journal of Research in Personality. 1992. 26. P. 205–215.
15. Diener E., Suh M., Lucas E., Smith H. Subjective well-being: Three decades of progress. Psychological Bulletin. 1999. 125(2). P. 276–302.
16. Diener E., Seligman M. E. P. Beyond Money: Toward an Economy of Well-Being // Psychological Science in the Public Interest. 2004. 5. P. 1–31.
17. Diener E. Subjective Well-Being // E. Diener the Science of Well-Being / ed. by E. Diener. New York, 2009. P. 11–58.
18. Diener E., Tay L., Oishi S. Rising Income and the Subjective Well-Being of Nations // Journal of Personality & Social Psychology. 2013. 104(2). P. 267–276.
19. Do T. East Meets West: The Adaptation of Vietnamese International Students to California Community Colleges // Journal of Southeast Asian American Education and Advancement. 2006. 2(1). P. 1–30.

20. Dodge R., Daly A., Huyton J., Sanders L. The Challenge of Defining Wellbeing // *International Journal of Wellbeing*. 2012. 2(3). P. 222–235.
21. Forgeard M. J. C., Jayawickreme E., Kern M., Seligman M. E. P. Doing the Right Thing: Measuring Wellbeing for Public Policy // *International Journal of Wellbeing*. 2011. 1(1). P. 79–106.
22. Fulmer C. A., Gelfand M. J., Kruglanski A. W., Kim-Prieto C., Diener E., Pierro A., Higgins E. T. On “Feeling Right” in Cultural Context: How Person-Culture Match Affects Self-Esteem and Subjective Well-Being // *Psychological Science*. 2010. 21. P. 1563–1569.
23. Helliwell J. F., Putnam R. D. The Social Context of Wellbeing // Huppert F. A., Bailey N., Keverne B. *The Science of Well-being* / eds. F. A. Huppert, N. Bailey, B. Keverne. Oxford, 2005. P. 435–461.
24. La Placa V., McNaught A., Knight A. Discourse on Wellbeing in Research and Practice // *International Journal of Well-being*. 2013. 3(1). P. 116–125.
25. Lucas Richard E., Clark Andrew E., Georgellis Yannis Diener. Reexamining Adaptation and the Set Point Model of Happiness: Reactions to Changes in Marital Status // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 84. (3). P. 527–539.
26. Riedel Rachel. What’s in a Name? The Role of a Wellbeing Educator in Student Services // *Journal of the Australia and New Zealand Student Services Association*. 2014. N 44. P. 9–14.
27. Robinson J. The business case for wellbeing: Having high levels of wellbeing is good for people — and their employers // *Podcast-Gallup Management Journal*. 2010. 6. URL: <http://businessjournal.gallup.com/content/139373/business-case-wellbeing.aspx> (дата обращения: 20.05.2016).
28. *Psychotherapy and Personality Change: Coordinated Research Studies in the Client-Centered Approach* / eds. C. R. Rogers, R. F. Dymond. Chicago, 1954.
29. Ryff C. D. Successful Aging: a Developmental Approach // *Gerontologist*. 1982. 22. P. 209–214.
30. Ryff C. D. Happiness is Everything, or is it? Explorations on the Meaning of Psychological Well-Being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. 57. P. 1069–1081.
31. Ryff C. D., Keyes C. L. M. The Structure of Psychological Wellbeing Revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. 69(4). P. 719–727.
32. Umphrey L. R., Sherblom J. C. The Relationship of Hope to Self-Compassion, Relational Social Skill, Communication Apprehension, and Life Satisfaction // *International Journal of Wellbeing*. 2014. 4 (2). P. 1–18.

А. В. УСТАВЩИКОВА, Н. Е. ВОДОПЬЯНОВА

e-mail: Angelina.ustavshikova@gmail.com

Магистерская программа «Организационная психология и психология менеджмента»

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГОВ

Исследовались профессиональное выгорание, характеристики жизненной позиции: активность жизненной позиции и когнитивного совладания с трудными ситуациями, оптимизм, осмысленность жизни, самоэффективность.

Предполагалось, что профессиональное выгорание обусловлено пассивностью жизненной позиции и когнитивного совладания с трудными ситуациями, рассогласованием в ценностно-мотивационной сфере, низкой осмысленностью жизни и самоэффективностью.

В исследовании приняло участие 98 педагогов, все респонденты женского пола, в возрасте от 23 до 60 лет, 50 педагогов из Нижнего Новгорода и 48 из Санкт-Петербурга

Эмпирически доказано, что педагоги, жизненная позиция которых характеризуется низкой субъективной активностью и ресурсообеспеченностью являются уязвимыми к возникновению профессионального выгорания.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, жизненная позиция, психологические ресурсы, педагоги.

CHARACTERISTICS OF LIFE-POSITION AS DETERMINANTS OF PROFESSIONAL BURNOUT IN TEACHERS

We investigated professional burnout and characteristics of life position: life-position's activity and activity of cognitive coping with difficult situations, optimism, meaningfulness of life, self-efficacy.

The study was conducted in two phases: the first one was aimed at the creation and adaptation of methods for studying cognitive appraisal professional — difficult situations. The second was aimed to check the basic and additional hypotheses.

The study involved 98 female teachers, aged 23 to 60 years, 50 teachers from Nizhny Novgorod and 48 teachers from St.-Petersburg.

It is empirically proved, that teachers, whose life position has low level of subjective activity and resourcing are vulnerable to the professional burnout.

Keywords: burnout, life position, psychological resources, teachers.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Поиск факторов, препятствующих профессиональной дезадаптации и психологическому благополучию субъектов труда, стоит в ряду важнейших проблем психологии труда, организационной психологии, психологии менеджмента, психологии профессионального здоровья (Водопьянова, 2015; Никифоров, Водопьянова, Березовская 2015). В связи с новыми социальными реалиями и реформированием образования особую актуальность приобретают исследования, ориентированные на выявление психологических ресурсов психологической устойчивости специалистов «помогающих» профессий, в частности педагогов.

Одним из негативных последствий профессиональной дезадаптации выступает профессиональное выгорание. Данный феномен наблюдается среди специалистов разных профессий, однако ученые отмечают наибольшие риски выгорания среди специалистов «коммуникативных» профессий (Водопьянова, 2014; Орел, 2005). Профессиональное выгорание является феноменом современности как следствие современной интенсификации профессиональной деятельности, роста информационных, коммуникативных, эмоциональных нагрузок при дефиците двигательной активности и нарушении гармоничного образа жизни современного человека (Водопьянова, 2014). Развитие синдрома выгорания обусловлено повышением информационных, коммуникативных и эмоциональных рабочих нагрузок, социальной нестабильностью в связи с экономическими, социальными и геополитическими кризисами.

Профессиональное выгорание может быть рассмотрено как «системное качество субъекта труда, которое проявляется в негативных психических состояниях, процессах, установках, отношениях к себе, субъектам и объектам деятельности, в деформации профессиональной направленности в виде смыслового отчуждения и ресурсо-разрушающих копинг-стратегий» (Водопьянова, 2014, с.5). Выгорание оказывает негативное влияние на психологическое благополучие и здоровье субъектов труда, а также на продуктивность и качество их профессиональной деятельности.

К настоящему времени исследованы организационные, социально-психологические и личностные факторы возникновения выгорания, описаны механизмы, симптомы, структура, динамика выгорания, факторы профессионального выгорания педагогов (Водопьянова, 2014; Водопьянова, Никифоров, Назарян 2013). Тем не менее малоизученными остаются механизмы противодействия выгоранию как системного эффекта субъектно-личностных, организационных, социальных, экологических и других факторов.

В качестве категории, позволяющей изучить системное влияние субъектно-личностных факторов на процесс развития выгорания и противодействия ему, на наш взгляд, может быть рассмотрена жизненная позиция. К категории «позиция личности» (жизненная позиция) в своих трудах обращались Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова, Л. И. Анцыферова, А. Г. Асмолов, Л. И. Божович, А. Н. Леонтьев, Д. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, В. Н. Маркин, В. Н. Мясищев, Б. Д. Парыгин, С. Л. Рубинштейн, В. Д. Шадриков и др.

В научной литературе жизненная позиция личности определяется как система отношений, взглядов, ценностей, установок, мотивов, которыми она руководствуется, и способов реализации этих отношений (Ананьев, 1980; Абульханова-Славская, 1991; Маркин, 1989; Водопьянова, 1999); как личностный потенциал (Абульханова Славская, 1991; Маркин, 1989); как высший итог личностного развития (Фромм, 1976). Анализ определений позволяет выделить составляющие направленности и активности в структуре жизненной позиции (табл. 1).

Таблица 1. Составляющие жизненной позиции

НАПРАВЛЕННОСТЬ	АКТИВНОСТЬ
<ul style="list-style-type: none"> • Ценностные ориентации, привязанности, интересы (Ломов, 1999). • Представления личности о жизни, система взглядов, принципов, убеждений (Парыгин, 1999). • Ценностные ориентации, принципы, идеалы, смысл жизни, концепция жизни (Абульханова-Славская, 1991). • Совокупность взглядов, убеждений (Маркин, 1989). • Ценностные ориентации, установки (Водопьянова, 2014). • Мотивы, желания, убеждения, установки, мировоззрение (Шадриков, 2010). 	<ul style="list-style-type: none"> • Совокупность реализованных жизненных отношений, ценностей, идеалов и найденный характер их реализации, способ организации жизни (Абульханова-Славская, 1991). • Способ включения личности в жизнедеятельность общества, действия личности, реализующие ее отношение к окружающему миру, совокупность поведенческих актов, устойчивая линия поведения и деятельности (Маркин, 1989). • Наблюдаемое практическое отношение (поступки, определенная линия поведения) (Водопьянова, 2014). • Оценка внешних условий, принятие решений, производные программы поведения (Шадриков, 2010).

Возможность исследования жизненной позиции как системного образования представлена в положениях системно-субъектного подхода. В рамках данного подхода Е. А. Сергиенко предлагает концептуальное решение вопроса дифференциации субъекта и личности, а именно: личность — это стержневая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвитию. Другими словами, личность задает направление движению, а субъект — его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека; личность выступает носителем содержания внутреннего мира человека, а реализацией занимается субъект — в данных (конкретных) жизненных обстоятельствах, «условиях — задачах» (Сергиенко, 2009). Следовательно, можно предположить, что жизненная позиция — это личностно-субъектная система, где личностными компонентами являются убеждения и установки, ценностно-смысловые ориентации, а субъектными — ресурсы самореализации в значимых социальных ситуациях.

Жизненная позиция представляет собой сложную систему личностно-субъектных качеств, отвечающих за самореализацию человека — в обществе в целом и в профессии (Абульханова-Славская, 1991; Водопьянова, 2014; Маркин, 1989).

В нашем исследовании жизненную позицию мы понимаем как системное образование, включающее в себя ценностно-смысловые, эмоционально-рефлексивные, духовно-нравственные и мотивационно-волевые личностные переменные, определяющие жизненные устремления, замыслы, верования и усилия для их осуществления.

В контексте субъектно-ресурсной парадигмы жизненная позиция является интегративным субъектно-личностным ресурсом в структуре ресурсной базы субъекта труда (Водопьянова, 2015).

Теоретический анализ по теме исследования дает возможность классифицировать жизненные позиции по направленности: общественно-значимая, антиобщественная, ситуативная (Маркин, 1989); оптимистиче-

ская — пессимистическая (Водопьянова, 2014); по уровню активности: активная, среднего уровня активности, пассивная (Маркин, 1989); субъектная (активная, высокоресурсная) и асубъектная (пассивная, низкоресурсная); по уровню интеграции жизненных отношений: гармоничная, эгоистическая, последовательная, неустойчивая, противоречивая (Абульханова-Славская, 1991).

На наш взгляд, активность жизненной позиции достигается благодаря устойчивости, непротиворечивости, интегрированности ценностей, образующих вектор движения, способности видеть смысл в ситуациях жизни и профессиональной деятельности, убежденности в том, что жизненную ситуацию можно изменить за счет собственным усилий, благодаря вере в способность их успешного преобразования, а также вере в позитивный исход жизненных событий.

Активность жизненной позиции выражается в способности избирательно преодолевать трудные ситуации, оценивать трудные ситуации как преодолимые, — актуализировать внутренние потенциалы и возможности, критически перерабатывать социальный и личный жизненный опыт, развивая собственную жизненную позицию и стратегию жизни, разрешать важные жизненные и профессиональные задачи, адаптироваться к изменяющимся условиям социальной среды, влиять на ход этих изменений, активно организовывать свою жизнь.

В связи с вышеописанными теоретическими предпосылками были сформулированы цель, гипотезы исследования.

Цель исследования: выявить обусловленность профессионального выгорания характеристиками жизненной позиции.

Основная гипотеза: профессиональное выгорание обусловлено пассивностью жизненной позиции и когнитивного совладания с трудными ситуациями, расогласованием в ценностно-мотивационной сфере, низкой осмысленностью жизни и самоэффективностью.

Частные гипотезы:

1. Характеристики жизненной позиции различаются у педагогов с разным регионом проживания: учителя из Санкт-Петербурга активнее справляются с профессионально трудными ситуациями, их самоэффективность выше.

2. Характеристики жизненной позиции связаны с возрастом педагогов: чем старше учителя, тем более интегрирована их ценностно-мотивационная сфера, тем более осмыслена их жизнь.

3. Выраженность профессионального выгорания и его компонентов различается у педагогов с разными жизненными позициями: профессиональное выгорание выше у педагогов с активной оптимистической позицией, чем у педагогов с реалистической позицией.

Задачи исследования:

1. Выявить взаимосвязь профессионального выгорания, его компонентов и характеристик жизненной позиции: активности жизненной позиции и когнитивного совладания с трудными ситуациями, интегрированности (согласованности) ценностно-мотивационной сферы, осмысленности жизни, самоэффективности.

2. Выявить обусловленность профессионального выгорания и его компонентов характеристиками жизненной позиции.

3. Выявить различия в профессиональном выгорании и характеристиках жизненной позиции у педагогов с разным регионом проживания.

4. Выявить взаимосвязь характеристик жизненной позиции и возраста педагогов.

5. Выявить различия в профессиональном выгорании у педагогов с разными жизненными позициями.

Предмет исследования: профессиональное выгорание, характеристики жизненной позиции: активность жизненной позиции и когнитивного совладания с трудными ситуациями, оптимизм, осмысленность жизни, самоэффективность.

Объект исследования: педагоги школ разного возраста и региона проживания.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Всего в исследовании приняло участие 98 педагогов, все респонденты женского пола в возрасте от 23 до 60 лет, 50 педагогов из Нижнего Новгорода и 48 из Санкт-Петербурга.

Таблица 2. Описание выборки по возрасту и стажу

ОПИСАТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА	ВОЗРАСТ		СТАЖ	
	УЧИТЕЛЯ ИЗ НИЖНЕГО НОВГОРОДА	УЧИТЕЛЯ ИЗ С.-ПЕТЕРБУРГА	УЧИТЕЛЯ ИЗ НИЖНЕГО НОВГОРОДА	УЧИТЕЛЯ ИЗ С.-ПЕТЕРБУРГА
Среднее значение	44 года	44 года	23 года	22 года
Мода	39 и 58 лет	37 и 44 года	26 лет	18 лет
25 перцентиль (25% педагогов)	35–44 года	35–41 год	13–20 лет	14–21 год
50 перцентиль (25% педагогов)	45–51 год	42–54 года	21–29 лет	22–29 лет
75 перцентиль (25% педагогов)	52–60 лет	55–60 лет	29–42 года	30–42 года

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании были использованы:

1. Для изучения профессионального выгорания педагогов — опросник «Профессиональное выгорание» (вариант для учителей и преподавателей высшей школы) Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой (Водопьянова, 2009).

2. Для изучения характеристик жизненной позиции педагогов — шкала оптимизма и активности Шуллера и Комуниани в адаптации Н. Водопьяновой, М. Штейн (Водопьянова, 2009); методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» Е. Б. Фанталовой (Фанталова, 2001); тест смысловых ориентаций Д. Крамбо, Л. Махолика в адаптации Д. А. Леонтьева (Леонтьев, 2006); шкала общей самооффективности Р. Шварцера, М. Ерусалема в адаптации В. Ромека (Ромек, 1996).

3. Для исследования активности когнитивного совладания как характеристики жизненной позиции — авторская методика «Когнитивное оценивание профессионально-трудных ситуаций» А. Уставщиковой (методика прошла проверку на внутреннюю согласованность шкал); опросник когнитивной регуляции эмоций Н. Гарнефски, В. Край в адаптации Д. Носовой (Носова, 2013).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате исследования были выявлены отрицательные взаимосвязи профессионального выгорания, его компонентов и характеристик жизненной позиции: осмысленности жизни, интернальности, самооффективности, активности когнитивного совладания с трудными ситуациями. Чем больше педагоги находят смыслы в своем прошлом ($r = -0,38$), настоящем ($r = -0,5$) и будущем ($r = -0,38$), считают возможным управление и контроль собственной жизни ($r = -0,4$), убеждены в самооффективности ($r = -0,38$), тем ниже у них профессиональное выгорание и его компоненты ($p < 0,01$), и наоборот. Чем выше активность, тем ниже эмоциональное истощение ($r = -0,4$) и редукция персональных достижений ($r = -0,3$), и наоборот ($p < 0,05$). Чем чаще трудные ситуации оцениваются педагогами как вызывающие беспокойство ($r = 0,3$), сложные для принятия решений ($r = 0,48$), неопределенные ($r = 0,43$), неконтролируемые ($r = 0,5$), а знания и опыт как недостаточные для преодоления ($r = 0,37$), тем выше профессиональное выгорание ($p < 0,01$), и наоборот. Чем чаще используются копинг-стратегии «рефокусирование на планирование» ($r = -0,31$) и «позитивная переоценка» ($r = -0,54$), тем ниже профессиональное выгорание ($p < 0,01$); чем чаще используется копинг-стратегия «позитивное рефокусирование» ($r = -0,35$), тем меньше редукция персональных достижений ($p < 0,01$), и наоборот. Чем чаще используются пассивные копинг-стратегии «катастрофизация» ($r = 0,3$) и «обвинение других» ($r = 0,3$), тем выше эмоциональное истощение и деперсонализация ($p < 0,05$), и наоборот.

Выявлены взаимосвязи интеграции (согласования) в ценностно-мотивационной сфере, осмысленности жизни, интернального локуса контроля, когнитивных копинг-стратегий и возраста педагогов. Чем старше педагоги, тем выше интеграция (согласование) в ценностно-мотивационной сфере ($r = 0,33$), больше смыслов в будущем ($r = 0,27$), удовлетворенность процессом жизни ($r = 0,25$), способность контролировать события жизни ($r = 0,3$), тем чаще используется когнитивная копинг-стратегия «принятие» ($r = 0,3$), и наоборот ($p < 0,05$).

Выявлена обусловленность профессионального выгорания и его компонентов характеристиками жизненной позиции: осмысленностью жизни и активностью когнитивного совладания с трудными ситуациями. Профессиональное выгорание, его компоненты обусловлены низкой осмысленностью жизни ($\beta = 0,45$),

пассивностью когнитивного совладания с трудными ситуациями (оценкой ситуаций как неконтролируемых, неопределенных, сложных для принятия решения, своих знаний и опыта как недостаточных для преодоления) ($\beta = 0,32$), редким использованием «субъектных» копинг-стратегий «рефокусирование на планирование», «позитивная переоценка», «позитивное рефокусирование» ($\beta = 0,26$). Полученная модель статистически значима ($p < 0,05$) и объясняет 44 % дисперсии профессионального выгорания ($R^2 = 0,437$).

В результате исследования были выявлены различия в когнитивном совладании у педагогов из разных регионов проживания. Педагоги Нижнего Новгорода чаще, чем педагоги Санкт-Петербурга, оценивают профессионально-трудные ситуации как неопределенные, неподконтрольные, сложные для принятия решения, свои знания и опыт — как недостаточные для преодоления ($p < 0,01$); чаще используют пассивные копинг-стратегии в виде «принятия» («смирения») и «катастрофизации» ($p < 0,05$).

Выявлены различия в эмоциональном истощении и редукции персональных достижений у педагогов с разными жизненными позициями: у педагогов с реалистической жизненной позицией меньше эмоциональное истощение, чем у педагогов с активной оптимистической позицией; редукция персональных достижений выше у педагогов с пассивной оптимистической позицией, чем у педагогов с активной оптимистической позицией ($p < 0,05$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Было установлено, что чем больше педагоги находят смыслы в своем прошлом, настоящем и будущем, чем больше они считают возможным управление собственной жизнью, убеждены в самоэффективности, чем выше их совладающая активность, тем ниже у них выраженность профессионального выгорания и его компонентов. Данные взаимосвязи согласуются с результатами эмпирических исследований, в соответствии с которыми можно утверждать, что осмысленность жизни, самоэффективность, активность являются ресурсами противодействия профессиональному выгоранию педагогов (Водопьянова 2014; Водопьянова, Никифоров, Назарян 2013).

В исследовании было показано, что оценка ситуации как вызывающей беспокойство, неопределенной, сложной для принятия решения, неподконтрольной, опыта и знаний как недостаточных и использование когнитивных копинг-стратегий «обвинение других» и «катастрофизация» положительно связаны с развитием выгорания, а когнитивные копинг-стратегии «рефокусирование на планирование», «позитивное рефокусирование», «позитивная переоценка» — отрицательно. Таким образом, в работе показано, что активность в виде позитивного мышления (анализа и оценки конкретных профессионально-трудных ситуаций, выделения проблемы, алгоритма действий, поиска ресурсов преодоления, ориентация на позитивные стороны ситуации) является ресурсом педагогов для совладания с трудностями профессиональной деятельности и профессиональным выгоранием (Водопьянова 2014, Носова, 2013). Кроме того, результаты указывают, что копинг-активность как ресурс субъекта труда выражается не только в стратегиях преодоления, но и в предваряющих их способах оценки ситуаций.

В результате регрессионного анализа показано, что развитие профессионального выгорания обусловлено совместным влиянием осмысленности жизни и активности когнитивного совладания. Таким образом, подтверждено системное влияние характеристик жизненной позиции как интегративного личностно-субъектного ресурса субъекта труда, что согласуется с представлениями о ресурсной базе субъекта труда (Водопьянова, 2014).

В результате исследования было выявлено, что педагоги Нижнего Новгорода чаще, чем педагоги Санкт-Петербурга, используют когнитивные оценки ситуации как вызывающей беспокойство, неопределенной, сложной для принятия решения, неподконтрольной, опыта и знаний как недостаточных, а также чаще используют когнитивную копинг-стратегию «принятие» (принятие ситуации такой, какая она есть). Можно предположить, что у педагогов Санкт-Петербурга имеется больше возможностей для качественного обучения и повышения квалификации, больше возможностей для выбора типа образовательного учреждения, который соответствует их направленности и квалификации, что предполагает большую компетентность и уверенность в совладании с трудными ситуациями на работе.

В результате исследования было показано, что чем старше педагоги, тем более интегрирована их ценностно-мотивационная сфера, тем более осмыслена жизнь во всех временных модусах, выше способность осуществлять контроль собственной жизни. Это может быть объяснено тем, что с возрастом мировоззре-

ние становится менее противоречивым и более устойчивым. У молодых педагогов взгляды на жизнь и профессиональную деятельность окончательно не сформированы, решения принимаются под влиянием более опытных коллег, профессиональный и личностный путь представляется многовариантным.

Таким образом, активность, оптимизм, осмысленность жизни, интернальность, самоэффективность, активность когнитивного совладания с трудными ситуациями характеризуют активную жизненную позицию педагога, предстают ресурсами эффективной самореализации, протекторами профессиональных деформаций, в том числе профессионального выгорания. Пессимизм, пассивность, низкая осмысленность жизни, экстернальность, пассивность когнитивного совладания с трудными педагогическими ситуациями способствуют профессиональному выгоранию.

В итоге можно заключить, что профессиональное выгорание формируется и развивается независимо от возраста и стажа работы, негативно сказывается на эффективности профессиональной деятельности и жизнедеятельности в целом

Эмпирически доказано, что педагоги, жизненная позиция которых характеризуется низкой субъектной активностью и ресурсообеспеченностью, являются уязвимыми к возникновению профессионального выгорания. К ресурсам противодействия профессиональному выгоранию относятся высокая осмысленность жизни, уверенность в том, что возможен контроль собственной жизни, убежденность в самоэффективности, оптимистическая оценка трудных ситуаций (как контролируемых, определенных, несложных для принятия решения, оценка своих знаний и опыта как достаточных для преодоления), предпочтение активных («субъектных») когнитивных копинг-стратегий, («планирование», «позитивная переоценка», «позитивное рефокусирование»).

ВЫВОДЫ

1. Активность, оптимизм, осмысленность жизни, интернальность, самоэффективность, активность когнитивного совладания с трудными педагогическими ситуациями характеризуют активную жизненную позицию педагога и в данном контексте являются ресурсами эффективной профессиональной деятельности, протекторами профессиональных деформаций, в том числе профессионального выгорания. Пессимизм, пассивность, низкая осмысленность жизни, экстернальность, пассивность когнитивного совладания с трудными педагогическими ситуациями способствуют профессиональному выгоранию.

2. Педагоги с активной жизненной позицией легче преодолевают трудные ситуации, более устойчивы к психоэмоциональным и коммуникативным перегрузкам, более устойчивы к профессиональному выгоранию за счет ценностного отношения к жизни, профессиональной деятельности и себе — как субъекту жизненного и профессионального пути, осмысленного целеполагания, позитивных убеждений и развитой саморегуляцией.

3. Региональные факторы проживания и работы сказываются на особенностях совладания с профессионально-трудными ситуациями. В Санкт-Петербурге педагоги чаще используют активные копинг-стратегии (включая оценку профессионально-трудных ситуаций) по сравнению с педагогами Нижнего Новгорода.

4. Возраст способствует накоплению таких ресурсов, как интеграция ценностно-мотивационной сферы, осмысленность прошлого, настоящего, будущего и удовлетворенность жизнью, способность контролировать события жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991.
2. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: в 2 т. / под ред. А. А. Бодалева, Б. Ф. Ломова. М., 1980.
3. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб., 2009.
4. Водопьянова Н. Е., Никифоров Г. С., Назарян О. Н. Интрасубъектные факторы устойчивости к профессиональному выгоранию преподавателей в условиях реформирования высшей школы в России // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 2 (14). С. 162–183.
5. Водопьянова Н. Е. Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда: автореф. дис. ... д-ра психол. наук, 2014.
6. Водопьянова Н. Е. Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 16. Психология труда, инженерная психология, эргономика. 2015. Вып. 1. С. 45–54.
7. Леонтьев Д. А. Тест смысловых ориентаций. М., 2006.

8. Ломов Б. В. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1999.
9. Маркин В. Н. Жизненная позиция личности: идеологический и социально-психологический аспекты. М., 1989.
10. Носова Д. А. Когнитивные копинг-стратегии в зависимости от позитивного мышления и профессионального выгорания: дис. ... магистра. СПб., 2013.
11. Никифоров Г. С., Водопьянова Н. Е., Березовская Р. А., Старченкова Е. С. Психологические факторы профессионального здоровья преподавателей высшей школы // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология труда, инженерная психология, эргономика. 2015. № 4. С. 42–54.
12. Орел В. Е. Синдром психического выгорания личности. М., 2005.
13. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб., 1999.
14. Ромек В. Г. Русская версия шкалы общей самооффективности Р.Шварцера и М.Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–77.
15. Сергиенко Е. А. Континуально-генетический принцип становления субъекта // Субъектный подход в психологии / под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М., 2009. С. 50–66.
16. Фанталова Е. Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. М., 2001.
17. Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990.
18. Шадриков В. Д. Профессиональные способности. М., 2010.

Л. А. ФОТЕЕВА, И. Б. ДЕРМАНОВА

e-mail: foteeva.lyudmila@yandex.ru

Магистерская программа «Психология развития и образования»

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА В СВЯЗИ С УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ ЖИЗНЬЮ И ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ ПОДРОСТКОВ

Работа посвящена исследованию взаимосвязей между показателями временной перспективы, удовлетворенности жизнью и личностными особенностями. Мы предположили, что временная перспектива подростков связана с удовлетворенностью жизнью и такими личностными характеристиками, как тревожность и способы совладания. В работе использовались следующие эмпирические методы: исследование временной перспективы (ММИ Ж. Нюттена), «Компетентность личности во времени» (самоактуализационный тест), индекс жизненной удовлетворенности Н. В. Паниной, «Подростковая тревожность» (опросник Ю. А. Зайцева), «Способы совладания» (SACS Хобфолла), циклический тест времени. В работе также использовались следующие виды математико-статистического анализа: сравнение средних (U-критерий Манна—Уитни), корреляционный анализ (R-Спирмена), двухфакторный дисперсионный анализ. Выборка составляла 71 человека (ученики 10-х классов трех школ Санкт-Петербурга). По показателям удовлетворенности жизнью выборка была разделена на две подгруппы с разным ее уровнем. Группа с высоким уровнем состояла из 34 человек, с низким — 37 человек.

В результате исследования было обнаружено, что старшеклассники с высоким уровнем жизненной удовлетворенности более тревожны в отношении будущего и склонны планировать свою жизнь на менее длительную перспективу. Выбор жизненных целей на весь период будущего оказался у них связан с асоциальными стратегиями совладания. Во второй подгруппе планирование жизни в целом соотносилось с ассертивными стратегиями поведения. Гипотеза о том, что временные характеристики более тесно связаны между собой в группе с большей жизненной удовлетворенностью подтвердилась относительно показателей временной перспективы. Взаимосвязи временных показателей и личностных особенностей также обнаружили различия в группах с разным уровнем жизненной удовлетворенности.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, жизненная позиция, психологические ресурсы, педагоги.

TIME PERSPECTIVE, LIFE SATISFACTION AND PERSONALITY CHARACTERISTICS AMONG TEENAGERS

The work is devoted to the study of the relationship between measures of time perspective, life satisfaction and personal characteristics. We assumed that the time perspective of adolescents is associated with life satisfaction and personal characteristics such as anxiety and ways of coping. We used the following empirical methods: the study of time perspective (J. Nyuttena MMI), the competence of the individual over time (Samoaktualizatsionny test), the level of satisfaction with life (life satisfaction index Panina NV), teenage anxiety (questionnaire Yu Zaitsev), ways of coping (SACS Hobfolla) Cyclic test of time. The paper also used the following types of mathematical and statistical analysis: comparison of average (U-Mann—Whitney test), correlation analysis (R-Spearman) dvuhfaktory analysis of variance. Sample: 71 people (10 students in grades three schools of St. Petersburg). In terms of life satisfaction sample was divided into two groups with different levels of it. Group with a high level consisted of 34 people, the low — 37 people.

The study found that high school students with a high level of satisfaction with life more anxious about the future and tend to plan their lives less long term. A selection of life goals for the entire period of the future turned out to be linked to antisocial coping strategies. While planning the second subgroup of life in general is related to the strategies of assertive behavior. The hypothesis that the temporal characteristics are more closely related to each other in the group with greater life satisfaction was confirmed by indicators of relative time perspective. Linkages time performance and personality characteristics as found differences in the groups with different levels of life satisfaction.

Keywords: time perspective, life satisfaction, anxiety, coping strategies, adolescence.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Последовательное переструктурирование временной перспективы — одно из новообразований подросткового возраста, которое имеет важное значение для характеристик успешного планирования и целеполагания в будущем. В подростковом возрасте индивид в отличие от детского периода начинает формировать осознанный образ будущего, имеющий различную протяженность. Происходит дифференциация жизненного пространства: подросток начинает отделять область ирреального от реального. Тем самым он

создает модель успешного планирования: его построение основывается на ценностях, интересах, склонностях человека, соотносимых с требованиями окружающей действительности (Левин, 2001)

В то же время в современных исследованиях отмечается, что компетенция осмысленного создания временной перспективы несколько снижается. Подросткам становится более важно настоящее — как мера реализации актуальных потребностей. Они становятся все более импульсивными, ориентированы на внешнее, а не на внутреннее содержание (Сырцова, Митина, 2008). Исследователями было также выявлено, что у подростков снижается мотивация к учебной деятельности и учебный мотив перестает быть отдельно выделенным и встраивается в систему жизненных перспектив (Толстых, 1984). Показано также, что учебный мотив особенно заметно теряет свою значимость для юношей, которые становятся более ориентированными на внеучебную деятельность.

Исследования Б. В. Зейгарник, Н. Н. Толстых свидетельствуют о том, что структурированная, глубоко проработанная картина будущего у подростков может в дальнейшем стать ресурсом, который будет сопутствовать благополучному развитию личности и станет залогом психического здоровья (Толстых, 1984).

Наличие у подростка поставленных целей на будущее может служить фактором, повышающим как уровень его субъективного благополучия, так и удовлетворенность жизнью в целом. Важно отметить, что на удовлетворенность влияет также и эмоциональное состояние в результате их достижения. Однако выявлено, что ощущение прикладываемых для достижения сил должно быть пропорционально задаче, которую выполняет человек. При затрачивании слишком больших энергетических усилий достижение цели не приносит должной удовлетворенности, понижается мотивация к деятельности, снижается уровень притязаний (Бахарева, 2004). При отсутствии жизненных целей и смыслов у человека могут возникать переживания экзистенциального кризиса, что в свою очередь также отражается на уровне удовлетворенности жизнью. При его снижении могут возникать ощущения обесценивания собственной жизни, чувство вины, остро встают проблемы свободы и ответственности (Орешкина, 2014).

При изучении картины будущего и отношения к нему подростка очень важно учитывать его личностные особенности. Одной из задач нашей работы было исследовать взаимосвязи временной перспективы и уровня тревожности личности. Это связано с тем, что при планировании будущего зачастую подростки рассматривают и неблагоприятные варианты его развития, что может существенно повысить уровень напряженности (Якобсон, 1998). Особую значимость эти связи, как нам представляется, приобретают в случае неудовлетворенности жизнью в настоящем. Кроме того, мы рассматриваем особенности временной перспективы у подростков в связи со спецификой их совладающего поведения, которое также может быть тесно связано с планированием их будущей жизни.

Анализ научной литературы, посвященной теме настоящего исследования, позволил поставить следующие цели, задачи, а также выдвинуть гипотезы.

Цель исследования: исследовать показатели временной перспективы, личностные особенности (тревожность, способы совладания) и удовлетворенность жизнью, а также их взаимосвязи в подростковом возрасте.

Основная гипотеза исследования: временная перспектива подростков связана с удовлетворенностью жизнью и такими личностными характеристиками, как тревожность и способы совладания. Также были выдвинуты **частные гипотезы:** у подростков с более высоким уровнем удовлетворенности жизнью временные характеристики более тесно связаны между собой; уровень удовлетворенности жизнью влияет на взаимосвязи временных показателей и личностных особенностей.

Задачи исследования:

1. Выявить выраженность показателей временной перспективы подростков.
2. Выявить показатели удовлетворенности жизнью и личностные особенности в исследуемой выборке (тревожность, способы совладания).
3. Провести сравнительный анализ исследуемых показателей в общей группе, а также в подгруппах различающихся по степени удовлетворенности и в подгруппах юношей и девушек.
4. Исследовать взаимное влияние двух факторов (пол и уровень удовлетворенности) на исследуемые показатели.
5. Исследовать взаимосвязи между временными показателями (временной перспективой и др.) и удовлетворенностью жизнью, временными показателями (временной перспективой и др.) и личностными особенностями в общей выборке и в подгруппах с разным уровнем удовлетворенности.

Предмет исследования: взаимосвязь временной перспективы, удовлетворенности жизнью и личностных особенностей у подростков.

Объект исследования: временная перспектива и личностные особенности.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборку составили школьники трех 10-х классов разных районов города, всего 71 человек, из них 30 юношей и 41 девушка. Средний возраст испытуемых — 16 лет.

МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования временных характеристик мы выбрали метод мотивационных индукций Ж. Нюттена (Нюттен, 2004); шкалу «Компетентность во времени» (самоактуализационный тест) в адаптации Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозмана и др. (Гозман, Кроз, 1984); «Циклический тест времени» (Т. Коттла) (Головаха, Кроник, 1984). Для исследования жизненной удовлетворенности использовался тест индекса жизненной удовлетворенности (адаптация Н. В. Паниной) (Кроник, 1993). Для диагностики личностных характеристик были выбраны: методика измерения подростковой тревожности Ю. А. Зайцева (Зайцев, 2008), а также тест SACS Хобфолла для изучения установок на способы совладания (Водопьянова, 2009).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

По показателям удовлетворенности обнаружены сниженные значения ($M = 23,7$), свидетельствующие скорее о повышенном уровне эмоциональной напряженности, ощущении психологического дискомфорта. В поведении преобладают просоциальные стратегии (вступление в социальный контакт ($M = 21,7$) и поиск социальной поддержки ($M = 21,4$)). При этом девушки в среднем имеют более высокий общий уровень тревожности ($M(д) = 41,9$, $M(ю) = 23,8$, $p = 0,001$) и менее удовлетворены своей жизнью ($M(д) = 4,15$, $M(ю) = 5,39$, $p = 0,002$). Юноши значимо больше склонны проявлять асоциальные ($M(д) = 15,06$, $M(ю) = 17,9$, $p = 0,0026$) и манипулятивные стратегии совладания ($M(д) = 17,17$, $M(ю) = 19,4$, $p = 0,002$).

В соответствии с задачами исследования группа было разделена по параметру удовлетворенности жизнью на две подгруппы: имеющие высокий и низкий уровни. В группе с высоким уровнем оказалось 34 человека, в группе с низким — 37.

Рассматривая различия по личностным особенностям подростков в этих группах, стоит остановиться на показателях тревожности. Подростки с низким уровнем удовлетворенности жизнью значимо более тревожны вообще ($M(в) = 34,1$, $M(н) = 42$, $p = 0,002$), а также в отношении будущего ($M(в) = 10,9$, $M(н) = 13,26$, $p = 0,00$) и принятия качеств собственной личности ($M(в) = 8,56$, $M(н) = 11,14$, $p = 0,01$). Ребята из группы с высоким уровнем жизненной удовлетворенности значимо чаще проявляют просоциальные стратегии совладания ($M(в) = 22,84$, $M(н) = 20,76$, $p = 0,03$) и реже — стратегию избегания ($M(в) = 15,8$, $M(н) = 18,8$, $p = 0,001$).

При анализе совместного влияния пола и уровня удовлетворенности получены следующие результаты. Высокая удовлетворенность юношей связана с низким уровнем компетентности во времени, у девушек, наоборот, — с высоким уровнем компетентности ($p = 0,05$). То есть можно предположить, что компетентные во времени юноши больше акцентируют внимание на проблемах, поэтому их уровень удовлетворенности снижается. Возможна также и обратная картина: акцентуация проблем в настоящем мешает этим юношам жить «здесь и сейчас» и в полной мере получать удовольствие от процесса жизни. В то время как девушки, более компетентные во времени, больше удовлетворены жизнью, что позволяет им акцентировать свое внимание на удовольствиях в настоящем.

Низкая удовлетворенность жизнью у юношей связана с высоким уровнем проявления асоциального поведения, меньшим количеством целей, связанных с общением, большим стремлением обладать материальными предметами, а также преобладающей постановкой целей на весь период жизни в целом ($p = 0,03$). Девушки же с низким уровнем удовлетворенности жизнью характеризуются большей тревожностью в отношении своих личных особенностей и меньшей согласованностью поставленных и достигнутых целей, т. е. уверенностью в их достижении ($p = 0,05$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С точки зрения предмета исследования наибольший интерес представляет анализ показателей временной перспективы подростков. Для начала рассмотрим особенности временной перспективы в общей выборке, а также в подгруппах юношей и девушек. Наибольшие значения по содержательным компонентам временной перспективы, т. е. целям, которые подростки ставят на период жизни, были выявлены у показателей «Личность» ($M = 0,20$), «Обучение» ($M = 0,20$), «Контакты» ($M = 0,18$). В отношении первого показателя можно предположить, что для подростков на настоящий момент важны темы, относящиеся к изучению и развитию свойств и качеств собственной личности, что можно объяснить склонностью подростков к анализу и изучению себя, а также формирующейся Я-концепцией (Л. И. Божович и др.). (Божович, 2001) Также для подростков оказались важны вопросы обучения, как школьного, так и последующего. Это отражает актуальность и значимость образования для ребят подросткового возраста, а также множество целей и планов, касающихся обучения. Такой результат можно объяснить высокой учебной загруженностью десятиклассников, а также активным процессом выбора дальнейшего образовательного пути. Данные результаты соотносятся с исследованиями К. К. Бейнарович которая также обнаружила, что у подростков в ближайшей временной перспективе преобладают события, относящиеся к школьному обучению, а в средней — самореализации в профессиональной деятельности (Бейнарович, 2011).

Рассматривая временную перспективу с точки зрения темпорального компонента, можно отметить, что наибольшее количество целей подростки располагают в периоде «открытого настоящего». Это свидетельствует о том, что ребята не склонны присваивать какой-либо цели конкретного временного воплощения. Однако это может говорить и о том, что они уже сейчас активно приступают к воплощению в жизнь значимых стремлений, которые у них есть. Наибольшее количество целей было распределено в периоды «до 1 года» и «жизнь в целом», т. е. у подростков более всего развита система ближнего планирования, но при этом достаточно много жизненных целей, достижение которых они пока не определили во временном промежутке. Такие результаты могут быть объяснены возрастными задачами, которые стоят перед подростками в данный период их жизненного пути и подтверждаются исследованиями Н. Н. Толстых: это окончание учебного заведения, выбор дальнейшего профессионального обучения (Толстых, 2010).

При анализе взаимосвязей темпоральных и содержательных параметров временной перспективы личности в общей выборке было обнаружено, что заявленные подростками цели слабо коррелируют с временными периодами их реализации. Особенно это заметно в подгруппе с низким уровнем удовлетворенности жизни, где выявлено только 5 таких связей, в отличие от подгруппы с высоким уровнем, где обнаружено 13 связей. Недостаточная связность целей и времени их воплощения говорит об их разорванности, отсутствии четких планов достижения целей, приблизительности, недостаточной осмысленности.

При решении задачи выявления гендерных аспектов временной перспективы обнаружилось, что у девушек проявляются завышенные требования к окружающим людям (показатель «Ожидания от других людей») ($M(д) = 0,06$, $M(ю) = 0,02$, при $p = 0,001$), что может быть связано с особенностями гендерного воспитания, характеризующегося формированием у девушек стереотипов о слабом поле, нуждающемся в поддержке, защите. Юношей же больше, чем девушек, привлекает обладание предметами материального мира (показатель «обладание») ($M(д) = 0,03$, $M(ю) = 0,07$, при $p = 0,002$), что соотносится со стереотипами восприятия статуса мужчины по его материальному благополучию, которые поддерживаются современными СМИ, Интернетом и культурой общества. Данные результаты подтверждаются многочисленными гендерными исследованиями, к примеру С. В. Марковой и др. (Маркова, 2012)

Исследуя время реализации поставленных целей в подгруппах юношей и девушек, мы получили следующее различие: у юношей показатель «Жизнь в целом» выше, чем у девушек ($M(д) = 0,13$, $M(ю) = 0,22$, при $p = 0,002$), что может говорить о том, что у них наблюдается больше целей, относящихся к периоду будущего, но нет имеющих конкретную временную локализацию и не реализующихся в настоящем времени. Это может быть следствием несколько инфантильного отношения юношей к планированию будущего.

Рассматривая взаимосвязи поставленных подростками целей, стоит отметить положение показателя «Учеба» в данной структуре. Этот показатель отрицательно коррелировал с показателями «Самореализация» и «Личность» (в общей выборке и подгруппе с высоким уровнем удовлетворенности), а в подгруппе с низким уровнем удовлетворенности была выявлена отрицательная взаимосвязь с показателем «Самореализация». Таким образом, можно предположить, что подростки не чувствуют в учебной деятельности воз-

возможностей для реализации собственного потенциала и развития. Возможно, учеба для данных подростков носит вынужденный характер.

Что касается взаимосвязей других показателей отношения ко времени, то здесь следует отметить связь показателя «Расстояние от настоящего к будущему» («Циклический тест времени») с копингом «Социальная поддержка» ($p = 0,00$). Возможно, именно эмоциональная поддержка окружающих помогает ребятам не бояться приступать к планированию будущего, тем самым субъективно приближая его и помогая чувствовать взаимосвязь с настоящим.

При обсуждении результатов особо необходимо остановиться на анализе взаимосвязей показателей временной перспективы, поскольку именно в отношении них ожидалось наибольшие различия в группах с разным уровнем удовлетворенности.

При рассмотрении содержательного компонента мотивации подростков с разным уровнем жизненной удовлетворенности значимых различий выявлено не было, что отражает сходное восприятие подростками данных групп различных целей в будущем.

По показателям отношения ко времени в данных подгруппах была обнаружена статистическая тенденция в различии длительности планирования будущего: в группе с низким уровнем жизненной удовлетворенности ребята выдвигают цели на период до пенсионного возраста включительно, а в группе с высоким — нет ($M(в) = 0$, $M(н) = 0,003$, $p = 0,05$). Можно предположить, что подростки, более удовлетворенные собственной жизнью, не стремятся заглядывать далеко в будущее, а предпочитают наслаждаться настоящим в отличие от тех, кто имеет низкий уровень удовлетворенности.

Характер взаимосвязей личностных особенностей и временных показателей в группах с разным уровнем удовлетворенности свидетельствует о том, что:

- в группе с высоким уровнем удовлетворенности у тревожных подростков удовлетворенность поддерживается, видимо, тем, что они не ставят далеко идущие цели (связи тревожности с «Индексом перспективы будущего» ($p = 0,00$), который характеризует преобладающий стиль планирования будущего: краткосрочное или долгосрочное планирование);
- у подростков с высоким уровнем удовлетворенности, склонных к асоциальному поведению и с положительной оценкой себя, удовлетворенность поддерживается тем, что они планируют свою жизнь в целом без проработки отдельных периодов и нюансов (связи показателей «Жизнь в целом» с «асоциальной стратегией» ($p = 0,00$) и «оценкой себя» ($p = 0,00$));
- склонность же к ассертивному поведению во взаимосвязи с планированием на жизнь в целом, а не на конкретные периоды может привести к обратному результату — снижению удовлетворенности, поскольку этот механизм проявляется в группе подростков с низким ее уровнем (взаимосвязь показателя «жизнь в целом» с «ассертивной стратегией» ($p = 0,00$)).

ВЫВОДЫ

1. Общая гипотеза о том, что временная перспектива подростков связана с удовлетворенностью жизнью и такими психологическими характеристиками, как тревожность и способы совладания, подтвердилась частично. Было выявлено, что более тревожные подростки планируют цели на более близкий период времени, стратегии совладания (ассертивное и асоциальное поведение) связаны с постановкой целей на будущее в целом. Также выявлена тенденция к проявлению значимых различий в подгруппах, образованных разным уровнем удовлетворенности, но только по планированию отдаленных целей (показатель «более 40 лет»).

2. Гипотезы о том, что у подростков с более высоким уровнем удовлетворенности жизнью временные характеристики более тесно связаны между собой, подтвердилась частично. Действительно, более целостная структура в группе с высоким уровнем удовлетворенности была выявлена по показателям временной перспективы. Темпоральные и содержательные индукторы имеют более сильную взаимосвязь между собой, в то время как в группе с низким уровнем удовлетворенности связей практически не обнаружено. Это свидетельствует о более целостном планировании жизни, а также согласованности целей и времени их реализации. По показателям субъективного восприятия временных периодов различий в количестве связей в указанных группах выявлено не было. Можно заключить, что удовлетворенность жизнью практически не связана с исследуемыми характеристиками восприятия прошлого, настоящего и будущего.

3. Выдвинутое предположение о том, что уровень удовлетворенности жизнью влияет на взаимосвязи временных показателей и личностных особенностей, количественно не подтвердилось, но качество связей в данных группах различно. Временная перспектива в группе удовлетворенных более детерминирована личностными особенностями, которые акцентируют собственное «Я» (асоциальное поведение, положительная оценка себя). В группе неудовлетворенных по личностным характеристикам, связанным с временной перспективой, выявлена ориентация на других людей (социальная поддержка, ассертивное поведение).

Проведенное исследование расширило знания о постановке целей на период будущего современных подростков. Также получены результаты, отражающие влияние уровня удовлетворенности на планирование собственного будущего и личностные особенности. Интересными оказались различия по гендерному признаку: как в особенностях планирования собственной жизни, так и по другим показателям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахарева Н. К. Субъективное благополучие как системообразующий фактор толерантности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2004.
2. Бейнарович К. К. Временная перспектива будущего у подростков с ослабленным зрением // Юбилейный сборник Российского психологического общества: в 4 т. Т. 2. М., 2011. С. 384–401.
3. Божович Л. И. Проблемы формирования личности: избр. психол. труды / под. ред. Д. И. Фельдштейна. М.; Воронеж, 2001.
4. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб., 2009.
5. Гозман Л. Я., Кроз М. В. Измерение уровня самоактуализации личности // Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. М., 1984. С. 91–114.
6. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984.
7. Зайцев Ю. А. Методика измерения подростковой тревожности // Известия Российск. гос. пед. ун-та им. Герцена. 2008. № 49. С. 280–286.
8. Кроник А. А. «Life line» и другие новые методы психологии жизненного пути. М., 1993.
9. Левин К. Динамическая психология. М., 2001.
10. Маркова С. В. Исследование гендерных различий агрессивного поведения подростков // Психологическая наука и образование 2012. № 1. С. 15–24.
11. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М., 2004.
12. Орешкина А. С. Особенности смысловой сферы личности и отношение к жизни и смерти у суицидентов юношеского возраста // Психология, социология и педагогика. 2014. № 5. С. 38–56.
13. Потемкина О. Ф., Романова Е. С. Графические методы в психологической диагностике. М., 1991.
14. Сырцова А., Митина О. В. Возрастная динамика временных ориентаций личности // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 29–37.
15. Толстых Н. Н. Жизненные планы подростков и юношей // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 79–86.
16. Толстых Н. Н. Развитие временной перспектив личности: культурно-исторический подход: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010.
17. Якобсон П. М. Психология чувств и мотивации. М., 1998.

А. А. ЯНЫКИН, А. Д. НАСЛЕДОВ

e-mail: yanichar.666@gmail.com

Специализация «Психология кризисных и экстремальных ситуаций»

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНОЙ ГОМОНЕГАТИВНОСТИ И САОМОТНОШЕНИЯ У ГОМОСЕКСУАЛОВ

Целью исследования являлась эмпирическая проверка предположения, что сочетание негативных отношений гомосексуалов к гомосексуальности в целом и к своим собственным особенностям, связанными с гомосексуальной ориентацией, отрицательно влияет на их самооотношение.

Для проверки гипотезы была адаптирована и стандартизирована русскоязычная версия методики личностной гомонегативности. С ее помощью изучался вклад феномена личностной гомонегативности в самооотношение гомосексуалов. Методика включает в себя 10 утверждений, которые разделяются на две шкалы. Выборка для стандартизации методики состояла из 97 человек, мужчин и женщин с гомосексуальной ориентацией от 21 года. Факторная валидность шкал методики проверена при помощи конфирматорного факторного анализа: обоснована двухшкальная структура методики. Показатели Альфа Кронбаха свидетельствуют о высокой надежности шкал методики по внутренней согласованности их пунктов. Разработаны тестовые нормы для шкал методики. Полученные результаты говорят об адекватности применения данной методики для диагностики гомонегативности у гомосексуалов. Результаты эмпирической проверки свидетельствуют об утверждении, обратном выдвинутой гипотезе: гомонегативность у гомосексуалов не отрицательно, а положительно связана с уровнем субъективного благополучия, самоуважения и социальной желательностью.

Ключевые слова: гомонегативность, личностная гомонегативность, стандартизация, адаптация.

THE INTERCONNECTION OF THE SELF-HOMONEGATIVITY AND SELF-ATTITUDE IN HOMOSEXUALS

The goal of this study is the empirical verification of the fact that the combination of negative attitudes of homosexuals towards homosexuality in general and to their own characteristics associated with homosexual orientation, has a negative impact on their self-esteem.

The Russian version of a methodology of psychological diagnosis of personal homonegativity is adapted and standardized to test the hypothesis. The contribution of self-homonegativity phenomenon to self-esteem of homosexuals was studied with aforesaid method.

The methodology includes 10 statements, which are divided into two scales. Methodology standardization sample is men and women with homosexual orientation from 21 years (97 pers.). Factorial validity of methodology scales is tested using confirmatory factor analysis: two-scaled structure of the method was justified. Cronbach's alpha indicators testify to high reliability of the method scales for the internal consistency of the items. Test standards for scales of the methodology were developed. The results indicate the adequacy of this method for the diagnosis of homonegativity among homosexuals. The results of empirical verification show the statement opposite to the hypothesis: homonegativity is associated with the level of subjective well-being, self-esteem and social desirability not negatively, but positively.

Keywords: homonegativity, personal homonegativity, standardization, adaptation.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

В наш век всемирной глобализации все острее встает проблема ксенофобии. Многие социокультурные процессы, протекающие в современном российском обществе, сопровождаются неопределенностью и неоднозначностью реакции людей. В условиях стремительно изменяющейся социальной реальности неприязнь к чему-то незнакомому, непривычному, становится актуальной характеристикой человеческой деятельности.

Одной из разновидностей ксенофобии является гомофобия (любые негативные чувства по отношению к ЛГБТ) (Хухлина, 2000), которая рассматривается в двух аспектах: институционализируемая гомофобия и интернализируемая гомофобия (Черныш, 2010). Институционализируемая гомофобия — это внешняя негативная общественная позиция по отношению к бисексуалам и гомосексуалам. Интернализируемая гомофобия — негативное восприятие себя, негативное самооотношение и непринятие некоторых сторон своей личности бисексуалами и гомосексуалами (Черныш, 2010). Люди гетеросексуальной и гомосексуальной ориентации имеют одинаковый уровень психического здоровья (Хухлина, 2000). Тем не менее в обществе распространена точка зрения, согласно которой гомосексуальность — болезнь, которую необходимо

лечить (Черныш, 2010). Это приводит к тому, что человек, осознавший себя гомосексуалом, также думает, что он не здоров и его следует лечить. В условиях дискриминации со стороны социума человек в большинстве случаев живет с ощущением вины и стыда за собственную сексуальную ориентацию. Наличие интернализированной гомофобии приводит к нарушениям в самооотношении, обуславливающим снижение самооценки, трудности психологического контакта и другие сложности в системе отношений (Черныш, 2010).

Нельзя не отметить влияние стигматизации и самостигматизации на психическое состояние гомосексуалов. Оно проявляется в подверженности депрессиям, замкнутости, страху, изменению аппетита, нарушению сна, снижению самооценки с повышенной самокритикой и самобичеванием и сильно выраженным чувством вины и неудачи. Исследования среди ЛГБТ-молодежи¹ и гетеросексуальных сверстников показали, что представители ЛГБТ-молодежи чаще сообщали о депрессии и тревожности, чем гетеросексуальные сверстники (Gonsiorek, 1995).

Как показали зарубежные исследования, внешняя гомофобия, интернализуясь, становится фактором возникновения внутренней гомофобии. В свою очередь внутренняя гомофобия может приводить к различным личностным нарушениям, проблемам адаптации, суицидальным мыслям.

В связи со сложившейся ситуацией нам кажется необходимой разработка методики, позволяющей оценить распространенность феномена интернализированной гомофобии среди гомосексуалов в России. Появление методики, направленной на определение выраженности гомонегативности (интернализированной гомофобии), позволит дополнить знания о специфике психического здоровья ЛГБТ-сообщества в России, а также может оказаться полезной психологам-консультантам и психотерапевтам в практической работе.

Цель исследования: изучение взаимосвязи личностной гомонегативности и самооотношения у гомосексуалов.

Объект исследования: женщины и мужчины с гомосексуальной ориентацией.

Предмет исследования: уровни гомосексуальной ориентации, оценки гомосексуальной ориентации, субъективного благополучия, самоуважения, социальной желательности.

Гипотеза исследования: гомонегативность отрицательно связана с уровнем субъективного благополучия, самоуважения и социальной желательностью.

Задачи исследования:

- модификации методики диагностики личностной гомонегативности Мэйфилда (Mayfield, 2001);
- исследование надежности шкал модифицированной методики;
- исследование взаимосвязи между утверждениями и измеряемыми факторами модифицированной методики;
- исследование валидности модифицированной методики;
- разработка тестовых норм модифицированной методики;
- исследование взаимосвязи гомонегативности и субъективного благополучия, самоуважения и социальной желательности.

ВЫБОРКА УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 92 человека (57 мужчин и 35 женщин) из разных городов России. Средний возраст для мужчин составил 29,6 лет, для женщин — 27,9 лет. 72,5 % опрошенных имели высшее или незаконченное высшее образование, 16,9 % — среднее специальное, 10,6 % — среднее. 62,8 % респондентов оценили свое материальное состояние как «среднее», 4,8 % — как «низкое», 2,4 % — как «высокое», 30 % не дали ответа на этот вопрос. Среди всех респондентов 28 % когда-либо обращались к психологу.

Для оптимального доступа к тестовым материалам, для респондентов был создан специальный сайт (<http://spbreasearch.ru/index.html> <http://spbu.psy-search.ru/>), на котором были размещены социально-демографическая анкета, бланки методики. Кроме того, на сайте были установлены ограничения по критериям возраста (не допускались лица младше 21 года) и сексуальной ориентации (допускались лица, отметившие в соответствующей графе пункт «гомосексуал»). Ссылки на сайт были размещены в социальных сетях, в крупных тематических сообществах, сайтах и форумах для ЛГБТ.

¹ Молодежи, принадлежащей к движению «Лесбиянки, геи, бисексуалы, транссексуалы» (ЛГБТ).

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Применялись следующие методики диагностики показателей самооотношения: Методика SCL 90-R (Табарина, 2001), направленная на оценку глубины психических нарушений и динамики психотерапевтического воздействия; шкала социальной желательности (Ханин, 1976), предназначенная для оценки уровня выраженности тенденции сформировать у окружающих благоприятное впечатление о себе через демонстрацию соответствия имеющимся в обществе культурным нормам; шкала самоуважения М. Розенберга (Rosenberg, 1972), измеряющая общий уровень самоуважения через подсчет баллов, оценивающих выраженность позитивных и негативных чувств по отношению к себе; шкала субъективного благополучия (эмоционального комфорта), созданная французскими психологами и адаптированная в России М. В. Соколовой (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002); анкета для определения сопряженных с гомонегативностью социальных характеристик личности: уровня осознанной идентификации респондентов с гомосексуальной идентичностью, количество друзей гетеросексуалов и представителей ЛГБТ-сообщества, уровень образования, политические взгляды, уровень материального благосостояния, факты обращения за психологической или психиатрической помощью в связи с гомосексуальностью.

Ниже перечислены необходимые этапы адаптации (модификации) многомерного переводного тест-опросника:

1. Анализ распределения частот по каждому утверждению для выявления пунктов, которые не могут быть использованы на исследуемой выборке в связи с низкой дискриминативностью.

2. Факторный анализ, позволяющий объединить утверждения в факторы, т. е. шкалы.

3. Конфиматорный факторный анализ, проверяющий гипотезу о факторной валидности выявляемых конструкторов. В качестве основной процедуры проверки и коррекции факторной валидности шкал исходной методики был применен конфиматорный факторный анализ (КФА) с использованием программы моделирования структурными уравнениями IBM SPSS AMOS (Наследов, 2013)

4. Анализ надежности шкал по внутренней согласованности их пунктов, из которых состоит уже новый тест-опросник. Применялся метод Альфа Кронбаха. Помимо вычисления α Кронбаха для каждой шкалы этот коэффициент вычислялся и для каждого удаленного пункта шкалы. Тем самым проверялось, увеличивает или уменьшает надежность шкалы этот пункт.

5. Анализ взаимосвязей шкал гомонегативности с показателями самооотношения: корреляционный анализ, SEM (моделирование структурными уравнениями).

6. Разработка тестовых норм для шкал гомонегативности.

Для выполнения указанных этапов была использована программа IBM SPSS Statistics и AMOS (факультет психологии СПбГУ).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

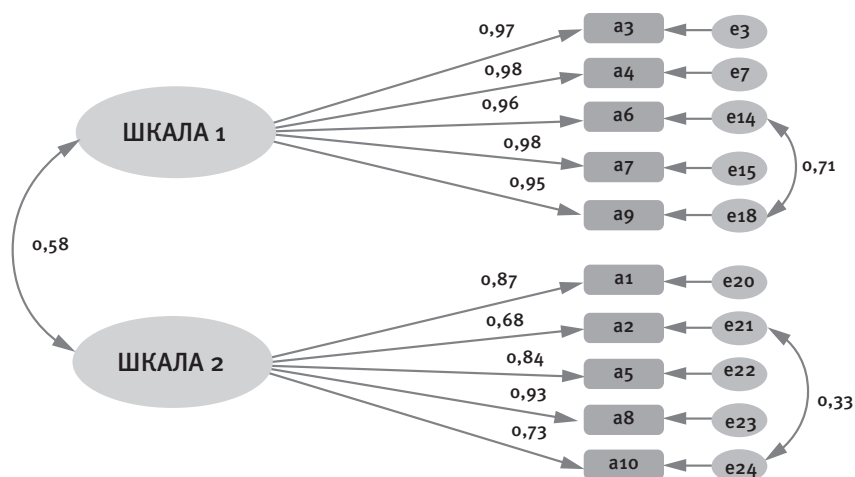
В ходе адаптации и модификации методики диагностики гомонегативности был проведен перевод методики Мэйфилда в трех вариантах: психологом, филологом, носителем языка. Из трех переводов был составлен стимульный материал, который включал в себя 70 утверждений. После отсеивания идентичных по содержанию утверждений (оставлено 62 из 70) проводилась оценка пригодности пунктов опросника, в частности, дискриминативность каждого пункта. Под дискриминативностью понималось количество схожих ответов, выраженных в процентном соотношении. Утверждение считалось пригодным, если доля положительных ответов находилась в интервале от 20 до 80 % (асимметрия < 3). Была выявлена низкая дискриминативность 13 утверждений (90 % выборки выбирали ответ одинаково, что говорит о неправомерности использования данных утверждений). В результате было оставлено 59 утверждений.

С целью проверки адекватности русскоязычной версии и устойчивости исходной факторной структуры данные, полученные в ходе тестирования, были подвергнуты эксплораторному факторному анализу (метод «Главные компоненты»). Наилучшим оказалось 3-факторное решение. В **первый фактор** (18 пунктов) вошли утверждения, которые описывают: а) отрицательные эмоции, которые гомосексуалы испытывают к своей ориентации (например, позор, депрессия и стыд) и б) отрицательное отношение к своей ориентации (например, негодование на свою сексуальную ориентацию, желание контролировать свои чувства к людям того же пола). В **второй фактор** (6 пунктов) вошли утверждения гомосексуалов, которые описывали свою ориентацию как важную и положительную часть их самих вместе с уверенностью в том, что быть гомо-

сексуальным нормально. **Третий фактор** (4 пункта) содержал утверждения, отражающие отрицательное отношение к моральности однополого поведения.

После проведения факторного анализа, который подтвердил наличие трех факторов, проводилась факторная валидизация шкал методики с применением конфиматорного факторного анализа как частного случая методологии SEM. В качестве априорной гипотетической структуры шкал были использованы результаты эксплораторного факторного анализа (3 фактора, 28 пунктов).

В процессе применения SEM проверялись два условия применимости метода: достаточность численности выборки и многомерная нормальность распределения переменных. Выборка является приемлемой по численности (N), если выполняется соотношение $N > 5T$, где T — число оцениваемых параметров (Наследов 2013). В нашем случае $N = 92$, $T = 23$, т.е. для нашей модели численность выборки меньше рекомендуемой численности. В этом случае модели можно доверять только при высоких показателях критериев ее соответствия исходным данным. Многомерная нормальность распределения переменных проверяется по значению многомерного эксцесса (Multivariate Kurtosis) и его C. R., вычисляемых программой AMOS. Требование многомерной нормальности признается выполненным, если C. R. незначительно превышает 5 (Наследов, 2013). В нашем случае C. R. = 18,43, что свидетельствует о существенном отклонении многомерного распределения переменных от нормального, и тогда стандартные (принятые по умолчанию) методы анализа SEM неприемлемы. Однако в программе AMOS предусмотрен метод оценки параметров (анализа), допускающий существенное отклонение от многомерной нормальности: *Asymptotically distribution-free* («Приблизительно свободный от распределения»), который и был применен. Итоговая модель методики представлена ниже, на рис. 1.

CMIN=33.984; df=32; p=0.372; GFI=0.953; CFI=0.993; RMSEA=0.026; Pclose=0.689

Рис. 1. Апостериорная (итоговая) модель методики диагностики гомонегативности

Шкала 1 («Личностная гомонегативность») включала утверждения 3,4,6,7,9 из окончательного списка (см. Приложение), которые характеризуют: а) отрицательные эмоции, которые гомосексуалы испытывают к своей ориентации (например, позор, депрессия и стыд) и б) отрицательное отношение к ней (например, негодование на свою сексуальную ориентацию, желание контролировать свои чувства к людям того же пола).

Шкала 2 («Принятие своей гомосексуальности») включала утверждения 1,2,5,8,10 из окончательного списка (см. Приложение) и состояла из 5 пунктов, которые измеряли степень принятия себя гомосексуалами, воспринимающими свою ориентацию как важную и положительную часть их существа, считающими, что быть гомосексуалом нормально.

Как показывает схема на рис. 1, в окончательной модели методики диагностики гомонегативности остались только две шкалы. Модель признается соответствующей исходным данным по показателям индексов согласия (Наследов, 2013), основные из них приведены под схемой. Они свидетельствуют об очень хорошем соответствии модели исходным данным, все показатели заметно лучше рекомендованных значений. Не менее важным условием соответствия моделей исходным данным является статистическая до-

стоверность оцениваемых параметров: регрессионных коэффициентов, дисперсий латентных переменных и ковариаций (в данном случае между ошибками). Все оцениваемые параметры для итоговой модели статистически достоверны ($p < 0,01$). Статистическая достоверность дисперсий латентных переменных шкал 1 и 2 свидетельствует о том, что эти дисперсии достоверно отличаются от нуля, т. е. обладают достаточной дискриминативностью.

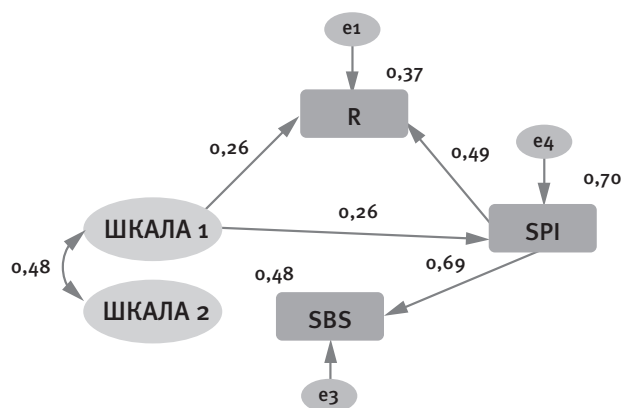
Далее проверялась надежность шкал по внутренней согласованности пунктов методом Альфа Кронбаха с вычислением: общего показателя α и для шкалы, если пункт был удален; для всей выборки; отдельно для мужчин и женщин; отдельно по шкалам. Мы исходили из того, что ни один из пунктов шкал не является «лишним», поскольку при удалении любого из пунктов надежность шкалы снижается. Приведем значения показателя Альфа Кронбаха. Шкала 1: $\alpha = 0,959959$ (для мужчин: $\alpha = 0,960$, для женщин: $\alpha = 0,958$); шкала 2: $\alpha = 0,883$ (для мужчин: $\alpha = 0,874$, для женщин: $\alpha = 0,909$). Полученные результаты позволяют говорить о высокой надежности каждой из шкал по внутренней согласованности их пунктов.

Далее анализировалась связь шкал гомонегативности с социодемографическими показателями: возраст, пол, политические взгляды, обращения к психологу, образование, материальное благополучие. Корреляционный анализ (корреляции Спирмена) не выявил статистически достоверных связей возраста и шкал гомонегативности. Влияние остальных показателей на шкалы гомонегативности анализировалось при помощи многомерного дисперсионного анализа (зависимые переменные — шкалы гомонегативности; показатели-факторы — пол, политические взгляды, обращения к психологу, образование, материальное благополучие). Проверялись главные эффекты и все двухфакторные взаимодействия. Статистически достоверных эффектов влияния пола, политических взглядов, обращений к психологу, образования, материального благополучия на шкалы гомонегативности не выявлено.

Анализ взаимосвязи шкал гомонегативности с показателями самооотношения проводился путем корреляционного анализа с показателями ряда тестов (шкала социальной желательности Д. Марлоу — Д. Кроуна, шкала субъективного благополучия адаптированная М. В. Соколовой, шкала самоуважения М. Розенберга, шкала положительных ответов по SCL-90) и такими показателями, как возраст, образование, политические взгляды, обращение к психологу, материальное благополучие.

Были получены следующие результаты: шкала самоуважения коррелирует со шкалами негативной и позитивной оценки своей гомосексуальности. Такая же корреляция обнаружена отдельно для мужчин. Для женщин данной зависимости не обнаружено. Это может быть связано с недостаточным количеством участников исследования или с тем, что оригинальная методика была создана для диагностики мужчин с гомосексуальной ориентацией.

Дополнительно было проведено моделирование посредством структурных уравнений (SEM). Результаты представлены на рис. 2.

CMIN=6.337; df=5; p=0.275; GFI=0.974; CFI=0.976; RMSEA=0.054; Pclose=0.399

Рис. 2. Взаимосвязь шкал методики диагностики гомонегативности с показателями самооотношения

Как показывает схема на рис. 2, шкала 1 (негативная оценка своей гомосексуальности) оказывает влияние на R (уровень самоуважения) и SPI (субъективное благополучие). Субъективное благополучие влияет

на самоуважение и SBS (индекс проявления симптоматики по SCL-90), который в свою очередь влияет на самоуважение. Суммарное влияние шкалы 1, как прямое, так и косвенное, на субъективное благополучие весьма велико (объясняет 40 % дисперсии оценки субъективного благополучия). Как уже было указано выше, модель признается соответствующей исходным данным по показателям индексов согласия, основные из них приведены под схемой на рис. 2. Индексы свидетельствуют о хорошем соответствии модели исходным данным. Не менее важным условием соответствия моделей исходным данным является статистическая достоверность оцениваемых регрессионных коэффициентов. Все указанные оцениваемые параметры для итоговой модели статистически достоверны ($p < 0,01$).

Новая стандартизация шкал методики диагностики гомонегативности производилась на выборке $N = 92$. Для стандартизации использовался алгоритм нелинейной стандартизации (Наследов, Славинская, Дворецкая, 2015). Результаты стандартизации представлены в окончательном варианте методики (см. Приложение).

ВЫВОДЫ

1. В результате исследования была осуществлена модификация методики диагностики гомонегативности. На основе англоязычной методики диагностики гомонегативности У. Мэйфилда был проведен частотный анализ, который сразу же выделил утверждения, не работающие на русскоязычной выборке. В ходе факторного анализа было выявлено распределение утверждений по трем факторам. Конфиматорный факторный анализ не подтвердил трехшкальную модель методики, в связи с чем была построена двухшкальная модель. При помощи метода Альфа Кронбаха была проверена внутренняя валидность и было установлено, что шкалы 1 и 2 имеют высокую надежность ($\alpha = 0,9$).

2. Разработаны тестовые нормы для методики, позволяющие использовать ее в межличностной диагностике.

3. Была установлена положительная корреляция между шкалами. Чем более негативно гомосексуалы оценивают свою ориентацию, что является следствием внешней гомофобии, тем сильнее они пытаются редуцировать негатив, уменьшая его значимость. Тем самым положительная оценка своей гомосексуальности становится выше. И напротив, чем ниже будет негативная оценка своей гомосексуальной ориентации, тем ниже будет потребность в редуцировании и ниже будет положительная оценка своей гомосексуальности.

4. Была обнаружена прямая (положительная) связь негативной оценки своей гомосексуальности и субъективного благополучия, самоуважения и социальной желательности, что можно объяснить основываясь на концепции Д. Мида: диссоциированная часть (гомосексуальная) оценивается негативно, а личность в целом без этой, «оторванной», части относится к себе с самоуважением и ощущением благополучия, т. е. положительно. В случае возрастания негативной оценки своей гомосексуальности, если следовать концепции К. Хорни, срабатывает механизм психологической защиты, приводящий к смене вектора этой оценки на положительный, как и к повышению степени самоуважения и субъективного благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Наследов А. Д.* IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб., 2013.
2. *Наследов А. Д., Славинская И. С., Дворецкая М. Я.* Разработка методики диагностики нравственных ориентаций // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2015. № 1 (45). С. 3–26.
3. *Табарина Н. В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб., 2001.
4. *Ханин Ю. Л.* Шкала Марлоу — Кроуна для исследования мотивации одобрения. Л., 1976.
5. *Хорни К.* Тревожность // *Хорни К. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2.* М., 1997. С. 174–180.
6. *Хухлина В. В.* Некоммерческий сектор в социальной сфере: опыт и проблемы развития. М., 2000.
7. *Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.
8. *Черныш К.* Гомофобия, самооотношение и квин-идентичность // *Возможен ли «квин» по-русски? ЛГБТК-исследования: междисциплинарный сб. / сост. и ред. В. В. Созаев.* СПб., 2010. С. 134–136.
9. *Gonsiorek J. C.* Gay male identities: Concepts and issues // *Lesbian, gay and bisexual identities over the lifespan: psychological perspectives / eds. A. R. D'Augelli, C. J. Patterson.* New York, 1995. P. 25–37.
10. *Mayfield W.* The Development of an Internalized Homonegativity Inventory for Gay Men // *Journal of Homosexuality*. 2001. Vol. 41 (2). P. 53–76.
11. *Rosenberg M.* Self-Esteem Scale // *Measures of Social Psychological Attitudes / eds. J. P. Robinson, P. R. Shaver.* Ann Arbor, 1972. P. 98–101.

СТАНДАРТИЗИРОВАННАЯ МЕТОДИКА
ДИАГНОСТИКИ ГОМОНЕГАТИВНОСТИ У. МЭЙФИЛДА
(В МОДИФИКАЦИИ А. А. ЯНЫКИНА, А. Д. НАСЛЕДОВА)

Инструкция: Ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы, ставя цифру того ответа, который наилучшим образом отражает Ваше мнение.

1. Категорически не согласен (а).
2. Скорее не согласен (а).
3. Немного не согласен (а).
4. Немного согласен (а).
5. Скорее согласен (а).
6. Полностью согласен (а).

Текст опросника

1. Я благодарен за ту сексуальную ориентацию, которая у меня есть.	1	2	3	4	5	6
2. Я горжусь тем, что я гей.	1	2	3	4	5	6
3. Когда я думаю о своей гомосексуальной ориентации, я расстраиваюсь.	1	2	3	4	5	6
4. Иногда я чувствую, что гомосексуальность — повод для стыда.	1	2	3	4	5	6
5. Я благодарен судьбе за свою ориентацию.	1	2	3	4	5	6
6. Иногда меня расстраивает то, что меня сексуально привлекают мужчины.	1	2	3	4	5	6
7. Когда я думаю о своей гомосексуальности, я чувствую себя подавленным.	1	2	3	4	5	6
8. Я принимаю свою гомосексуальность.	1	2	3	4	5	6
9. Мне стыдно за мою гомосексуальную ориентацию.	1	2	3	4	5	6
10. Я отношусь к своей гомосексуальности как к дару.	1	2	3	4	5	6

Обработка и интерпретация результатов

По каждой шкале подсчитывается «сырой балл» — как сумма оценок по входящим в нее пунктам:

Шкала «Личностная гомонегативность», утверждения: 3, 4, 6, 7, 9.

Эта субшкала включает в себя: а) отрицательные эмоции, которые гомосексуалы испытывают к своей ориентации (например, позор, депрессия и стыд) и б) отрицательные отношения к своей ориентации (например, негодование на свою сексуальную ориентацию, желание контролировать свои чувства к людям того же пола).

Шкала «Принятие своей гомосексуальности», утверждения: 1, 2, 5, 8, 10.

Эта субшкала состоит из 5 пунктов, измеряющих степень, с которой гомосексуалы чувствуют, что их ориентация важная и положительная часть их самих и что быть гомосексуальным нормально.

Для исследовательских целей рекомендуется применять «сырые баллы». Для интерпретации результатов индивидуального тестирования следует применять стандартные оценки по шкале «стен»». Перевод «сырых баллов» в стены производится при помощи Таблиц тестовых норм, приведенных ниже.

Таблица тестовых норм для шкалы «Личностная гомонегативность»

Стены	5	6	7	8	9	10
«Сырой балл»	5	6–10	11–16	17–22	23–24	>25

Таблица тестовых норм для шкалы «Принятие своей гомосексуальности»

Стены	4	5	6	7	8	9	10
«Сырой балл»	5–10	11–14	15–18	19–23	24–26	27	>30

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Антипина Д. С., Горбатов С. В.</i> Стили эмоциональных коммуникаций матерей с детьми, страдающими наркотической зависимостью	3
<i>Артюгина Т. И., Данилова М. В.</i> Сформированность доверия у подростков в связи с личностными особенностями и социальной ситуацией развития	9
<i>Бабурин Б. В., Лебедева Е. И.</i> Особенности формирования идентичности участников программы развития интеллектуально одаренной молодежи.....	16
<i>Бобылева Е. В., Салитова М. В.</i> Эмоциональная сфера и субъективное благополучие пожилых людей.....	24
<i>Богатушина Я. В., Ковалева Ю. Л.</i> Представления о психологической помощи в связи с субъективным запросом и личностными особенностями.....	32
<i>Борисова М. М., Гуриева С. Д., Яничева Т. Г.</i> Социальные представления о доверии в молодежной среде.....	39
<i>Бузунова А. Д., Бурина Е. А.</i> Особенности совладающего поведения и субъективного восприятия семьи у младших подростков с девиантным поведением.....	46
<i>Денюшина А. В., Савеньшиева С. С.</i> Особенности личности дошкольника в связи с характеристиками семьи и личности матери	52
<i>Долгих А. И., Розум С. И.</i> Взаимосвязь автобиографической памяти и самоотношения личности	58
<i>Дробышева С. В., Москвичева Н. Л.</i> Особенности временной перспективы личности у студентов с разной ценностной направленностью	66
<i>Дужак Ю. А., Маничев С. А.</i> Биографические предикаторы лидерства у студентов	73
<i>Захарова С. А., Костромина С. Н.</i> Личностные детерминанты распознавания эмоциональных интонаций старшими подростками.....	81
<i>Казакова А. О., Исурина Г. Л.</i> Взаимосвязь юмора с личностными характеристиками	88
<i>Колобова А. Н., Энгельгардт Е. Е.</i> Личностные характеристики и семейно-ценностные установки у взрослых с разным брачным статусом.....	96
<i>Костина Д. И., Аллахвердов В. М.</i> Влияние осознания ранее не осознанного на последствие негативного выбора.....	102
<i>Кошман К. Н., Цветкова Л. А.</i> Социально-психологические факторы принятия решения о вакцинации.....	109
<i>Курбанмагомедова А. Х., Гришина Н. В.</i> Этническая идентичность в условиях иноэтнической среды: межпоколенный анализ	116
<i>Лебедева Г. Г., Пузиков В. Г.</i> Личностные ресурсы психологического благополучия студентов (на примере медицинского вуза).....	125
<i>Михальченко К. С., Ледовая Я. А., Горбунов И. А.</i> Особенности функционального состояния мозга в процессе понимания метафор разных типов	132
<i>Никишин А. И., Рыкман Л. В.</i> Психологическая готовность к выбору профессии и личностные характеристики старшеклассников с разным уровнем осмысленности жизни.....	142
<i>Никулина Д. Г., Трошихина Е. Г.</i> Взаимосвязь родительских установок и психологического благополучия матери и дочери	148
<i>Писарев А. Е., Зиновьева Е. В., Костромина С. Н.</i> Взаимосвязь свойств личности и начинающих психологов-консультантов с оценкой клиентов и их проблемных ситуаций	155
<i>Подвигина А. Ю., Данилова М. В.</i> Идентичность подростков в связи с личностными характеристиками и особенностями социальной среды развития	162
<i>Пугачева Е. О., Бурина Е. А.</i> Особенности формирования сексуальной идентичности у женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией (волонтеров организации «Выход»).....	170
<i>Рузаева Н. Д., Манукян В. Р.</i> Психологическая автономия личности и особенности жизненного планирования у студентов.....	176
<i>Силина А. Н., Кравченко А. П.</i> Взаимодействие детей с ограниченными возможностями здоровья со сверстниками и воспитателем в дошкольных образовательных учреждениях	183
<i>Смышляева Е. Д., Галимзянова М. В.</i> Ранние дезадаптивные схемы и страхи у взрослых	191
<i>Сотникова А. Е., Василенко В. Е.</i> Соотношение креативности и саморегуляции поведения в старшем дошкольном возрасте.....	199

<i>Твердохлебова А. М., Карпова Э. Б.</i> Особенности возрастного кризиса у подростков, относящих себя к субкультуре «Эмо».....	205
<i>То Тхи Зиеу Тхуи, Лепехин Н. Н.</i> Адаптация и психологическое благополучие вьетнамских студентов, обучающихся в России и США	211
<i>Уставицкова А. В., Водопьянова Н. Е.</i> Характеристики жизненной позиции как детерминанты профессионального выгорания педагогов	219
<i>Фотеева Л. А., Дерманова И. Б.</i> Временная перспектива в связи с удовлетворенностью жизнью и личностными особенностями подростков	226
<i>Яныкин А. А., Наследов А. Д.</i> Взаимосвязь личностной гомонегативности и самоотношения у гомосексуалов.....	232

Научное издание

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ФАКУЛЬТЕТА ПСИХОЛОГИИ СПбГУ

Том 4

Редактор *И. П. Комиссарова*
 Корректор *Е. В. Величкина*
 Компьютерная верстка *А. М. Вейшторг*

Подписано в печать 05.08.2016. Формат 60 × 84^{1/8}.
 Усл. печ. л. 27,9. Тираж 100 экз. (1-й завод — 50 экз.). Заказ № 159.
 Издательство СПбГУ. 199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
 Тел./факс +7(812) 328-44-22
 publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5

Книги Издательства СПбГУ можно приобрести
 в Доме университетской книги
 Менделеевская линия, д. 5
 тел.: +7(812) 329-24-71
 часы работы 10.00–20.00 пн. — сб.,
 а также в интернет-магазине OZON.ru